

КОСТЮМ *и* ТЕКСТИЛЬ

пазырыкцев Алтая
(IV—III вв. до н.э.)

КОСТЮМ *и* ТЕКСТИЛЬ

пазырыкцев Алтая
(IV—III вв. до н. э.)

Людмила Леонидовна *БАРКОВА* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, хранитель коллекций предметов древних кочевников Алтая, в том числе пазырыкской культуры (из раскопок С. И. Руденко и М. П. Грязнова). Участник многих археологических экспедиций, организатор выставок по древним кочевникам Алтая в Эрмитаже и в музеях зарубежных стран. Ею опубликовано более 50 научных и научно-популярных работ, статей и выставочных каталогов.

Наталья Викторовна *ПОЛОСЬМАК* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Автор и соавтор более ста научных статей и десяти монографий. Занимается археологическими исследованиями в Западной и Восточной Сибири, на Алтае и в Туве. Особую известность получили работы, проведенные в южной части Горного Алтая, на плато Укок, где были открыты пазырыкские курганы с «замерзшими» могилами.

Научный редактор *академик В. И. Молодин*

Издательство и авторы благодарят директора Государственного Эрмитажа чл.-к. РАН М. Б. Пиотровского и директора ИАЭТ СО РАН акад. РАН А. П. Деревянко за предоставленную возможность опубликовать материалы из музейных коллекций Государственного Эрмитажа и музея ИАЭТ СО РАН

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 02-06-87069

Исследования проводились в рамках Интеграционных проектов СО РАН (№ 84, 87) и Программы СО РАН «Этнокультурное взаимодействие Евразии»

Н. В. Полосьмак, Л. Л. Баркова

КОСТЮМ И ТЕКСТИЛЬ

пазырыкцев Алтая
(IV—III вв. до н. э.)

Новосибирск «ИНФОЛИО» 2005

Предисловие

Мне кажется, мало найдется наук, которым приходится пользоваться одновременно таким огромным количеством разнородных орудий. Причина в том, что человеческие факты — самые сложные. Ибо человек — наивысшее создание природы.

М. Блок

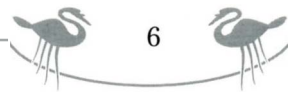
1. Под текстилем подразумеваются изделия, выработанные из волокон и нитей (ткани, нетканые материалы, валяльно-войлочные изделия, крученые изделия — шитки, шнурки, веревки и т.п. [СЭС, 1987, с. 1316].

2. Все известные представительные коллекции археологического текстиля (такие, например, как из Мошовой Балки) относятся к более поздним эпохам. В качестве примера следует отметить, что даже один неполный костюм, относящийся к монгольской эпохе в евразийских степях (датируемый XIII—XIV вв.), становится объектом всестороннего изучения и монографического освещения в силу чрезвычайной редкости подобного рода находок, даже на памятниках не столь отдаленных от нас времен [Ландратова, Голиков, Орфинская и др., 2002].

Прошло почти 40 лет после опубликования С. И. Руденко фундаментального исследования «Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая». За прошедшие годы археологи получили новый оригинальный материал, позволяющий вновь вернуться к этой теме. Исследование многочисленных рядовых курганов Горного Алтая, открытие неразграбленных «замерзших» могил на плато Укок дали уникальный по сохранности и представительности текстиль¹. Были впервые обнаружены целые предметы одежды непосредственно на телах погребенных, найдены украшенные красочными аппликациями войлочные покрытия конских седел. Этот материал существенно дополняет хранящуюся в Государственном Эрмитаже коллекцию и позволяет атрибутировать многие текстили из т.н. «царских» пазырыкских могил. Кроме того, к настоящему времени стал широко известен разнообразный и многочисленный текстиль Синьцзяна (от эпохи ранней бронзы до средневековья), о котором С. И. Руденко не знал и который значительно корректирует сложившиеся представления о пазырыкских тканях и войлоке.

Подлежащая исследованию коллекция текстиля уникальна: в мире имеются всего 3–4 столь же древние и представительные коллекции из Египта, Сирии (Пальмиры) и Синьцзяна, в России же она пока единственная².

До недавнего времени казалось очевидным, что кочевники Центрально-Азиатского региона в древности одевались исключительно в шкуры, меха и войлок, а если иногда и использовали ткани, то завозили их издалека. В работе, посвященной этнографическому изучению алтайцев, В.П. Дьяконова отметила, что «ткани у народов Саяно-Алтая для шитья одежды, головных уборов и прочего издавна были ввозными» [Дьяконова, 2001, с. 84]. Материал из «замерзших» могил Горного Алтая (IV–II вв. до н.э.), полученный за последние годы, заставил усомниться в этом. Благодаря исследованиям С.И. Руденко и М.П. Грязнова в Пазырыке, Башадаре, Тузкте и экспедициям Института археологии и этнографии СО РАН на Укок была составлена крупнейшая в мире коллекция

древнейшего текстиля и изделий из него. Последнее обстоятельство особенно важно, поскольку обычно из столь глубокой древности до нас доходят в лучшем случае чудом сохранившиеся мелкие фрагменты, но практически никогда — целые костюмы или иные предметы. Таким образом, мы изучаем не только текстиль как таковой, но и костюмы населения Алтая скифского времени, экипировку коней и убранство погребальных камер, что существенно расширяет круг поднимаемых в исследовании задач.

Ткани из «замерзших» могил являются уникальным источником разнообразной научной информации. Они сохранились в пазырыкских могилах Горного Алтая благодаря древнему льду, в котором пребывали около 2,5 тыс. лет. При определении степени деградации тканей из «замерзших» могил выяснилось, что низкие температуры и лед оказались той благоприятной средой, которая способствовала их практически идеальной консервации: инфракрасные спектры этих тканей при сопоставлении со спектрами современных шерстяных и шелковых тканей не показали существенных различий. Лед механически нарушил структуру тканей одежды («рвал» или «резал» ее), но одновременно способствовал сохранению молекулярной структуры волокон. Оттаявшая древнейшая ткань выглядит «живой», чему немало способствовали и современные методы реставрации и консервации текстиля, разработанные в научном центре Abegg-Stiftung, Riggisberg (Швейцария) и использованные при работе с материалами укокских памятников³. Отреставрированный текстиль не только не утерял своих качеств, но и остался доступен для всестороннего изучения, в том числе и физико-химическими методами. Основную часть пазырыкской коллекции составляют шерстяные ткани и войлоки — наиболее редкие экземпляры не только археологических⁴, что, в общем-то, понятно, но и этнографических коллекций, поскольку они подвержены уничтожению вредителями и исчезают очень быстро [Фармаковский, 1951, с. 172]. Окрашенные ткани и изделия из войлока и меха хотя в ряде случаев и поблекли от времени, но в основном сохранили насыщенные яркие цвета, изначально присущие им. Древний текстиль, сохранивший цвет, — большая редкость, в мире мало таких коллекций. Эти обстоятельства позволяют говорить об уникальности пазырыкского материала.

Феноменальность «замерзших» могил состоит, помимо прочего, в том, что древний лед сохранил разнообразные шерстяные ткани, шелка и хлопок, чье происхождение связано с древнейшими цивилизациями Китая, Индии, Ирана. И если древние шелка китайского производства достаточно часто находят при археологических раскопках (и не только на территории Китая), то шелка, шерсть и хлопок, изготовленные в Индии и Иране в IV–II вв. до н.э., бесследно исчезли бы, если бы некоторые из них не попали в «замерзшие» могилы Алтая. Древний лед сохранил многие культурные достижения той эпохи — так же, как занесенные песками могилы Синьцзяна.

Первые результаты исследования тканей из «замерзших» могил пазырыкской культуры были получены благодаря сотрудничеству с крупнейшими реставрационными и научно-исследовательскими центрами по изучению текстиля в Японии (Nara National Cultural Properties Research

Institute), Швейцарии (Riggisberg, Abegg-Stiftung), Копенгагена (Pusan, Dept. Of Clothing and Textile National University), Франции (Lyon, Centre internationale pour L'Etude de Textiles anciennes). Археологический текстиль — довольно популярная тема научных исследований во всем мире, имеющая обширную библиографию.

Непосредственно о пазырыкском текстиле (имеется в виду текстиль, найденный в «замерзших» могилах Горного Алтая) написано не так уж и много. Кроме уже указанной работы С. И. Руденко, следует отметить статьи Л. Л. Барковой (1998) о войлочном ковре из пятого Пазырыкского кургана, Л. Л. Барковой и Л. С. Гавриленко о ворсовом ковре из пятого Пазырыкского кургана (1999), Л. Л. Барковой о плетеных накосниках, Т. Н. Глушковой о технологических особенностях тканей Укока (1992), Садако Като о пазырыкском костюме (2002) и Н. В. Полосьмак о войлоке и костюме (2001). Материалы из пазырыкских могил Укока хорошо известны и уже вошли в научный оборот.

Текстиль по своей природе — объект междисциплинарного исследования. Для определения химического состава, структуры и свойств тканей из «замерзших» могил, а также для более обоснованной и полной идентификации компонентов тканей, источников сырья, способов изготовления и крашения тканей, определения красящих веществ и т.д. был использован комплекс физико-химических методов, разработанный в Институте катализа им. Г. К. Борескова и Новосибирском институте органической химии СО РАН им. Н. Н. Ворожцова. Решение этих задач стало возможным в результате сотрудничества представителей гуманитарных и естественных наук, использования современного исследовательского оборудования, финансовой поддержки (гранты РФФИ, РГНФ, президиума СО РАН) и большой подготовительной работы, заключавшейся в сборе коллекции естественных органических красящих веществ, которые могли использоваться в изучаемый период для окрашивания тканей. Были разработаны способы и методики пробоподготовки и анализа тканей, обеспечивающие выявление состава и структуры их различных частей и характерных деталей и в то же время — максимальную сохранность

3. Одежда из курганов Укока в 1994 году была отреставрирована в научном центре Abegg-Stiftung. Мы бесконечно признательны его сотрудникам, особенно Регуле Шорта, за высокопрофессионально выполненную реставрацию, а также за обучение сотрудницы Института археологии и этнографии СО РАН Е. В. Шумаковой, которая успешно продолжила эту работу.

4. В представительной коллекции текстиля раннесредневековой Алании шерстяные ткани составляют только 6%, что, по мнению автора посвященного им исследования, не является отражением степени использования шерстяных тканей в раннем средневековье жителями Кавказа. Скорее всего, именно шерсть, считает О.В. Орфинская, являлась основным источником сырья для изготовления теплой одежды. Но шерсть хуже сохраняется в природных условиях [Орфинская, 2000].

и возможность относительно быстрого получения результатов с необходимой точностью и чувствительностью.

Определение элементного состава тканей проведено методами качественного и количественного химического элементного анализа, а также атомно-эмиссионной спектроскопии и рентгеновской флуоресцентной спектроскопии. Впервые для идентификации и количественного определения фазового (минерального) состава неорганических веществ, содержащихся в древних тканях был использован новый химический метод дифференцирующего растворения (ДР). Этот метод является безэталонным и отличается высокой чувствительностью, что позволяет непосредственно определять фазовый (минеральный) состав неизвестных веществ. Химический метод ДР — это высокопроизводительный

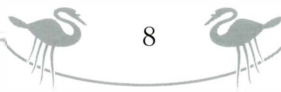
инструментальный метод, а соответствующий прибор — стехиограф — полностью компьютеризированная экспериментальная установка, в которой в качестве детектора-анализатора используется АЭС ИСП. Применялась техника полумикро- и микроанализа. Эта часть исследования текстиля была выполнена под руководством д-ра хим. н. В.В. Малахова (ИК СО РАН). Определение красящих веществ проводилось на высокоэффективном жидкостном хроматографе со спектрофотометрическим и масс-спектрометрическим детекторами Agilent 1100 series LC/MSD. Диодноматричный детектор хроматографа позволил провести детектирование и запись спектров поглощения во всем интересующем нас диапазоне частот (240–700 нм), а масс-селективный детектор использовался для идентификации пиков анализируемых красителей по их молекулярной массе.

Был также разработан простой и недорогой экспресс-метод качественного анализа красных природных красителей (ализарина, пурпурина, карминовой и кермесовой кислот) на спектрофотометре НР 8453, на котором проводилась регистрация спектров поглощения у растворов в УФ- и видимой областях. Практически анализ красителей проводился двумя разными методами. При этом хроматографические данные подтвердили данные спектрофотометрического анализа и дополнили его количественной информацией (см. прил. 2). Эта часть работы была выполнена Г.Г. Балакиной, В.И. Маматюком и В.Г. Васильевым (НИОХ СО РАН).

Для повышения уровня достоверности результатов исследования и сравнения текстиля из рядовых и элитных погребений число объектов исследования было расширено за счет материалов пазырыкской культуры из «царских» курганов, хранящихся в Эрмитаже и ГИМе. Этой цели способствовали детальный анализ и согласование результатов, полученных с помощью различных методов исследования (наряду с исследованиями в НИОХ СО РАН, изучение красителей пазырыкского текстиля из коллекции Эрмитажа было проведено Л.С. Гавриленко).

Рис. 1. «Замерзшая» могила. Ак-Алаха-3, курган 1

Основной вопрос, который предстояло решить в ходе междисциплинарного изучения текстиля, — его происхождение. Как показывает опыт многих исследователей древних тканей, вопрос о происхождении тех или иных текстильных фрагментов (а речь, как правило, идет всегда о фрагментах изделий) не решается изучением их технологических особенностей. В технологии изготовления древних тканей существует много общих моментов, которые не позволяют решать вопрос их происхождения однозначно. Из последних работ, в которых всесторонне освещена эта проблема, можно указать исследования Н. И. Шишлиной, О. В. Орфинской и В. П. Голикова текстиля эпохи бронзы Северного Кавказа. Авторы склонны считать, что технология крашения является «ключевой характеристикой изучаемых тканей». Их вывод об импортном происхождении текстиля из погребений майкопской культуры Северного Кавказа следует из технологии его крашения красителями класса танидов, известной в IV тыс. до н. э. только в восточносредиземноморском ареале [Шишлина, Орфинская, Голиков, 2002, с. 259].

Технологические характеристики пазырыкского текстиля включают его в огромный регион бытования (от Средиземноморья до Синыцзяна) тех же традиций. Поэтому только выявление и изучение красителей, используемых для окрашивания древних текстильных изделий, обнаруженных в том или ином регионе, может пролить свет на проблему их происхождения, указать места, где эти текстили были изготовлены. Красители, особенно органического происхождения, имеют довольно ограниченную среду обитания. Их импорт ограничен трудностью использования (поскольку природное красильное сырье — это только полуфабрикат, который еще необходимо довести до состояния красильного раствора), а иногда и невозможностью хранения (пурпур, например). Поэтому определение вида красящих веществ на древнем текстиле приобретает первостепенное значение для решения вопроса о месте его крашения и производства.

В пазырыкских материалах не меньшее значение для решения поставленной задачи имеет и сохранившийся костюм. Он позволяет с этнографическими подробностями воссоздать облик людей, живших в горных долинах Алтая в IV—III вв. до н. э., определить их место среди современников, проследить их дальнейшую судьбу.

В результате комплексных исследований текстиля была получена важная информация о культурно-исторических связях древнего населения Алтая и Центрально-Азиатского региона в целом, о возможных путях миграции людей, вещей и технологий. До последнего времени мы не представляли, какую роль играл текстиль в этой культуре, в том числе и духовной⁵. Надо признать, что новые данные вызвали у нас ряд новых вопросов, для решения которых необходимы новые экспедиции, находки и исследования.

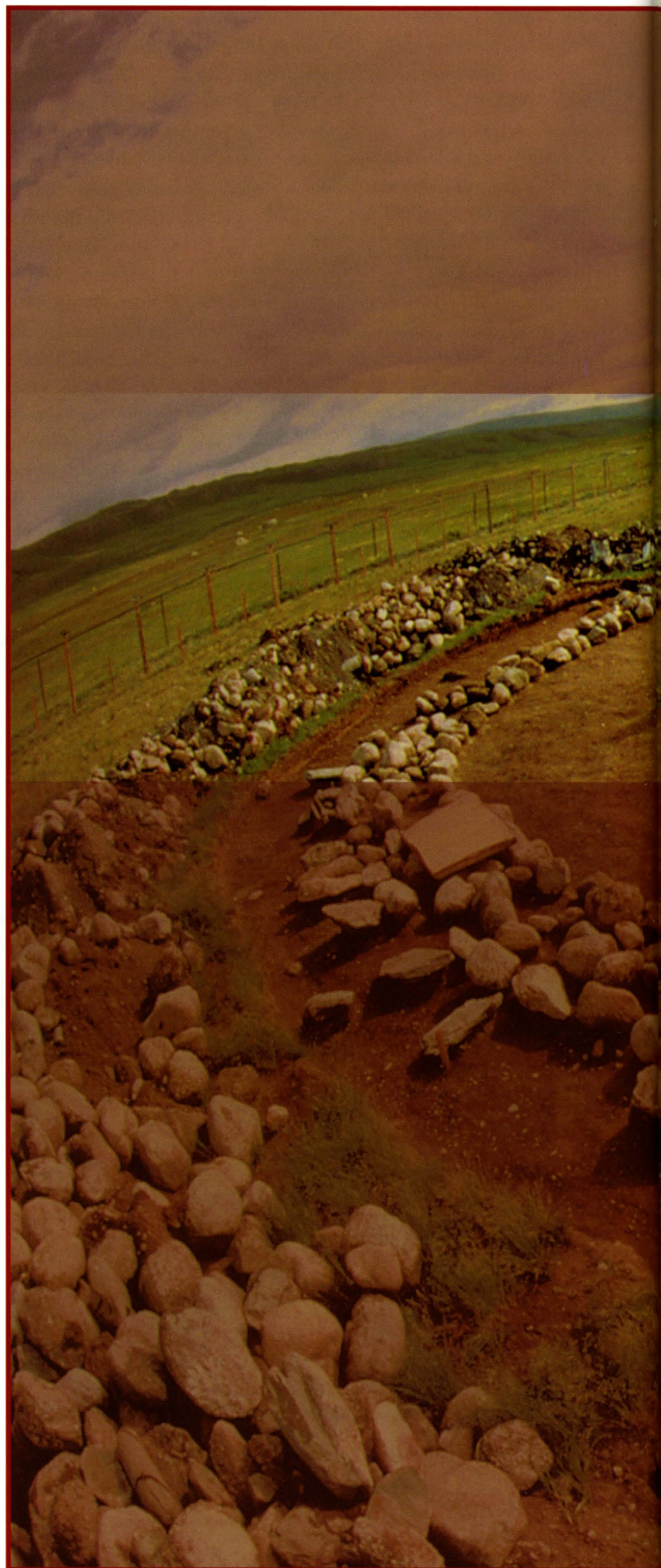

Рис. 2. Пазырыкские курганы Укока: Кутургуитас, Ак-Алаха-3, курган 1

5. Из письменных источников и археологических находок известно, что целая сфера духовной культуры древних обществ была неразрывно связана с процессами прядения и ткачества. Во многих архаических культурах мир представлялся сотканным богами, а человеческая жизнь — закрепленной в заранее предопределенном узоре (судьбе). Во многих культурах существовали мифы о богинях, которые изобрели ткачество (египетская Нейт), прославились своим умением ткать (Афина), ткали одеяние космических размеров (подобно Прозерпине) и т. п. [Мифы народов мира, 1994, т. 2, с. 471–474; Элиаде, 1999, с. 176–177].

глава 1.

Некоторые исторические и этнографические аспекты изучения древнего текстиля

В главе опубликованы хранящиеся в Алтайском государственном краеведческом музее фотографии известного ученого и путешественника В.В. Сапожникова, работавшего в Горном Алтае в 1895–1911 гг. Мы глубоко благодарны директору музея Падалкиной Ольге Викторовне за предоставленные материалы.

1. В частности, у коми-пермяков праздничную и обрядовую одежду запрещалось стирать [Шаратов, 2000, с. 104].

Особенности ношения одежды в традиционных скотоводческих обществах Центральной Азии засвидетельствованы путешественниками, в разное время исследовавшими этот регион, — Рубруком, Плано Карпини, Марко Поло, В. В. Радловым, Н. М. Пржевальским, П. К. Козловым, Г. Н. Потаниным, Г. Е. Грумм-Гржимайло, П. А. Чихачевым и многими другими. Этих особенностей несколько. Так, например, В. В. Радлов писал о поразивших своей бедностью современных ему жителей Горного Алтая: «Мужчины и женщины обычно снимают нижнее платье лишь тогда, когда уже нечего носить, и поэтому оно настолько засалено, что трудно распознать его первоначальный цвет, оно буквально сгнивает на теле» [Радлов, 1989, с. 136]. О жителях высокогорных районов Тибета Н. М. Пржевальский заметил: «Всю свою одежду тангуты носят на себе и в ней же засыпают» [Пржевальский, 1948, с. 104]. Гильом де Рубрук и Джованни дель Плано Карпини (XIII в.), побывавшие среди монголов, отмечают, что «платьев они никогда не моют, так как говорят, что Бог тогда гневается и что будет гром, если их повесить сушить» [Рубрук, 1997, с. 99], «платья свои они также не моют и не дают мыть, а особенно в то время, когда начинается гром...» [Карпини, там же, с. 42]. «У алтайца настоящая водобоязнь, — вынужден был констатировать В. В. Радлов, — под платьем его кожа покрыта сплошной коркой грязи... Так как бедняки круглый год носят шубы на голом теле, они полны насекомых, от которых страшно страдают» [Радлов, 1989, с. 169, 171]. Н. М. Пржевальский неоднократно замечал, что цайдамские монголы «тела никогда не моют» [Пржевальский, 1883, с. 147], а грязно-светло-коричневый цвет кожи хара-тангутов объяснял этой же причиной [Пржевальский, 1948, с. 103]. О якутах В. Л. Серошевский писал, что рубахи они никогда не мочат, считая, что это уменьшает крепость ткани [Серошевский, 1993, с. 323]. Подобных примеров, взятых из различных этнографических исследований прошлых веков, можно привести еще очень много¹. Это дает основания предполагать, что у пазырыкцев, обитавших в этой же суровой природной среде, в сходных климатических условиях (т. е. занимавших ранее ту же экологическую нишу, что и алтайцы), с обычным для скотовода образом жизни, вполне могло

2. Солнечный свет и атмосферные явления довольно быстро изменяют физико-химическую природу шерстяных волокон — шерстяная ткань теряет свой первоначальный вид и многие важные, присущие ей свойства, она становится более жесткой и ломкой, легче изменяется под действием воды. С целью изучения действия света и атмосферы на суровые и окрашенные суконные ткани испытания, длившиеся целый год (1650 час. инсоляции), показали весьма глубокие изменения, сводящиеся к следующему: ворс у суровых тканей за это время воздействия света терялся целиком, и в результате открывалось переплетение ткани, ткань на ощупь становилась жестче, вместе с большим блеском она приобретала ломкость и резко теряла свои динамометрические свойства. В то же время под действием тех же явлений окрашенные сукна оказывались более стойкими. Выяснилось, что сохраняемость основных механических свойств шерстяных тканей «прямо пропорциональна интенсивности окраски» [Архангельский, 1938, с. 326].

3. Вот как объяснил смысл «загрязнения» один из лам: «Когда человек обнажен, то его аура — это его аура, и больше ничья. Если же одеть его в платье из ячьей шерсти, то на ауру человека будут влиять ауры яка и тех, кто эту шерсть состригал, чесал, кардовал, и того, кто ткал эту ткань. И если ты собираешься довольствоваться аурой, которая видна сквозь одежду человека, то ты вполне сможешь рассказать и об интимных подробностях жизни яка и его семьи, однако это не то, что нужно тебе» [Лобсанг Рампа, 1994, с. 207].

быть то же отношение к одежде, как и в недавнем прошлом у монгольских и тюркских народов Центральной Азии: одежда не стиралась (что действительно уменьшало бы ее прочность, но это не значит, что она не мочилась вовсе — от дождя и снега никуда не денешься) и носилась до тех пор, пока не приходила в полную негодность. Надо признать, что, несмотря на заношенность, заплаты и штопку, тканая одежда пазырыкцев, скорее всего, не являлась повседневной, как может показаться на первый взгляд [Полосьмак, 2001, с. 108–185]. При их образе жизни и среде обитания одежда из качественной ткани при ежедневной носке могла служить не более сезона, быстро превращаясь в лохмотья². Поэтому кожи и в меньшей степени войлок, как справедливо заметил С.И. Руденко, оставались основными материалами для повседневной одежды, тогда как ткань, вероятно, предназначалась главным образом для парадного (праздничного) и погребального вариантов костюма. Великолепный красный цвет пазырыкских шерстяных тканей, достигавшийся окраской с помощью дорогих и редких иноземных красителей, — одно из убедительных свидетельств в пользу этой точки зрения. Костюмы, найденные в могилах пазырыкцев, не создавались одновременно — предметы имеют разную степень изношенности. В одном комплекте одежды можно встретить старые поношенные вещи (чаще всего — штаны, но попадаются и рубахи, иншубы), которые могли чрезвычайно цениться и служить не одному человеку, а также какие-то мелкие детали типа войлочной сумочки для зеркала, сшитые специально для умершего. Похожую картину мы наблюдаем повсеместно

в традиционных культурах. Так, например, в русском праздничном костюме, принадлежащем одной хозяйке, могли органично сочетаться предметы, перешедшие по наследству и приготовленные собственноручно, поскольку праздничные сарафаны и рубахи высоко ценились, их тщательно берегли, передавая из поколения в поколение, и надевали лишь по самым большим праздникам несколько раз в год [Ефимова, 1989, с. 12, 25]. У народов Дагестана «со вкусом сшитое, хорошо отделанное платье из дорогой ткани для основной части женщин представляло большую редкость. Переходя от матери к дочери, или чаще — к жене сына, оно носилось 3–4 поколения. Более того, платье такого покрова могла иметь далеко не каждая женщина» [Булатова, Гаджиева и др., 2001, с. 21]. Из примеров, взятых из жизни традиционных обществ, становится понятным, что не всякую одежду можно было многократно (в зависимости от потребности в ней) дублировать. Были вещи, сшить которые мог далеко не каждый как из-за отсутствия необходимого материала, так и из-за недостаточного мастерства. Не забудем и то, что старыми, переходящими по наследству изделиями часто попросту дорожили.

Там, где ткани являлись обычным и почти единственным материалом для изготовления одежды, был привычен и уход за ними, т. е. их стирали, применяя специальные моющие средства. Например, по свидетельству Геродота, египтяне особенно заботились о чистоте своих льняных одежд, которые носили всегда свежими и выстиранными [Геродот, кн. II, 37]. Там же, где ткани использовались реже и условия для жизни были не так благоприятны, как в теплых странах, их не стирали. По данным химического анализа и рентгенографии, часть образцов тканей из пазырыкских могил содержит до 10–25% (от массы ткани) неорганических веществ — кварцевый песок, алюмосиликаты и силикаты, т. е. пыль и грязь. Не всегда грязь на одежде связана с ее пребыванием в могиле. Так, при герметичном, ненарушенном захоронении в лиственничной колоде в погребальной камере, заполненной льдом, который никогда не оттаивал, как это было в погребении женщины в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3 (рис. 1.1), такое загрязнение одежды (землей, грунтом) практически исключено, и все «загрязняющие» одежду вещества — следы прижизненной носки и посмертных манипуляций с телом (у пазырыкцев, как известно, было принято своеобразное бальзамирование тел умерших с применением ртути) [Полосьмак, 2001, с. 238–255], [Полосьмак, Кундо, Малахов, Власов, 1998, с. 391]. В древности «грязь» имела не только и не столько отрицательные характеристики, как мы привыкли думать, а в гораздо большей степени положительные. В мифах народов Сибири, американских индейцев и некоторых других народов добытые со дна первозданного океана грязь и ил становятся первоэлементами в создании Вселенной, да и сам человек нередко создан из земли, глины, праха (о космогонических мифах см., например: [Топоров, 1982, с. 8]).

В традиционной культуре одежда опосредовала связи человека с природой и обществом, служила своего рода границей между телом и миром [Львова, Октябрьская, Сагалаев, Усманова, 1988, с. 175]. В тибетских монастырях можно услышать любопытное объяснение суждению, почему

одежда является защитной (в духовном смысле) оболочкой человека: прежде, когда люди не носили одежду, один человек всегда видел ауру другого, и это спасало людей от многих ошибок. Ношение одежды положило этому конец, поскольку одежда «загрязняет»³ ауру человека и ее невозможно увидеть, — так, лекарь, чтобы разглядеть признаки болезни, должен смотреть на обнаженное тело [Лобсанг Рампа, 1994, с. 205–207]. Таким образом, в представлениях тибетцев одежда делает человека не столь уязвимым духовно, закрывая его ауру.

За время продолжительной носки одежда приобретала, с одной стороны, часть характеристик кожи носящего ее человека, с другой — окружающей среды. На костюмах пазырыкцев, защищавших их от внешних природных воздействий, нашли отражение их занятия и привычки, смена сезонов и погоды (дожди и пыль, снег и ветер, палящее солнце), окружающий ландшафт (колючие ветки и острые камни), обычаи, принятые в обществе, и т.п.

Рис. 1.1. Вид на потревоженную колоду. Курган 1, могильник Ак-Алаха-3

Вот, например, зарисовка В. В. Радлова (конец XIX в.) из жизни алтайцев: «При распределении мяса нужно следить, чтобы гость успел подставить хозяину полу кафтана или шубы и поймать в нее мясо, потом на все время пира она будет служить ему тарелкой. После еды гости вытирают жирные руки о шубу и обувь...» [Радлов, 1989, с. 167]. Жир мог появиться на одежде не только из-за указанных выше и им подобных причин. Так, в Греции классического периода отделка одежды при помощи жира была привычной. В древних Афинах человек считался ухоженным лишь тогда, когда он блестел от жира [Sammet, 1990, p. 21]. В скотоводческих культурах войлок нередко пропитывали салом или овечьим молоком⁴, чтобы сделать его водонепроницаемым, а также известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы он ярче сверкал [Рубрук, 1997, с. 92].

Не только внешний вид одежды (ее состав, фасон, вид ткани, цвет и т. п.) может дать информацию о ее владельце (его занятиях, среде обитания, образе жизни, исторической эпохе) (рис. 1.2, 1.3), но и анализ тканей с помощью современных физико-химических методов способен определить в тканых вещах невидимые невооруженным глазом вещества — прямые следы носившего ее человека. Например, Туринская Плащаница (I в. н. э., полотнище из льняной ткани), как известно, имеет отпечаток двух проекций тела человека [Мень, 1992, с. 285–293]. Природа запечатленного на ткани нерукотворного образа мужчины является предметом изучения все более усложняющимися методами естественных и точных наук уже более века. Недавно появилась новая гипотеза,

установившая механизм образования отпечатков тела на ткани и объяснившая его естественными причинами, подчиняющимися известным законам природы. Суть ее сводится к следующему: в состав выделений человеческого организма при различных физических и эмоциональных нагрузках, кроме хлоридов, липидов, мочевины, входит значительное (до 25%) количество кислот: высшие и низшие жирные (линолевая, пальмитиновая, масляная, муравьиная и т. д.), аскорбиновая, молочная и эфиросерные кислоты, а также ароматические оксикислоты. При локальном воздействии кислот на ткань из растительного волокна (в частности, льна, содержащего 30–40% лигнина, который под воздействием кислот и нагревания превращается в сложное по составу и структуре вещество) на ней возникает скрытое изображение, повторяющее топографию зоны их соприкосновения. Не видимое глазом, оно проявляется только под воздействием довольно высокой температуры — 150–200 °C, сохраняется во времени, стойко к различным моющим средствам [Фесенко, Тилькунов, Беляков, Москвина, 2003, с. 82–84]. Таким образом, одежда в силу ряда вполне реальных обстоятельств иногда может хранить отпечаток тела человека, носившего ее и похороненного в ней. Она рассказывает о его занятиях и привычках, среде обитания и социальном статусе, болезнях и травмах. Одежда может быть отравленной и смертельно опасной. По одному из мифов, Геракл гибнет,

*Рис. 1.2. Алтайцы в тайге.
Алтайский государственный
краеведческий музей*

надев тунику, пропитанную отравленной кровью кентавра Несса, — он восходит на костер, поскольку тунику, ввевшуюся в его тело и причиняющую невероятные страдания, он может уничтожить только вместе с собой. С другой стороны, ткани, окрашенные кровью принесенных в жертву людей, считались целительными. На Бали в них заворачивали больных с целью исцеления [Иванова, 2004, с. 113]. Кроме того, одежда может быть переносчиком страшных инфекций (территории Индии и Китая, откуда поступали диковинные вещи в горы Алтая, были эндемическими очагами таких болезней, как проказа, оспа, сифилис) [Дранкин, 1975, с. 5; Юценко, 1995, с. 394], а может обладать лечебными свойствами. Из этнографических источников известно, что в процессе окрашивания натуральными природными красителями тканей, из которых шилась одежда, они приобретали не только нужный цвет, большую прочность, но и качества оберега. Положительные и даже лечебные свойства красителей передавались ткани и сшитой из нее одежде. Так, марена, применявшаяся для окрашивания шерстяных тканей пазырыкцами, с глубокой древности была популярным лекарственным средством⁵.

Одежда, как ничто иное в культуре, связана с человеком, носившим ее. Она — его неотъемлемая часть, его «вторая кожа». На тканях можно найти не только выделения человеческого организма и следы грязи, но и искусственно нанесенные на кожу человека вещества. Например, следы ртути, обнаруженные на ряде фрагментов одежды из погребений Укока, подтверждают гипотезу, основанную на результатах анализа кожи мумий, о применении пазырыкцами ртути для бальзамирования умерших. В других случаях речь может идти о ее применении для лечения каких-либо заболеваний. В частности, известно, что в конце XIX в. лобнорцы лечили ртутью язвы на теле [Пржевальский, 1948, с. 189], а казахи Южной Сибири использовали ртуть в народном лечении сифилиса [Палкин, 1967, с. 312]. На некоторых древних мумиях Синьцзяна и их одежде были обнаружены следы т.н.

4. В средневековой одежде русских ермудук-епанча (войлочный плащ-дождевик) тоже иногда пропитывался жиром для водонепроницаемости, у него было собственное название — «ермудук олифленный» [Рабинович, 1986, с. 72–73]. При реставрации фрагментов суконой одежды XVII в., обнаруженной на стоянке русских мореплавателей в заливе Симса, в помещении, по свидетельству исследователей, распространился едкий запах рыбьего жира. Предположительно этот факт связан с тем, что одежда надевалась на голое тело, смазанное рыбьим жиром, как это распространено среди северных народов, — для предохранения от зимних холодов. В результате рыбий жир впитался в сукно [Якунина, 1951, с. 181].

Рис. 1.3. Группа казахов. Алтай. Озеро Маркаколь (местное название Марка-Куль). Алтайский государственный краеведческий музей

5. Фармацевтические препараты, изготовленные из антрахинового сырья (корней красильной марены, ревеня, алоэ, лишайников и ряда других растений, а также красящих веществ животного происхождения — кермеса, лак-дея, кармина), обладают противогрибковой, противовоспалительной, бактерицидной активностью и применяются как средства для лечения кожных заболеваний [Ветчинкин, 1966, с. 60, 64]. Одежда, сшитая из окрашенных этими красителями тканей, какое-то время могла обладать лечебными свойствами и всегда оказывала благоприятное воздействие на кожу человека. В средневековых источниках сохранились свидетельства об использовании в медицине арапатской кошенили: «лекарствами, замешанными на жире вордана (кошенили), лечили раны от мечей и копий» (цит. по: [Галфаян, 1983, с. 77]). Следует отметить, что обеззараживающими и чистящими свойствами обладала и традиционная для северных народов одежда из оленьего меха: каждая ворсинка вбирала в себя из пор все потовые отложения и под их тяжестью обламывалась, освобождая тело от нечистот, заменяя баню [Сусой, 1994, с. 124, 126].

6. Более подробно о вивинаните и его использовании пазырыками можно узнать из работ Полосымак, Кундо, Малахова и др. [1997, с. 270–276; 1998, с. 386–392].

7. Мне уже приходилось писать о том, чем определялся комплект пазырыцкого погребального костюма [Полосымак, 2001, с. 134–140]. Не всегда существовала прямая зависимость между сезоном погребения и костюмом (зимним или летним). Скорее, набор погребальной одежды определялся представлениями о загробном мире. Судя по тем вещам, которые находят в погребениях, пазырыкцы относились к многочисленным народам, хоронившим своих умерших в их обычном платье, отправляя в «иной» мир во всей имеющейся одежде. Наши современные представления о том, что в древности существовала специальная погребальная одежда, не подтверждаются археологическими находками. Кроме пазырыцкого материала и одежды из могильников Синьцзяна, об этом свидетельствует, например, материал тагтыкской культуры Минусинской котловины: Э. Б. Вадецкая упоминает о заплате на рукаве шубы из могильника Оглахты [Вадецкая, 1999, с. 38].

8. Подробнее о них см.: [Fabulous Creatures from the Desert Sands. Riggisberg: Abegg-Stiftung, 2001].

9. Нередко так же поступали и с особо ценной меховой отделкой. Например, у кетов из шкурок, взятых с лас росомах, выдры, соболя, колонка, шивали меховые полосы для украшения верхней одежды. Полосы с изношенной одежды спарывали и хранили, пока не приходило время использовать их на новой одежде [Хомич, 1970, с. 124].

животного протеина (animal protein), который, по мнению исследователей, мог каким-то образом способствовать лучшей сохранности тел [Wang, 1996, p. 62].

На одежде из погребений нередко находят окислы металлов, пятна красок и другие следы находившихся рядом, но не сохранившихся вещей и веществ. Так, в погребении женщины из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 был найден вивинанит — синий порошок, натуральный минеральный краситель, использовавшийся, судя по его местонахождению (в погребении), для косметических и ритуальных целей⁶. На ткани шерстяных мужских штанов из погребения в кургане 3 могильника Верх-Кальджин-2 в результате проведенного группой исследователей под руководством В. В. Малахова (ИК СО РАН) анализа определены следы минерала пирофиллита — аналога талька. Неслучайность присутствия этого вещества на пазырыкских тканях в определенной мере подтверждают и данные Чжоу Цюй-Фэй — южносунского автора начала XII в., согласно которому у южных варваров, проживавших на окраине империи, тальк использовался для придания прочности тканям: для этого ткань засыпалась тальком и «возилась в нем взад-вперед» [Чжоу Цюй-Фэй, 2001, с. 208]. Другое, более распространенное применение тальк находил в лечении бытовых и военных ран [Зуев, 1947, с. 49], поскольку действительно обладает лечебными свойствами: хороший адсорбент, являющийся неблагоприятной средой для развития микроорганизмов.

Поскольку одежда не менялась до тех пор, пока не приходила в полную негодность, она буквально «срасталась» с телом человека, становясь его «второй кожей». «Одежда — часть тела, — писал П. Флоренский. — Между одеждой и телом есть отношения более тесные, нежели только соприкосновение: пронизанная более тонкими слоями телесной организации, одежда отчасти врастает в организм» [Флоренский, 1996, с. 145].

Вся одежда, обнаруженная в пазырыкских погребениях, вне зависимости от статуса умерших была поношенной, с заплатами и штопкой. На этот факт обратил внимание еще С. И. Руденко, когда описывал меховую одежду из «царских» курганов. Это может быть истолковано как свидетельство того, что пазырыкцы не имели специальной (новой) погребальной одежды, а уходили в «иной» мир если и не в повседневном, то в часто носимом парадном одеянии⁷. Такая же поношенная одежда была обнаружена в погребениях жителей синьцзянских оазисов (второй половины I в. до н. э. — нач. I в. н. э.): исследователи отмечают следы многочисленных и разнообразных починков на ней. Гобеленовыми полосами с орнаментом (оригинальными текстильными изделиями из могильника Шампула⁸) так дорожи-

Рис. 1.4. Алтайцы в селе Абай. Алтайский государственный краеведческий музей

Рис. 1.5. Алтайский ткацкий станок в Чуйских белках (1897 г.).

На снимке изображен процесс ткачества у алтайских казахов на примитивном узкодорожном ткацком станке. Алтайский государственный краеведческий музей

ли, что, вероятно, их использовали не в одном изделии и они служили не одной женщине. Их отпарывали с изношенной вещи для того, чтобы после починки пришить на новое изделие (как правило, юбку). Сразу вспоминается фрагмент юбки из второго Пазырыкского кургана, про который еще С. И. Руденко заметил, что нарушители могилы отрывали от сшитого полотнища именно полосы многоцветной гобеленовой ткани — наверное, для того, чтобы использовать в новом наряде [Руденко, 1953, с. 246]⁹.

В связи с этим возникает вопрос: как долго мог служить тот или иной вид одежды? Это зависит, разумеется, от многих обстоятельств. В первую очередь, от прочности материала, из которого она была изготовлена (ткань, кожа, мех, войлок). Затем от образа жизни носившего ее человека (род его занятий играл в этом большую роль), от ее предназначения (повседневная, парадная, промысловая и т. п.), от обращения с одеждой в конкретном обществе (например, спали ли в той же одежде, что носилась днем, стирали ли ее и т. п.), от природных (степь, лес или горы окружали человека) и от климатических (мороз, снег, жгучее солнце и ветер) условий. Все это накладывало неизгладимый отпечаток на одежду и определяло длительность ее ношения.

В отсутствие письменных источников, касающихся непосредственно пазырыкцев, мы, с известной долей условности, можем воспользоваться для нашей темы обширными данными этнографии по скотоводческим народам Центральной и Средней Азии и Южной Сибири, а также свидетельствами древних и средневековых

авторов, описывавших народы с близким пазырыкскому образом жизни в сходных с Горным Алтаем природно-климатических условиях (рис. 1.4–1.6). Например, известно, что сохранявшиеся до недавнего времени у киргизов халаты из валяного из овечьей шерсти сукна служили в качестве повседневной рабочей одежды 5–6 лет. Это была универсальная одежда, отличающаяся тем, что она не промокала, защищала от холода, ветра и солнца [Сменко, 1979, с. 216]. Так называемый кебэнэк — вид войлочного дождевика каракалпаков, кипчаков, тюрок и курама, — изготовленный 50 лет назад, все еще использовался пастухами в 90-е годы XX в. [Рассудова, 1989, с. 148]. О кожаной одежде (штанах и рубахе) одного старика дидойца (народность Дагестана) говорилось, что он носит ее, по бедности, уже 12 лет [Булатова, Гаджиева, Сергеева, 2001, с. 66].

О длительности ношения меховой одежды сохранилось интересное свидетельство Н. И. Спиридонова, которое приводит в своей книге Л. Н. Жукова: «Костюм служит своему хозяину довольно долго. Так, одул Хотинги имел в продолжение своей 72-летней жизни всего лишь два костюма, последний из них носит и по сие время. Я не ошибусь,

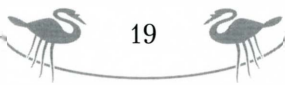

Рис. 1.6. Свивание аркана из конского волоса алтайцами в Чуйских белках (1897 г.). Алтайский государственный краеведческий музей

если скажу, что он умрет в этом, последнем, не пережив его» [Жукова, 1996, с. 92]. А ведь пазырыкцы не доживали до столь почтенного возраста. Как мы знаем, лишь единицам было в момент смерти за 60 лет, а большинство не доживало и до 40. Поэтому на погребенных мы, вероятно, видим их единственный взрослый костюм (во всяком случае, это может относиться к меховой, кожаной и войлочной одежде). Мне представляется вполне вероятным, что никому из пазырыкцев и в голову не приходило менять даже поношенную одежду. Становясь взрослым, одеваясь в просторную одежду «на вырост», пазырыкец — мужчина или женщина — «жил» в ней всю свою недолгую жизнь.

В традиционных культурах одежда использовалась до тех пор, пока могла хоть в какой-то степени исполнять свои функции. У народов, носивших зимой шубы и другую меховую одежду, все негодное и вытертое надевалось и донашивалось летом [Прыткова, 1970, с. 10; Жукова, 1996, с. 7]. Обычная, уже изношенная одежда, кроме того, нередко становилась рабочей [Прыткова, 1971, с. 30]. Юкагиры, по свидетельству В. И. Иохельсона, из-за нехватки оленьих шкур были вынуждены приобретать у бродячих оленных тунгусов готовую, большей частью поношенную одежду [Жукова, 1996, с. 94]. Приморские чукчи, по свидетельству В. Г. Богораза, часто носят подержанные одежды оленеводов: «Поношенная одежда довольно тепла и вполне прилична на вид, но в действительности шкура уже начинает портиться, волос вылезает так, что одежда является менее надежной защитой от холода» [Богораз, 1991, с. 170].

Тканая одежда носилась вплоть до превращения в лохмотья, но и они не выбрасывались, а собирались для различных целей. Интересный пример этому был получен при раскопках в могильнике Шампула (Синьцзян): гобеленовая полоса одной из юбок (очень близких к пазырыкским по фасону) была сложена пополам, а получившаяся труба набита лоскутами разных поношенных тканей [Schorta, 2001, p. 112, fig. 29]. Первой одеждой (пеленкой) новорожденного у ряда среднеазиатских народов (таджиков, сартов и др.) являлись ткани, оставшиеся от старых материнских платьев [Рассудова, 1989, с. 142]. Старые негодные одежды использовались в Египте для пеленания мумий¹⁰. В Древнем Египте существовали мастерские, в которых лоскуты и обрывки поношенных тканей собирали в целые полотнища. Эти сведения невольно приходят на ум, когда видишь великолепную иноземную пурпурную ткань — покрытие чепрака из пятого Пазырыкского кургана, — аккуратно собранную из многочисленных мелких фрагментов. Очень похоже на то, что эта ткань, отслужив свое в одном качестве (одежды?), использовалась вторично совсем не по назначению. Лоскутная одежда или другие изделия несли, как правило, функции оберега. Так, например, у тарских татар из разноцветных кусочков сшивают женские нагрудники,

подстилки для младенцев, детские амулеты, привешиваемые к колыбели [Фаткулина, 2003, с. 234].

Одежда пазырыкцев была разнообразной, очень красивой и качественной. Ее изготовление требовало значительных затрат времени и материала, существенным условием было и мастерство портных. Всякое изделие — образец кропотливого ручного труда, особенно это касается шуб. Этот единственный в своем роде наряд шился взрослому человеку, скорее всего, раз в жизни. Каждый костюм обладал индивидуальными особенностями. Ручной труд избегает повторов даже при производстве серийных вещей (рис. 1.6). Кроме того, вещи изготавливали в разных семьях, с разным умением и возможностями¹¹. Разумеется, все варианты существовали в рамках традиции, но воплощались в силу названных выше причин по-разному.

Мелкие детали на одежде, которые мы сегодня не в силах выделить и заметить, в свое время могли значить для пазырыкцев очень много. Например, у юкагиров мастерица ставит на всех предметах одежды знак, который адресуется владельцу, отражает мысли, чувства, пожелания, т. е. отношение мастерицы к человеку, и может быть сравним в юкагирской этнокультуре с прозвищем, дававшимся человеку за какие-то индивидуальные особенности [Жукова, 1996, с. 92]. Или, в этой же культуре, пришитый на женскую шубу ремешок служил особым опознавательным знаком, показателем возраста и семейного положения женщины [Там же, с. 26].

Мы не можем адекватно оценить такие важные детали одежды, во-первых, из-за ее фрагментарности, во-вторых, из-за отсутствия представительных серий. Даже если бы нам удалось выделить индивидуальные метки на одежде, мы не сумели бы их правильно интерпретировать. Но они, на мой взгляд, безусловно, существуют на пазырыкском костюме, который в каком-то главном своем качестве останется для нас загадкой навсегда.

Р.Я. Рассудова, исследовавшая традиционную одежду таджиков, отмечает: «Убеждение народа, что носимая одежда — часть самого человека, источник положительного или отрицательного воздействия на него, нередко вызывает настороженность даже к расспросам о ней. Передача же какого-нибудь предмета одежды (дарение, продажа) другому у старшего поколения до сих пор сопровождается охранными действиями — отрыванием пуговиц, осыпанием золой или

вешанием над огнем и т. д. Так же поступали при приобретении, употреблении и хранении предметов одежды» [Рассудова, 1989, с. 139]. В древних и традиционных обществах одежда считалась продолжением тела иместилищем души, часто являлась заменителем человека, обладая в глазах окружающих всеми присущими ее владельцу качествами.

В абхазском свадебном обряде в воду (которая представлялась аналогом мужского семени) опускали платье новобрачной — с целью сделать ее плодотворной [Ардзинба, 1985, с. 157]. Другой пример: если у тьянь-шаньских и иссык-кульских киргизов кто-нибудь умирал долго и мучительно, во дворе вывешивали его одежду воротником вниз, что, по преданиям, должно было облегчить и ускорить смерть несчастного [Губаева, 2001, с. 165]. Одежда могла даже быть олицетворением божества. Часто мансийские божества на священных местах — это изготовленные особым образом из тканей и меха человеческие изображения. «Если снять божественные одежды, то под ними ничего нет. Снимаешь одну одежду, разворачиваешь вторую, следующую, а где же сам бог? Вроде он есть, а физически-то его и нет, т. е. материальной формы не имеет...» [Курлин, 2001, с. 94]. Образы богов манси на жертвенных местах обозначались натянутыми на березовые шесты шелковыми халатами, их нередко надевали под одежды покойного перед его погребением [Гемуев, Бауло, 2001, с. 178].

Прядение и тканье во многих традиционных культурах являлись ритуализованными занятиями, окруженными определенными правилами и запретами. Так, у абхазов существовали дни, в которые нельзя было ткать. По преданию, девушка, нарушившая этот запрет, превратилась в камень вместе со станком; раз в год она оживает и вновь превращается в каменное изваяние [Ардзинба, 1985, с. 156]. Кроме того, с прядением, ткачеством неразрывно связано устное народное творчество, эпическое сказительство. Например, на Русском Севере женщины пели «стихи», собравшись вместе работать на прялках: «Как став ткешь — иной раз запоешь» [Путилов, 1997, с. 78–79]¹².

Предметы одежды могли служить денежным эквивалентом. Так, цена среднеазиатских халатов XVI в. из фондов глав феодальных правительств достигала 30 тыс. танга — это очень высокая стоимость [Мукминова, 1979, с. 71]. В Индии изготавливались шелка и хлопковые ткани с вплетенными в них нитками из золота в 24 карата — они приобретались для того, чтобы во время нужды продать ткань за вес золота [Гита Мехта, 1987, с. 68]. В древнерусском быту ткани, наряду с изделиями из золота и серебра, входили в состав великокняжеской или царской казны. И во все времена использование тех или иных тканей являлось престижным.

Понятно, что ткани (пусть в мелких фрагментах) сохраняются в древних захоронениях значительно чаще, чем тела людей. Если изучать древнюю одежду, учитывая отношение к ней людей, которые ее носили, особенности окружающей их природной среды, род их занятий, а также используя возможности современных физико-химических методов исследования, можно значительно расширить круг задаваемых ей вопросов, отыскивая таким образом следы человека, которому она принадлежала.

10. Ирония происходящего запечатлена в надписи на погребении Неферхотепа: «Он — тот, кто был так богат полотном, — лежит сейчас в стареньких негодных одеждах» [Reeves, Taylor, 1992, p. 91].

11. У осетин сшитая женой черкеска из сотканного ею самой сукна является выразительным знаком общественного положения мужчины. Плохая черкеска негативно отражалась на его авторитете [Карпов, 2001, с. 234].

12. Слово «текст» произошло от латинского *textus* — ткань, соединение [СЭС, 1987, с. 1316].

глава 2.

Костюм пазырыкцев: реалии, происхождение

1. «Костюм — это ансамбль определенным образом подобранных предметов одежды, обуви, украшений. В это понятие входят и прическа, и грим, и знаки различия, и регалии, если они есть, и мелкие аксессуары» [Чернова, 1987, с. 57].

2. Найдено несколько десятков погребальных саванов из нефрита эпохи Поздней Чжоу и Хань. Так, в облачении, сделанном из скрепленных золотой проволокой более чем двух тысяч нефритовых пластинок, похоронены царь Чжуншаня Лю Шэн и его жена. Одно из наиболее ранних нефритовых облачений принадлежит провозгласившему себя царем Наньюэ Чжао Мо (122 г. до н. э.).

3. Последняя находка такого рода — парное погребение в кургане Аржан-2 (исследования Г. Парцигера, К. Чукунова, А. Наглера) [Аржан, источник в долине царей, 2004].

4. «Мода всегда семиотична», писал Ю. М. Лотман. «В обществе, где типы одежды строго подчиняются традиции или же диктуются календарными переменами — в любом случае, не зависят от линейной динамики и произвола человеческой воли, — могут быть дорогие и дешевые одежды, но нет моды. Более того, в подобном обществе чем выше ценится одежда, тем дольше ее хранят. И наоборот, чем дольше хранится — тем выше ценится» [Лотман, 2000, с. 74].

Пазырыкский костюм¹ известен в реалиях, а не по изобразительным источникам и не по реконструкциям на основе тлена или остатков украшений. Изучение остатков декора — хотя и нужное, но неблагоприятное занятие, поскольку, как бы исследователь ни старался, его выводы остаются слишком приблизительными и, как показывают находки реальной одежды, мало соответствуют действительности, которая более необычна и непредсказуема, чем любые фантазии на этот счет. По расположению украшений (если, конечно, это не нефритовый наряд китайских императоров² или золотое облачение скифского вождя³) невозможно восстановить древний костюм. Поэтому подлинные вещи являются источником первостепенной важности для изучения истории костюма. Но в силу многих причин — прежде всего объективных (недолговечность) — находки настоящих предметов древней и старинной одежды исключительно редки. Хотя и существуют солидные собрания старинного платья, в них представлены, как правило, не столь отдаленные от нас эпохи. Например, одежда хунну из Ноинулинских курганов I в. н. э. [Руденко, 1962] и коллекция одежды алан VII—IX вв. из могильника Мошевая Балка [Иерусалимская, 1972], хранящиеся в Государственном Эрмитаже, или крупнейшая коллекция старинных узорных тканей России XVI — начала XX вв. из Государственного исторического музея.

С тех пор как в большей части мира люди, одеваясь, стали следовать моде, а не традиции, старые вещи потеряли для человека свою ценность и значимость: в обществе, где одежда меняется не потому, что пришла в негодность, а потому, что сменилась модная тенденция, старыми вещами не дорожат⁴. Но костюм, который каждый из нас самостоятельно составляет из почти безличных предметов одежды, купленных в магазине, по-прежнему, как и тысячи лет назад, несет в себе знаковую функцию, остается важным элементом культуры. Костюм рассказывает о своем владельце; узнаваемый облик любого социального типажа современного общества легко можно создать с помощью одежды, прически, аксессуаров. Первое впечатление, производимое нами на окружающих, определяется костюмом, как бы мы ни желали быть независимыми от него. Поскольку мы вынуждены

в той или иной степени одеваться, постольку и зависим в такой же мере от одежды. Именно эта прямая связь человека с одеждой, не прерывающаяся на протяжении всех исторических эпох, позволяет считать, что в каждом из нас сохранилось особое архетипическое, как сказал бы К. Г. Юнг, отношение к ней, сближающее современного человека с давно исчезнувшей культурой.

По археологическим материалам пазырыкский костюм сравним только со столь же реальным костюмом жителей оазисов Синьцзяна конца I тыс. до н.э. — начала I тыс. н.э., костюмом знатных хунну из Ноннулинских курганов или с имеющимися по интересующей нас эпохе изображениями (ассирийцы, мидийцы, персы, греки, скифы, саки и многие другие древние народы известны по разнообразным изображениям)⁵ (рис. 2.1, 2.2). Проведение же аналогии с какими-либо реконструкциями костюмов, выполненными на основе остатков украшений из погребений, не вполне корректно, поскольку такие реконструкции, как правило, очень условны. Мы можем ошибиться в выборе круга аналогий, будучи пристрастны, но останемся точны в описании того, что имеется в наличии и что легко проверяется (коллекции пазырыкской одежды вполне доступны).

Какими сведениями о пазырыкском костюме мы располагали до открытия «замерзших» могил на Укоке? На основе находок одежды и головных уборов в больших Пазырыкских, Туэктинских, Башадарских и Катандинском курганах С. И. Руденко дал прошедшую испытание временем характеристику пазырыкского костюма [Руденко, 1953, 1960, 1968]. Его основные выводы и предположения постоянно подтверждаются новым материалом. Но образцы одежды из «царских» курганов — это еще не весь костюм горно-алтайского населения. К тому же данная одежда извлечена из потревоженных погребений, где вся она (за малым исключением) была в большей или меньшей степени повреждена.

5. По изображениям (барельефам, фрескам, росписям, мозаикам, торевтике, скульптуре, петроглифам, являющимся археологическими источниками), какими бы этнографически точными они ни выглядели на первый взгляд, можно исключительно редко или даже совсем невозможно составить представление о реальной одежде изображенных людей. Практически никогда нельзя понять, из каких материалов изготовлена та или иная часть костюма, в какой технике выполнены орнаменты на одежде, из чего они сделаны и пр.

Поэтому исследователю трудно было решить, имеет ли он весь комплект или только его часть. Многие фрагменты тканей, меха, кожи, войлоков оказалось невозможно атрибутировать, т.е. установить, частью какого предмета одежды они являются. Это и понятно — ведь кто бы мог подумать, например, что пазырыкские женщины носили сшитые шерстяные юбки, а обычной одеждой всадников были штаны из шерстяной ткани. Это стало фактом только после обнаружения реальных вещей. Мы не располагаем ни изображениями пазырыкцев, ни письменными упоминаниями об их костюме. Ведь до сих пор точно не установлено, к какому из известных древним авторам народов они принадлежали.

В своих построениях, касающихся костюма, мы исходим из того, что расовый состав пазырыкских племен неоднороден [Чикишева, 2000, с. 48]. По антропологическим материалам установлено, что среди жителей Горного Алтая, похороненных под каменными насыпями Пазырыкских курганов, есть представители европеоидного, монголоидного и метисного типов [Чикишева, 2000а, с. 107–122; Баркова, Гохман, 1994, с. 21–36].

б

Рис. 2.1. Ближайшие предшественники и современники пазырыкцев:
а — мидиец;
б — персы

Местное население, представляющее собой автохтонный монголоидный тип и известное в эпоху неолита по т.н. кузнецко-алтайской неолитической культуре (VI–V тыс. до н.э.), а в эпоху бронзы (III тыс. до н.э.) — по каракольской культуре окуневского круга, не было одиноко в пределах Горного Алтая, где столь же распространены памятники афанасьевской культуры (конца IV — начала II тыс. до н.э.) [Молодин, 2002, с. 97–138], пришедшей на данной территории и представленной иным, европеоидным, типом населения, не оставившим следа в антропологическом типе пазырыкцев [Чикишева, 2000а, с. 112–113]. Ситуация, при которой могло происходить смешение не только населения, но и разных культурных традиций, сохранялась и в последующее время, вплоть до интересующей нас эпохи, когда на Алтае появилась новая (но далеко не первая) волна европеоидов [Чикишева, 2000а, с. 112–113], ставшая своего рода катализатором в создании пазырыкской культуры.

Культура при всем своем ярком «скотоводческом» облике удивительно оригинальна органичным вхождением в нее горно-таежного уклада хозяйства, культуры и быта охотников, рыболовов и собирателей. Пазырыкские памятники тяготеют к горным долинам-пастбищам, но все они окружены тайгой, а в I тыс. до н.э. залесенность Горного Алтая была значительно большей, чем в настоящее время. Этот регион настолько разнообразен по природным условиям, что всегда существовала возможность для сочетания различной хозяйственной деятельности в разных его уголках, следствием которого стало появление различий в матери-

а

Рис. 2.2. Современники пазырыкцев в изображениях на золотой торовитке (Государственный Эрмитаж, Золотая кладовая): а — изображение саков на поясной пряжке, Сибирская коллекция Петра I (№ 1727–161); б — изображение скифа на вазе из Куль-Оба (№ 11)

альной культуре. Среди предметов, помещенных в могилы пазырыкцев, встречаются венцы, созданные скотоводческим населением с их подвижным бытом и специфическим сырьем (войлоки, шубы из овчины, деревянные блюда-столики с разборным и ножками и дырочками для подвешивания, кожаная посуда, предметы конской упряжи и седла, сами кони и т.п.), и одновременно то, что относится к культуре таежных охотников и рыболовов (одежда с отделкой из меха местных ценных пушных зверей — белки, соболя, горностая; многочисленные изображения объектов почитания и охоты — козерогов, барсов, горных баранов, лосей, оленей, волков; использование для набивки седельных подушек шипаной шерсти северного оленя; древесина кедра как основной поделочный материал, лиственница как главный строительный материал, образ мифической рыбы в искусстве и пр.).

Скорее всего, и в костюмном комплексе мы должны быть готовы увидеть некое смешение традиций. Среди одежды, обнаруженной в пазырыкских курганах (особенно «царских»), были венцы не местного производства, а привезенные из тех мест, откуда пришли на Алтай новые люди, — мы полагаем, что это были юго-восточные окраины Ахеменидской империи. Таковыми могут быть изделия из тканей: хлопчатобумажные рубахи, шерстяные юбки с полосами гобелена, изделия из кожи и меха — катадинские «фрак» и кафтан. Но весь костюм, который мы хорошо представляем по находкам подлинных венцев, аксессуаров и украшений, человеческих мумий с татуировкой и сохранившимися прическами, сформировался как оригинальное явление уже на Алтае и, естественно, уже под влиянием местных традиций — к ним приходилось обращаться хотя бы потому, что, вероятно, местный костюм был более приспособлен к суровым природно-климатическим условиям Горного Алтая, нежели костюм пришельцев. К сожалению, даже отдельные детали одежды горно-алтайского населения раннескифского времени, да и более древние — неизвестны (кроме украшений и некоторых аксессуаров⁶). Поэтому невозможно представить, что конкретно из предметов одежды заимствовали пазырыкцы у местного населения. Новшества в одежде должны были, прежде всего, помочь более или менее комфортно существовать в новой природно-климатической среде. Они, судя по всему, не заставили себя долго ждать, появившись в культуре сразу. Конечно, исходные формы могли быть видоизменены до неузнаваемости. Видимо, именно так произошло с шубами — остался сам вид одежды, но его исполнение и оформление претерпели значительную эволюцию (под влиянием вещей, подобных катадинским кафтану и «фраку») — в целях большего соответствия традициям, вкусу и потребностям основного культурообразующего населения.

В свете последних исследований и находок богиня и всадник (аппликации на известном войлочном ковре из пятого Пазырыкского кургана) — «не вполне» пазырыкцы; среди реальной одежды последних нет ничего похожего на их костюмы — длинный, облегающий фигуру кафтан на женщине, чью шею обвивает золотая гривна, а руки украшают браслеты (рис. 2.4б), обтягивающие штаны с накладками на бедрах и коленях, узкая куртка, короткий

6. Раннескифские золотые украшения, а также каменные застежки, бронзовые зеркала, бусы из полудрагоценных камней и стеклянной пасты из курганов Горного Алтая имеют широкий круг аналогов на отдаленных и не всегда смежных территориях [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 89–91], отражая, таким образом, скорее некую эпохальную традицию, нежели местную. Фрагменты шерстяной ткани, обнаруженные в раннескифских погребениях Горного Алтая, не дают возможности для реконструкции костюма [Там же, с. 105–109].

7. Подобные полосы известны на штанах из могильника Субаши (Синьцзян). Правда, на этих штанах укрепляющие полосы сшиты из меха [Ван Бинхуа, 1993, с. 15].

8. Оплечье имеет аналоги в реальной одежде из Катадинского кургана. Это касается т. н. кафтана. Считается, что плечье маскирует швы. Оно образовано полосами, нашитыми на полы, которые, заходя за спину, сшиты между собой и верхом кафтана [Завитухина, 1990, с. 24].

Рис. 2.3. Фигурка всадника (Восточный Иран). Сибирская коллекция Петра I. Золотая кладовая. Эрмитаж, № 80

развевающийся плащ на мужчине (рис. 2.4а). Аналоги этой одежде можно найти среди изображений сакских всадников на ряде золотых изделий из Сибирской коллекции Петра I (рис. 2.2а, 2.3), чье происхождение не имеет отношения к пазырыкским курганам, изображениям на бронзовых курильницах, хранящихся в алма-атинском музее: те же облегающие куртки, штаны, на которых выделены нашитые на бедра и колени укрепляющие полосы (вероятно, из кожи⁷), плечье сердцевидной формы на спине⁸, мягкие сапоги без каблуков. Отсутствие головных уборов, характерная прическа с «коком» и усы дополняют этнографический облик этих мужчин. Женщина, изображенная на поясных пластинах с фигурами всадников под деревом, по прическе, головному убору, облегающей запахивающейся одежде, типу лица, ракурсу, в котором оно изображено (в профиль), похожа на богиню, которую мы видим на войлочном ковре. Ее головной убор, в отличие от украшавшего голову богини, имеет высокое навершие. Он удачно сравнивается М. П. Грязновым с деревянным головным убором, найденным в пятом Пазырыкском кургане (рис. 2.50). Т.е. неко-

а

б

Рис. 2.4. Фрагменты войлочного ковра:
а — изображение конного воина;
б — изображение богини.
Пятый Пазырыкский курган.
Эрмитаж, № 1687–95

торые черты, присутствующие на войлочных изображениях, есть и среди пазырыкских реалий, но далеко не весь комплект, не весь костюм. Головной убор с высоким навершием был характерен не только для пазырыкских женщин, но и для жительниц синицзянских оазисов — так же, как и штаны с нашитыми на бедра и колени дополнительными «укрепляющими» деталями, — для синицзянских мужчин. Такой же плащ, как на мужчине с войлочного ковра, принадлежит и всаднику на золотой пряжке из могильника Тенлик (Казахстан), датируемой III–II вв. до н. э.; на его штанах точно так же нашиты специальные укрепляющие детали на бедра и колени; необыкновенно похожи прическа и обувь [Акишев, 1983, с. 28]. Таким образом, костюм людей, изображенных на войлочном ковре из пятого Пазырыкского кургана, — а этот костюм, казалось бы, должен был дать представление о внешнем виде пазырыкцев, поскольку, как и все войлочные вещи в пазырыкских могилах, считался местным алтайским изделием [Руденко, 1953, с. 110], — не находит аналогий среди их реальной одежды (кроме некоторых отдельных деталей костюма)⁹, но имеет много прямых аналогов в одежде сакских всадников, известной по довольно многочисленным изображениям [Джумабекова, 1998, с. 72–82]. Что же касается обнаруженных В. В. Радловым на женских скелетах в раскопанных им маленьких курганах Катандинского могильника остатков стоячих воротничков из очень тонкого материала, украшенных мелкими бронзовыми бляшками [Радлов, 1989, с. 476], то исходя из описания, оставленного В. В. Радловым, невозможно однозначно определить, к какому периоду могли относиться эти женские погребения. Они вполне могли принадлежать тюркам, как и ряд мужских захоронений, раскопанных им на Катандинском могильном поле [Радлов, 1989, с. 442–449].

9. Все сказанное о костюме относится и к упряжи коня, типу седла и саадака. Уцелевшее седло из могильника Субаши [Ван Бинхуа, 1993, с. 16] идентично седлам, изображенным на золотых бляхах из Сибирской коллекции Петра I («Отдых в пути»), и очень близко к изображению седла на войлочном ковре из пятого Пазырыкского кургана. Эти седла имеют прямые аналоги в погребальном комплексе Цинь Шихуана (210 г. до н. э.): они изображены на многочисленных конях глиняной армии императора. В этом, впрочем, нет ничего удивительного, т. к. известно, что вся экипировка коня и всадника была заимствована древними китайцами у т. н. северных варваров (под этим общим названием скрывались многочисленные скотоводческие племена, обитавшие к северу от государственных объединений Китая), к которым, по всей видимости, относились и пазырыкцы, и население синицзянских оазисов.

Вероятно, на войлочном ковре из пятого Пазырыкского кургана представлен «исходный» (сакский, иранский) вариант костюма пазырыкцев (вернее, тех людей, которые сыграли решающую роль в сложении пазырыкской культуры) до их прихода на Алтай. Соответственно, и сам ковер вряд ли был изготовлен в Горном Алтае, скорее он попал туда вместе с новым населением из среднеазиатских ахеменидских сатрапий и является образцом сакского искусства в изготовлении войлочных апплицированных изделий.

Определенное отношение к разного рода тканям сложилось очень давно. Так, редкость шелка могла стать причиной того, что в ряде культур одежду из шелка носили только женщины, тогда как для мужчин подобную одежду считали неприемлемой. Например, у узбеков Самаркандской области шелковые материи — до сих пор принадлежность исключительно женского одевания, полушелковые же служат и для шитья мужских халатов [Томина, 1989, с. 247]. У сартов, таджиков и особенно у ходжа «шелк считался святыней, он (как и шелковичные черви, и тутовник) одушевлялся ими и почитался... Мужчины должны были пользоваться только полушелковой одеждой. Считали, что шелк должен быть выше других материалов, платья из него нельзя было надевать на голое тело» [Рассудова, 1989, с. 141]. В средневековой Индии, при Мухаммеде бин Туглаке, мусульманская знать не имела права носить одежду из чистого шелка, ибо эта ткань предназначалась только для королевской семьи [Джаякришнан, 1987, с. 73]. Эти ограничения, связанные с использованием шелковых тканей, касаются оседлых обществ, где шелк чаще всего был уже собственного производства, а не привозной. О кочевниках-скотоводах существует справедливое, на наш взгляд, мнение как об «одержимых шелком». Китайские императоры во все времена выгодно использовали эту страсть. Достаточно обратиться к древним китайским хроникам, чтобы понять, что торговля и подарки шелком были возведены в ранг государственной политики [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 249–251]. Тончайшая ткань непонятного происхождения бросалась в глаза, была чудом, наделялась сакральными свойствами.

В кургане 1 могильника Ак-Алаха-3 обнаружена женская рубашка, которая сшита из ткани (т.н. *чесучи*), спряденной из дикого шелка (*туссор*). Его наиболее вероятное происхождение в данном случае связано с Индией (и с индийским дубовым шелкопрядом), поскольку в Китае еще с III тыс. до н.э. шелкопряд был «одомашнен»; в Индии же до сих пор используют разнообразные сорта местного дикого шелка. В Ас-

Ткани

Шелк

саме и других штатах на востоке страны, в горах, женщины ткut на примитивных станках (представляющих собой связку бамбуковых палочек с натянутой на них основой) грубую желтую пряжу эри, или энди. Она получила свое название от червячка эри, питающегося листьями кледевины [Джаякришнан, 1987, с. 73].

Важным доказательством некитайского происхождения дикого шелка, использованного для изготовления женской рубашки, обнаруженной в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3, является ширина ткани, уверенно определяемая благодаря сохранившимся кромкам, — не менее 130 см, тогда как ширина шелковых тканей, вырабатываемых в мастерских древнекитайских государств, не превышала 50 см, что обуславливалось конструкцией ткацкого станка, которая видоизменилась только в танское время [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 146].

В курганах пазырыкской культуры (в том числе и исследованных на Укоке¹⁰) до сих пор находили изделия (и их фрагменты) только из южнокитайского шелка (царство Чу, 600–200 гг. до н.э.), произведенного от одомашненного шелкопряда [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 221–222]. Он существенно отличается от дикого по внешнему виду и по микроструктурным характеристикам (рис. 2.5, 2.6). Так, волокна туссы имеют ярко выраженный блеск и цвет, которые меняются в зависимости от родовых особенностей в диапазоне от серого до коричневого [Архангельский, 1938, с. 413]. Другим достоинством туссора является то, что его волокна по крепости и растяжимости вдвое превышают волокна обычного шелка [Там же, с. 414]. Широкая ткань из дикого шелка, обнаруженная в женском погребении Укока, — еще одно из свидетельств южных связей центральноазиатских скотоводов. Можно допустить, что она была произведена на территории древнего царства Шу (современная провинция Сычуань), лежавшего далеко на юго-западе от старых культурных центров Северного Китая, но, судя по письменным источникам, имевшего древние шелководческие традиции [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 153]. Не исключено, однако, что здесь, как и в Северо-Восточной Индии, в период Чжаньго (V–III вв. до н.э.) продолжали изготавливать дикий шелк, получаемый от дубовых шелкопрядов, встречающихся в больших количествах не только в Индии, но и в Китае [Архангельский, 1938, с. 413].

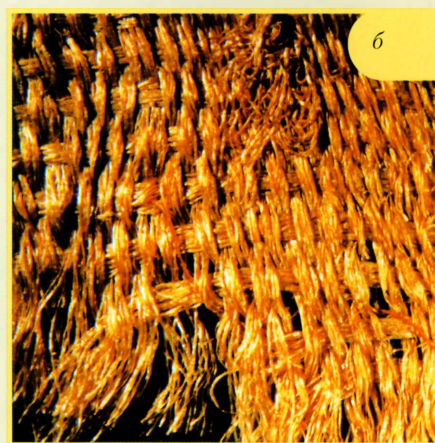
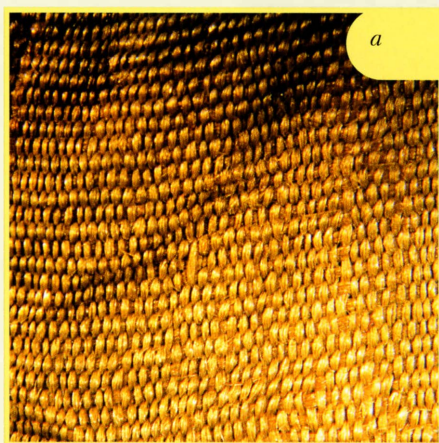

Рис. 2.5. Макросъемка волокон ткани (увеличение 100–200 ед.):
а — мешочек из шелка одомашненного шелкопряда;
б — блуза из дикого шелка.
Курган 1, могильник Ак-Алаха-3.
МА ИАЭТ СО РАН

10. В погребении женщины (курган 1, могильник Ак-Алаха-3) был обнаружен небольшой шелковый мешочек. Он лежал внутри колоды рядом с головой погребенной. В мешочке находилась только деревянная пластинка около 1 см длиной, покрытая золотой фольгой, по форме напоминающая заостренный ноготь. В культуре Западной Хань существовал своеобразный «сборный» саван — особая одежда для бедных покойников, составленная из отдельных кусков, каждый из которых облегал какую-нибудь часть мертвого тела, для чего служат мешки и мешочки из шелка, играющие роль чехлов [Хуань Куань, 2001, с. 91]. Данный мешочек мог относиться к их числу, хотя использовался не совсем по назначению. Ткань мешочка, по определению, сделанному Е.И. Лубо-Лесниченко, относится к известным по находкам в других пазырыкских погребениях южно-китайским шелкам.

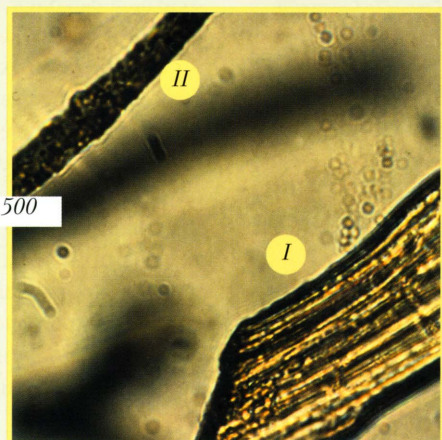
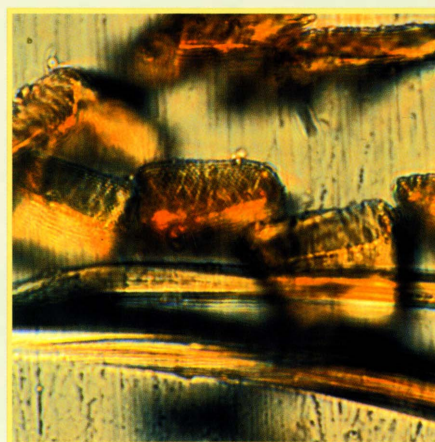
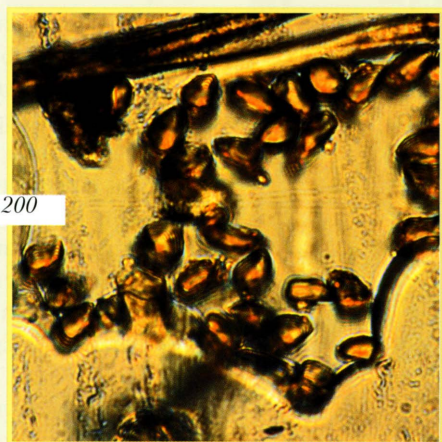
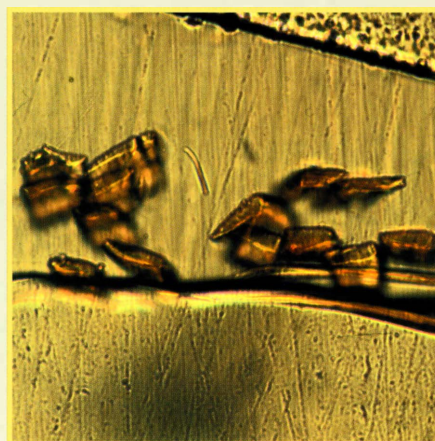
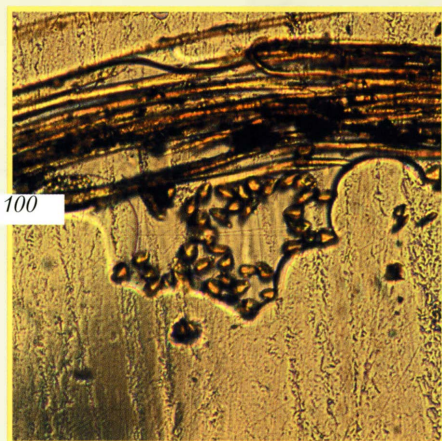

Рис. 2.6 (2 фото внизу). Сопоставление волокон дикого шелка (I) и шелка одомашненного шелкопряда (II). Макросъемка волокон ткани (увеличение 500 ед.). На снимках видно, что волокна домашнего шелка круглые, а волокна дикого — плоские.
Курган 1, могильник Ак-Алаха-3.
МА ИАЭТ СО РАН

Шерсть

11. Не исключено, что подобное отсутствие каких-либо материальных следов текстильного производства в пазырыкском обществе связано с особым отношением к его атрибутам и отходам. Возможно, существовали какие-то правила, регламентирующие, как поступать с такого рода вещами. Если это так, то все, что было связано с текстильным производством, почему-то не попадало в могилы. Хотя, как показывает описание погребального обряда многих других археологических культур, пряслица были очень распространенным предметом в составе погребального инвентаря. В.В. Цимиданов даже считает, что лица, погребавшиеся с пряслицами в восточном регионе срубной общности, имели при жизни, как правило, более высокий социальный статус [Цимиданов, 1999, с. 225]. В то же время следует отметить, что в пазырыкской культуре не было принято класть в погребения орудия труда (за исключением тех, что были необходимы при рытье погребальной ямы, а затем просто оставлялись в ней, поскольку, вероятно, не могли быть использованы больше ни при какой работе).

Шерсть — наиболее распространенное сырье у скотоводов. Объясняется это просто — она всегда под рукой. Шерстяные волокна обладают рядом бесспорных достоинств: из них получают ткани с хорошим сопротивлением смятию, в то же время они способны удерживать желаемую форму в готовом изделии [Кесвелл, 1969, с. 289]. Помимо этого, в скотоводческих обществах шерсть нередко имела значение оберега. Там же, где отыскивалась альтернатива шерстяным тканям (например, у египтян), ее отрицательные свойства — сильная загрязненность (землистые части, остатки корма, навозные частицы, жиропот, моча и пр.) и неприятный запах — вызывали ощущение нечистоты и приводили, по сведениям Геродота, к фактическому запрету на ее использование в ритуалах [Геродот, кн. II, 81]. Это предубеждение нашло отражение в заповедях Моисея: «Не надевай одежды, сделанные из разных веществ, из шерсти и льна вместе» [Библия, Второзаконие, 22, 6–23, 3, 9].

Кроме самих шерстяных тканей и изделий из них, обнаруженных в пазырыкских могилах, не существует иных доказательств того, что они производились на Алтае. Отсутствуют столь обычные для погребений и поселений оазисов Синыцяна пряслица, веретена, клубки ниток, катушки, швейные отходы¹¹. Поэтому можно усомниться в местном происхождении качественных и разнообразных шерстяных тканей, найденных в горно-алтайских курганах. Анализ сырья, используемого для текстильных изделий, обнаруженных в могилах пазырыкцев Горного Алтая, не стал решающим в этом вопросе.

Было установлено, что пазырыкцы употребляли в основном овечью шерсть, обладающую наилучшими свойствами в текстильном отношении; кроме того, шерсть овец, пасущихся в горах, гораздо мягче, чем шерсть животных, пасущихся на равнинах [Архангельский, 1938, с. 296]. Использовалась также верблюжья и козья шерсть и щипаный волос северного оленя.

С древности зафиксированы четыре способа получения шерсти для изготовления пряжи. Это — собирание очесов руками во время линьки овец (щипание); вычесывание гребнем; срезание шерсти ножом; стрижка овец ножницами. При исследовании волокон шерсти с найденных образцов волосяные луковички не были обнаружены — это позволяет заключить, что заготовка материала для прядения осуществлялась, вероятней всего, путем стрижки или срезания шерсти.

Неоднородность состава шерсти, меньшее процентное содержание ости в более тонких тканях и нитях (и наоборот) говорит о том, что шерсть перед прядением сортировалась и при необходимости смешивалась с верблюжьим волосом. Последнее делалось при изготовлении особо прочных тканей, шнуров и тесьмы. Можно с большой долей вероятности предположить, что шерсть перед прядением подвергалась чесанию. При таком способе обработки волокна располагаются в нити параллельно, ровными рядами; в результате нить получается более равномерная и прочная.

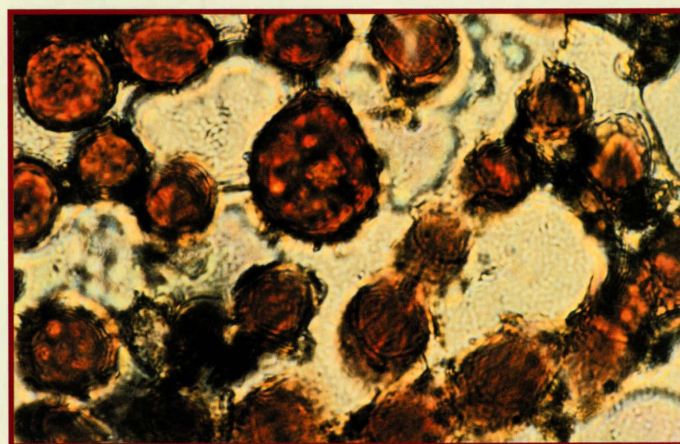
100

200

500

500

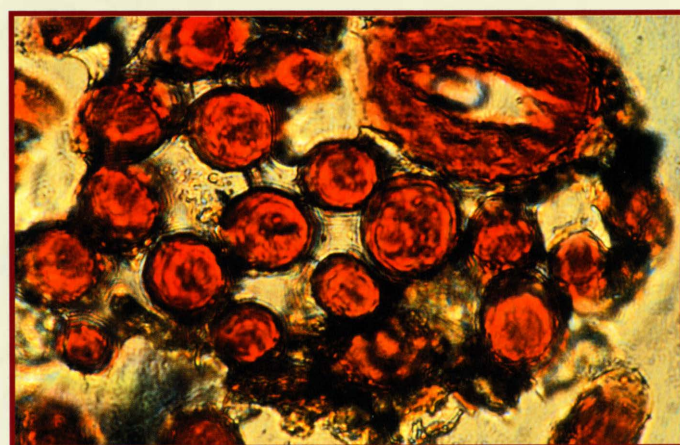

Рис. 2.7. Макросъемка волокон шерстяной ткани (увеличение 100–500 ед.). Хорошо видно, что в составе ткани сочетаются пуховые (круглые) и остевые (цилиндрические) волокна грубой шерсти. Могильник Кутургуитас. МА ИАЭТ СО РАН

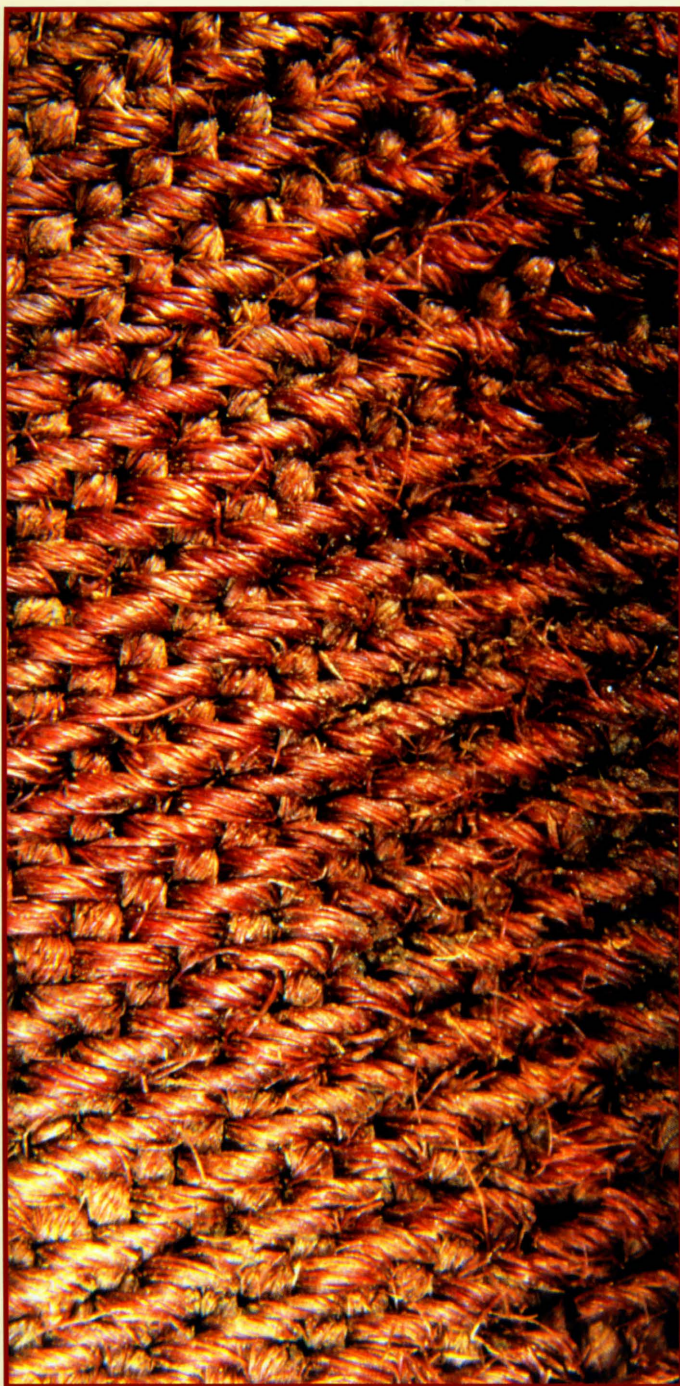

Рис. 2.8. Образец шерстяной ткани
из могильника Кутургуитас.
МА ИАЭТ СО РАН

12. Шерстяные волокна, не имеющие канала, считаются пухом или тонкой шерстью, а содержащие канал — волосом, остью или вообще грубой шерстью [Архангельский, 1938, с. 312].

Эти характеристики нитей в тканях доказывают, что их пряли с помощью веретена. Нить, используемая для производства декоративных шнуров и веревок, имеет более отлогую крутку и неравномерную тонину — видимо, подобные нити изготавливали путем сучения шерсти ладонями без веретена. Тонина нитей в тканых образцах колеблется от 0,1 до 1,5 мм. Средняя и наиболее часто встречающаяся тонина нитей составляет 0,5–0,7 мм. Все нити, использованные в работе, имеют Z-крутку, т.е. веретено при прядении вращалось вправо правой рукой, что является обычным при прядении нити правой рукой. Направление крутки S (левая крутка левой рукой) наблюдается только при изготовлении соединительных двойных нитей — тут обращались к способу сучения двойной нити из двух одинарных нитей Z-крутки.

Из этнографических материалов известны три вида сучения нитей: ладонями; на бедре; на щеке. Во всех этих случаях направление крутки зависит не от того, правой или левой рукой работает пряжа, а от направления движения руки — к себе или от себя [Попов, 1955, с. 82–83]. Известно также сучение на веретене, но реконструировать его пока невозможно.

При описании способов сучения нитей встречаются упоминания об обработке нитей слюной и золой и об их окрашивании толченым углем, смешанным с рыбьим жиром [Там же]. Возможно, к такой обработке нитей прибегали и пазырыкцы, о чем косвенно свидетельствует тот факт, что многие остатки соединительных нитей одежды, обнаруженной на Укоке, черного цвета и очень плохой сохранности. Последнему обстоятельству, наверное, способствовало их жирование во время изготовления. Щелочная среда грунтовых вод Укока разрушала жиры, тем самым способствуя и разрушению соединительных нитей.

Изучение срезов волокна под микроскопом, проведенное Е. В. Шумаковой (для этого были изготовлены постоянные иммерсионные препараты срезов отдельных нитей в эпоксидной смоле), показало, что волокна шерсти во всех образцах тканей из погребений Укока неоднородны. Для изготовления даже самых тонких нитей использовались не только пуховые, но и остевые волокна шерсти (рис. 2.7, 2.8) (разница в тонине волокон может колебаться от 10 до 120 мкм)¹². Это меняет лишь процентное содержание грубой шерсти, увеличиваясь с возрастанием толщины нити, и наоборот. При этом шерстяные ткани из больших Пазырыкских курганов, по определению В. Н. Кононова,

выработаны исключительно из овечьего пуха с толщиной шерстинок 12–27 мкм, в редких случаях до 50 мкм [Руденко, 1953, с. 245]. «Остевые волосы с пухом (грубая шерсть) найдены только в нитях основы импортной ковровой ткани» [Руденко, 1953, с. 244–245].

Все плетеные шнуры, тесьма, шерстяные ткани, изготовленные из нитей, тонины которых превышает 5 мкм, и войлоки Укока включают в себя примесь верблюжьих волос (рис. 2.9); их содержание в различных образцах составляет от 5 до 20 %.

Шерсть верблюда собирается или стрижется. Шерсть у монгольских верблюдов собирают при линьке [Пржевальский, 1948, с. 106], чаще всего в марте (6–10 кг с одной головы) [Архангельский, 1938, с. 358]. Армячина из верблюжьей шерсти была наиболее распространенным видом материи у скотоводов Средней Азии, активно использовавших в своей хозяйственной деятельности верблюдов [Томина, 1989, с. 232]. «Множество кафтанов из верблюжьего сукна вывозят и продают русским киргизы», — писал В. В. Радлов [Радлов, 1989, с. 286–287]. Особенно была популярна верблюжья шерсть для изготовления верхней одежды у туркмен [Морозова, 1989, с. 47]. Хотя верблюд, по мнению Н. М. Пржевальского, есть самое замечательное и характерное животное Монголии [Пржевальский, 1948, с. 102], центральноазиатские скотоводы имели дело с верблюжьей шерстью значительно реже. Заслуженной славой пользовалась красивая и мягкая алашаньская верблюжья шерсть [Пржевальский, 1948, с. 43]. По рассказам Ю. Н. Рериха, кочевники Трансгималаев считали шерсть верблюда лучшим средством от болезней [Рерих, 1982, с. 264]. Наличие небольшой примеси верблюжьей шерсти в пазырыкских войлоках и тканях может быть связано с представле-

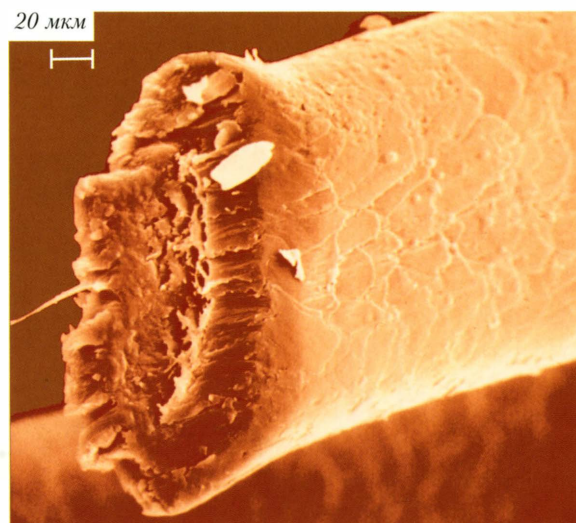
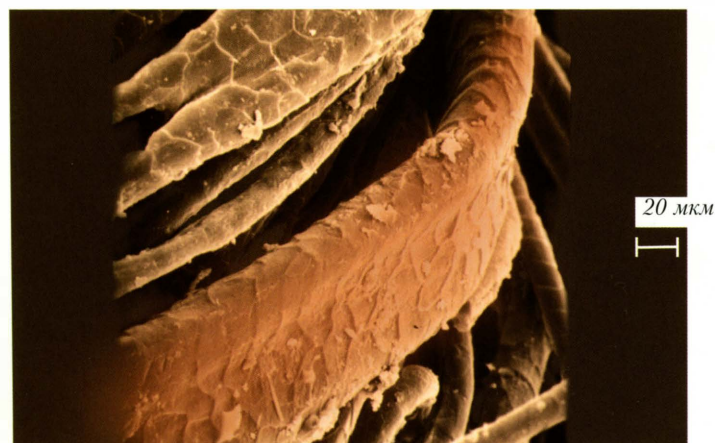
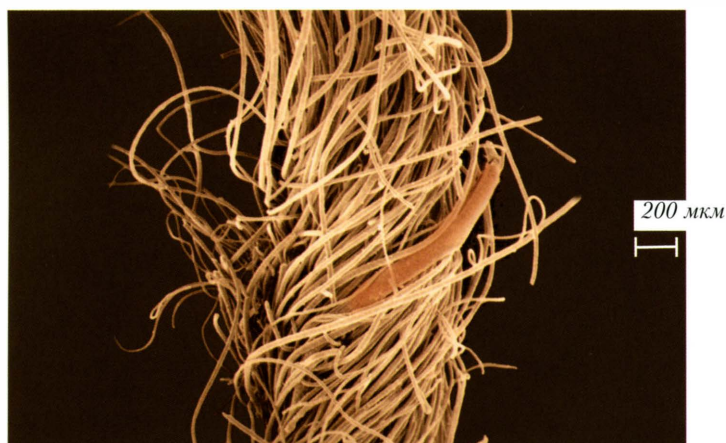
ниями о ее сакральных, оберегающих свойствах и отражать реальное значение верблюдов в хозяйственной жизни людей, пользующихся этими тканями и войлоками¹³. Верблюжья шерсть отличается значительной крепостью и эластичностью, что тоже объясняет ее присутствие практически во всех изделиях, которым с ее помощью стремились придать большую прочность (рис. 2.10–2.12).

В сравнении с тканями из больших Пазырыкских курганов (мы рассматриваем ткани только предположительно местного производства) качество укокских образцов несколько ниже, что, учитывая разницу социальных рангов погребенных, не вызывает удивления. При этом единичные образцы укокских тканей (навершие головного убора из погребения женщины в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3 (рис. 2.13), ткань юбки из кургана 1 могильника Ак-Алаха-5, фрагмент рубахи из Кутургунтаса) практически идентичны лучшим тканям из «царских» курганов. Их единственным отличием является присутствие остевых волос, что, однако, часто не оказывает влияния на числовые показатели качества и внешний вид ткани.

Рис. 2.9. Шерстяные веревочки из пазырыкских погребений Укока

13. Верблюд никогда не играл значительной роли в хозяйственной жизни населения Горного Алтая. Изображения этого животного известны в петроглифах Южного Алтая (Укока, в частности), есть они на бронзовых изделиях и на деревянной резьбе пазырыкцев. Но в количественном отношении они не идут ни в какое сравнение с изображениями верблюдов в искусстве населения Казахстана, Средней Азии, Сибиряния. А кроме того, пазырыкские изображения верблюдов не несут на себе каких-то стилистических особенностей, присущих данной культуре. Хотя известно, что еще совсем недавно юг Горного Алтая был местом разведения верблюдов, в древних памятниках на этой территории никогда не было найдено костей этих животных. Таким образом, мы склонны связывать примесь верблюжьей шерсти в пазырыкском текстиле со среднеазиатской, а возможно, и переднеазиатской традицией, а не «алтайским следом».

Сравнивая используемое сырье и качество тканей, производимых в Горном Алтае и в Синьцзяне в середине и конце I тыс. до н.э., отметим следующие важные моменты. Основная часть шерстяных тканей в синьцзянских оазисах изготавливалась из тонкой овечьей шерсти и, что особенно важно, из пуха козы. Например, в Керии (Синьцзян) при очень разнообразном текстильном сырье животного происхождения, получаемом на месте, видную часть занимал козий пух. (Любопытно, что, по наблюдениям Н. М. Пржевальского (конец XIX в.), козий пух являлся одной из главных статей импорта из Хотана и Керии в Кашмир [Пржевальский, 1948, с. 305].) Затем (в порядке убывания значимости) использовались шерсть овец, верблюда, яка, конский волос, хлопок [Desrosiers, 2001, p. 146]. Таким образом, оказалось, что синьцзянское сырье близко

Рис. 2.10. Микрофотография нитей ткани с примесью верблюжьей шерсти (из этой ткани были изготовлены мужские штаны). Курган 1, могильник Ак-Алаха-1. МА ИАЭТ СО РАН

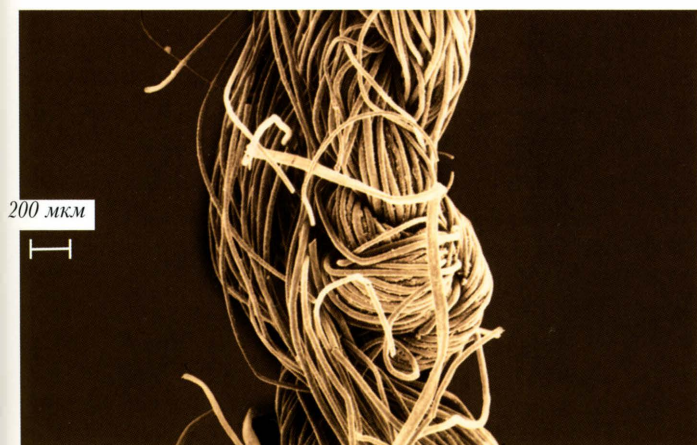

Рис. 2.12. Микрофотография волокон
ткани юбки. Курган 1, могильник
Ак-Алаха-3. МА ИАЭТ СО РАН

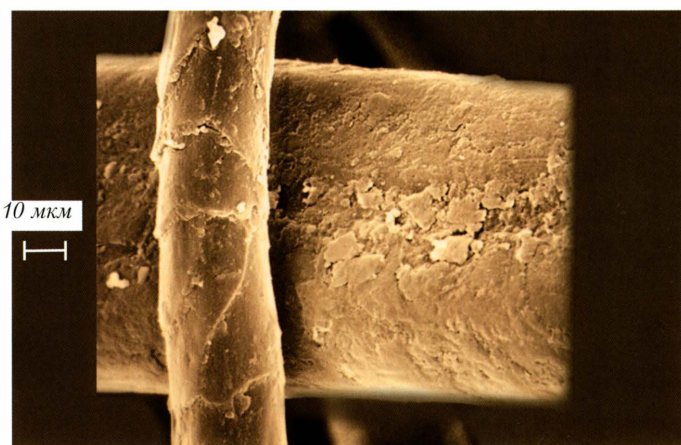
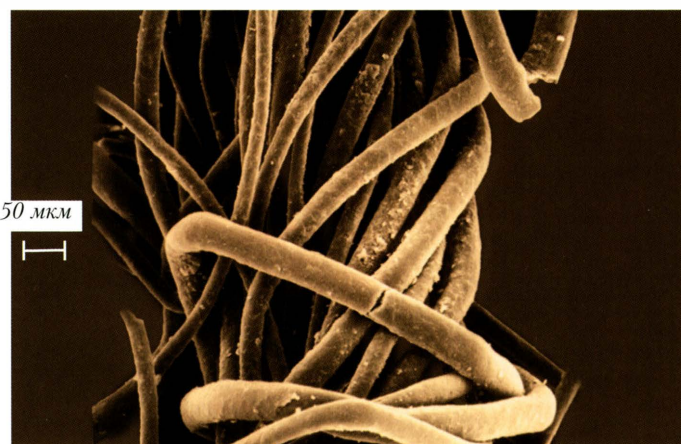
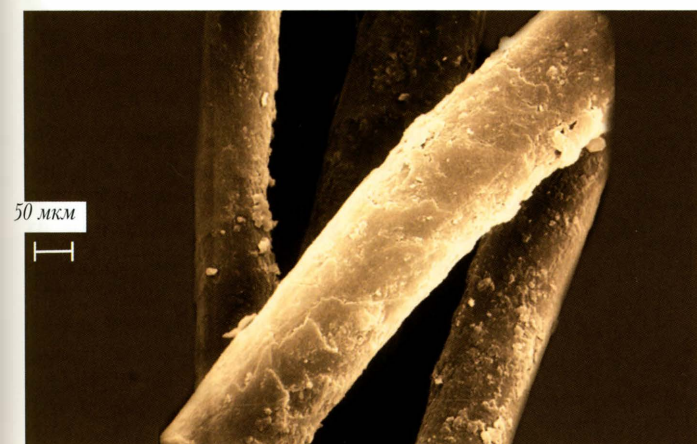
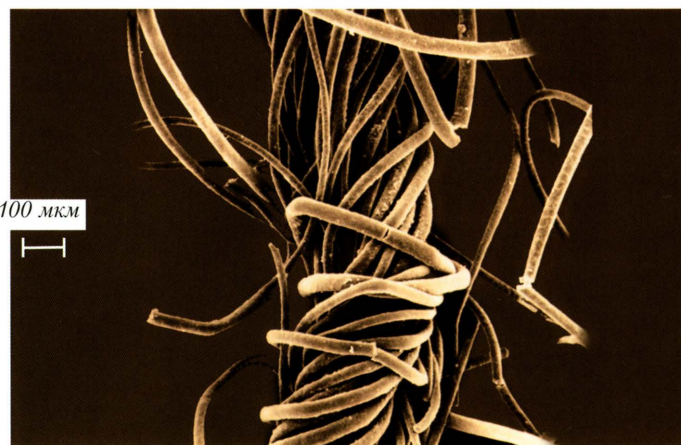

Рис. 2.11. Микрофотография
шерсти верблюда-бактриана
из Цюрихского зоопарка.
Фото Розмари Хонеккер (Institute
of Plant Biology, University of Zürich)

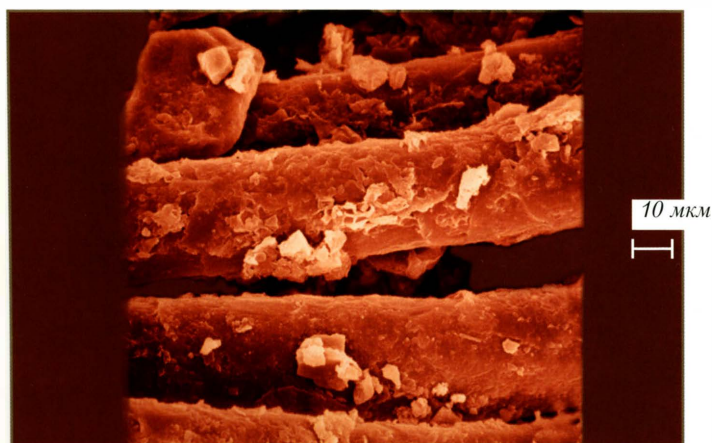
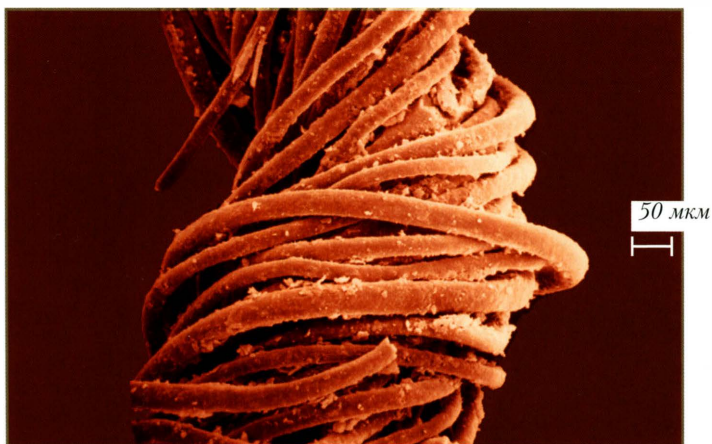

Рис. 2.13. Микрофотография волокон ткани головного убора до реставрации. На всех снимках представлено однородное сырье без примеси верблюжьей шерсти. Курган 1, могильник Ак-Алаха-3. МА ИАЭТ СО РАН

к тому, из которого были сделаны ткани из «царских» курганов [Руденко, 1953, с. 73]¹⁴, но отличается от сырья, которое применяли пазырыкцы, проживавшие в Юго-Восточном Алтае. Последние не имели в своих стадах коз, дающих очень тонкое и шелковистое волокно. Ткань, вытканная здесь, «огрублялась» как присутствием верблюжьей шерсти, являвшейся своеобразным маркером пазырыкского текстиля, так и использованием грубой овечьей шерсти.

Итак, абсолютное большинство текстиля из курганов юга Горного Алтая представляет собой оригинальные изделия, несколько отличающиеся по составу сырья от тканей из «царских» курганов и погребений Синьцзяна. Другой важный отличительный признак — из тех, что являются определяющими в изучении тканей, — сравнительно большое количество ткацких ошибок в тканях Укока и почти полное их отсутствие в древних тканях Синьцзяна [Desrosiers, 2001, p. 145] и «царских» курганов Алтая.

В отличие от алтайских мастеров, ткачи Синьцзяна неожиданно активно использовали в своих текстильных изделиях растительное сырье: листья, стебли злаковых, свернутую солому и т. п. [Desrosiers, 2001, p. 146]. Кроме того, у них существовало узорное ткачество — среди синьцзянских тканей много клетчатых, связанных с европейской традицией [Barber, 1999, pl. 12B, 13A, 13B; Mallory, Mair, 2000, pic. X–XI] или украшенных иными, более затейливыми узорами [Barber, 1999, p. 49, 62, pl. 6A, 6B, 7B, 8A, 10A, 11B и др.].

Шерстяные ткани, изготавливаемые ведущими подвижный образ жизни

скотоводами, были неширокими. Это было связано с устройством простейшего разборного ткацкого станка, который легко переносился с места на место. Ширина всех известных шерстяных пазырыкских тканей не превышает 55 см — такова ширина одной из полос на женской юбке из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3. В массе же своей эти ткани более узки: 45, 34, 29, 17, 15 см. Для сравнения отметим, что импортная, предположительно переднеазиатская, шерстяная ткань, покрывавшая один из войлочных чепраков, обнаруженных в пятом Пазырыкском кургане, имела ширину не менее 60 см [Руденко, 1968, с. 73], а на самом деле — значительно больше. С другой стороны, высококачественные ткани из верблюжьей шерсти, производимые еще недавно многими народами Средней Азии, оставались по-прежнему узкими — не более 20–30 см [Томина, 1989, с. 231]. Ширина шерстяной ткани, как свидетельствуют материалы из Укока, обуславливала конструктивные особенности костюма — по сути, лишенного кроя, в современном понимании этого слова, и сшиваемого из ровных кусков ткани. Заживание при этом достигалось подгибом.

Одни из наиболее древних тканей в Южной Сибири были обнаружены в раннескифских погребениях кургана Аржан. Это шерстяной текстиль, большей частью однотонный, но есть и двухцветные, и четырехцветные фрагменты с рисунками в мелкую полоску, рядами пирамидок и ромбиков. Полихромные ткани, по мнению авторов исследования, «происходят из Передней Азии» [Грязнов, 1980, с. 25; Пламеневская, 1973, с. 199–206]. Наиболее вероятно такое же происхождение яркоокрашенного, многоцветного шерстяного текстиля, сотканного в гобеленовой технике, из кургана Аржан-2 [Логинава, 2004, с. 61–62]. Фрагменты шерстяных тканей найдены в таштыкских погребениях — правда, в очень небольшом количестве. Тем не менее эти несколько находок показывают, что нижняя одежда таштыкцев была шерстяной [Вадецкая, 1999, с. 31]. Окрашенный шерстяной текстиль из Оглахты, известный в больших спитых фрагментах, исключительно близок к фрагментам юбок из Шампулы. Специально исследовавшая археологические ткани Западной Сибири Т. Н. Глушкова пришла к выводу о том, что «для периода II–I тыс. до н. э. на территории Сибири имеются убедительные свидетельства изготовления тканей на вертикальном ткацком станке из шерсти и растительного сырья», но технология изготовления тканого текстиля в древности (бронзовый и раннежелезный века) была, скорее всего, воспринята местным населением у этносов-мигрантов на территорию Западной Сибири, которые принесли сюда в эпоху бронзы культурные традиции ираноязычного мира [Глушкова, 2000, с. 120]. По ее наблюдениям, технология изготовления тканого геометрического узора, хорошо известная по переднеазиатским материалам, не нашла распространения у населения Сибири [Глушкова, 2000, с. 120]. Из всех возможных способов получения узорного полотна остался и закрепился в культурной традиции наиболее простой способ получения саржи на вертикальном ткацком станке [Глушкова, 2000, с. 121]. Эта общая тенденция в развитии сибирского ткачества, выделенная на основании анализа

14. «Судя по шерстяным изделиям и сохранившимся шкурам, можно думать, что одновременно разводились и сравнительно грубошерстные, и весьма тонкорунные овцы. Обследование шерсти двух овечьих шкур с длинным белым руном показало, что одна из них была летняя (от молодой особи) и состояла исключительно из пуха, толщина шерстинки которого колебалась от 10 до 14 мкм. Такой же тонкий пух оказался и в другой, весенней шкуре... Несравненно меньше, по-видимому, разводилось коз. Только в одном пятом Пазырыкском кургане была найдена козья шкура... Пух, как и у овец, чрезвычайно тонкий» [Руденко, 1953, с. 73]. Вполне возможно, что тонкорунные овцы и козы не были в составе местного стада, а их шкуры попали к пазырыкцам вместе с другими вещами из синьцзянских оазисов, где разведение этих животных подтверждается остеологическим материалом.

всего имеющегося на сегодняшний день археологического текстиля Западной Сибири, служит подтверждением тому, что пазырыкские шерстяные гладкие ткани могли быть произведены как на Алтае, так и в других регионах.

У кочевых и полукочевых народов Средней Азии производство пряжи и шерстяных тканей было исключительно женским занятием, не выходящим за рамки домашнего промысла [Томина, 1989, с. 231–236]. Но у центрально-азиатских скотоводов прядением, ткачеством и шитьем нередко занимались мужчины. Описывая быт кочевников Тибета, Ю. Н. Перих отмечал, что «все эти мужчины заняты изготовлением нитей из овечьей шерсти, которые они скручивают в ладонях, а затем наматывают на деревяшку. Это любимое занятие кочевников, пасущих свои стада или сидящих на корточках у лагерного костра» [Перих, 1999, с. 260]. У современных памирских таджиков прядением наравне с женщинами занимаются и мужчины [Литвинский, 1978, с. 53]. Н. М. Пржевальский писал, что «более других развитое, можно сказать, даже единственное, занятие тангутов — это сучение сарлычьей (реже бараньей) шерсти для сукна, из которого делается вся местная одежда. Прядение производится как дома, так и походя, на длинной (0,9–1,2 м) палке, к вершине которой приделана рогулька для висячего веретена... Однако тангуты сами не ткут сукна из приготовляемых ниток, но отдают эту работу китайцам» [Пржевальский, 1948, с. 225]. Кажется, подтверждает это сообщение Г. Н. Потанин, заметивший, что «ткачеством в Сань-Чуани занимаются только мужчины и ткут только шерстяные материи, одну ткань пошире, которая идет на шитье штанов и верхней одежды, другую — поуже, употребляемую вместо поясов. Ткут еще грубую ткань на мешки. Саньчуанцы расходятся по тангутским кочевым стойбищам и нанимаются за плату ткать у тангутов. Разобранные деревянные станки они несут на себе» [Потанин, 1950, с. 392]. Может быть, и пазырыкские ткани изготавливались на заказ пришлыми мастерами? У монголов и тибетцев, обитателей лхадоского округа, как свидетельствовал П. К. Козлов, шитье одежды тоже было сугубо мужским занятием [Козлов, 1947, с. 27]. До сих пор у тибетцев в Заскаре (Гималаи) — княжестве, расположенном в высокогорном районе Индии, на границе с КНР, — женщины занимаются прядением шерсти, а ткачество — исключительно мужская профессия [Пессель, 1985, с. 39]. У горных мачинцев, проживавших в Кэрийских горах, грубое сукно из бараньей шерсти ткут как мужчины, так и женщины, и «оба пола сами шьют для себя одежду» [Пржевальский, 1948, с. 283].

Но не сложность ткацкого станка, как предположил М. Пессель, стала причиной того, что в скотоводческих обществах ткачеством и шитьем одежды часто занимались мужчины, а то, что это ремесло требовало много свободного времени, которого у женщин, занятых с утра до вечера текущими делами, просто не находилось. В пользу этого говорит тот факт, что изготовление ковров у оседлых народов было привилегированным женским занятием, «доступным только при достижении женщиной определенного положения в семье, когда большинство хозяйственных забот входило в обязанности других женщин» [Хлопин, 1980, с. 33–34].

Вероятно, и домашнее ткачество у скотоводческих народов оказалось делом мужчин в силу их меньшей занятости. Тот же М. Пессель наблюдал в Заскаре за тем, как неторопливо работал на ткацком станке старик [Пессель, 1985, с. 39].

Таким образом, находят любопытное подтверждение сведения, приводимые античными авторами при описании тирании амазонок. Диодор Сицилийский (вторая половина I в. до н.э.) писал о народе, управляемом женщинами, у которых царица, провозгласив себя дочерью Ареса, «мужчинам предоставила пряжу шерсти и домашние женские работы... смирение и рабство» [Латышев, 1993, т. 2, с. 310]. У Гиппократа об амазонках сказано: «Они пользуются мужчинами как ремесленниками для работ кожаных, медных и других, требующих сидячего образа жизни» [Латышев, 1992, т. 1, с. 299]. У греков, для которых прядение, ткачество и шитье являлись мифологизированными женскими занятиями, всякое отступление от этого обычая становилось свидетельством женской тирании и связывалось с легендарными амазонками. Именно с ними, скорее всего, ассоциировались и молодые воинственные женщины кочевников.

Шерстяные ткани, как установлено по находкам в погребениях, использовались для пошива одежды всем категориям пазырыкского населения, а не только элите. Но при этом они достаточно высоко ценились. Изделиями из них дорожили. Так, шерстяные штаны, обнаруженные в могилах рядовых пазырыкских воинов-всадников в курганах 1 и 3 могильника Верх-Кальджин-2, имели штопку и заплаты. Следы починки встречаются на фрагментах шерстяных тканей из «царских» Пазырыкских курганов. То же самое можно отметить и для синицзянского археологического текстиля: многие вещи имеют следы штопки или заплат, кроме того установлен факт обновления и продления срока службы изделий путем замены изношенных кромок [Desrosiers, 2001, p. 192]. Заметим, что починка шерстяной одежды не доказывает какого-то особого отношения пазырыкцев к этой категории вещей. Это лишь одно из проявлений их жизненной позиции — точно так же они чинили конскую упряжь, шубы, деревянную и металлическую посуду, украшения и т.д. Любая вещь использовалась до последней возможности. Нередко после того, как она приходила в полную негодность, ее фрагменты, детали, обрывки продолжали свою жизнь в культуре в каком-нибудь ином, часто не менее важном, качестве.

Ткани даже собственного производства являлись в обществе кочевников одним из лучших, дорогих и особо ценных подарков. Г.Н. Потанин во время визита к гэгэну получил в подарок от него «две трубки темно-красного тибетского сукна» [Потанин, 1950, с. 262]. А в 1976 г. известный французский путешественник М. Пессель сам подарил мальчику в Заскаре (Гималаи) рулон местной шерстяной ткани шириной в 25 см и длиной в тридцать мер по длине руки — единственной, принятой там для ткани, мерки. Высокая стоимость этой ткани, вначале удивившая М. Песселя, оказалась вполне оправданной, т. к. изготовление такого рулона требовало нескольких месяцев работы [Пессель, 1985, с. 41].

Рис. 2.14. Два образца хлопковой ткани из второго Пазырыкского кургана. Фрагмент рубахи. Эрмитаж, № 1684–257

Хлопок

15. «Западный Меридиональный путь проходил главным образом по степному плоскогорью с северными климатическими особенностями, что значительно облегчало движение по нему центральноазиатских кочевников» [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 218]. Именно эта особенность Западного Меридионального пути явилась, вероятно, главной причиной абсолютного преобладания юго-западных контактов как у пазырыкцев, так и у жителей синьцзянских оазисов, и менее заметных связей с внутренним Китаем. Еще в начале XX в. Китайский Туркестан (Синьцзян) был очень обособлен от Внутреннего Китая. Н. И. Вавилов пишет, что «почта из Кашгарии направляется в Пекин через Ташкент и Москву, по Великому сибирскому пути в Харбин, Мукден, совершая длинный круговой путь. Тем не менее, путешествие по нему в три раза быстрее, чем по прямой дороге через пустыни от Кашгара до Пекина, требующее трех месяцев караванного пути» [1987, с. 66].

Хлопчатобумажные ткани — чрезвычайная редкость в пазырыкских могилах. Пока найдено лишь два изготовленных из хлопка изделия — это рубахи из второго Пазырыкского кургана (рис. 2.14, 2.41). Аналогичные рубахи из хлопчатобумажной ткани были найдены в могильнике Шампула (Синьцзян) [Schorta, 2001, p. 92].

Хлопчатобумажные ткани, вероятно, попали на Алтай по Западному Меридиональному пути¹⁵, связывающему Южную Сибирь, Центральную Азию и северо-западные районы Китая с Юго-Восточной Азией (Юго-Западным Китаем, Вьетнамом, Бирмой и районами Северо-Восточной Индии, в древности также входившей в эту историко-этнографическую область) [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 217]. Они относятся, по мнению Е. И. Лубо-Лесниченко, к т. н. «шуским» холстам, упомянутым Чжан Цзянем (140–130 гг. до н.э.), которые уже с IV в. до н.э. большими партиями поступали на север [Там же, с. 222–224, 229]. В самом Китае культура хлопководства получила широкое распространение только в послетанское время [Там же, с. 274].

Центральноазиатские народы оказали значительное влияние на ряд культур и народов Юго-Восточной Азии, что одинаково хорошо прослеживается как на археологическом (см., например, [Деопик, 1979, с. 62–67]), так и на этнографическом (например, [Чеснов, 1976, с. 133–160]) материале. Представляется, что следы пазырыкцев Горного Алтая (вернее, их культуры, поскольку сами пазырыкцы — капля в море в одной из самых густозаселенных частей земного шара) затерялись где-то среди народностей, проживающих ныне в горных районах Южного Китая, таких, например, как ицзу (провинции Юньнань, Сычуань), предками которых были древние дяньцы, испытавшие в V–II вв. до н.э. сильное влияние степных народов («сай и» китайских хроник, т.е. саков, по определению Чжан Цзэнци [1991, с. 324–325], и жителей Ордоса, создателей т.н. ордосских бронз, как считает С. А. Комиссаров [1994, с. 38–41]). Среди тех, кто пользовался Западным Меридиональным путем, были, скорее всего, и пазырыкцы, и родственные им обитатели синьцзянских оазисов.

Женский костюм

Шубы

Рис. 2.15. Реконструкция женского костюма из второго Пазырыкского кургана.

Головной убор-парик реконструировался по аналогии с найденным в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3, поскольку во втором Пазырыкском кургане был обнаружен почти полный комплект украшений подобного головного убора-парика — **деревянные фигурки птиц и оленя, шерстяные красные вязаные наконечники**. Голова женщины была полностью обрита [Руденко, 1953, табл. XXIX, 1–4]. В ухе изображена **золотая серьга** персидской работы [Руденко, 1953, табл. XXVII, 10], на шее — **гривна** [Руденко, 1953, табл. XXIX, 1, 2]. Хлопчатобумажная **рубашка** окрашена в красный цвет, **юбка** из красных и зеленых полос шерстяной ткани. На плечи накинута **шуба**, сшитая из собольего меха (мехом внутрь и наружу). Ее фрагменты были приняты за своеобразный головной убор [Руденко, 1953, с. 122], в виде которого они и были собраны при реставрации [Руденко, 1953, табл. XXVI, 4; табл. XCVI, 3]. Но в свете последних находок предметов одежды пазырыкцев эти фрагменты меха черного жеребенка следует считать частью отделки собольей шубы, украшенной кожными ромбовидными аппликациями, покрытыми золотой фольгой. От этой шубы сохранился рукав, украшенный двумя кожными пластинами, покрытыми золотой фольгой [Руденко, 1953, табл. XCVI, 1]. Фасон этого конкретного изделия, конечно, не ясен во всех деталях, но мех жеребенка с кожными аппликациями, скорее всего, служил для отделки шубы. На ногах женщины изображена одна из пар **кожаных сапожек**, подошва которых сплошь расшита бисером и кристаллами пирита [Руденко, 1953, с. 118–120]. **Сумочка, войлок с узорной каймой и бронзовый котелок** с обмотанными берестой ручками и камнями внутри — реальные вещи, найденные в кургане [Руденко, 1953, табл. XCVI, 1; XCII, 1; XXIV, 2]. Реконструкция выполнена Д. В. Поздняковым

Всего известно четыре более или менее полно реконструируемых изделия: две шубы из второго Пазырыкского кургана и две — из могильника Верх-Кальджин-2. Кроме них существуют еще и многочисленные фрагменты из разных курганов и могильников (рис. 2.15, 2.16, 2.17, 2.18, 2.19, 2.23, 2.27, 2.30).

Значение шубы в традиционном обществе подчеркивало особое отношение к ней. Так, у народов Кавказа (Горный Дагестан) «во время свадьбы, отправляясь в дом жениха, будь то летом или зимой, невеста обязательно накидывала на голову шубу. В шубах проводились многие другие обрядовые церемонии. Женщина, потеряв близкого человека, должна была весь траур (год–два) ходить в шубе, не снимая ее даже под палящими лучами солнца, во время работы в поле» [Булатова, Гаджиева, Сергеева, 2001, с. 33]. В разных культурах было принято усаживать невесту на шубу или мохнатую шкуру животного. Получило распространение также хождение по ней [Карпов, 2001, с. 101]. У русских в одной шубе могло венчаться несколько поколений, т. к. она переходила по наследству от матери к дочери, от бабушки к внучке [Шнякина, 2002, с. 235].

Одежда из тканей (юбки, рубахи, штаны) и в меньшей степени войлока (войлочные шляпы, чулки, плащи) находит прямые аналоги среди реальной одежды жителей синицынских оазисов. Вместе с тем пазырыкские шубы оригинальны и неповторимы. Из столь же древних, подлинных изделий мы можем назвать шубы, обнаруженные в погребениях Синицына, и шубы, принадлежащие тагарцам [Мартынов, 1979, с. 114] и таптыкцам [Ваденская, 1999, с. 52–58] Южной Сибири.

Рис. 2.16. Рукав женской шубы.
Второй Пазырыкский курган.
Эрмитаж, № 1684–196

Рис. 2.17. Реконструкция женского костюма из второго Пазырыкского кургана (раскопки С. И. Руденко). В кургане, скорее всего, имелось два комплекта женской одежды: две юбки, две шубы, две рубахи, две пары войлочной и кожаной обуви. Эти вещи (если верно наше предположение, что они принадлежали одному человеку) взаимозаменялись и могли носиться в любом сочетании. На реконструкции представлен один из возможных вариантов, второй — на рисунке 2.15.

Головной убор. Колпак шит из темно-коричневого толстого войлока, его поля украшены круглыми кожаными нашивками, покрытыми золотой фольгой.

Как головной убор фрагменты изделия были восстановлены только в 2003 г.

Шуба. Данный вариант реконструкции приводится впервые. Его принципиальное отличие от предыдущих состоит в том, что деталь, которая раньше считалась нагрудником, теперь атрибутирована как фалда («хвост»). В таком виде эта шуба реставрируется в настоящее время в реставрационной мастерской Эрмитажа. Шуба шита из беличьего меха шерстью внутрь, с отделкой из меха выдры (?), выкрашенного в синий цвет, и из меха черного жеребенка.

Рубаха. Была описана С. И. Руденко как мужская, шитая из волокна конопли или кендыря, светлая [Руденко, 1953, с. 104]. После современного изучения ткани физико-химическими методами оказалась шитой из хлопка, окрашенного в красный цвет. Насколько интенсивно красным был цвет рубахи — установить невозможно, но то, что рубаха не была белой, — очевидно.

Юбка. Была изготовлена из шерстяной ткани. Сохранилась большим шитым фрагментом [Руденко, 1953, с. 246–247, табл. ХСVIII].

Была реконструирована на основе аналогий юбке из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 и многочисленным находкам в погребениях Синьцзяна (Субаши, Черчен, Кэрия и др.).

Обувь. В данный вариант костюма включены кожаные полусапожки, сохранившиеся полностью [Руденко, 1953, с. 121–122, табл. ХСVI, 4]. Реконструкция выполнена Д. В. Поздняковым

Шубы были главной и наиболее эффектной частью пазырыкского костюма. Они явились неким симбиозом обычных шуб (тех, что мы называем сейчас тулупами, — из цельных шкур, чаще всего бараньих, мехом внутрь, без воротника и практически без всякой отделки, запахивающихся), которые, надо полагать, всегда в силу природно-климатических условий носились древним населением Горного Алтая и которые мы можем воочию увидеть в погребениях могильников Синьцзяна — Джумбулак Кум, Субашин, Вуну [Richard, 2001, p. 198–199; Mallory, Mair, 2000, pl. VI; Cen Yunfei, 1997], и того искусства в изготовлении одежды, что принесли с собой на Алтай выходцы с территории Ахеменидской империи, где в это время на основе простого тулупа, нередко носившегося внакидку, был создан парадный церемониальный кандис, реальным образцом которого, вероятно, является кафтан из горностая, обнаруженный в Катадинском кургане (рис. 2.34). Пазырыкские шубы — это тоже кандис, созданный в сакской среде и украшенный в соответствии с возможностями и вкусами скотоводов. Шубы изготавливали из шкур как домашних животных — овец и лошадей (в Синьцзяне — в основном только домашней овцы), так и диких — тарбаганов, белки, соболя, горностая. Любопытное свидетельство о бытовании шуб из драгоценного меха в Западной Хань (II–I вв. до н. э.) встречается в трактате «Спор о соли и железе»: «Ныне богатые [носят шубы] из горностая (?) и соболя, из белого меха лисиц...» [Хуань Куань, 2001, с. 86]. Для многих сибирских народов использование

Рис. 2.18. Фрагмент женской шубы.
Второй Пазырыкский курган.
Эрмитаж, № 1684–196

ценных мехов для пошива одежды было достаточно распространенным явлением. К примеру, до прихода русских якуты шили шубы из меха соболя, рыси, лисы и горностая [Гаврильева, 1998, с. 32]. Верхняя одежда, сшитая из меха соболя или с отделкой из него, обнаружена не только в «царских» пазырыкских курганах, но и в курганах Уландрыка, Юстыда и других могильниках (см., например, Кубарев, 1987, с. 84–85, 1991, с. 92–93).

Шубы — одна из наиболее важных частей в системе жизнеобеспечения пазырыкцев. Эта функция определялась средой обитания, родом занятий, всем образом жизни. В покрое, размере, фасоне шуб не могло быть ничего случайного. В качестве верхней (и в этом смысле, в сущности, единственной) одежды шуба «отвечала» за саму жизнь человека и потому должна была быть предельно функциональной¹⁶. Описывая чукотскую кухлянку, В.Г. Богораз заметил: «Она так широка, что, когда руки втянуты внутрь, человек может без труда поворачиваться в одежде как в маленькой палатке. Когда чукче приходится спать на открытом воздухе, — продолжает исследователь, — он прекрасно устроивается с помощью своей кухлянки: туго затягивает ремень, втягивает внутрь кухлянки руки, поднимает меховой воротник и голову тоже втягивает внутрь кухлянки, затем затыкает отверстие ворота шапкой и в таком положении может безмятежно и покойно спать при самом сильном морозе, в любую выюгу» [Богораз, 1991, с. 171]. Дагестанскому горцу в холодное время длинная и широкая баранья шуба-накидка свободно заменяла постель: завернувшись в нее, мужчина комфортно спал в любых условиях — как в помещении, так и вне его [Булатова, Гаджиев, Сергеева, 2001, с. 78]. Описанные способы использования шуб вполне подходят и для пазырыкцев.

Рис. 2.19 (1, 2). Фрагменты женской шубы. Основной мотив орнамента аппликации, украшавшей женскую шубу, — нечто вроде петушиных гребешков, внутри которых нашита медная, крытая золотом баранья головка в кольце. Баран в данном случае может выступать как зооморфный облик фарра (пехлевийское *xwarrāh* «слава, сияние, величие, верховная власть»); божественная сущность, обладание которой дает право на власть, богатство, могущество и счастливую судьбу [Чуакова, 2004, с. 228–230]. Второй Пазырыкский курган.

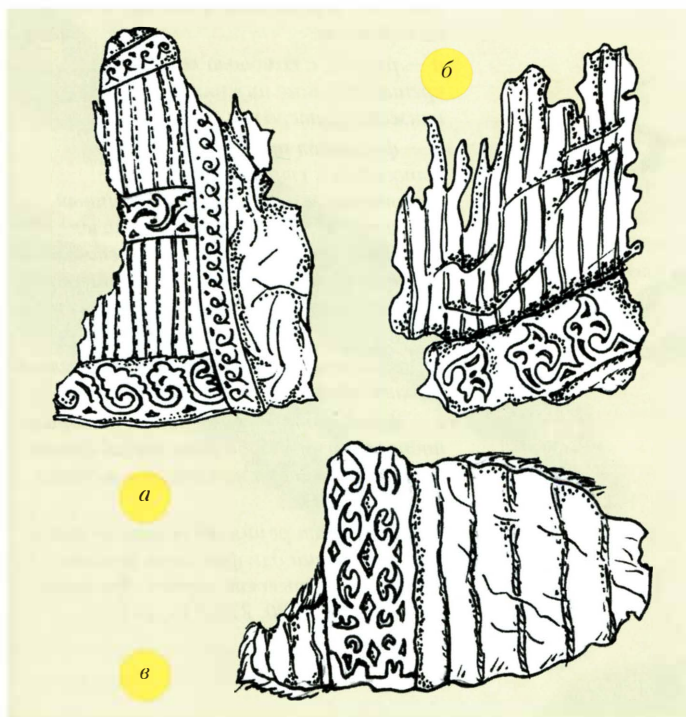

Рис. 2.20. Фрагменты шуб из могильника Юстыд-12:

а — курган 22;
б — курган 25;
в — курган 26.

Раскопки В.Д. Кубарева [1991, с. 92–93]

16. «Как укрытие, предохраняющее от неприятного, исходящего извне (жара, холод, дождь, ветер и т. п.), одежда отчасти аналогична дому-жилию; человек "живет" в одежде, как в доме, только дом этот носится на себе самим человеком, и оба эти дома — и "переносной", и "неподвижный" — по-своему участвуют в жизнеобеспечении человека» [Елизаренкова, Топоров, 1999, с. 521].

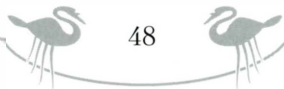
17. Редкий вид отделки из меха жеребенка сохранился в этнографических южноалтайских шубах. Вот как описывал их В.И. Вербицкий: «Рукава у шуб еще просторнее в плечах, чем у халатов, так что спина занимает в ширину не более 4 вершк., а остальная задняя часть занята рукавами, которые торчат назад и наводят подозрение на хозяина шубы: не связаны ли у него руки в локтях? И еще на бараньей шубе кайма полагается, большей частью из конской кожи, шерстью вверх, преимущественно рыжего цвета» [Вербицкий, 1993, с. 24].

Одновременно это должна была быть изысканная, наполненная информацией вещь. «Одежда служила не только телу, но и душе, которую она могла радовать или своей красотой, или тем, что она выступала знаком определенного статуса, связанного с престижем» [Елизаренкова, Топоров, 1999, с. 522]. Все пазырыкские шубы украшены оригинальными и искусно выполненными кожаными аппликациями, покрытыми золотой фольгой, опушкой из меха соболя, горностая, белки, крота, жеребенка¹⁷, кистями конских волос (нередко окрашенными) (рис. 2.19).

К характерным особенностям пазырыкских шуб можно отнести отсутствие специальных завязок или застежек — они запахивались и подвязывались поясом. Это отличает их от шуб, которые носили тагарцы и таптыкцы Минусы и Кузнецкой котловины (шубы представителей этих культур имели полы, завязывающиеся ремешками встык [Вадецкая, 1999, с. 54]), и сближает с изделиями из Синьцзяна, столь же широкими и запахивающимися. Фрагменты кожаных поясов, подпоясывавших верхнюю одежду, обнаружены во втором Пазырыкском кургане и в кургане 3 могильника Верх-Кальджин-2 (рис. 2.21, 2.22). Бросается в глаза оригинальность исполнения — это прочные и в то же время ажурные по виду вещи: на замшевую поверхность более толстой основы накладывалась тонкая резная кожа.

Пазырыкские шубы (а еще более синьцзянские) напоминают шубы-накидки с ложными рукавами, характерные для большинства народов Дагестана. Вот как они описываются: «рукав имел низко спущенную прямую пройму и к концу сужался до такой степени, что мог выполнять роль кармана... Застежек на шубе не было, и в надетом виде ее придерживали изнутри у ворота рукой». Эти шубы горцы носили, не снимая, большую часть года [Булатова, Гаджиева, Сергеева, 2001, с. 78–79]. Подобные шубы сохранились в Средней Азии у туркмен [Морозова, 1989, с. 45–46].

а

б

Рис. 2.21. Фрагменты кожаных поясов:

а — фрагмент основного пояса, которым подпоясывалась шуба и на котором носились чекан и кинжал;

б — фрагмент украшенного конца стрелкового пояса, на котором носился горит.

Курган 3, могильник Верх-Кальджин-2. МА ИАЭТ СО РАН. Раскопки В.И. Молодина

Рис. 2.22. Фрагменты кожаных поясов пазырыкцев:

а — ремень, с помощью которого крепилась к ноге нижняя часть ножен кинжала (бутероль);

б — фрагмент предположительно относится к стрелковому поясу, на котором носился горит, а длинный украшенный конец пояса свешивался спереди — так, как можно увидеть на многочисленных изображениях воинов (персов, саков и т. д.) на персепольских барельефах;

в — фрагмент может являться отделкой верхней одежды (шубы), а не поясом;

г — фрагмент основного пояса, которым подпоясывалась шуба (или любая другая верхняя одежда) и на котором носились чекан и кинжал;

д — фрагмент ремня от основного пояса (г), служивший для фиксации чекана. Второй Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1684–227, 230, 233, 235, 241

д

Отсутствие какого бы то ни было воротника, кроме известного по женской шубе из второго Пазырыкского кургана (у таптыкских шуб был стоячий воротник [Вадецкая, 1999, с. 54]), завершило формирование образа «пазырыкца в шубе» (рис. 2.23). Может быть, от холода шею защищал меховой нашейник (из хвостов волка, лисы, белки; заячьей шкурки; козлых камусов), известный многим сибирским народам (чукчам [Богораз, 1991, с. 176], якутам, эвенкам, хакасам, сагайцам, бельтирам, койбалам, тувинцам [Вайнштейн, 1991, с. 166]), но пока никаких следов чего-то, напоминающего меховой шарф, не обнаружено. Надо отметить, что присутствие или отсутствие воротника на шубе может быть связано с более или менее суровым климатом. Так, например, у киргизов на севере и в северных районах Ошской области тулупы шьют с большим меховым воротником, а на юге тулупы иногда шьются без воротника [Абрамзон, 1963, с. 257].

Еще одной отличительной чертой пазырыкской меховой одежды (на это обратил внимание С.И. Руденко) является повсеместное прошивание верхнего слоя мездры сухожиливыми нитками, что создавало своего рода каркас, придающий изделию прочность. Этому принципу следовали даже при изготовлении бараньих шуб (например, из кургана 1 могильника Верх-Кальджин-2) — достаточно прочных, казалось бы, и без такого каркаса. Представляется, однако, что выделка мездры была настолько тщательной, что доводила мех и замшу до состояния плотной ткани — по легкости и способности к драпировке. Именно эти ка-

a

b

Рис 2.23. Мужская шуба из овчины и меха сурка, вид спереди. Двухсторонняя, мехом внутрь и наружу. Длина — 96 см, ширина изделия по подолу в сложенном виде — 79 см, длина рукава от ворота — 105 см. На правом рукаве сохранился шерстяной шнурок, которым, вероятно, затягивался рукав. В нижней правой части спинки шубы обнаружены украшения в виде меховой аппликации и окрашенных красным кисточек из конского волоса.
a — общий вид;
б — реконструкция пазырыкца в шубе (выполнена Д.В. Поздняковым).
Курган 1, могильник Верх-Кальджин-2.
МА ИАЭТ СО РАН.
Раскопки В.И. Молодина

чества компенсировали поражающие современных исследователей огромные размеры пазырыкских шуб — несмотря на громоздкость, шубу носить было столь же легко, как и одежду из ткани. Но при такой выделке «каркас» был необходим. Бараньи шубы из погребений Синьцзяна, как и таштыкские изделия, нередко были выполнены из сшитых между собой небольших кусочков меха, в технике «пэчворка» [Richard, 2001, p. 198; Вадецкая, 1999, с. 54]. Таштыкские шубы отличались от пазырыкских еще и тем, что их надевали по две: мехом внутрь и наружу. Поверх первой шубы надевался еще меховой нагрудник, а на отделку воротника и бортов шел собачий мех, вообще не встречающийся в одежде пазырыкцев [Там же]. Таштыкская одежда относится Э. Б. Вадецкой к древнесамодийской — ее черты сохранились в костюме энцев, ненцев, нганасан [Там же].

Замечательным образцом пазырыкской мужской шубы из меха соболя является экземпляр, найденный во втором Пазырыкском кургане: расположенные на спине симметричные кожаные аппликации фантастических оленей с развернутыми вертикально рогами-деревьями поражают изысканностью вкуса и мастерством исполнения. Рога-деревья с отростками в виде грифоновых головок, украшенных золотой фольгой, находят аналоги в фигурках оленей из Филипповского кургана. Собственно, такие же рога, каждый завиток которых оканчивается головкой грифона, нарисованы у фантастических зверей — оленей-козерогов-грифонов — на пазырыкской татуировке. Украшение верхней одежды изображениями оленей имеет давнюю традицию, восходящую к раннескифскому времени и нашедшую отражение в т. н. оленных камнях. Оленные камни единодушно считаются схематическим изображением человека-воина. Кроме воинской экипировки на них изображались либо детали и украшения костюма, либо татуировка. Так, например, у пазырыкцев верхняя одежда украшалась изображениями оленей и рыб. Эти же образы были и на татуировке мужчины из второго Пазырыкского кургана.

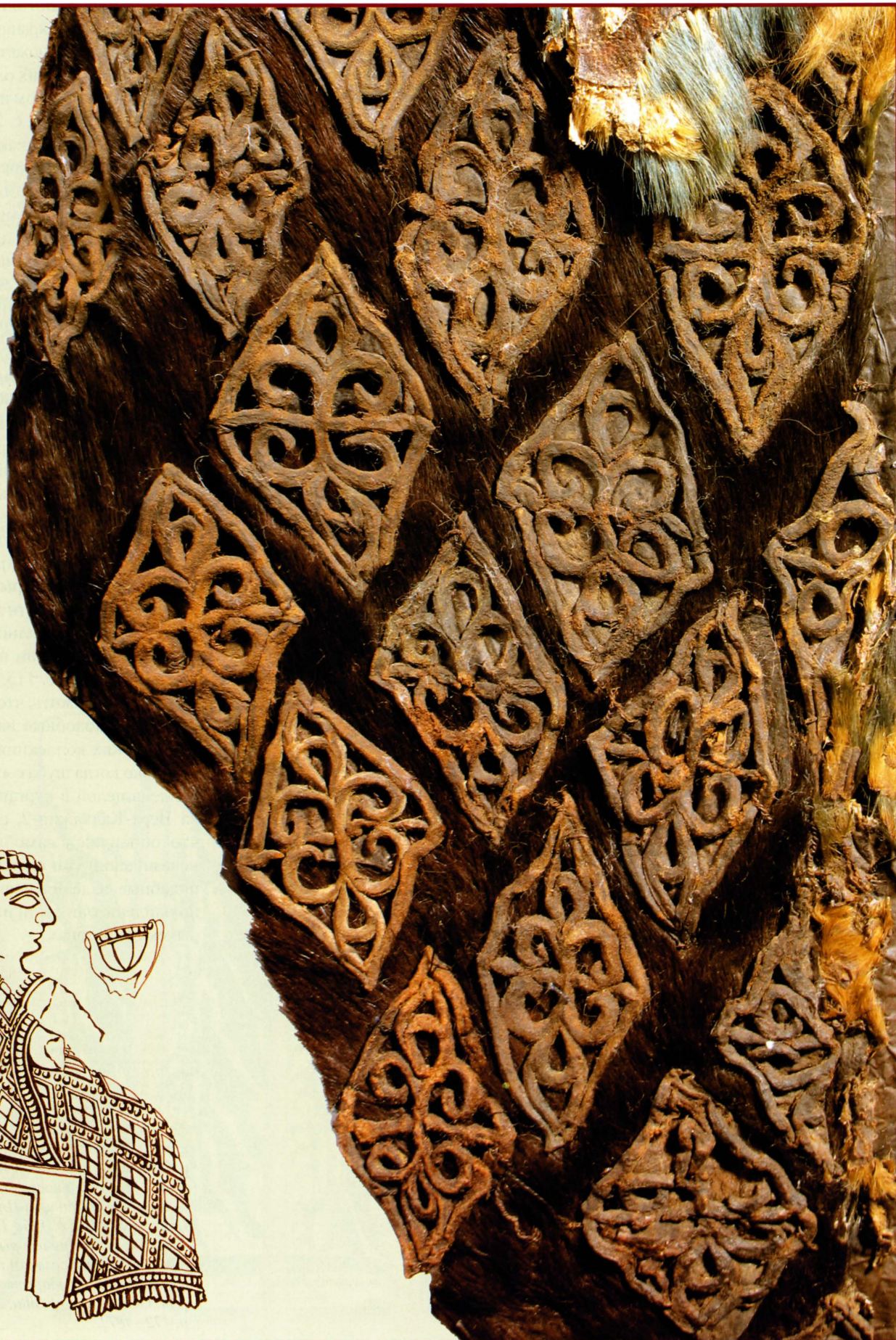

Рис. 2.25. Золотая фольга — покрытие кожаных аппликаций, украшавших шубу женщины. Курган 1, могильник Ак-Алаха-3. МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 2.24. Фрагмент отделки женской шубы, выполненной из меха черного жеребенка с пришитыми кожаными украшениями. Второй Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1684–206. В отделке некоторых, наиболее нарядных образцов шуб (курган 1, могильник Ак-Алаха-3, второй Пазырыкский курган) присутствуют элементы украшений, напоминающих парадный ассирийский костюм. Это кожаные ромбы с простым орнаментом внутри, покрытые золотой фольгой (рис. 2.25) (сравните с орнаментом костюма ассирийской царицы на рис. 2.26), или деревянные (как на катандинском кафтане на рис. 2.34), покрытые золотой фольгой нашивки

Рис. 2.26. Прорисовка костюма ассирийской царицы (рельеф, слоновая кость). Британский музей [Мерцалова, 1993, с. 47]

а

Связь изображений на оленных камнях с реальными украшениями одежды (или татуировки) может быть подкреплена одним из редких оленных камней Монголии, на котором изображены две рыбы [Волков, 2002, с. 223, табл. 108]. Среди деталей пазырыкского мужского костюма неоднократно находили кожаные изображения рыб, всегда рядом с оружием. Их местоположение и размеры позволяют думать, что они могли быть украшением горита или подвесками к поясу либо служили ремнями для подвешивания оружия [Кубарев, 1992, с. 84–85]¹⁸.

Наиболее оригинальны по сравнению с другими пазырыкские шубы с «хвостами» (рис. 2.30). Их носили и мужчины, и женщины, и дети. Они довольно коротки — примерно до середины бедра. У такой шубы сзади пришита фалда (кусочек выделанного меха), являющаяся ее продолжением. Фалда («хвост») украшалась так же, как и вся шуба. Встреченные отдельно во втором Пазырыкском кургане и детском седьмом, эти детали поначалу идентифицировались с нагрудниками — уж очень они их напоминали [Руденко, 1953, с. 115, 117]. Трудно было предположить, что это «хвосты», поскольку подобные изделия в этнографических коллекциях неизвестны. И только когда шуба с «хвостом» была найдена целой в кургане 3 могильника Верх-Кальджин-2, стало понятно, что обнаружен самобытный, давно исчезнувший тип одежды. Возможно, подобные изделия носили и раньше, но найдены они были именно в Пазырыкских курганах.

18. Золотые рыбы — подвески к поясу — «очень длинные и большие», отметил Чжоу Цюй-Фэй у вьетского посла, приехавшего с дарами в провинцию Цинь [Чжоу Цюй-Фэй, 2001, с. 135]. Небольшие золотые и серебряные рыбки были обязательным брелоком на поясах царских особ государства Силла [The Golden Arts of Silla, 2001, p. 172–187].

Рис. 2.27. Мужская соболья шуба, украшенная кожаными аппликациями в виде голов оленей с высокими рогами-деревьями, каждый завиток которых — головка грифона. Наружная сторона шубы прошита параллельными рядами тонкой сухожильной нитью. На 1 см шва приходится до 20 стежков. Подол окантован полоской кожи, на которую нашиты кожаные, покрытые золотой фольгой изображения рогов. Борта опушены полоской меха, окрашенного в синий цвет [Руденко, 1953, с. 106].
 а — общий вид;
 б — детали аппликаций.
 Второй Пазырыкский курган.
 Эрмитаж, № 1684–202

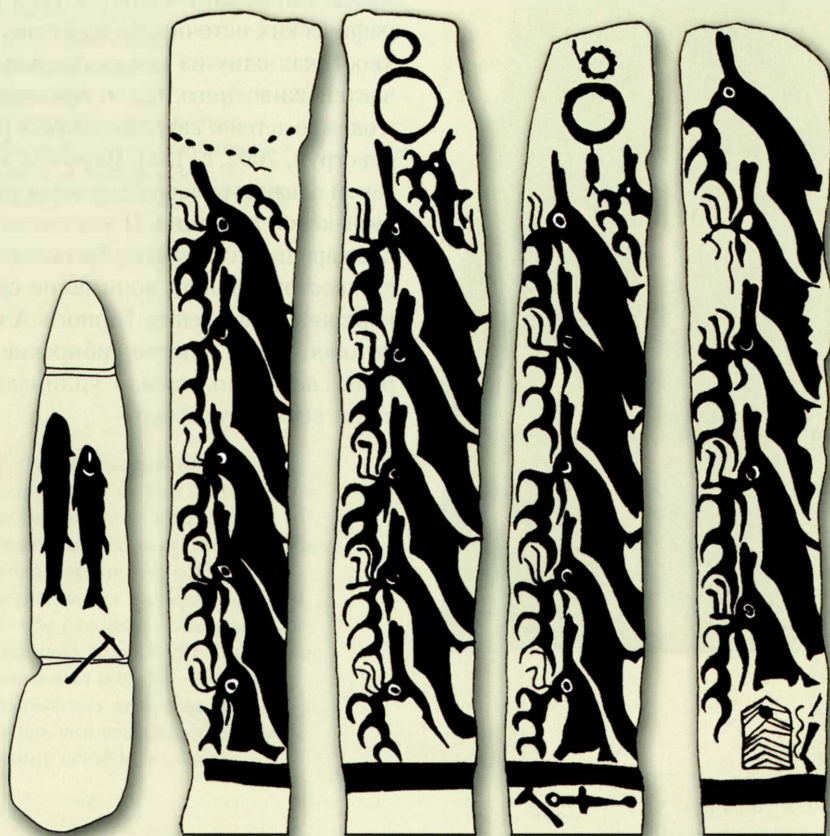

Рис. 2.28. Прорисовка изображений на оленних камнях Монголии, VII—VI вв. до н.э. (по Волкову, 2000)

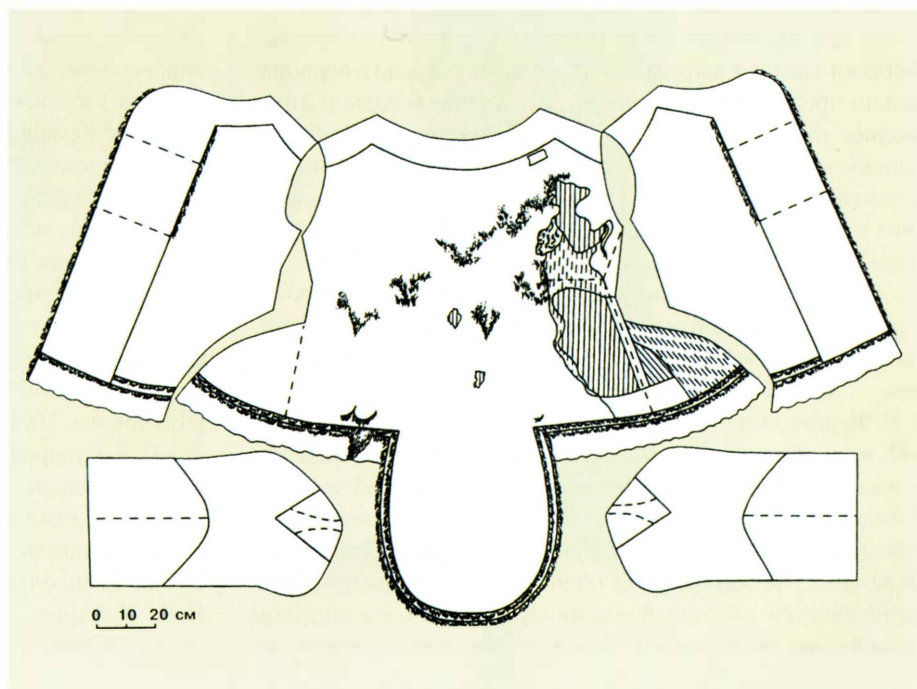
Рис. 2.29. Изображение согдийца.
Персеполь, ападана, северный вход,
лестница

Пазырыкские шубы, несмотря на кажущуюся массивность, были легкими, теплыми и недлинными (по современной терминологии, это скорее полушубки) (рис. 2.32), чем отличались от длиннополых алтайских и казахских шуб [Потапов, 1949, с. 66] (рис. 2.33). Похожую одежду (но без «хвоста») носили таежные охотники и рыболовы — селькупы, ханты, манси, эвенки, тувинцы-тоджинцы, кеты, ненцы. Для охоты в тайге (в частности, на лыжах) очень уместен «хвост» на шубе: при движении он не мешал, зато был незаменим на привале и ночевке (рис. 2.30). Но с «хвостом», как предметом производственной необходимости, все не так просто, поскольку «хвост» присутствовал и на нарядных женских шубах. Вероятно, это тот случай, когда удачно найденная форма одежды была и производственной, и престижной, различаясь в материале и украшениях¹⁹. Мы не встречали подобных «хвостатых» шуб нигде, за исключением американских эскимосов, но в костюме многих сибирских народов задняя часть верхней меховой одежды часто удлинялась по сравнению с передней, иногда — в виде небольшого «хвоста». Из этнографических источников известно, что хвост, как одну из самых сакральных частей животного, часто пришивали к одежде детей в качестве оберега [Фильструп, 2002, с. 194]. Впрочем, крой такой одежды сильно отличался от пазырыкской традиции. Представляется, что нарядные сакские шубы (кандисы) с «хвостом» нашли понимание среди коренного населения Горного Алтая, которое, как и многие сибирские народы, вероятно, носило удлиненную сзади верхнюю одежду.

Рис. 2.30. Пазырыкская «хвостатая» шуба:
а — фрагмент шубы;
б — вид спереди;
в — вид сзади;
г — прорисовка кроя шубы
и расположения меховой опушки.
Курган 3, могильник Верх-
Кальдзин-2. МА ИАЭТ СО РАН

19. Любопытной аналогией пазырыкским шубам с «хвостом» может стать изображение удлиненных сзади курток на воинах, предположительно согдийцах, изображенных на персепольском рельефе (ападана, северный вход, лестница) (рис. 2.29). Возможно, именно эта одежда — прообраз пазырыкских шуб, а последние — это то, чем стала согдийская верхняя одежда на Алтае.

Довольно странной одеждой среди обнаруженных в пазырыкских курганах экземпляров представляется т. н. катадинский «фрак» (рис. 2.31). Катадинский курган, раскопанный в 1865 г. В. В. Радловым, стоит несколько особняком в ряду «царских» пазырыкских курганов. Его выделяет необычный способ захоронения — умершие были уложены в нем на погребальные лежа-столы. Судя по описанию В. В. Радлова, эти лежа не были похожи на разборные кровати, которые неоднократно находили в пазырыкских погребениях, в том числе и на Укоке. Более всего они близки к деревянному столу, обнаруженному в погребальной камере второго Туэктинского кургана [Руденко, 1962, с. 109, 201]. Поскольку курган потревожили еще в древности, предназначение стола остается неясным до сих пор. Погребальные лежа-столы — элемент обряда, характерного в тот период для Ахеменидов. Арриан так рассказывал о погребении Кира: «В помещении стояли золотой гроб, в котором был похоронен Кир, а кроме гроба ложе. Ножки его были выкованы из золота, покрыто оно было вавилонским ковром, а застлано шкурами, выдубленными в пурпурный цвет. Лежали на нем царский плащ и прочие одежды вавилонской работы...» [Арриан, кн. 6, с. 29]. Напомним, что одежда погребенных из Катадинского кургана («фрак», кафтан, нагрудник и деревянные украшения на шелковой ленте) была обнаружена на перекрытии склепа в виде свертков, а на сохранившихся в анатомическом порядке скелетах никаких следов одежды и украшений найдено не было [Радлов, 1989, с. 446, 448].

Мы не знаем, чьей — мужской или женской — одеждой был катадинский «фрак» (рис. 2.31) (В. В. Радлов считал, что мужской [Радлов, 1989, с. 476]). Сшитый из соболиного меха и крытый китайским шелком, он абсолютно не функционален. Хотя это и «хвостатая» одежда, она лишь отдаленно напоминает охотничьи полушубки пазырыкцев, равно как и нарядные женские шубы с «хвостом». Это необычное изделие хорошо подходит всаднику для парадного выезда — длинная фалда ложится на круп коня. Кстати, и сам классический фрак (сюртук с узкими длинными фалдами сзади и вырезанными полами спереди) первоначально предназначался именно для верховой езды и лишь позднее стал парадной одеждой. Катадинский соболий «фрак» — представительский вид одежды, призванный, вероятно, подчеркнуть статус носившего его человека. Этот оригинальный наряд также мог послужить образцом «хвостатых» пазырыкских шубам²⁰.

Из этнографического материала интересной (хотя и труднообъяснимой) может оказаться аналогия катадинскому «фраку», взятая из женского гардероба алтайцев, — чегедек. «Вместо рубахи, — писал протоирей В. И. Вербицкий, живший на Алтае во второй половине XIX в., — летом надевают они чэгэдэк из дабы, китайки или панки, преимущественно синего цвета. Покрой чэгэдэка походит на фрак с длинной талией, кроме рукавов у него есть и другие отверстия для рук, а рукава болтаются только за уряд. Чэгэдэк кругом обложен лентой яркого цвета, застегивается под шею двумя красными стеклянными пуговицами, величиною с большую горошину. Зимой чэ-

20. В качестве аналогии катадинскому «фраку» указывают «богатую накидку для всадника (всадницы)», кожаные вышитые фрагменты которой обнаружены в погребении № 260 могильника Алтынасар-4м (Джетыасарская культура, низовья Сырдарьи). Наличие в могиле всех фрагментов, из которых был сшит этот наряд, позволило восстановить его фасон: широкие плечи (более 90 см), имитация ложных рукавов, фалды, свисающие сзади хвостом [Елкина, Левина, 1995, с. 50–52, рис. 28]. «Такой костюм был, вероятно, больше выражением социального положения, чем утилитарным предметом быта» [Там же, с. 52].

гэдэк надевается сверх шубы. Итак, фрак есть не что иное, как чэгэдэк алтайских дам!» [Вербицкий, 1993, с. 24–25]. По В. В. Радлову, чегедек — легкая длинная одежда без рукавов, обычно изготавливаемая из темной материи. Его надевали поверх кафтана или шубы замужние женщины. «Спереди чегедек спускается чуть ниже талии, — пишет В. В. Радлов, — сзади же до щиколоток свисает пола в два-три фута шириной, подобно полам фрака (опять то же самое сравнение! — *Примеч. авт.*), только без разреза посредине... При верховой езде пола чегедека лежит на подхвостнике коня» [Радлов, 1989, с. 132]. В. В. Радлов отмечает, что чегедек является символом замужества [Там же]. Основное значение этой одежды могло быть символическим. Как справедливо пишет В. П. Дьяконова, современный чедек (чегедек) теленгиток, кроме названия, не имеет почти ничего общего с образом, описанным В. И. Вербицким (и, добавим, В. В. Радловым) [Дьяконова, 2001, с. 93]. Данный случай показателен как пример костюмных изменений, происходящих в результате внутренних причин в одной этнической среде в течение немногим более 150 лет. Современный чегедек по-прежнему носят только поверх другой одежды — шуб и платьев. Но если раньше чегедек являлся свадебной, повседневной, погребальной одеждой женщины, то сейчас он изменил свою функцию, исчезнув из повседневной жизни [Дьяконова, 2001, с. 90–94].

В. Д. Кубарев, изучая петроглифы Калбак-Тама (Горный Алтай), выделил группу мужских изображений с хвостами. Подобные стилистически однородные изображения «хвостатых существ» иногда встречаются среди петроглифов Тувы, Монголии, Китая и Средней Азии. По мнению В. Д. Кубарева, хвост, напоминающий фалду «фрака» из Катадинского кургана, в некоторых случаях являлся

a

Рис. 2.31. Катандинский «фрака»
из меха соболя, крытый шелком:
а — общий вид;
б — прорисовка фрака.
ГИМ

б

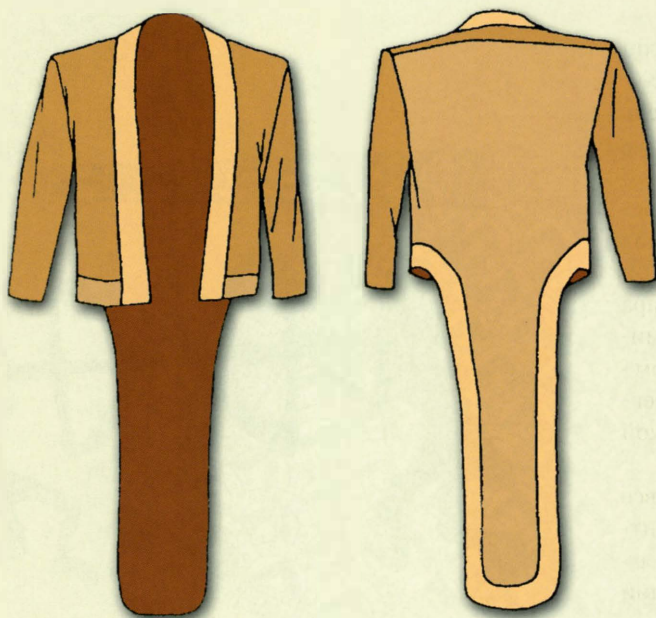

Рис. 2.32. Наряд пазырыкского ребенка: детская шуба из кенотафа (могильник Уландрык-1, курган 2) во всем похожа на взрослую. Она прошита сухожильными нитками (расстояние между швами не превышает 0,8 см) и украшена кожаными аппликациями. Реконструкция выполнена на основании материалов раскопок и реконструкций В.Д. Кубарева [1987, с. 84–87, рис. 30]. В.Д. Кубарев отмечал, что шуба и часть шапки были окрашены в красный цвет. На рисунке эта окраска не воспроизведена, поскольку не были ясны детали. Следует отметить, что эта детская одежда была повседневной: на куртке и сапожках видны следы неоднократного ремонта [Кубарев, 1987, с. 87]. Возможно, ее носил не один ребенок. Реконструкция выполнена Д.В. Поздняковым

частью воинского облачения, «ведь военной терминологии древних характерно отождествление героя со зверем» [Кубарев, 2003, с. 20–21]. В качестве аналогий исследователь приводит ряд изображений воинов в переднеазиатском искусстве I тыс. до н.э. [Там же]. Вполне возможно, что именно это направление связи имеет прямое отношение к катандинскому «фраку». Изображения же воинов в «хвостатых» одеждах среди петроглифов Центральной Азии, особенно лучников из местонахождения Койбагара в Казахстане (рис. 2.33), очертаниями более всего напоминают мужские и женские пазырыкские шубы с «хвостом» и являются еще одним свидетельством бытования с древности подобного рода одежды на просторах Центральной и Средней Азии.

С известной долей условности можно сказать, что все меховые шубы скотоводов и охотников Сибири и Центральной Азии в той или иной степени состоят «в родстве» с пазырыкской шубой. Это связано с тем, что в изготовлении меховой одежды пазырыкцы использовали практически все возможные приемы шитья и украшений, которые в иных сочетаниях мы знаем по этнографическим материалам многих сибирских народов.

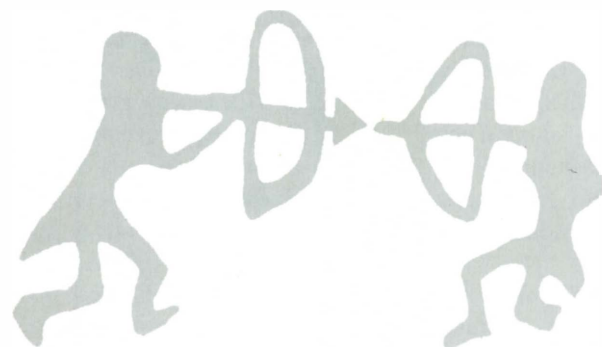

Рис. 2.33. Лучники в «хвостатой» одежде (петроглифы Койбагара, Казахстан)

а

Рис. 2.34. Катандинский кафтан (кандис) из меха горностая, выкрашенного в красный и зеленый (синий) цвета:

а — общий вид;

б — прорисовка кроя с размерами.

Это единственное изделие в коллекции пазырыкской одежды, сшитое из меха горностая.

Горностай в иранской мифологии — животное-медиатор, связывающее по вертикали три уровня мировой оси [Чунакова, 2004, с. 87]. ГИМ

б

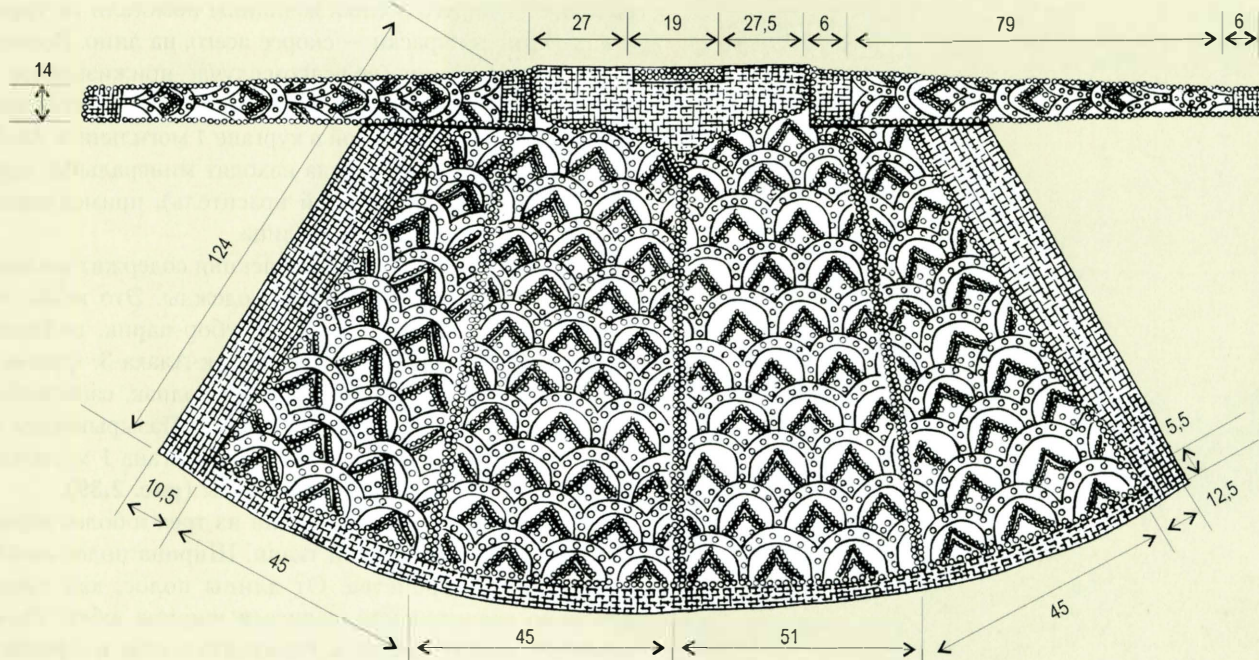

Рис. 2.35. Фрагмент юбки
из второго Пазырыкского кургана.
Эрмитаж, № 1684-244, 245

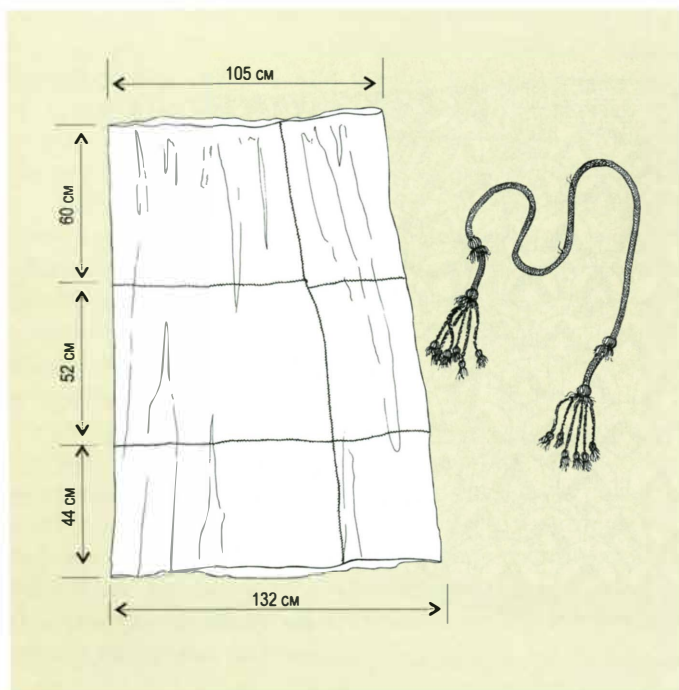
Юбки

К женскому костюму пазырыкцев относятся шерстяная юбка, подпоясанная плетеным из шерстяных ниток поясом, рубаха свободного покроя с длинными рукавами, длинные войлочные чулки-сапоги, головной убор-парик, войлочный колпак и шуба. Личными украшениями-амулетами являются деревянные изображения зверей и птиц на головном уборе, гривна, серьги, изредка бусы, бисер и раковины каури. Этот набор дополняет зеркало. Формированию внешнего облика женщины помогали татуировка и нанесение раскраски — скорее всего, на лицо. Возможна также скарификация (во всяком случае, прижизненное удаление симметрично расположенных зубов зафиксировано у женщины, похороненной в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3). В погребениях иногда находят минеральные краски (например, вивианит, синий краситель), применявшиеся, по-видимому, для раскраски лица.

Рассматриваемая нами коллекция содержит несколько неполных комплектов женской одежды. Это юбка, пояс, рубаха, сапоги-чулки, головной убор-парик, войлочный колпак из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3, фрагменты двух юбок, две рубахи, войлочный колпак, сапоги-чулки, войлочные носочки, шубы из второго Пазырыкского кургана, фрагменты юбки и рубахи из кургана 1 могильника Ак-Алаха-5, украшения и аксессуары (рис. 2.39).

Пазырыкские юбки состояли из трех и более горизонтальных полос шерстяной ткани. Ширина полос зависела от ткацкого устройства. От длины полос, как правило довольно значительной, зависела ширина юбки. Полосы сшивали между собой в горизонтальном направлении

в

а

б

Рис. 236. Шерстяная юбка:
а — общий вид;
б — увеличенный фрагмент
полотнища юбки;
в — прорисовка кроя с размерами.
Курган 1, могильник Ак-Алаха-3.
МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 2.37. Реконструкция женского костюма из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3. Все использованные для реконструкции вещи были обнаружены на теле мумии в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3. Эта реконструкция отличается от предыдущих тем, что женщина изображена в накинутой на плечи шубе из меха сурка с отделкой из меха черного жеребенка (в погребении был обнаружен мех без мездры). Полностью восстановить покрой и украшения шубы невозможно, но ясно, что она была двусторонней, украшенной по полам кожаными ромбовидными аппликациями, покрытыми золотой фольгой. Сохранилась только фольга, на которой видно, что она была наложена на твердую основу, подобно украшениям женской шубы из второго Пазырыковского кургана (рис. 2.24). Кроме того, в результате физико-химического анализа тканей юбки выяснилось, что средняя полоса была не белого цвета, как казалось ранее, а была окрашена в красный цвет в слабом растворе тех же красителей, что и другие полосы ткани в этом изделии. Все украшения и аксессуары воспроизведены по имеющимся оригиналам. Реконструкция выполнена Д. В. Поздняковым

(рис. 2.35, 2.36), а получившееся полотнище соединяли в трубу, и юбка была готова. При этом ничего, повторяющего фасон пазырыкских юбок, в древней истории костюма мы не нашли. Сшитые юбки — большая редкость и важный этнокультурный признак, поскольку повсеместное распространение получила запахивающаяся (или намотанная вокруг тела и состоящая из одного куска ткани) поясная одежда, т. н. *опояска*. Такие (короткие по длине) изделия были как мужской, так и женской одеждой народов Восточного Средиземноморья в XVI—XI вв. до н.э. [Богословская, 1995, с. 106–112]. К запахивающимся юбкам, которые носили кочевники (без различия пола), относится короткая юбка киргизов — белдемчи, увековеченная на половецких бабах [Лобачева, 1997, с. 70–83]. Другие популярные виды женской поясной одежды (лишь частично сшитой) — это характерные для восточных славян понева, плахта, горбатка, дерга, запаска [Маслова, 1956, с. 620–650]. В подобно-го типа поясную одежду была одета девочка-скифянка из погребения в кургане Вишневая Могила [Прилиппко, Болтрик, 1991, с. 30].

Ближайшие и полные аналогии пазырыкским юбкам есть в материалах могильников Синьцзяна. Так, юбке из Ак-Алаха-3 (см. прил. 1, табл. 1.1–1.3, образец 4А) аналогична юбка из Субаши-3 [Cen Yunfei, 1992] (рис. 2.36, 2.38). Они близки не только по внешнему виду, способу пошива и цвету, но и по размерам: ширина полос ткани, из которой сшиты юбки, — 55, 48, 40 см (Ак-Алаха-3) и 57, 46, 35 см (Субаши-3) [Cen Yunfei, 1992], длина юбок — 143 см (Ак-Алаха-3) и 138 см (Субаши-3). Юбке из кургана 1 могильника Ак-Алаха-5 (сохранилось четыре сшитых между собой полосы) соответствует юбка из погребения 4 могильника Зангхалук (Черчен), у которой сохранилось пять полос. Ширина полос ткани у последней около 28 см, а их длина — 2 м [Barber, 1999, pl. 5B], а у ак-алахинской ширина полос 23,5; 27; 35,5 см, полная длина неизвестна (см. прил. 1, табл. 1.3, образец 6С). Что касается юбок из второго Пазырыковского кургана, то одна из них состояла из чередующихся полос пестрой гобеленовой и красной ткани (шириной 10 и 16 см, длиной 275 см), другая — из полос красной и сине-зеленой ткани (шириной 16 и 17 см, полная длина неизвестна). Эти юбки напоминают изделия из Субаши-3 [Desrosiers, 2001, p. 155], из могильника Зангхалук (Черчен) [Barber, 1999, pl. 10A], из могильника

21. Среди юбок и их фрагментов, обнаруженных в погребениях синьцзянских оазисов, есть как абсолютно идентичные описанным пазырыкским, так и более сложные по исполнению. Последнее относится в основном к юбкам из Шампулы: вторая полоса сверху в них часто заложена глубокими складками, а плотно собранная плетеная оборка образует подол юбки, который обшит для прочности тесьмой.

22. Любопытное объяснение ношению распашных юбок существует в культуре цыган: этот фасон объясняется тем, что юбку ни в коем случае нельзя надевать через голову, как вещь сакрально грязную, связанную с низом. В противном случае голова окажется оскверненной [Демертер, Бессонов, Кутенков, 2000, с. 260].

в комплект центральноазиатского костюма, были, как и многое другое (штаны, головные уборы с перьями, распашные куртки, нагрудники, всевозможные обмотки на ноги и т. п.), заимствованы народами Юго-Восточной Азии [Там же, с. 133–159]. Эти интересные аналогии, впрочем, не решают вопроса о происхождении данного типа юбок. Они лишь позволяют проследить их дальнейшую судьбу после исчезновения из Центрально-Азиатского региона. Надо заметить, что давние связи жителей Юго-Восточной Азии с населением Центральной Азии можно проследить уже и по тому, что до последней четверти IV в. до н.э. территории современных провинций Сычуань и Юньнань, где до сих пор бытуют юбки древнего центральноазиатского типа, входили в южнокитайское княжество Чу [Итц, 1972, с. 148], откуда происходит шелк, обнаруженный в пазырыкских и синьцзянских могилах. О проникновении вглубь Юго-Восточной Азии представителей центральноазиатского населения свидетельствует известный «всаднический комплекс»

Джумбулак Кум (Керия) [Desrosiers, 2001, p. 193–194], Шампула (Лобнор) [Bunker, 2001, p. 23–23; Schorta, 2001, p. 81–92]. По мнению Э. Барбер, гобеленовая полоса юбки из могильника Зангхалук (Черчен) орнаментом похожа на такие же полосы от юбки из второго Пазырыкского кургана [Barber, 1999, pl. 10A, text] (рис. 2.32).

Наиболее близки, как следует из описаний, пазырыкским, а еще более — разнообразным синьцзянским²¹ юбкам, юбки женщины Юго-Восточной Азии (в XII в.). Вот что пишет о них и способах их ношения Чжоу Цюй-Фэй: «Их юбки обшиваются со всех сторон. В длину чжан с лишним (более трех метров. — Н. П.). Надевают через ноги (значит, юбки были сшитыми. — Н. П.)²² и закрепляют на поясице с помощью лианы, которой опоясываются. Подтыкая юбки, укорачивают их. Если юбки заткнуты под пояс, то талия увеличивается (совсем как у пазырыкцев. — Н. П.)! Называют их „бабыми юбками“» [Чжоу Цюй-Фэй, 2001, с. 211]. Судя по этнографическим свидетельствам, у проживающей в провинции Юньнань (Китай) народности бэнлун женщины носят цветные (попеременно чередуются горизонтальные красные, синие и желтые полосы), сшитые и несшитые юбки из хлопчатобумажной ткани [Итц, 1965, с. 531–551]. Женщины одного из национальных меньшинств Китая — народности ицзу — предпочитали широкую и длинную шерстяную юбку [Там же, с. 545]. У женщин лао (народ тайской семьи) были в ходу облегающие фигуру юбки (пасин); их изготавливали из прямоугольного полотнища ткани, сложенного по длине пополам и сшитого с одной стороны. Юбку завязывали на талии поясом. Приспособливая юбку к фигуре, впереди делали складку [Иванова, 2002, с. 21]. Сшитые юбки были характерны для женщин лу — представителей народов группы горных тай. При этом одновременно надевались две юбки: верхняя — короткая и узкая, сделанная из тканей в белую, красную, зеленую и черную полосы, и нижняя — более длинная, белая, с многоцветными полосами внизу [Там же, с. 24]. В Северо-Восточной Индии сшитая юбка заменяет сари — например, у ассамцев. На западе Индии, в Раджастане, говорят, что «фасоны женских юбок меняются через каждые двадцать четыре мили». Юбку, сшитую из красных, желтых и серых полос, носят на территории Бангладеш в районе Читталонга женщины чакма [Чеснов, 1976, с. 136]. Надо полагать, что широкие и длинные шерстяные сшитые юбки, входившие

Рис. 2.38. Шерстяная юбка.
Курган 1, могильник Ак-Алаха-3.
МА ИАЭТ СО РАН

в культуре Диена, сформировавшейся в середине I тыс. до н.э. под непосредственным влиянием всадников евразийских степей [Деопик, 1979, с. 63–67]. Возможно, среди них было население Горного Алтая и Синьцзяна.

Была ли юбка обязательной частью женской одежды пазырыкцев и когда ее надевали впервые — неизвестно. Ношение юбок в славянской культуре было признаком замужней женщины. «Для целого ряда местностей, — пишет Д. К. Зеленин, — отмечено существование обычая, в силу которого девушка до самого замужества одевается в одну только рубашку» [Зеленин, 1994, с. 190]. Автор приводит пример из практики, существовавшей еще в 40-х и 50-х годах XIX столетия в Подольской губернии: «Девушка, пока не засватанная, не носит юбки» [Там же]. У каренов, представителей одного из национальных меньшинств Юго-Восточной Азии, девушки носили длинные белые платья, а после замужества — юбку и кофту. О пазырыках мы знаем то, что молодые девушки у них нередко становились воинами, — тогда им приходилось носить мужскую одежду, в том числе и штаны. Погребение такой амазонки было исследовано в кургане 1 могильника Ак-Алаха-1 [Полосьмак, 2001,

с. 58–59]. Т. е. в пазырыкском обществе, возможно, ношение юбки указывало на семейное положение женщины, вышедшей из категории воинов.

Юбка — чрезвычайно информативная часть женского костюма. В этом отношении большой интерес представляют юбки из могильника Шампула, яркой отличительной особенностью которых являются вшитые гобеленовые полосы с орнаментом из изображений деревьев, зверей, птиц, всадников, бабочек, гор и т. п. По мнению Э. Банкер, эти изображения могли играть защитную роль, обладая охранительными свойствами. В бедных шампульских погребениях подобные юбки были настоящим богатством. Это, как считает Э. Банкер, может свидетельствовать о высоком положении женщины в обществе [Bunker, 2001, p. 23]. У ряда народов Юго-Восточной Азии цвет и расположение полос на юбках относятся к важным приемам выражения этнической дифференциации. Например, у лао Северного Таиланда ткани на юбку делали обязательно с горизонтальными, а у лао Северо-Восточного Таиланда — с вертикальными полосами [Иванова, 2002, с. 21–22]. У юбок мыонгов две-три разноцветные полосы на юбке располагаются сверху, у тай — столь же неукоснительно внизу. По цвету юбки различают представительниц разных групп мео: так, у черных и цветных мео юбка делается из трех, сшитых по горизонтали, полос ткани — синей или черной сверху и внизу, а в середине — из батика; а у белых же мео вся юбка — белого или серого цвета [Там же, с. 41]. Возможно, и у жителей Синьцзяна и Горного Алтая сочетание цветов и расположение разноцветных и гобеленовых полос на юбках имело дифференцирующее значение, но что оно дифференцировало — пока остается загадкой.

Длина пазырыкской юбки не особенно соотносилась с ростом носившей ее женщины. Она определялась шириной и количеством полос ткани, которые шли на ее изготовление (узких — больше, широких — меньше). На теле длина юбки регулировалась с помощью завязанного на талии (или под грудью) пояса²³. Широкие и длинные шерстяные юбки были теплой одеждой; под них, кроме того, надевались войлочные сапоги-чулки. Более того, на синьцзянских мумиях из Субашин-3 под юбками были обнаружены тканые длинные штаны.

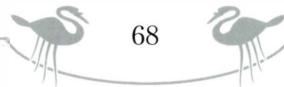
а

23. Длинные юбки упоминаются в свадебных алкышах алтайцев: «Пусть на передний подол дети наступают, позади скот ходит». Пола, которую топчут дети и скот, является показателем богатства и плодovitости [Львова, Октябрьская, Сагалаев, Усманова, 1988, с. 180].

Рис. 2.39. Женские украшения
и аксессуары:
а — войлочная сумочка для зеркала;
б — каменные бусы и кисточка
из конского волоса;
в — бронзовые подвески-котелки
из женского погребения;
г — стеклянные и пастовые бусы,
бисер.
Курган 1, могильник Ак-Алаха-3.
МА ИАЭТ СО РАН

Пояса

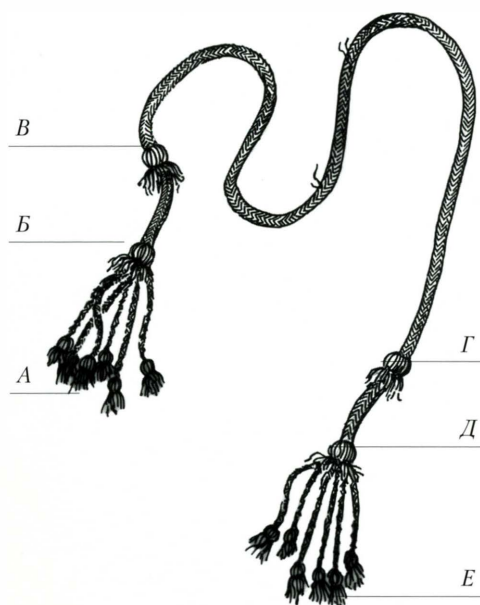

Рис. 2.40. Шерстяной плетеный пояс-шнур из погребения женщины:

а — общий вид;
б — схема шнура:

А–Б — 24 см;
Б–В — 19,5 см;
В–Г — 115 см;
Г–Д — 16,5 см;
Д–Е — 22 см.

Курган 1, могильник Ак-Алаха-3.
МА ИАЭТ СО РАН

С помощью поясов-шнуров, плетенных из шерстяных ниток, на теле удерживались тяжелые шерстяные юбки. В коллекции имеется один целый экземпляр из погребения женщины в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3 (рис. 2.40) и множество фрагментов, в том числе и из Пазырыкских курганов [Руденко, 1953, с. 108, рис. 58а]. Длина сохранившегося пояса — 193 см, диаметр — около 2 см. Его концы разделены на шесть более тонких шнуров, каждый из которых оканчивается кисточкой. Пояс окрашен в красно-рыжий цвет уже в готовом виде, т.к. внутри плетеной «косы» нитки остались белыми.

Выполненные в той же технике плетения шерстяные пояса-шнуры — как в монохромном, так и трехцветном исполнении — найдены в могильнике Шампула. Полностью сохранившийся шнур в длину составляет 162 см [Schorta, 2001, р. 97]. Надо заметить, что таким поясом-шнуром подпоясывать юбку гораздо удобнее, нежели кожаным ремнем. Кроме того (нам уже приходилось писать об этом), плетеный из шерстяных нитей пояс мог иметь ряд знаковых и мнемонических функций. Среди заговоров «Атархававеды» есть обращенный к поясу — на долгую жизнь: «О пояс, вложи в нас мысль, мудрость!.. Обними ты меня на долголетие, о пояс!» [Атархававеда, VI, 133]. Пояс считался оберегом от злых сил и хранителем жизни, поскольку он символизировал пуповину во время второго рождения. Три нити священного индийского шнура напоминали его носителю, что он должен заплатить три долга: древним мудрецам-риши, предкам и богам. Помимо этого, нити связывали узлом, символизировавшим Брахму, Вишну и Шиву [Пандей, 1990, с. 128].

Подобный пазырыкским плетеный пояс-шнур (кустиг), ставший отличительным знаком зороастрийцев [Бойс, 1988, с. 41–42], будучи сплетенным из 72-х шерстяных нитей — по числу глав в Ясны [Авеста, 1992, с. 182], — обладал функцией памяти. Его развязывали и вновь подвязывали несколько раз в день во время произнесения молитвы.

Древние китайцы долгое время пользовались «системой узелков» на шнуре (цзешэн). Предполагают, что это был мягкий пояс с двумя кистями из шести шнуров каждый, причем на каждом шнуре можно было завязать по пять узелков. Важные дела фиксировались крупными узелками, а незначительные — маленькими [Стратанович, 1965, с. 348]. Даже в период развитой письменности различные мнемонические средства имели широкое распространение. Так, например, Геродот рассказывает о том, как Дарий завязал 60 узлов на ремне и сообщил ионийским тиранам: «Возьмите этот ремень и поступайте так: как только увидите, что я выступаю против скифов, начиная с этого времени развязывайте каждый день по одному узлу. Если я за это время не возвращусь, а дни, указанные узелками, истекнут, то плывите на родину» [Геродот, кн. IV, 98].

Возможно, и пазырыкский плетеный пояс-шнур с его двумя узлами на каждом конце и кистью, состоявшей из шести шнурков, помогал повторять слова заклинаний или молитв, воскрешая их в памяти (как бусины в четках). Культура, лишенная письменности, имеет множество способов сохранения необходимой для ее существования информации. Один из них, фиксируемый археологически, — это завязывание узелков на память.

Рубахи

a

Рубахи, вероятно, были как мужской, так и женской одеждой. Они выкраивались либо из двух полотнищ (переда и спинки, если хватало ширины ткани), либо из четырех (по два — спереди и на спине). Ширина полотнища пазырыкских рубах (естественная или искусственно достигнутая путем сшивания двух кусков ткани) превышала ширину плеч, поэтому стан спускается с них, давая начало рукавам. Длинные рукава готовили отдельно и пришивали к стану без ластовиц. Их слегка присборивали у кисти. Горловина выбиралась и была округлой. Более широкими в подоле рубахи делали за счет небольших клиновидных вставок — по две с каждой стороны. Все швы отделяли шнурками, а горловину, подол и манжеты — тесьмой ярко-красного цвета (рис. 2.42).

Фрагменты таких рубах из гладкой шерстяной ткани полотняного переплетения обнаружены в кургане 1 могильника Ак-Алаха-5 и Кутургунтасе. Многие из мелких фрагментов шерстяной ткани полотняного переплетения, найденных в рядовых курганах Юго-Восточного Алтая, тоже могли быть частями рубах. Эти изделия уже имеют довольно сложный крой, о чем свидетельствует количество деталей, из которых они сшиты (десять у пазырыкской рубахи и восемь у ак-алахинской). Плечевые швы не позволяют назвать этот вид рубах туникообразным, поскольку в основе последнего — перекинутые через плечи полотнища [Лобачева, 1989, с. 9].

b

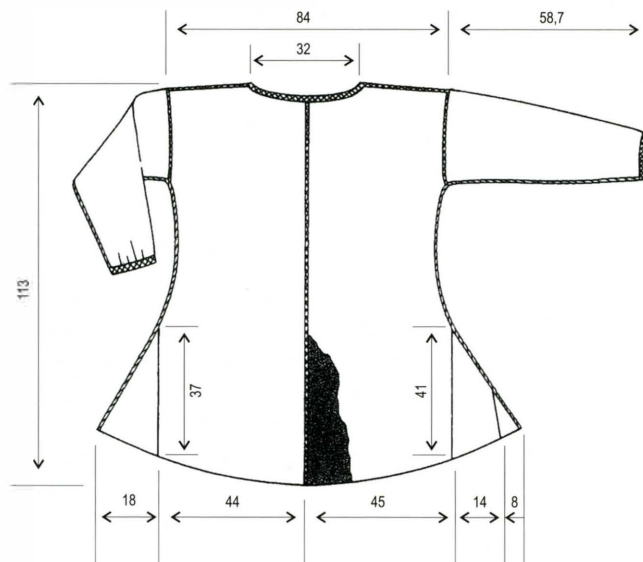

Рис. 2.41.
Хлопчатобумажная рубаха:
a — общий вид;
б — прорисовка кроя
с размерами.
Второй Пазырыкский
курган. Эрмитаж,
№ 1684—194

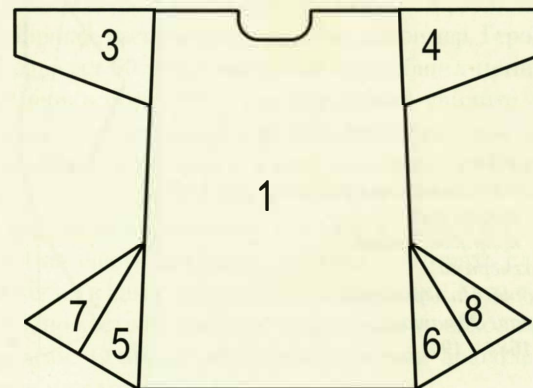
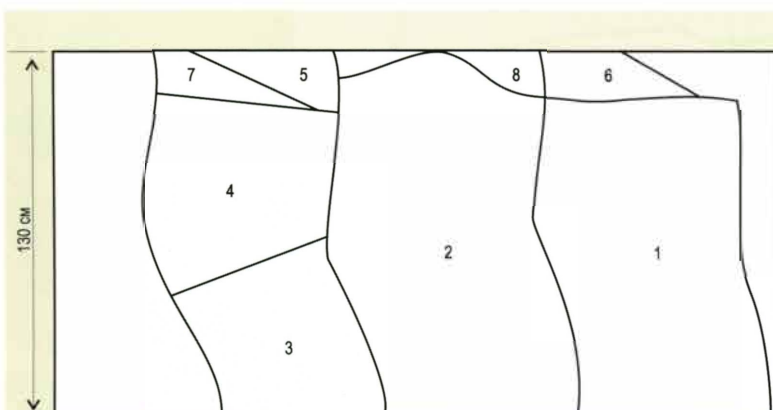
a

Рубаха из Ак-Алах-3 сохранила цвет натурального шелка — чуть желтовато-бежевый, но с ярко-красной отделкой шерстяной тесьмой и шнуром (см. прил. 1, табл. 1.2, 1.3, образец 4В). Хлопчатобумажные рубахи из второго Пазырыкского кургана (рис. 2.41) были окрашены в рыжеватый цвет красителем, состоящим главным образом из пурпурина, полученного из краппа. Судя по составу краски, их цвет был достаточно ярким. Тесьма и шнуры на рубахах имели иной оттенок красного. Ткани этих трех рубах, вероятно, были привезены из Индокитая. Индийские связи прослеживаются и по другим вещам из второго Пазырыкского кургана: бронзовому зеркалу-погремушке, мелкому цветному стеклянному бисеру, изображениям лотосов на одежде и обуви. Среди вещей из кургана 1 могильника Ак-Алах-3 присутствуют стеклянный бисер (рис. 2.39) и обломок зеркала — вероятно, индийского происхождения.

24. В Шампуле найдены рубахи тушикообразного покроя, т. е. без плечевых швов. В то же время «схема отделки пазырыкских рубах совпадает с шампульской даже в том, что окантовка идет по шву, соединяющему врезки с полотнищами, а не следует настоящему боковому шву» [Schorta, 2001, p. 92].

25. Основу парфянского костюма, по мнению В.Н. Пилипко, составляли общепарфянские элементы, в т. ч. «длинная, до середины бедра, просторная, с округлым шейным вырезом рубаха, подпоясанная кушаком» [Пилипко, 1998, с. 73].

2

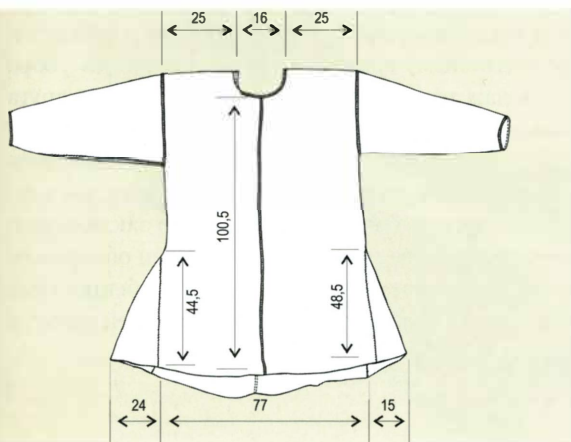

Восточное Средиземноморье являлось не только родиной таких знаменитых красок древности, как кермес и пурпур, но было еще и тем местом, где с глубокой древности носили шитые рубахи. Так, в мужской комплект одежды оседлых жителей Ханаана (XVI–XV вв. до н.э.) входила шитая рубаха или туника из белого или неокрашенного полотна, отделанная по подолу, прорези для головы и швам цветным кантом. Этот тип одежды, считающийся хурритским, длительное время существовал на территории Сиро-Палестины и послужил исходной формой для создания современного костюма арабов-бедуинов [Богословская, 1995, с. 110]. К характерным особенностям, сближающим эти древние рубахи (известные, главным образом, по египетским изобразительным источникам, а также по реальной тунике Тутанхамона) с рубахами из пазырыкских курганов, относятся: подчеркивание швов отделкой (это могла быть вышивка, гобеленовое тканье, кант), отсутствие каких-либо разрезов спереди и то, что, по-видимому, часть из них изготавливали из шерсти (известно, что производство шерстяных тканей и их крашение были в числе ремесел, принесших процветание ближневосточным городам-государствам) [Богословская, 1995, с. 116].

Ближайшие аналоги пазырыкским рубахам находятся в гардеробе жителей синицзянских оазисов: Субаши, Керии, Шампуле. Их объединяет общность кроя и отделки²⁴, а также цвет. Одинаковым был и основной материал: тонкие, гладкие шерстяные ткани полотняного переплетения (по данным Т. Н. Глушковой, см. прил. 1, образцы 6А, 6В) и реже — хлопок. Наиболее представительная коллекция рубах происходит из погребений Шампулы. Наряду с практически идентичными пазырыкским в коллекции есть экземпляры, которые при очевидном сходстве имеют некоторые различия, например, манжеты на рукавах, укороченные рукава и чаще всего появление более заметной отделки — в виде широкой красной тесьмы вокруг горловины, на манжетах, вертикально спереди [Sampula in Xinjiang of China, 2001, p. 331–340]. В таком виде, встречающемся и на других памятниках Синицзяна, например в Джумбулак Куме [Desrosiers, 2001, p. 79, 83], эти рубахи практически идентичны позднепарфянским²⁵, образцы которых известны по изобразительному искусству, в частности, по красочной росписи на сосуде из Мерва (V в. н.э.) [Кошеленко, 1977, с. 151, рис. 77], где можно увидеть и соответствие цвета.

По результатам сравнительно-типологического анализа материалов по костюму народов Средней Азии и Казахстана видно, что рубахи с горизонтальным вырезом ворота (койлек), с тесьмой по краю имели распространение в долинах Зеравшана, Кашкадарьи, Сурхандарьи, в Ташкенте, Бухаре и Хорезме. Такой ворот был широко известен таджикам, туркменам, каракалпакам. У всех этих народов он был характерен и для девичьих платьев. Это наиболее простое и архаическое оформление ворота, сохранившееся в нательной рубахе служителей культа [Лобачева, 2001, с. 85–86].

Рис. 2.42. Шелковая женская рубашка:
а — мумия, на которой была обнаружена рубашка;
б — общий вид рубашки;
в — прорисовка с размерами;
г — схема кроя рубашки из полотнища ткани (реконструировала Р. Шорта).
Курган 1, могильник Ак-Алаха-3.
МА ИАЭТ СО РАН

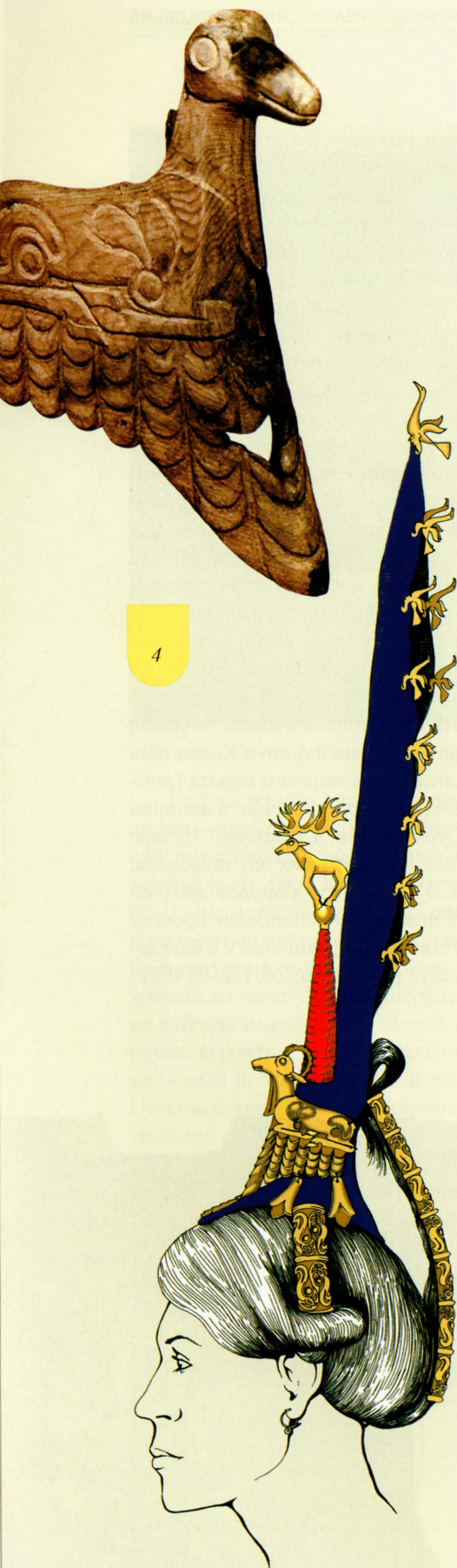

Рис. 2.43. Реконструкция женского головного убора-парики из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 (выполнена Д. В. Поздняковым)

Головные уборы пазырыкских женщин

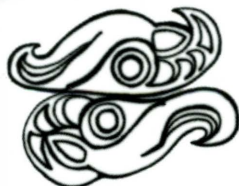
Следы головного убора — в виде черного пятна под черепом с фрагментами золотой фольги — уже давно стали для археологов точным маркером женских погребений. Но впервые сам убор, практически полностью сохранившийся, был обнаружен в погребении женщины в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3 (рис. 2.43). Оказалось, что женщины пазырыкской культуры носили парики, надевавшиеся на обритые головы. Парик имел сложное и своеобразное устройство: на войлочной основе-шапочке из специально приготовленной пластичной массы [Полосьмак, Кундо, Малахов, 1998, с. 387–388] формировали основу прически — она затягивалась сверху конскими волосами и определяла ее форму. Одна прядь конских волос была покрыта на затылке длинным деревянным наконсником, украшенным головками фантастических животных с загнутым клювом грифона и рогом сайги. Два других наконсника (также украшенных, но коротких) прикрепляли по бокам прически, над ушами, создавая имитацию кос. На парик помещали длинное (60 см) навершие в форме лепестка или пера на деревянном прутике-каркасе. Навершие изготавливали из войлока, обтянутого шерстяной черной тканью (см. прил. 1, табл. 1.2, 1.3, образец 4D), и украшали деревянными птичками, покрытыми золотой фольгой. У птиц были кожаные хвостики, крылья и лапки (рис. 2.44–2). Вид птиц определить довольно сложно, но загнутый вниз кончик клюва и длинная вытянутая шея говорят о том, что это могли быть лебеди. Прядь волос на темени, завернутую в тонкий войлок и туго обмотанную шерстяной ниткой, прятали в вязаный из красной шерсти узкий и короткий наконсник, аналогу которому известны среди материалов из второго Пазырыкского кургана (рис. 2.45). Его увенчивала железная шпилька с навершием в виде деревянной фигурки оленя, стоящего на шаре. Все сооружение в основании украшено фигуркой лежащего фантастического оленя с раздвоенным туловищем (рис. 2.46в). Символика украшений женского головного убора-парики может быть связана с мировым деревом, на ветвях которого — птицы, у подножия — звери. Состав деревянных украшений и других деталей (рис. 2.44–3) в тех пазырыкских погребениях, где сохранилась органика, позволяет говорить о том, что головные уборы-парики, аналогичные описанному выше, были характерны для всех пазырыкских женщин. Представляется совершенно корректным (и перспективным) сравнение этого головного убора с изображениями на окуневских стелах, проведенное независимо друг от друга А. Наглером и Н. Леонтьевым. Повсеместно распространенный на территории бытования пазырыкской культуры, этот женский головной убор мог иметь прототип в costume населения местной каракольской культуры окуневского круга, чье влияние прослеживается и в антропологическом типе пазырыкцев. По заключению Т. А. Чикишевой, в антропологическом составе пазырыкских племен обнаружен автохтонный брахикранный расовый компонент с монголоидными особенностями в строении черепа, генетически связанный с мощным пластом носителей культур окуневского круга [Чикишева, 2000а, с. 113].

1a

1б

2

Рис. 2.44. Женские украшения:

1 — деревянные накосники:

а — общий вид;

б — прорисовка узора накосника;

2 — деревянные птички;

3 — золотая серьга;

4 — деревянная фигурка оленя;

5 — гривна с пантерами.

Курган 1, могильник Ак-Алаха-3.

МА ИАЭТ СО РАН

3

5

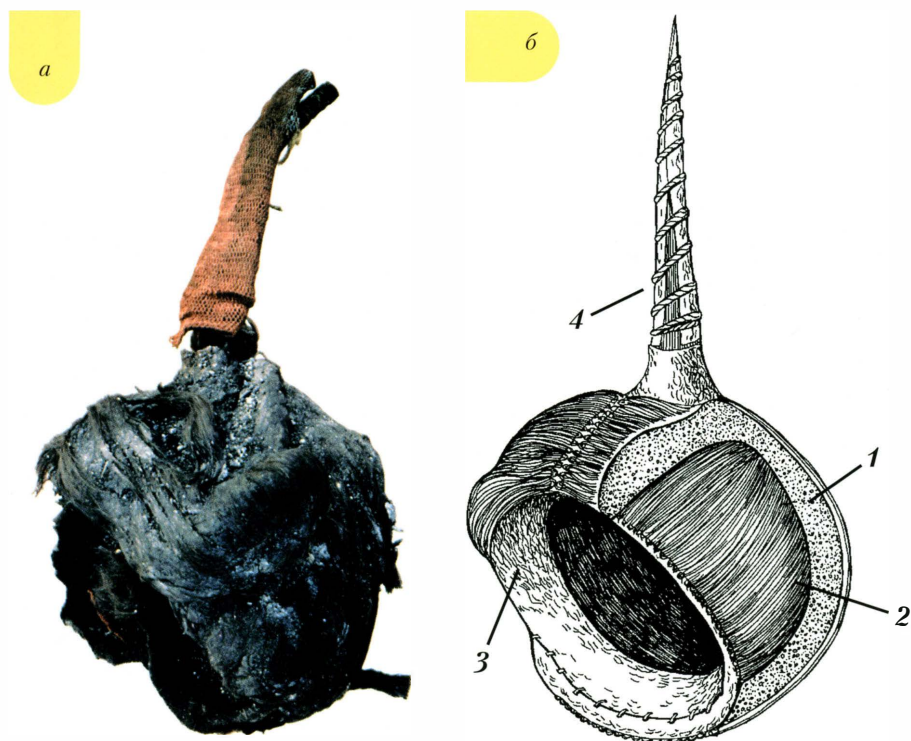

Рис. 2.45. Вязаные накослики. Второй Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1684-242, 243

Головные уборы-парики пазырыкских женщин дополняли своеобразными чехлами — войлочными колпаками с небольшими полями. Один из таких колпаков найден в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3, т. е. там же, где обнаружены целый парик. Колпак (длиной 84 см) лежал между стенкой погребальной камеры и колодой (рис. 2.47б). Он был явно предназначен для того, чтобы надеваться поверх сложного головного убора. В настоящее время колпак имеет желтоватый цвет, но, как показал химический анализ, первоначально был красным.

Аналогичный колпак нашли во втором Пазырыкском кургане (рис. 2.47а). Он оказался фрагментированным, и до последнего времени эти фрагменты ошибочно идентифицировали: один — как часть войлочного чулка, другой — как головной убор. Сейчас колпак отреставрирован и имеет первоначальный вид. Его длина 90 см, первоначальный цвет — красный. Поля этого головного убора украшены нашитыми кожаными кружочками, которые покрыты золотой фольгой.

Близкие аналоги этим колпакам можно усмотреть среди женских головных уборов в могильниках синьцзянских оазисов, особенно характерны они для Субаши. Анализ погребения трех женщин в высоких войлочных колпаках (60 см) позволил исследователям предположить, что эти женщины были жрицами, а эффектные сооружения на голове указывали на их статус. Высокие войлочные колпаки держались прямо благодаря вставленным внутрь палочкам [Mallory, Mair, 2000, p. 196]. У одной из женщин колпак

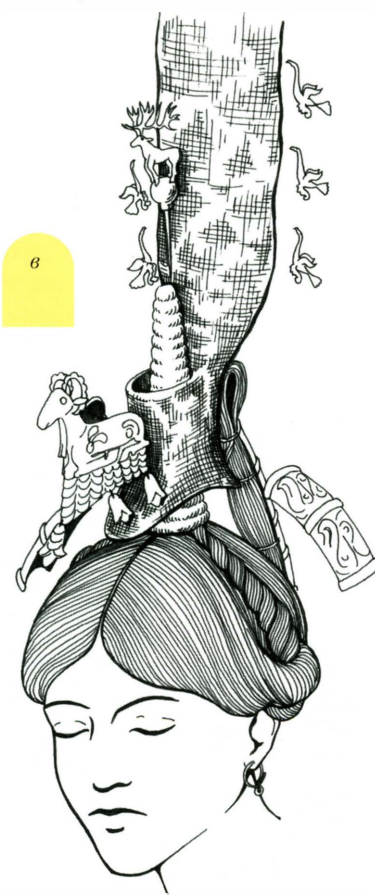
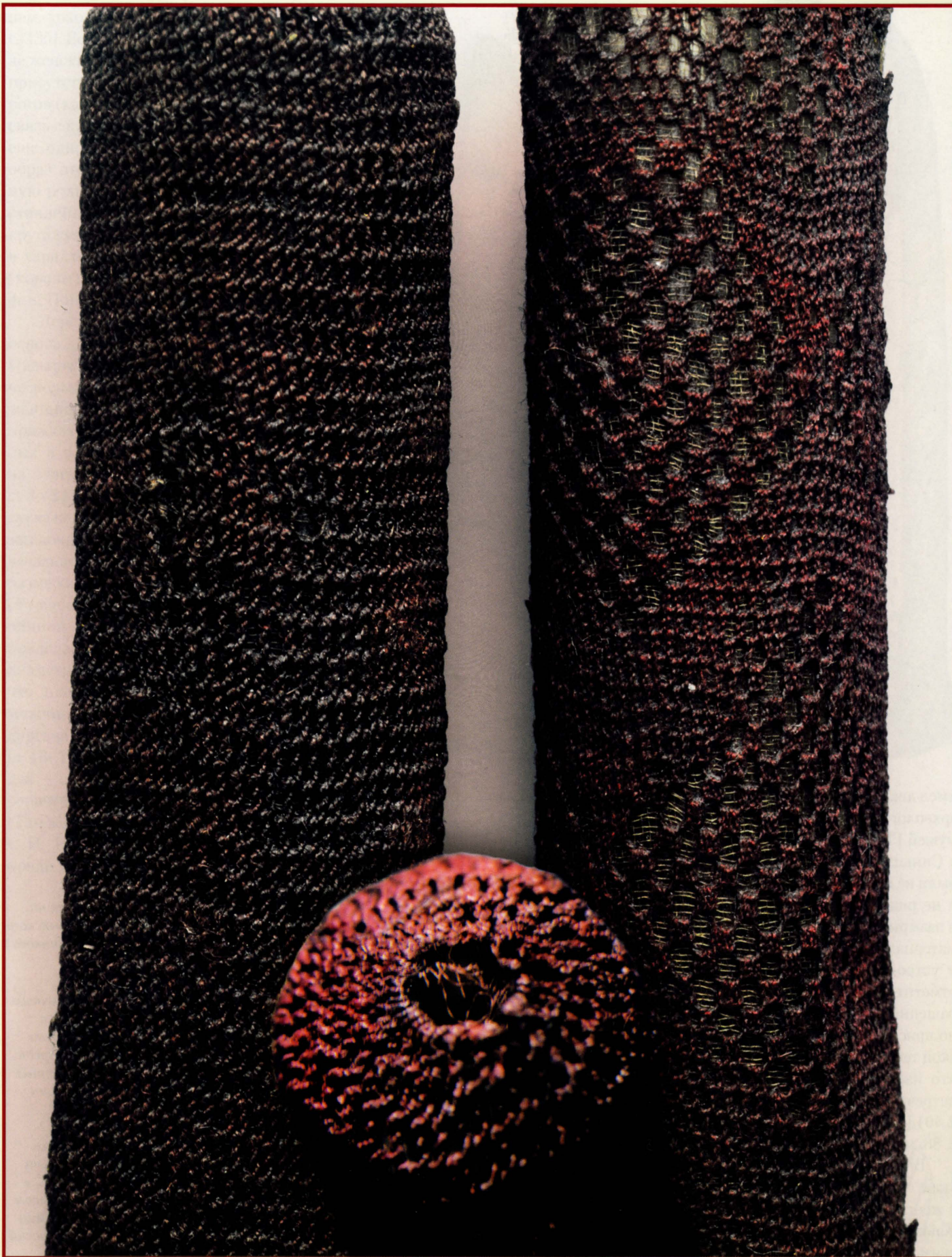

Рис. 2.46. Женский головной убор-парик:

- а — общий вид;
 - б — схема устройства:
 - 1 — формообразующее вещество;
 - 2 — волосы; 3 — войлок;
 - 4 — шерстяные веревочки;
 - в — прорисовка парика;
 - (б — выполнено Е. В. Шумаковой;
 - в — выполнено Д. В. Поздняковым).
- Курган 1, могильник Ак-Алаха-3. МА ИАЭТ СО РАН

имел два острия, что послужило основанием для китайских археологов сделать странный вывод о наличии у нее двух мужей [Там же]. Последние находки К. Дэбен-Франкфорт в Синьцзяне говорят о том, что подобные головные уборы были не исключением из правил, а скорее характерным, хотя и не рядовым, женским головным убором. Синьцзянские и пазырыкские головные уборы сближают, главным образом, материал (войлок), высота и общий абрис. В деталях же и устройстве они значительно различаются (достаточно отметить, что в прическах синьцзянских женщин нет украшений в виде деревянных фигурок животных и птиц, но присутствуют бронзовые детали). В продолжение окуневской темы в женских головных уборах пазырыкцев отметим, что изображения очень высоких островерхих колпаков встречаются на персонажах окуневских стел (рис. 2.48, 2.49) [Leont'ev, Kapel'ko, 2002, t. 80, pic. 206, t. 83, pic. 213, t. 88, pic. 220]²⁶.

Высокие головные уборы жителей Горного Алтая (как, впрочем, и Синьцзяна) можно отчасти сравнить с женскими рогообразными головными уборами у народов Кавказа. «В их терминологии прослеживается устойчивая связь головного убора женщины с рогами животного и с греб-

Рис. 2.47. Женские войлочные колпаки:
а — второй Пазырыкский курган
(Эрмитаж, № 1684-220);

б — курган 1,
могильник Ак-Алаха-3
(МА ИАЭТ СО РАН);

в — так выглядел войлочный колпак на
голове женщины из второго Пазырыкского
кургана (реконструкция Д.В. Позднякова)

26. Другая линия аналогов высоким рогообразным войлочным головным уборам пазырыкских и субашийских женщин, так же как и их длинным юбкам, уводит в Юго-Восточную Азию. В культуре Диена (провинция Юньнань, V–II вв. до н.э.) среди бронзовой скульптуры и гравированных рисунков, выполненных в реалистической манере, выделяются изображения женщин в богатом одеянии с прической в виде высокого толстого рога. Как показывают этнографические материалы, эта прическа «образует определенный ареал, связанный главным образом с тибето-бирманцами, т.е. народами, занимающими самые северные районы материковой Юго-Восточной Азии...» [Чеснов, 1976, с. 151]. Появление рогообразной прически в этом ареале Я.С. Чеснов склонен объяснять «древними контактами с кочевыми народами Центральной Азии», ссылаясь на женский головной убор из пятого Пазырыкского кургана [Там же].

нем, хохолком птицы» [Карпов, 2001, с. 135]. Если действительно в символических женских головных уборов-колпаков присутствует образ коровьих (бычьих) рогов (как это было на Кавказе), то его связь с культурой бронзы Алтая имеет еще одно подтверждение, поскольку образ этого животного играл заметную роль в мировоззренческих представлениях населения окуневского круга культур — это нашло отражение в характерных изображениях быка (коровы) на каменных плитах [Молодин, Погожева, 1990, с. 167–177].

Деревянный головной убор (или основа для него) женщины из пятого Пазырыкского кургана (рис. 2.50) несколько напоминает головные уборы женщин, изображенных на золотых пряжках (с условным названием «отдых в пути») и на войлочном ковре из этого же кургана [Грязнов, 1962, с. 3–31]. Вырезанный из цельного куска кедра головной убор — довольно загадочное сооружение, в точности отвечающее, как заметил С. И. Руденко, размерам и форме головы женщины [Руденко, 1953, с. 123]. В этой деревянной шапочке с плоским верхом проделаны шесть круглых отверстий диаметром от 13 до 18 мм. Вспомним, что диаметр следов клеивца на черепе мужчины из второго Пазырыкского кургана и на черепках коней составляет 16–18 мм: два — сзади на затылке, два — сверху над венечным швом черепа и два — над стреловидным швом [Там же, с. 262]. «В последние, — пишет С. И. Руденко, — были продеты две пряди волос» [Руденко, 1953, с. 123].

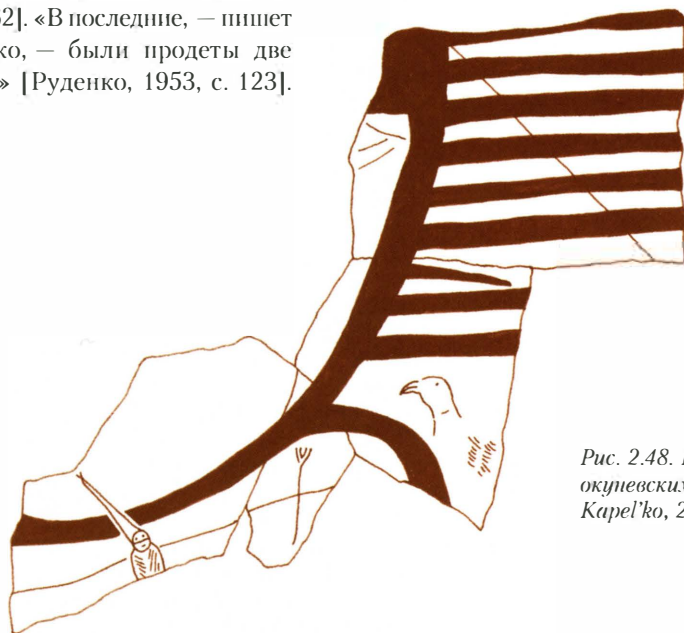

Рис. 2.49. Окуневское изваяние поминальника у улуса Кызлас. Аскизский район (по: Leont'ev, Kapel'ko, 2002)

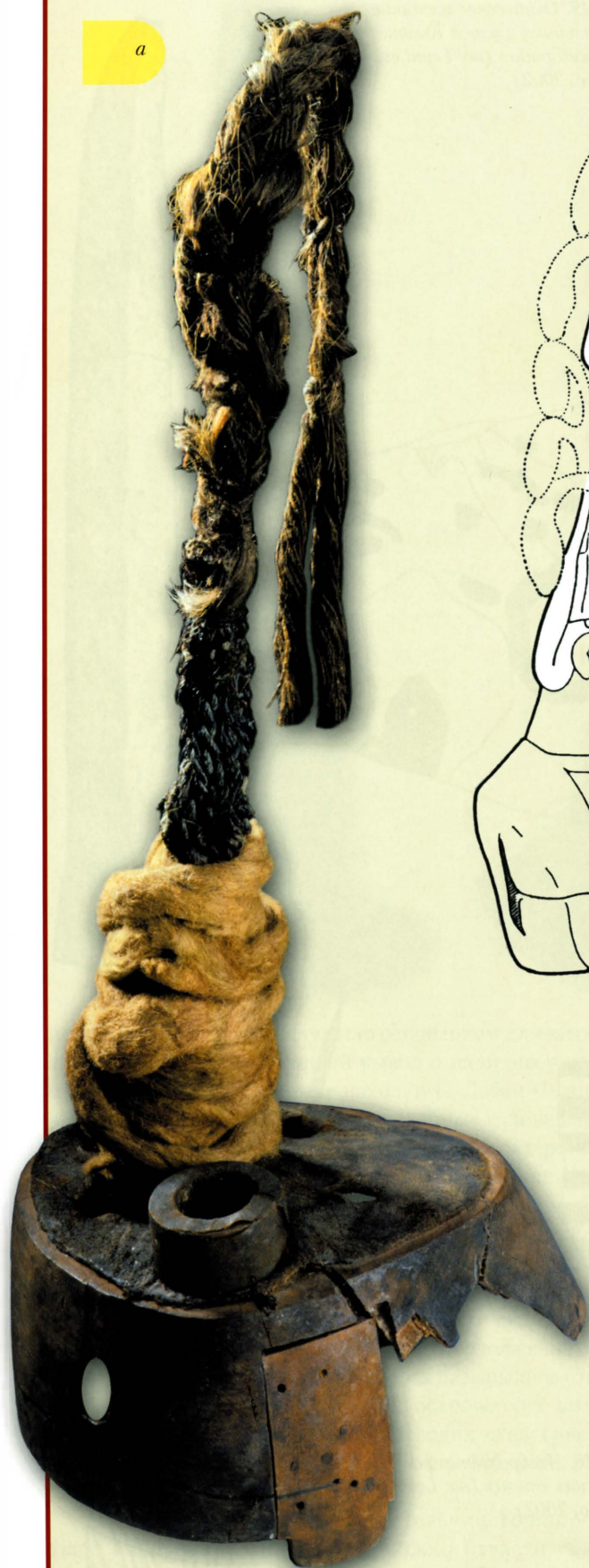

Рис. 2.48. Изображения на окуневских стелах (по: Leont'ev, Kapel'ko, 2002)

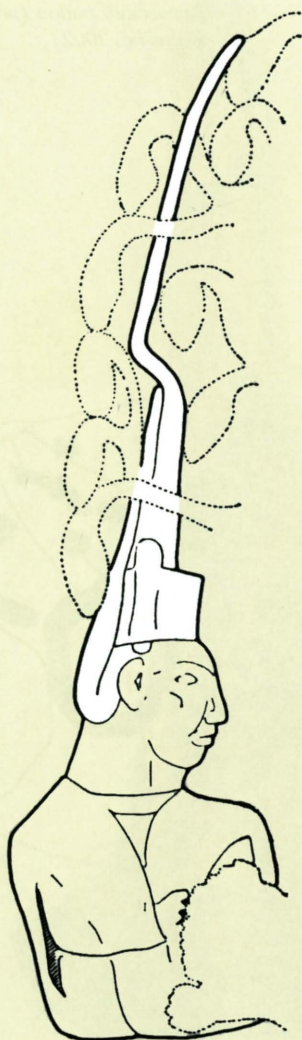

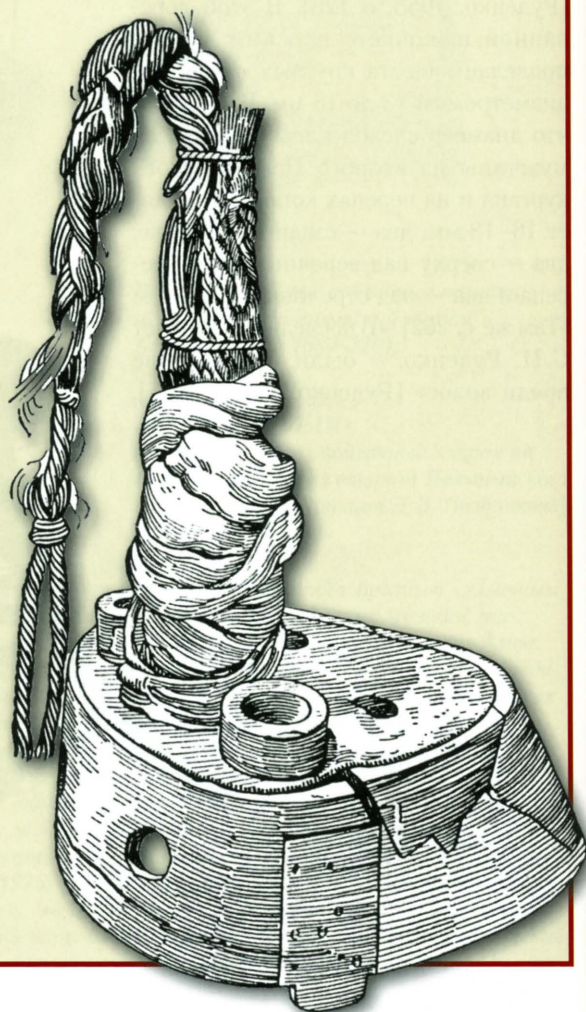
а

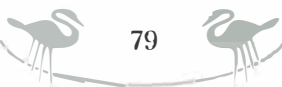

б

б

28. О том что в древних и традиционных культурах девушки, а нередко и молодые женщины, одевались по-мужски (это касается и головных уборов), существует немало письменных свидетельств.

Рис. 2.50. Женский деревянный головной убор:
а — общий вид;
б — прорисовка убора;
в — прорисовка изображения с поясной пластины из Сибирской коллекции Петра I (по М.П. Грязнову).
Этот головной убор носился на обритой голове. Волосы у женщины были оставлены только на макушке. Они были разделены на две пряди, каждая из которых заплетена в косичку, а косички продеты в два круглых отверстия в деревянном головном уборе [Руденко, 1953, с. 129—130].
Пятый Пазырыкский курган.
Эрмитаж, № 1687-77-76

27. В коллекции ИАЭТ СО РАН хранится мужской череп из пазырыкского погребения могильника Алагоил (раскопки В.Д. Кубарева). В этом черепе имеются четыре отверстия, пробитые чеканом, и прослеживаются следы явного скальпирования. В одном из погребений, исследованных в могильнике Джумбулак Кум, похоронены двое мужчин, черепа которых в двух местах пробиты чеканом [Francfort, Idriss, Yuzhong, 2001, p. 143].

Может быть, символический смысл столь странного головного убора заключался именно в этих дырках, имитирующих пробитую особым ритуальным способом голову (в черепе мужчины из второго Пазырыкского кургана насчитали три дыры от клевца, что явно много для простого убийства, к тому же мужчина был скальпирован)²⁷.

Исторически сложилось так, что головной убор с глубокой древности являлся главным этнодифференцирующим признаком. И.В. Богословская, занимавшаяся изучением одежды народов библейских стран по египетским изобразительным источникам, пишет: «Анализ одежды всех народов Ближнего Востока показал, что именно оформление головы в целом, включая прическу и бороду, было наиболее важной этнодифференцирующей частью костюма» [Богословская, 1995, с. 112]. Этнографические материалы подтверждают этот вывод. Например: «В женских головных уборах узбеков северных и южных районов Хорезма имелись значительные отличия. Но, как для женщин одной части оазиса, так и для женщин другой, головной убор был наиболее существенным элементом одежды для определения принадлежности их к соответствующей возрастной и этнической группе» [Сазонова, 1989, с. 97]. Описывая широнголов — монголов Саль-Чуани, проживавших по берегам Желтой реки, Г.Н. Потанин заметил, что главное отличие женского костюма заключается в головном уборе. В качестве доказательства он привел ряд интересных примеров [Потанин, 1950, с. 386—388]. «В головных уборах у различных туркменских групп, — пишет Г.П. Васильева, — еще до сих пор можно найти наиболее значительные варианты. Еще недавно по головному убору женщины можно было установить, к какому племени она принадлежит» [Васильева, 1954, с. 166]. Подобных фактов множество. Все они поясняют, почему в рамках одной археологической культуры мы иногда встречаем несколько разновидностей женских головных уборов.

Головной убор прежде всего указывал на статус женщины в обществе: пазырыкские парики, носившиеся на обритой голове, были, вероятно, характерны для замужних женщин, хозяек очагов, матерей. В этом смысле символичен состав формообразующей массы нариков [Полосьмак, 2001, с. 145—147]. Молодые девушки, напротив, носили такие же, как у мужчин, войлочные племя²⁸ (курган 1 могильника Ак-Алаха-1) и, наверное, не брили головы.

Мужской костюм

Войлочная куртка-дождевик, штаны

Рис. 2.51. Реконструкция комплекса одежды и снаряжения мужчины из кургана 3 могильника Верх-Кальджин-2 (раскопки В. И. Молодина) [Молодин, 2000, с. 86–120].

Головной убор из войлока в настоящее время коричневого цвета (он мог быть и красным, как другие, анализ на краситель не производился).

Все украшения традиционны — из дерева, покрытого золотой фольгой. На мумии мужчины сохранилась **прическа** со всеми деталями — они воспроизведены в реконструкции. **Шуба** была целиком реставрирована Е. А. Карпеевой по большим фрагментам. Она легла в основу графической реконструкции, в которой на спину шубы была добавлена орнаментальная диагональная полоса из черного меха. Во время раскопок она фиксировалась, но абсолютно точно установить ее месторасположение не удалось. Вероятно, кроме кожаных аппликаций шуба могла быть украшена аппликациями из меха и пучками крашеных волос яка. Но на реконструкции изображено лишь то, о чем можно судить с уверенностью. Все остальные предметы одежды (**войлочные сапоги-чулки, пояс**), а также предметы вооружения были воспроизведены по полностью сохранившимся образцам. Исключение составляет лишь **кинжал**, который в реконструкции изображен железным, в то время как в погребении была найдена его деревянная (вотивная) модель. **Сбруя лошади** восстановлена по реальным находкам. Реконструкция выполнена Д. В. Поздняковым

В конском отсеке третьего Пазырыкского кургана была обнаружена войлочная куртка [Руденко, 1953, с. 107–109]. Этот широкий и короткий кафтан был выкроен из тонкого (толщиной 2 мм) войлока желтоватого (первоначально, вероятно, белого) цвета. Рукава сшиты из цельного куска войлока, шов проходит по внутренней стороне рукава, который завершается обшлагом. Правая пола кафтана сделана из цельного куска войлока. С ее внутренней стороны пришиты три завязки из шерстяных нитей длиной до 30 см. Две из них заплетены в косы, одна свернута жгутом. Правая пола заходит на левую («варварский», по китайским меркам, запах), на краю борта последней имеются три завязки, аналогичные тем, что присутствуют на правом. Спинка кафтана выкроена из трех кусков войлока различной ширины, сшитых между собой. На спине, на месте пришивки, проложены декоративные швы из крученого шерстяного шнура. Кафтан имеет подкладку из тонкого войлока, сохранившуюся лишь частично. Снизу на левой и правой частях кафтана есть два разреза длиной до 25 см — они, видимо, сделаны в целях более удобной езды верхом на коне (рис. 2.51, 2.52).

Место, куда положен кафтан (конский отсек), свидетельствует о том, что это не основная, а рабочая (дополнительная) одежда. Ее не надевали на умерших, и лишь иногда, как в данном случае, этот предохраняющий от дождя и ветра наряд хоронили вместе с высокопоставленным погребенным. Эта находка показывает, что помимо надетой на покойных одежды у пазырыкцев бытовали и иные ее виды.

а

б

Войлочная одежда была распространена среди скотоводческих народов в древности и средневековье, а в ряде мест не утратила своего значения до сих пор. Она предохраняла не только от дождя, ветра и холода, но и от ударов холодного оружия. «Отправляясь в путь, курд надевает войлочную безрукавку (пестек), предохраняющую спину от тяжести винтовки и защищающую от ударов холодного оружия и пуль на излете» [Вильчевский, 1958, с. 197]. О войлочной одежде персов — плащах кас, закрывающих всадника целиком, и тнарах — писали древние авторы (Геродот, Ксенофонт). В переднеазиатском регионе войлочные пастушьи плащи-накидки шьют и по сей день. В сравнении с другой одеждой они отличаются легкостью, непромокаемостью, прочностью и способностью сохранять тепло. Войлочные распахивные плащи простого кроя были профессиональной одеждой чабанов почти всех народов Дагестана. В основном их надевали поверх обычной одежды во время дождя или в холодную погоду [Булатова, Гаджиева, Сергеева, 2001, с. 83]. Кафтаны из белого войлока, наравне с шубами из овчины и меха горной козы, были, по наблюдениям В.В. Радлова, одеждой алтайской бедноты [Радлов, 1989, с. 132]. С. И. Вайнштейн сравнивает пазырыкскую находку с тувинским войлочным дождевиком хевенек [Вайнштейн, 1991, с. 185–186]. Суконный или войлочный плащ-дождевик ермулук бытовал в XIII–XVIII вв. и у русских [Рабинович, 1986, с. 72–73].

Рис. 2.52. Войлочный плащ-дождевик:

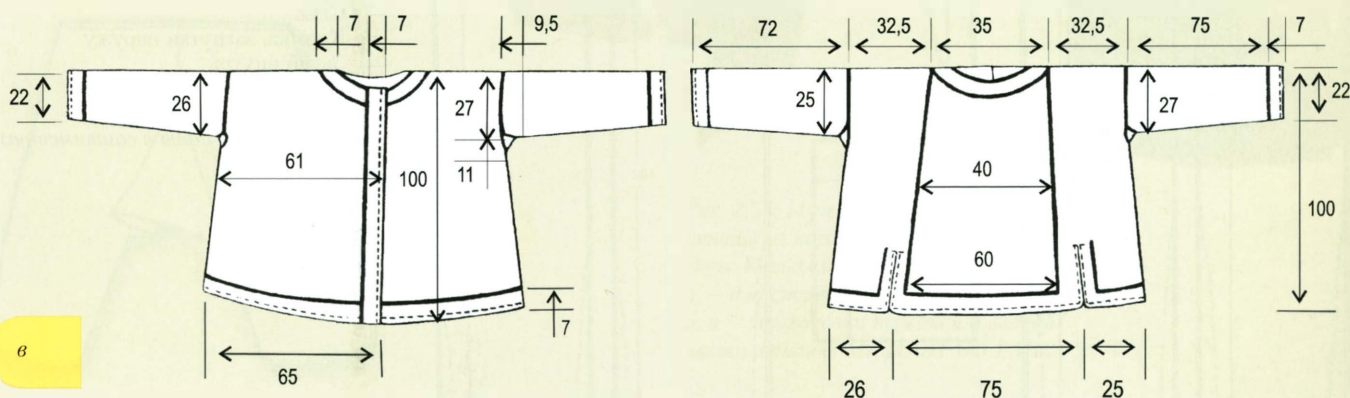
а — вид спереди;

б — вид сзади;

в — прорисовка кроя с размерами.

Третий Пазырыкский курган.

Эрмитаж, № 1685–11

в

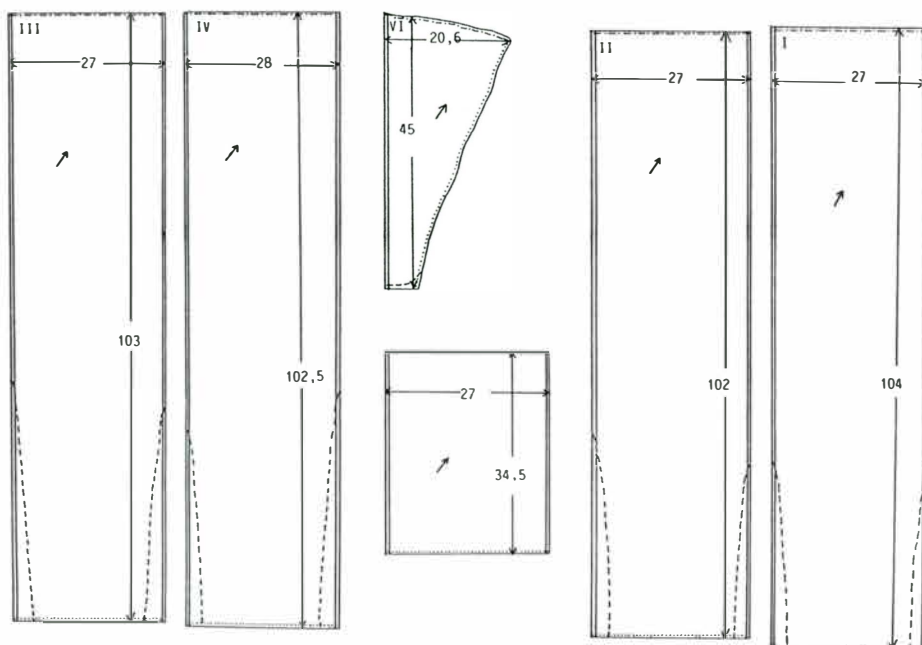

а

б

Рис. 2.53. Мужские шерстяные штаны пазырыкцев:
а — вид спереди;
б — вид сзади;
в — прорисовка кроя с размерами (выполнена Р. Шорта).
Курган 1, могильник Ак-Алаха-1.
МА ИАЭТ СО РАН

в

- == Кромка
- Сгиб
- Кромка, загнутая наружу
- Загиб внутрь
- ↗ Ребро саржи

Все размеры даны в сантиметрах

Есть и другие, неожиданные, свидетельства популярности войлочной одежды. Так, Чжоу Цюй-Фэй, оставивший уникальное описание южных земель сунского Китая (XII в.), сообщает следующее: «В землях варваров Юго-Запада²⁹ разводят овец. Всегда в достатке и обилии шерсть. От правителя варваров и ниже, до самых простых варваров, нет ни одного, кто бы не накидывал на себя войлок. Только правитель варваров накидывает войлок на парчовую одежду без подкладки, простые варвары накидывают войлок на голое тело... В дождь и ведро, в холод и жару никогда не снимают с тела...» [Чжоу Цюй-Фэй, 2001, с. 209–210].

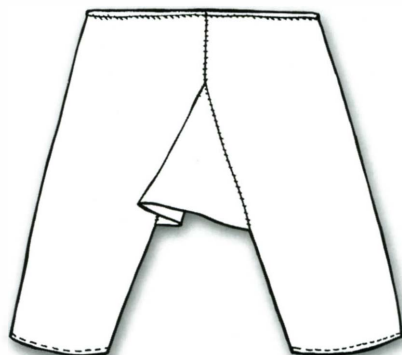
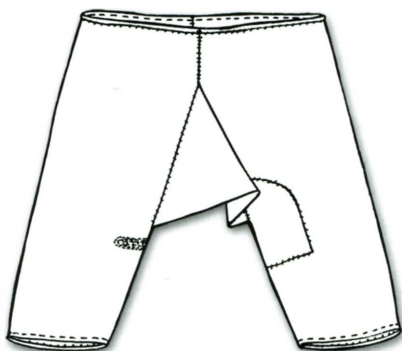
Три пары целых штанов (и еще одни — во фрагментах) (рис. 2.53 – 2.55), сшитых из красно-коричневой шерстяной ткани саржевого переплетения (по данным Т. Н. Глушковой,

см. прил. 1, образец 2В), были обнаружены в пазырыкских могилах Укока. Длина штанов 104 см (Ак-Алаха-1), 83 см (Верх-Кальджин-2, курган 1) и 90 см (Верх-Кальджин-2, курган 3). На наш взгляд, длина соотносилась, прежде всего, с ростом погребенных мужчин. Так, рост мумии мужчины из кургана 3 могильника Верх-Кальджин-2 был 159 см (длина ноги 87 см), поэтому длина штанов (от пояса) в 90 см вполне оптимальна. Наше предположение подтверждает тот факт, что рост мужчины, похороненного в кургане могильника Ак-Алаха-1, был 179 см; этим, скорее всего, и объясняется длина его штанов — 104 см. Хотя они при таких размерах не достигали щиколоток, но были все же длиннее, чем штаны алтайцев, которые, по описанию В. В. Радлова, едва заходили за колени [Радлов, 1989, с. 130].

29. «Юго-Западом» обычно называют западную часть Гуанси и территорию современной провинции Юньнань [Чжоу Цюй-Фэй, 2001, с. 347].

а

б

в

Рис. 2.54. Мужские шерстяные штаны из кургана 1 могильника Верх-Кальджин-2:
а — вид спереди;
б, в — прорисовка передней и задней части штанов. МА ИАЭТ СО РАН

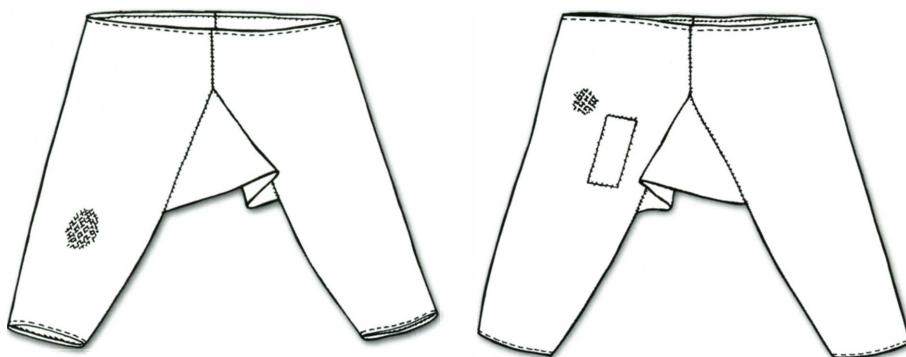
а

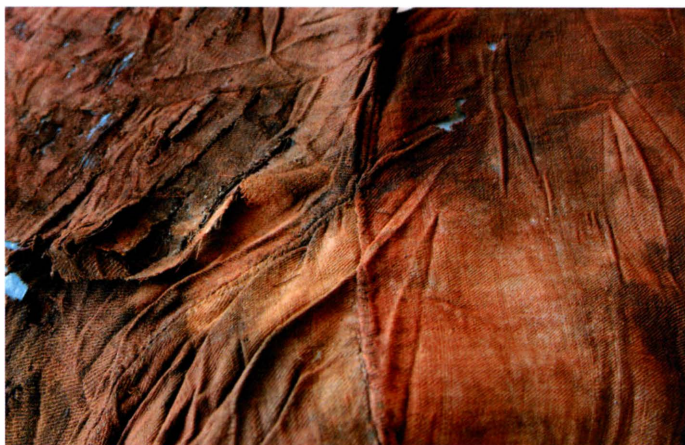
Рис. 2.55. Мужские шерстяные штаны из кургана 3 могильника Верх-Кальджин-2:
а — общий вид;
б — прорисовка штанов;
в — фрагменты штотки и заплаты.
МА ИАЭТ СО РАН

Более длинными, чем пазырыкские (114 см), были шерстяные штаны, обнаруженные в погребении хунну в Ноннулинском кургане 6 [Руденко, 1962, с. 39–40, рис. 32, табл. X–XI]. Их фасон значительно отличался от фасона штанов, найденных в пазырыкских курганах Укока. Это были просторные широкие шаровары с большой мотней, концы штанин у которых слегка собраны в сборки и обшиты полоской (в одном случае шерстяной, в другом — шелковой) ткани [Там же]. Подобные шерстяные шаровары с присобранными концами штанин были наряду с типичными пазырыкскими надеты на погребенных в могильнике Шампула [Sampula in Xinjiang of China, 2001, p. 187, il. 358, 359]. Широкие шаровары, заправленные в сапоги с невысоким голенищем, изображены на бактрийцах и парфиях на персепольских рельефах. Незаправленные шаровары, носящиеся навывпуск, можно увидеть на согдийцах на этих же рельефах (ападана, восточная лестница, южная панель). В целом штаны этого покроя, вероятно, можно считать частью иранского костюма. Такие же штаны-шаровары, надетые навывпуск, изображены на борющихся богатырях на бронзовых пряжках из Сибирской коллекции Петра I, которые, предположительно, передавали этнографический облик хунну.

Пазырыкские штаны заправлялись в высокие войлочные сапоги-чулки — именно в таком виде эти части одежды были расположены на телах погребенных мужчин в могильнике Верх-Кальджин-2. Способ ношения подсказывает, что штаны могли быть еще короче, т.к. их функцию в пазырыкском костюме выполняли сапоги-чулки.

б

напоминающие пазырыкские, найдены и в могильниках Синьцзяна. Таковым является фрагмент красных шерстяных штанов с квадратной вставкой между штанин из огильника Джумбулак Кум (Кэрия) [Desrosiers, 2001, p. 195]. Почти целые штаны, во всех деталях повторяющие пазырыкские, извлечены из могильника Янгхай [Sen Yunfei, 1992, p. 55]. Несколько пар шерстяных штанов были обнаружены и в могильнике Шампула [Sampula in Xinjiang of China, 2001, p. 355–359]. Интересно, что среди последних сохранился целый экземпляр шерстяных штанов [Там же, p. 357]. Он повторял крой мужских брюк, найденных в могильнике Ак-Алаха-1, до сих пор не имевших аналогов ни в пазырыкских, ни в иных материалах. Напомним, что эти штаны отличались от всех других, обнаруженных в пазырыкских могилах Укока, тем, что имели две вставки: одна (квадратная) соединяла между собой задние половины штанины, тогда как другая (в виде длинного треугольника без вершины) — передние половины (рис. 2.50).

Крой пазырыкских штанов относится к одному из самых распространенных. Так, в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана «штаны, будь то женские или мужские, нательные или верхние, состояли из трех частей: двух штанин и соединяющего их куска ткани (мотни) разной формы — прямоугольной (с разнообразными дополнениями и без них), квадратной и наиболее часто — ромбовидной» [Лобачева, 1989, с. 28]. «Короткие штаны, — пишет З. Доде о поясной одежде аланских женщин и мужчин, — кроили из трех квадратов» [Доде, 2001, с. 15]. Считается, что наиболее древний крой штанов включает одинаковые на всем протяжении штанины [Там же]. Такие архаичные штаны В. В. Радлов видел на алтайцах [Радлов, 1989, с. 130]. Пазырыкцы же умели зауживать штанины, не обрезая ткань, а подгибая ее с двух сторон.

Широкие в области талии и в шаге, пазырыкские штаны были удобной одеждой всадников. На известных образцах есть штопка и заплаты, указывающие на интенсивную носку. Тем не менее, мы вправе предполагать, что, наряду с ткаными, у пазырыкцев бытовали меховые и кожаные штаны — именно из этих материалов шили одежду, известную по этнографическим коллекциям, скотоводы-кочевники. Так, например, в могильнике Шампула кроме шерстяных штанов были обнаружены фрагменты штанов из овечьей кожи [Wang, Xua, 2001, p. 69]. О штанах из очень мягкой дубленой кожи горной козы у алтайцев писал В. В. Радлов [Там же, с. 130]. Он также отмечал, что, «отправляясь верхом в дальний путь, киргиз надевает широкие кожаные штаны для верховой езды (шалбар), которые так широки, что в них можно заправить полы всех шапанов (широкие длинные халаты. — Н. П.)» [Там же, с. 291]. Возможно, и у пазырыкцев существовали подобные штаны для длительной верховой езды, надевавшиеся поверх тканых.

То, что погребенные были одеты в тканые штаны и войлочные чулки, еще раз свидетельствует о традициях, вероятно, иранской культуры, пришедших вместе с их носителями на Алтай. Этим традициям продолжали следовать, несмотря на то что описанный вариант поясной одежды в условиях горной тайги не слишком практичен.

30. Ападана (с древнеперс. *apadana*) — место для пубрики, зал для аудиенций [Фрай, 2002, с. 141].

ки, нередко прикрывая ноги до паха. Штаны пазырыкцев были слегка заужены книзу — видимо, для того, чтобы их было удобнее заправлять в чулки. Те, в свою очередь, имели раструбы. Вероятно, именно такой вариант поясной одежды изображен на саках с восточной стены ападаны³⁰ (Персеполь). Сходство усиливается тем, что саки несут в качестве дара такие же, как у пазырыкцев (во всяком случае, по внешнему виду), сапоги-чулки. Эта аналогия и реальные находки на Укоке позволяют констатировать, что сочетание достаточно длинных шерстяных штанов (известных под персидским названием «анаксириды») и войлочных сапог-чулок характерно для древнеиранского костюма. Пазырыкские девушки-воины носили шерстяные штаны, аналогичные мужским. Такой экземпляр был найден в кургане 1 могильника Ак-Алаха-1 (штаны сохранились фрагментарно). В могильнике Субаши-3 на женщинах помимо подобных пазырыкским юбок обнаружены тканые штаны. Эти штаны, впрочем, могли быть совсем иного рода и назначения, поскольку являлись нижней одеждой. Мужские штаны,

Рис. 2.56. Обязательный атрибут
воина-всадника — горит:

а — войлочное палучье (курган 3);

б — реконструкция горита
(кургана 1).

Могильник Верх-Кальджин-2.

МА ИАЭТ СО РАН

Воинская атрибутика и татуировка

Одним из атрибутов пазырыкского воина-всадника являлся горит (подробно о пазырыкском горите см.: [Поздняков, Полосмак, 2000, с. 75–81]). Находки многочисленных деталей горитов в «замерзших» могилах Укока позволяют восстановить его реальный вид (рис. 2.56). Это был т. н. «глухой» горит, известный по изображениям ассирийцев, скифов, персов, саков (рис. 2.57).

В кургане 3 могильника Верх-Кальджин-2 обнаружены целое войлочное палучье с шитым клананом, повторяющее по форме абрис асимметричного скифского лука, и войлочный «колпак», выполняющий функцию съемного чехла для верхней части лука, — он прикрывал концы стрел. Двухцветные колпаки (красно-белые и красно-синие-зеленые) украшали подвесками в виде кисточек или небольших помпонов. Глухие зачехленные гориты — это продолжение древнеиранской и сакской традиций в воинской экипировке пазырыкцев.

Значение татуировки в любом обществе многообразно и неоднозначно. В пазырыкской культуре обращает на себя внимание тот факт, что мумии людей в подвергшихся осквернению «царских» курганах были обнажены. С них была сорвана одежда, ключья которой были разбросаны по погребальной камере или совсем пропали (как, впрочем, и некоторые тела). Представляется, что цель этой акции — лишить царственных мертвецов защиты, обнажив перед чужим взором тщательно скрываемую татуировку, потерявшую таким образом функцию оберега. Более того, иногда и этого казалось мало, и тогда татуированное тело одного из погребенных — мужчины из второго Пазырык-

ского кургана — было в районе плеч, ног, ягодиц истыкано многочисленными уколами острием ножа [Руденко, 1953, с. 328] — так уничтожались звери-покровители, наносился непоправимый вред, сравнимый с военным поражением.

Пазырыкская татуировка — еще одна культурная традиция, наряду с одеждой и прической, находящая аналоги в среде как древних, так и современных народов Юго-Восточной Азии. Судя по этнографическим материалам, татуировка широко распространена в Западном Индокитае и на прилегающих территориях, населенных в основном народами тибето-бирманской группы (см., например, [Чистов, 1976, с. 153–156]; [Иванова, 2002, с. 128, 132, 152]). Это об их предках писал Марко Поло: «Зденний народ, мужчины и женщины, разрисовывают тела, и, скажу вам, вот как: рисуют иглою по всему телу львов, драконов, птиц и всякие другие образы, и нарисованное не сходит. Рисуют по лицу, по шее, по животу, по рукам, по ногам и по всему телу, делают это ради красоты. Чем больше у кого на теле рисования, тем знатнее он почитается» [1997, с. 290]. Композиция и стиль пазырыкской татуировки близки изобразительному искусству культуры Днени. Так, например, в могильнике у дер. Шичжайшань (провинция Юньнань) найдена часть бронзового доспеха, закрывавшего руку от локтя до кисти, сплошь покрытая гравированными изображениями сцен терзания с участием тигров, леопардов, кабанов, оленей, петухов (фениксов), манерой исполнения и образным рядом живо напоминающими татуировку на телах пазырыкцев. Близок и смысл рисунков на защитном снаряжении — сделать тело неуязвимым.

Головные уборы пазырыкских мужчин

Рис. 2.58. Мужской войлочный шлем и его украшения.
Курган 1, могильник Ак-Алаха-1.
МА ИАЭТ СО РАН

Головные уборы более, чем какая-либо иная часть костюма пазырыкцев, насыщены информацией. Обнаруженные в ряде погребений Укока войлочные шлемы, декорированные деревянными, покрытыми золотой фольгой фигурками животных, безусловно, являлись одним из главных символов того сообщества, которое мы рассматриваем под названием пазырыкской культуры. Изображений именно таких головных уборов мы не найдем среди древних источников, хотя шлемы, повторяющие по форме пазырыкские, но не обремененные их богатой символикой, встречаются в изобразительном материале. Нетрудно привести целый ряд таких аналогий — от киммерийских колпаков и войлочных шлемов из погребений Синьцзяна до колпаков последователей Цзонхавы (ламаизм). В особой кладовой отдела Востока Эрмитажа в составе Сибирской коллекции хранятся довольно многочисленные миниатюрные золотые фигурки оленей, лани, кабана, всадника (V–IV вв. до н.э.). Их назначение оставалось «довольно загадочным» [Иванов, Луконин, Смесова, 1984, с. 19]. На наш взгляд, можно вполне обоснованно считать, что эти фигурки были украшениями головных уборов, подобно деревянным пазырыкским украшениям. Они могли являться навершиями сакских войлочных шлемов, как фигурка архара на головном уборе из кургана Иссык [Акишев, 1978, с. 24]. Как показывают эти аналоги, не только форма, но и насыщенность символами, конкретными изображениями и их сочетание на головном уборе делают последний принадлежностью и, более того, манифестируемым символом совершенно определенной общности людей.

Рис. 2.57. Прорисовка изображения сакского воина на персепольских барельефах

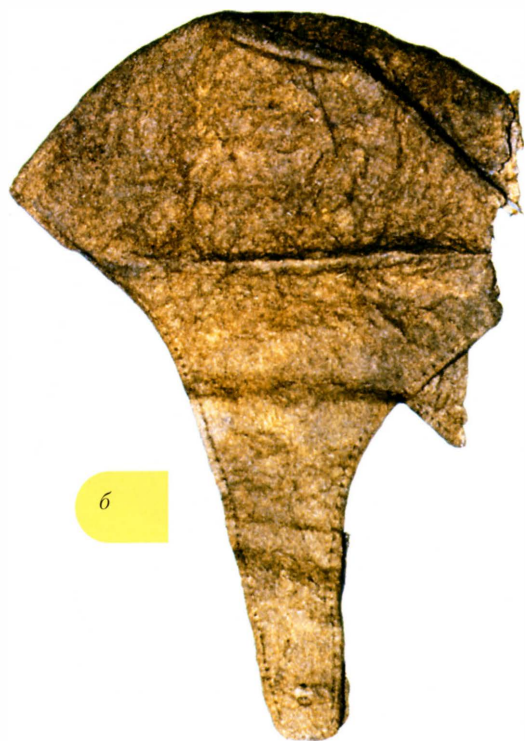

Рис. 2.59. Пазырыкские головные уборы:

а — шапочка с «короной» (третий Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1695-16);

б — войлочная шапочка (курган 1, могильник Верх-Кальджин-2. МА ИАЭТ СО РАН);

в — прорисовка ахеменидского мужского головного убора (Персеполис, Иран)

Войлочные шлемы пазырыкцы выкраивали по размерам головы конкретного человека из двух кусков нетолстого войлока. Две одинаковые части сшивали встык между собой так, чтобы высокое навершие шлема держалось прямо. Для этого в него вставляли деревянную пластинку-каркас. Затем на колпак пришивали деревянные фигурки животных. Всякий раз это был один и тот же набор — в него входили лошадка, крепившаяся по центральному шву над лбом, олень, размещенный слева или реже справа сбоку, и еще одна лошадка, венчающая навершие. Изображения зверей отличались друг от друга, как может и должна отличаться работа разных мастеров, но сам набор образов и их расположение оставались неизменными. Все фигурки животных выполнены реалистично, но являются фантастическими собирательными образами, поскольку имеют характерную деталь — рога козорогов. Смысл этих фигурок станет понятен, если исходить из того, что на голове, как наиболее важной части тела, помещали основные символы культуры. Абрис войлочного шлема не случайно напоминает голову птицы — к этому сознательно стремились, само навершие шлема представляет собой голову птицы (но не грифона). Такие головные уборы носили все пазырыкцы-мужчины (а кроме того, вероятно, и молодые девушки-воины) — они должны были создавать образ человека-птицы, кем, судя по всему, и мыслили себя пазырыкцы.

Островерхие головные уборы были широко распространены как в древности, так и в традиционных культурах. Конические шляпы из бамбука и войлока были у варваров «Юго-Запада» (территория современной провинции Юньнань). Вот как описывает их достоинства Чжоу Цюй-Фэй: «Они изготовлены не как самые лучшие, но наиболее подходящие для верховой езды. Если верхняя часть высока, то (шляпа) сидит прочно, не сбивается. Если опускается со всех четырех сторон, то ветер не может сорвать» [Чжоу Цюй-Фэй, 2001, с. 206]. М. А. Кастрен, путешествовавший в первой половине XIX в. по Сибири, отмечал, что у остяков были в ходу высокие остроконечные шапки с широкими, свешивающимися на уши лопастями [Кастрен, 1999, с. 75]. Остроконечные меховые шапки бытовали в старину у юкагиров. «Согласно их представлениям, — пишет В. А. Туголуков, — юкагирский праотец имел остроконечную голову» (цит. по: [Жукова, 1996, с. 49]). Подобные шапки считались оберегом от злых духов, и их шли ослабленным людям, старикам и детям. Любопытно, что на одной из десяти разных шапок, положенных в погребение мужчины в могильнике Зангхалук, были нашиты войлочные рожки [Mallory, Mair, 2000, p. 126, p. 215]. По представлениям юкагиров, магическое действие островерхой шапки этим усиливало [Жукова, 1996, с. 112].

Замечательный головной убор найден в третьем Пазырыкском кургане (рис. 2.59а). По форме он напоминает капор, плотно облегающий голову. Шапочка сшита из двух кусков тонкого войлока оливкового цвета. Поверх войлока наложена тонкая кожа, также состоящая из двух кусков, пришитых к основе. Вдоль висков и книзу спускаются две лопасти с закругленными концами (шириной 4 см). В височной части справа на шапочке красной краской нанесен рисунок, изображающий, вероятно, какое-то животное. Рядом с рисунком укреплены маленькие пластины, окрашенные коричневым лаком. С левой стороны тоже имеются следы рисунка, но он совсем нечеткий. Верх головного убора украшает невысокая (4 см) зубчатая «корона». Она выполнена из толстой кожи и прежде была позолочена. В центре «короны» есть сквозное отверстие, в которое, видимо, вставлялось навершие. «Корона», по своим очертаниям напоминающая многоступенчатые зубцы-мерлоны угловых башен оборонительных сооружений ассирийских городов, совпадает с той, что изображена на голове принца — скульптуры из Персеполя (рис. 2.59в). В погребальной камере третьего Пазырыкского кургана найдены еще два фрагмента головного убора — он аналогичен рассмотренному выше.

Более простой, но в то же время очень близкий вариант войлочного головного убора обнаружен в мужском погребении в кургане 1 могильника Верх-Кальджин-2. Этот головной убор был дополнительным, его положили под голову похороненного мужчины, на которой присутствовал обычный для пазырыкцев войлочный шлем. Не исключено, что и тут прежде имелись кожаные украшения, но кожа, как известно, почти не сохранилась в погребениях Укока. О существовавшей отделке изделия свидетельствуют проходящие по всему периметру дырочки от швов. Добавим, что эта шапка застегивалась под подбородком, так как на ее концах зафиксированы следы от застежки (рис. 2.59б).

Рис. 2.60. Мужские головные уборы:
а — войлочный шлем из погребения мужчины в кургане 1 могильника Ак-Алаха-1;
б — прорисовка бронзового шлема с навершием в виде лошадки и наlobным украшением в виде головки козла (Китай, эпоха Чжоу, IX в. до н. э.). В данном случае интересно сходство персонажей, украшавших чжоуские шлемы и пазырыкские войлочные головные уборы воинов. Аналогии форме пазырыкских войлочных шлемов приведены в работе Н. Полосьмак [2001, табл XIX, с. 306]

а

Рис. 2.61. Прическа пазырыкского мужчины:
а — мумия;
б — реконструкция
(выполнена Д. В. Поздняковым).
Курган 3, могильник Верх-Кальджин-2.
МА ИАЭТ СО РАН

б

По археологическим материалам мы можем составить довольно смутное представление о прическах древнего населения. Если бы мы руководствовались только изображением всадника на войлочном ковре из пятого Пазырыкского кургана с прической из густых черных волос с «коком», то у нас сложилось бы ошибочное мнение о том, как укладывали свои волосы пазырыкские мужчины-воины. К счастью, на голове мумии молодого всадника из кургана 3 могильника Верх-Кальджин-2 сохранилась прическа (рис. 2.61): светлые волосы мужчины были подстрижены спереди, образуя длинную челку, а на затылке они были заплетены в две косы, состоящие из двух туго свитых прядей. Обе косы оказались перекинуты на левую сторону, их концы достигали груди. Похожая прическа была и у мужчины, похороненного в могильнике Зангхалук (Черчен) [Mallory, Maig, 2000, pl. I, II]: те же две косы, сплетенные из двух прядей темных с проседью волос. Сходство мужских причесок еще раз свидетельствует о вероятной этнической близости пазырыкцев Горного Алтая и жителей оазисов в бассейне Тарима конца I тыс. до н.э.

Обувь: войлочные сапоги-чулки

Рис. 2.62. Женские кожаные полусапожки из второго Пазырыкского кургана. Сшиты из выкрашенной в красный цвет тонкой кожи. Между голенищем и головкой нашта полоска красной шерстяной тесьмы, украшенной кожаными, крытыми листовым золотом фигурками, напоминающими уток. Полусапожки сплошь орнаментированы накладным узором, выполненным сухожильной нитью, обернутой полоской оловянной фольги. Мотив орнамента — лотосный. Орнамент голенища выполнен в технике аппликации: на замшевую основу голенища нашта узорная аппликация из кожи. Мотив орнамента — лотосовидные цветы в сложных композициях. Подошвы обшиты красной шерстяной материей и обрамлены по краю двойной полоской сухожильной нити. Между сухожильными нитями шит черный бисер, нанизанный на нитку. В передней половине подошвы и на пятке пришиты большие ромбы из сухожильных ниток, разделенные на 25 и 16 маленьких ромбов, в центре каждого из которых нашта по кристаллу пирита [Руденко, 1953, с. 119–120]. Эрмитаж, № 1684-218-219

31. Отделка аппликацией верхнего края чулок, скрытого под юбкой, говорит многое о пазырыках. Напомним, что во многих традиционных культурах — в частности, у туркмен — скрытые части одежды, как правило, изготавливали из более дешевого и простого материала. Например, у шаровар только видневшийся из-под платья низ штанин шился из нарядной ткани.

Н е считая многочисленных фрагментов, извлеченных из погребений Укока, во втором Пазырыкском кургане были найдены три чулка и два женских носочка [Руденко, 1953, с. 111]. Еще две пары чулок были обнаружены в могильнике Верх-Кальджин-2 (курганы 1 и 3, мужские погребения) и одна — в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3 (женское погребение) (рис. 2.63–2.66).

Чулки и носки — как мужские, так и женские — одинаковы по покрою. Их изготавливали из цельного куска белого войлока хорошей выделки, подошву выкраивали отдельно, носочек подгибали и при сшивании присборивали. Чулки из укокских курганов наставляли сверху до нужной длины, что никак не меняло принципы кроя и шитья. Все шитье было выполнено сухожильными и шерстяными нитями.

Индивидуальный размер ноги не учитывался: длина подошвы всех найденных чулок и носков — 21–22 см (пришитые на подошву красные шерстяные следы чуть меньше самой подошвы, их длина 20 см). Также нет разницы в покрое между правым и левым чулком и носком. Вероятно, их так же, как олени торбаза и другую мягкую обувь, надевали, чтобы не ступать, попеременно то на одну, то на другую ногу [Жукова, 1996, с. 102]. Длина самих чулок — 62 и 82 см (второй Пазырыкский курган), 89 см (курган 1 могильника Ак-Алаха-3) и 99 см (могильник Верх-Кальджин-2) — зависела, скорее всего, от длины ног и была индивидуальна.

Женские чулки украшены по верхнему краю аппликацией — красной (из кургана Ак-Алаха-3) и цветной (из второго Пазырыкского кургана)³¹. Кроме того, на них присутствуют кожаные кантики. На подошвы укокских изделий (и мужских, и женских) пришиты вырезанные из шерстяной красной ткани следики. Чулки, кроме того, отделаны красной тесьмой (по данным Т.Н. Глушковой, см. прил. 1, образцы 7А, 7В). Мужские сапоги-чулки из кургана 3 могильника Верх-Кальджин-2 обшиты по стопе тонкой кожей, узорно вырезанной на посках (рис. 2.63). Скорее, это не столько украшение, сколько необходимая деталь, придававшая изделию большую практичность.

б

а

Рис. 2.63. Мужские войлочные сапоги-чулки:

а — общий вид;

б — прорисовка кроя;

в — отделка кожей.

Курган 3, могильник

Верх-Кальджин-2.

МА ИАЭТ СО РАН (раскопки

В.И. Молодина)

в

Рис. 2.64. Женские войлочные сапоги-чулки. Второй Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1684—221, 222

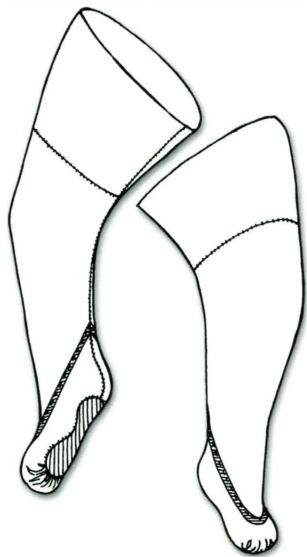

Рис. 2.65. Мужские войлочные чулки:

а — прорисовка кроя;

б — общий вид;

в — фрагмент.

Курган 1, могильник

Верх-Кальджин-2.

МА ИАЭТ СО РАН.

Раскопки В.И. Молодина

а

б

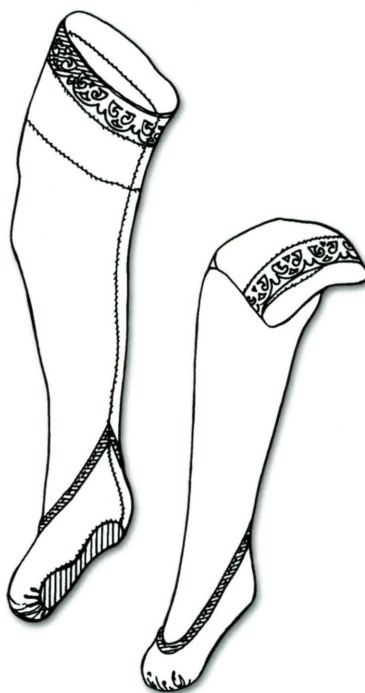
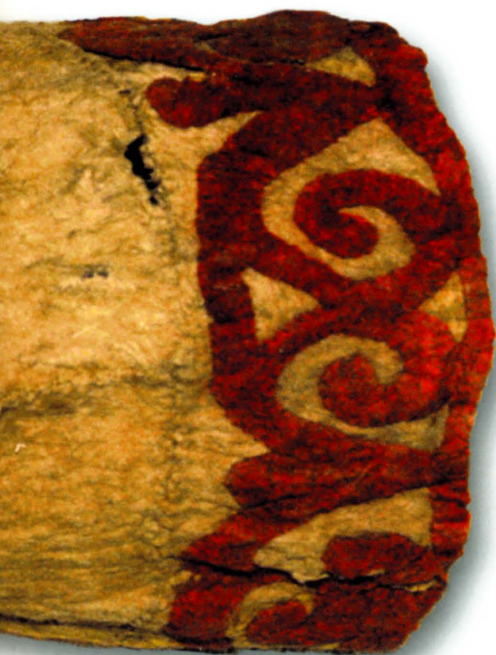

Рис. 2.66. Пазырыкская женская обувь:
а — войлочные чулки из погребения
в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3;
б — прорисовка края;
в, г — детали отделки.
МА ИАЭТ СО РАН

в

г

Носочки невысоки: задник одних — 3,5 см, других — 7 см. Верхний край носочков разрезан в виде бахромы. С. И. Руденко полагал, что женщина надевала на ногу два носочка, один в другой. Вначале надевался тот, что длиннее, а поверх него — более короткий [Руденко, 1953, с. 120]. Двойные фестончатые края спускались друг над другом, еще одна фестончатая бахрома надевалась сверху. В этом способе ношения войлочных носков есть определенный стиль и, безусловно, вкус. После того как во втором Пазырыкском кургане были найдены женские сапожки с расшитой подошвой (рис. 2.67), ничто уже не кажется в «пазырыкском» стиле чрезмерно изысканным. Традиция ношения сразу двух пар войлочной обуви отмечена у хунну. В Ноинулинском кургане (№ 6) были найдены две пары (одни в других) войлочных мужских полусапожек. Верхние полусапожки были покрыты кожей, богато вышитой шелковыми нитками, нижние — обшиты белой шелковой материей. Особенно интересно то, что, как и у пазырыкцев, подошвы войлочной обуви хунну были украшены. Это была либо войлочная же двухцветная аппликация, либо вышивка разноцветными шелковыми нитями [Руденко, 1962, с. 40–41, табл. XIII,

Рис. 2.67. Женский кожаный сапог с голенищем из меха леопарда. Край голенища украшен узором из сухожильных ниток, спирально обернутых узенькими полосками оловянной фольги. По краю голенища и между головкой и голенищем нашита красная шерстяная тесьма (1 и 7 см шириной). Подошва из толстой (2 мм) кожи сплошь орнаментирована врезным узором. Орнамент представляет собой один из вариантов лotosного мотива [Руденко, 1953, с. 121–122]. Второй Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1684–216

LXX, 2]. Как отмечает С. И. Руденко, украшение подошв указывает на обыкновение сидеть, скрестив ноги, так, чтобы подошвы были видны. Синьцзянские женщины также уделяли внимание украшению обуви. Так, в могильнике Джумбулак Кум были обнаружены войлочные гамашы, которые удерживались на лодыжках шерстяным плетеным шнурком с помпонами на концах. Шнурок является уменьшенной копией пояса-шнура (красного с желтыми помпонами), которым была подвязана юбка. «Этот нюанс позволяет понять, — пишут А. П. Франкфорт и С. Дерозье, — какое внимание уделяли одежде жители Джумбулак Кума» [Francfort, Desrosiers, 2001, p. 194].

В качестве близкой аналогии внешнему виду и способу шитья и кроя пазырыкской обуви можно привести довольно многочисленную кожаную обувь и разрозненные находки войлочных сапог-чулок в Субашаи, Шампуле, Джумбулак Куме. Иначе говоря, войлочная обувь, сшитая так же, как и у пазырыкцев, бытовала, видимо, и среди жителей Синьцзяна. Похожей на пазырыкскую выглядит, по описанию В. В. Радлова, алтайская обувь: «Обувью им служат доходящие до колена сапоги: летом — из дубленой овечьей кожи

без каблуков, зимой — из недубленых шкур мехом наружу. Голенища меховых сапог шиты обычно из меха лапок горной козы. На ногу надевается войлочный чулок (ук), он на два дюйма выше голенища» [Радлов, 1989, с. 130–131]. Войлочные чулки (валяные без шва по форме ноги) носили в прошлом ногойцы. Женские чулки чаще всего были белого цвета и украшались в верхней части голенища орнаментом, заимствованным из войлочных ковров [Булатова, Гаджиева, Сергеева, 2001, с. 104], так же как и у пазырыкцев. Следует заметить, что ногойцы являются одним из кавказских народов, который продолжил пазырыкские традиции в изготовлении апплицированных войлочных изделий [Студенецкая, 1979, с. 111; Полосьмак, 2001, с. 208].

Рис. 2.68. Войлочные носочки. Второй Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1684–218, 219

Происхождение костюма

32. «Но все же он не пожелал облачаться полностью в мидийское платье, которое было уж слишком варварским и необычным, не надел ни шаровар, ни кандия, ни тисары, а выбрал такое одеяние, в котором удачно сочеталось кое-что от мидийского платья и кое-что от персидского, более скромное, чем первое, оно было пышнее второго» [Плутарх, 1990, т. 2, с. 407].

33. В китайских источниках выражения «сменить свое одеяние», «изменить одежду» используют для определения того, что данное лицо сознательно ассимилировалось с иной этнической группой, чтобы не отличаться от ее представителей [Итц, 1972, с. 179]. Так, например, чусец Чжуанцзяо «изменил свои привычные одеяния на обычай [дяньцев], чтобы править [ими]» [Там же].

В период, к которому относится сооружение пазырыкских курганов Горного Алтая, на другом конце Ойкумены Александр Македонский осуществлял свою мечту — создавал великую мировую державу. Его завоевательные походы привели к невиданным по масштабам перемещениям людей, повсеместно наблюдалось интенсивное смешение нравов, традиций, культур, и в частности одежды. Костюм — даже столь древний, как пазырыкский, — не являлся совершенно оригинальным явлением, присущим только этим людям и только в этих местах. Уже в те времена мир был тесен. Некоторые элементы мужского пазырыкского костюма, известные по находкам древних вещей в «замерзших» могилах Горного Алтая (войлочные сапоги-чулки, отделанные тесьмой; остроконечные шлемы; длинные рубахи; штаны; глухие гориты), мы можем увидеть на персепольских барельефах, причем на изображениях представителей разных народов: мидийцев, согдийцев, саков-тиграхAUDов, парфян, бактрийцев, хорезмийцев.

Еще во времена Ахеменидской империи персы заимствовали пышный мидийский костюм, в свою очередь унаследованный мидийцами от ассирийцев. Дарение мидийского платья своим придворным неоднократно совершал и Кир. При Александре эта традиция сохранилась — он сам подал пример, надев, как пишет Плутарх, варварское платье, сочетавшее элементы мидийской и персидской одежды³² (это, кстати, доказывает, что смешивать в одном костюме детали одежды разных народов было делом если и не обычным, то, во всяком случае, не редким). Следуя проводимой им политике ассимиляции, Александр всячески поддерживал в своих приближенных проявление интереса к Востоку и его обычаям, дарил им роскошные восточные одеяния. И если проскинеза (принятый в Персии обряд коленопреклонения перед владыкой с последующим поцелуем), которую он хотел ввести в своей империи, с треском провалилась, то ношение «варварского» персидского одеяния вошло в обиход³³.

Пазырыкский костюм был порождением эпохи: как и любой костюмный ансамбль, он не избежал влияний и заимствований, отразивших историческую судьбу его творцов и хозяев.

Логично было бы утверждать, что одинаковые мужские и женские костюмы существовали только в рамках одной культуры, являясь одним из главных ее признаков. Но это не всегда верно. Жители Горного Алтая (пазырыкцы) и их современники из Синьцзяна имели практически идентичный наряд (особенно это касается женщин, чей костюм, как правило, более консервативен, чем мужской) — как по набору вещей (за исключением шуб), так и по цветовой гамме. Что же это могло означать? Ведь в данном случае люди, носившие похожую одежду, жили в разных природно-климатических условиях, в разных жилищах, вели разный образ жизни, были похоронены по разному погребальному обряду. И тем не менее, если бы можно было поставить рядом женщину с высокогорного пастбища Укок и женщину из оазиса Субаша, то в глаза бросилось бы их удивительное внешнее сходство, имеющее в своей основе тождество основных деталей абриса и цвета костюма. А вот отличия пришлось бы еще поискать.

Кстати, древних авторов подобное сходство совсем не удивляло. Геродот, например, пишет о живущих за Истром соседях фракийцев — народности сигинны, — что они одеваются в мидийскую одежду [Геродот, кн. V, 9]. Об аргипеях он сообщает, что они одеваются по-скифски [Геродот, кн. IV, 23]. И это далеко не единичные случаи. Костюмные заимствования были широко распространены в древнем мире. Они происходили по разным причинам, нередко будучи одним из элементов государственной политики, как при Александре Македонском, например. Впрочем, это особый разговор. Необходимо отметить другое: существует не так много вариантов одежды, подходящей к определенным природно-климатическим условиям и образу жизни. «Каждый народ принимает форму той местности, в которой он длительное время живет», — пишет о шумерах В. В. Емельянов [Емельянов, 2001, с. 32], понимая под формой и особенности одежды. Л. Н. Гумилев считал, что «этнос — это явление географическое, всегда связанное с вмещающим ландшафтом, который кормит адаптированный этнос» [Гумилев, 1990, с. 17]. Кроме того, одежда, как уже отмечалось, связана с человеческим телом, имеющим определенные общие для человека как биологического вида пропорции.

Сходство костюмов жителей Горного Алтая и оазисов Синьцзяна в конце I тыс. до н. э. можно объяснить тем, что люди, заселившие эти районы, пришли из одних мест и были представителями некогда единого культурного образования. Их большая часть осела в Синьцзяне. Распространение здесь иранской культуры связано с приходом иранского населения, занявшего свою природную нишу, в которой оно смогло обустроить привычный «оазисный» образ жизни. Бассейн Тарима явился своего рода продолжением иранского ландшафта³⁴, куда и вписались с успехом мигранты³⁵. «Распространение культуры и ее носителей происходит преимущественно в той географической среде, в которой она возникла и к которой предельно адаптировано хозяйство населения (особенно это относится к кочевникам)» [Вайнберг, 1999, с. 4].

Близость рельефов Иранского плато и бассейна Тарима основана на близости четвертичной истории Таримской впадины и впадин Центрального Ирана. Многие уникальные

34. *Под ландшафтом следует понимать территорию, природные условия которой относительно однородны. К одному ландшафту можно отнести территории, разобщенные между собой, но сходные по природным характеристикам.*

35. *Считается, что было две волны миграции иранского населения в бассейн Тарима — во II тыс. до н. э. и в I тыс. до н. э. [Mallory, Mair, 2000, p. 240–245].*

36. *Ярданги (с турк. — обрыв, крутая гора) — остатки древних озерных и дельтовых террас.*

37. *Система орошения при помощи сети подземных каналов — «канатов» или «кяризов» — сохранилась в Иране до наших дней [Селиванов, 1995, с. 64–65].*

природные явления повторяются в этих районах. Например, озерные отложения и ярданги³⁶ — это следы, оставшиеся от существовавших там в ледниковый период крупных бассейнов. Классическим примером распространения ярдангов является Лобнорская депрессия, которую они окаймляют со всех сторон [Петров, 1967, с. 147]; ярданги есть в Даште-Луте, меньше — в Даште-Кевир — пустынях Ирана [Селиванов, 1995, с. 42, 139]. Еще в конце XIX в. путешествовавший по Западному Китаю Г. Е. Грумм-Гржимайло обратил внимание на то, что, кроме Турфана, подпочвенные воды утилизируются для орошения полей только в Иране и в местностях, прилегающих к нему с севера. В обоих случаях для вывода воды на поверхность земли применялось совершенно одинаковое устройство сети подземных каналов, известное под персидским названием «карысей»³⁷ [Грумм-Гржимайло, 1948, с. 226–230]. «Таким образом, — пишет Г. Е. Грумм-Гржимайло, — с некоторой долей вероятности мы должны допустить, что первые поселенцы Турфана были людьми, явившимися сюда во всеоружии знаний; они уже знали, как вызвать к жизни пустыню, и осели здесь в полной надежде, что их невероятный труд сторицей окупится громадной урожайностью почвы. И они не ошиблись... Но кто они были?» Его ответ, прозвучавший в позапрошлом веке, актуален и сейчас — «все заставляет думать нас, что первые жители Турфана были иранцы» [Там же, 1948, с. 221–230]. «Канаты», «карысы» или «кяризы» — дренажные галереи, о которых пишет Г. Е. Грумм-Гржимайло, распространены значительно шире, чем он полагал. Они есть в засушливых

предгорных районах стран Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, Закавказья, Средней Азии [Смагулов, 2003, с. 177], но это нисколько не противоречит выводу Г. Е. Грумм-Гржимайло, поскольку их происхождение связывается с древним государством Урарту (Северный Иран, VIII в. до н. э.), где развитие кяризных систем орошения, возможно, стало следствием строительства рудников [Там же]. Считается, что ахеменидские правители использовали строительство дренажных галерей в качестве основного средства для распространения новых поселений в аридных землях, рассматривая это как государственное дело [Смагулов, 2003, с. 173]. Судя по датировкам некогда цветущих оазисов Восточного Туркестана (в пределах I тыс. до н. э.), местные кяризы — одни из самых древних. Подземные воды Таримской впадины очень обильны. По словам географа М. П. Петрова, «...золотые пески пустыни Такла-Макан как бы „плавают“ на насыщенной водой толще рыхлых аллювиальных отложений» [Петров, 1967, с. 168]. Интересно, что специалистами по строительству кяризов в Туркмении и Иране являлись и являются преимущественно представители полукочевых племен [Смагулов, 2003, с. 189]. Вероятно, они-то и были среди тех, кто пришел в бассейн Тарима со своей системой орошения, технологией крашения, с хорошо развитыми навыками ткачества. Все эти технические знания, естественно, нашли себе применение в жизни на новом месте.

Но и Горный Алтай не был совсем чужеродным по природно-климатическим условиям местом обитания для выходцев с территории бывшей Ахеменидской державы. В Иране и прилегающих к нему областях тоже высились обледеневшие горные системы — «убежища», как называет их Р. Фрай [Фрай, 2002, с. 27]. Гиндукуш, обширные горные области современного Восточного Афганистана и Северо-Западного Пакистана, гористая часть на востоке Древней Согдианы (Узбекистан) издавна населены охотниками и скотоводами. Суровая природа Горного Алтая не давала почти никаких возможностей для земледелия. Традиционными занятиями местного населения были скотоводство и охота. Пришельцы принесли с собой много нового и необычного: знания, умения, навыки, опыт, традиции, мастерство, привычки, вещи, мифологические представления — другими словами, все то, что перенималось и оказалось востребованным. Главным образом, в Южном Алтае, в бассейне Чуи, отчасти в Центральном Алтае, где пришельцы осели и вошли в контакт с местным населением, они сыграли решающую роль в создании самобытной материальной и духовной культуры, получившей в научной литературе название *пазырыкской*. «Короче говоря, — справедливо писал Л. Н. Гумилев, — Алтай — самое благоприятное место для сохранения культуры, даже зародившейся совсем в других местах, потому так богата и разнообразна археология Алтая» [Гумилев, 1970, с. 191] (рис. 2.69).

Как происходило проникновение нового населения на территорию Горного Алтая, сказать трудно. Путь лежал, по всей видимости, через Синьцзян, а горы Алтая, являясь убежищем, послужили для сохранения этнического своеобразия пришельцев.

Рис. 2.69. Реконструкция мужского костюма выполнена по материалам из погребения в кургане 1 могильника Верх-Кальджин-2 (раскопки В. И. Молодина). Головной убор — один из двух, находившихся в погребении. На голове у мужчины был **войлочный шлем с деревянными фигурками. Войлочная шапка**, изображенная на реконструкции, лежала под головой погребенного. Вероятно, она была украшена и обшита кожей. На шее — **деревянная в золотой фольге гривна**, найденная на погребенном. **Шуба** из овчины и **войлочные сапоги-чулки** сохранились и были реставрированы в ИАЭТ СО РАН. **Войлочное налучье** с навершием и пластиной жесткости также было обнаружено в погребении. Оно крепилось на **кожаный ремень с деревянными пряжками**, подпоясывавший шубу. **Конская упряжь** тоже была воспроизведена по материалам погребения. Все перечисленные предметы хранятся в ИАЭТ СО РАН. Реконструкция выполнена Д. В. Поздняковым

Из всех изученных на сегодняшний день скелетов пазырыкцев лишь единицы имеют следы военных травм. Это очень немного — как для эпохи в целом, так и относительно других родственных культур. Данный факт, наравне с другими, еще раз подчеркивает мирный характер пазырыкской культуры, связанный с тем, что ее представители жили в «убежище» и война не являлась постоянным спутником их жизни. То что заселение пришельцами алтайских горных долин прошло без крупных стычек с местным населением, может быть объяснено культурным превосходством пазырыкцев, их небольшим количеством, тем, что было достаточно места даже для автономного проживания в горных долинах. «Необходимость вписаться в окружающий ландшафт заставляет людей вырабатывать комплекс специфических привычек, которые в сумме складываются в особый ландшафтный стереотип поведения... Роль ландшафта, как правило, значимее для конкретного человека, чем кровное родство» [Мордкович, 1997, с. 6]. Пришельцы были привычны к жизни в поросших лесом горах. Скорее всего, культура деревообработки, столь потрясающая у пазырыкцев, тоже была принесена на Алтай людьми, заселявшими в древности горы современного Восточного Афганистана и Северо-Западного Пакистана. «И в наши дни дерево остается здесь основным материалом для строителя так же, как для скульптора и резчика» [Фрай, 2002, с. 26]. Искусство резьбы по дереву было развито в Индии (оно сохранилось в своих старинных формах до настоящего времени). Напомним, что фигурные ножки одного из столиков-блюд из второго Пазырыкского кургана были выточены на «токарном» станке, а остальные сделаны уже с помощью ножа в подражание им [Руденко, 1953] — это говорит о том, что пазырыкцы были знакомы с достижениями технологии деревообработки.

Можно также предположить, что в горах Алтая поселились согдийские беженцы. Р. Фрай пишет о том, что «с завоеваниями Александра Великого можно связать начало диаспоры согдийцев на Востоке, вплоть до Китая» [Фрай, 2002, с. 72]. Время освоения согдийцами пути в Китай В. Хеннинг и Г. Халуна датируют IV–III вв. до н.э. [Чугуевский, 1992, с. 566]. Особо отметим, что весь иранский и среднеазиатский импорт (гобелены, петельчатые и ворсовые ковры, золотая серьга, серебряные пряжки, семена кориандра, красители) и индийские вещи (бронзовое зеркало-погремушка, конопля, стеклянный бисер, хлопок и шелк для рубаш), обнаруженные в пазырыкских погребениях Горного Алтая, выглядят как разовое поступление, ушедшее в могилы с теми, кому все это принадлежало и кем ценилось³⁸. «В период македонской экспансии драгоценности древнего Востока, сосредоточенные в ахеменидских сокровищницах, перемещались на гигантские расстояния» [Литвинский, Пичикян, 1993, с. 88].

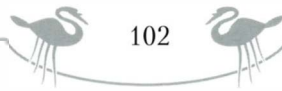
В пазырыкском костюме нашла отражение многокомпонентность культуры. Поэтому, говоря о нем, следует помнить как о традициях местного автохтонного населения, так и о культурных навыках пришельцев, иранский облик которых почти не вызывает сомнений. В материальной культуре населения, проживавшего в Горном Алтае до сложения там пазырыкской культуры, костюм практически

38. В «Киропедии» Ксенофонта приведены наставления Кира по поводу того, что должны брать с собой в длительный поход персидские воины. Это — лишняя одежда; все, что есть острого, пряного, соленого, возбуждающего аппетит; ручные мельницы (из двух камней); те средства, в которых люди нуждаются при болезнях; инструменты кузнецов, плотников, кожевников (Ксенофонт, кн. IV, гл. II). Это перечисление может отчасти свидетельствовать о том, как много разнообразных вещей скапливалось в обозах воинов, которые нередко становились «переселенцами», не возвращаясь на родину.

не представлен. Из этого следует, что пока нам проще увидеть привнесенные, а не местные виды одежды.

Юбки, рубахи, штаны, войлочные чулки и носки, плетеные пояса, войлочные головные уборы и куртки-плащи, найденные в пазырыкских курганах и в могилах оазисов Синьцзяна, по нашим предположениям, представляют несколько видоизмененный в деталях народный иранский костюм. Этим объясняется совпадение видов одежды на Алтае и в Синьцзяне середины I тыс. до н.э. — начала I тыс. н.э.

Многолетнее комплексное изучение народного костюма Средней Азии и Казахстана позволило сделать следующий вывод: хотя в целом народная одежда — яркий культуроопределяющий признак, но не все ее элементы показательны в этом отношении. «Самое существенное заключается в том, что такими признаками, свидетельствующими об этнической общности народов, являются ширина и длина платья, форма воротника, ластовицы, различные вставки и другие детали или высота головного убора, предпочитаемые цвета и материалы, характер отделки, орнамент, техника вышивки и т. п. (курсив мой. — Н. П.), тогда как сходство между мужскими и женскими костюмами, однотипность в покрое плечевой и поясной одежды, головных уборов и обуви как в мужском, так и в женском костюмах, будучи региональными особенностями традиционной одежды народов Средней Азии и Казахстана, не являются этнодифференцирующими и не свидетельствуют об общих этнических корнях в культуре народов региона» [Лобачева, 2001, с. 70–71]. С этой точки зрения можно взглянуть и на археологические материалы,

39. Речь идет именно о комплексе, а не об отдельных деталях одежды, которые могли существовать и позже.

40. В средневековой Германии, когда требовалось шить одинаковую одежду свите знатного сеньора, вассалам, проживавшим порознь, на значительном удалении от дворца своего сеньора, рассылалась специально закупленная ткань вместе с сопроводительными объяснениями, касающимися того, как должен выглядеть сшитый из нее костюм. Этот костюм не был одинаков с точки зрения сегодняшнего восприятия, но современники приходили в восторг именно от одинаковости этих, неизбежно отличающихся друг от друга, костюмов. Достаточно было лишь определенной степени сходства, чтобы воспринимать ее уже как идентичность [Бойцов, 1995, с. 50–51].

не забывая о том, что речь идет о времени, когда современных народов еще не существовало, а их отдаленные предки могли проживать на совсем других территориях. Тем не менее, корректно предположить, что за заметным сходством костюма (ширины, длины юбок, штанов и рубаш, материалов, из которых они были изготовлены, цвета, орнамента, вставок, отделки) населения двух различных регионов стоит их этническая общность. Ни на территории Горного Алтая, ни в оазисах Синыцзяна (здесь интересующий нас костюм исчезает к III в. н.э., судя по материалам могильников Шампула (поздний пласт), Импань, по Горному Алтаю таких сведений нет — отсутствует археологический материал) в последующие исторические эпохи, вплоть до этнографического времени, не повторялся костюмный комплекс, зафиксированный благодаря найденной при раскопках одежде³⁹. В одежде народов, населявших Синыцзян, появились тюркские черты, усилилось китайское влияние. Население Алтая, вступив в VI в. н.э. в тюркскую эпоху, находится в ней до сих пор.

Исключая костюмы, чудом сохранившиеся в могилах Синыцзяна и Горного Алтая, все в этих культурах различается: мы видим разный погребальный обряд, разные способы

захоронения, положения умерших, отличия в наборе погребального инвентаря, видах положенной в могилы пищи, надмогильных сооружениях, украшениях, раскраске тел и т.п. (но есть и некоторые на редкость схожие вещи — деревянная посуда, роговые сосуды). Давно отмечено, что столь характерное для пазырыкской культуры Горного Алтая высокопрофессиональное производство войлоков (равно как и искусство резьбы по дереву) в синыцзянских оазисах представлено реже и в значительно более примитивном виде. Интересно, что много позже, в конце XIX — нач. XX века, туркестанский войлок ценился более, чем монгольские и китайские кошмы, поскольку значительно превосходил их по качеству. «Некоторые отрезки, — отмечал Ю.Н. Рерих, — украшены декоративным рисунком» [Рерих, 1999, с. 41].

И лишь костюм — свидетельство традиции, не подвластной ни территориальной, ни культурной разобщенности. Чтобы создавать в разных регионах чрезвычайно схожую одежду, надо было не только прекрасно знать тот образец, которому следовало подражать⁴⁰, но и иметь в этом огромную необходимость, связанную с глубоко укоренившейся традицией.

«Язык и религия создают народ, при этом религия является даже более могущественным фактором, чем язык» [Мюллер, 2002, с. 76]. Возникает вопрос: насколько зависела одежда человека в те далекие времена, когда рождались народы, от языка, на котором он говорил, и его религиозной принадлежности? Религиозные предпочтения всегда отражались в костюме и внешнем облике адептов того или иного религиозного направления. Конечно, сейчас трудно предположить, что костюм пазырыкцев и их синыцзянских современников определялся их религиозными воззрениями — мы почти ничего не знаем о них⁴¹. Тем не менее, мы не должны забывать, в какую эпоху существовали рассматриваемые нами археологические культуры. Это был период формирования мировых религий и философской веры [Ясперс, 1991, с. 32].

Мы не знаем, каким богам поклонялись пазырыкцы, вдыхая запах конопляного дыма, ведь ничего из материальной культуры (а это единственное, на что мы можем рассчитывать в таком сложном вопросе, как принадлежность к определенной системе религиозных верований, когда речь идет о культуре, лишенной письменности), что свидетельствовало бы о наличии какой-то из существовавших религиозных систем, у пазырыкцев в Горном Алтае не обнаружено.

Может быть, учитывая историю сложения пазырыкской культуры Горного Алтая и происхождение ее носителей, мы можем предположить, что на окраине великой империи, где был исходный пункт пути этих людей на Алтай и в Синыцзян, они могли быть знакомы с какой-то из мировых религий (я говорю «с какой-то» потому, что на территории Ахеменидской державы, а затем империи, создаваемой Александром, существовало не одно религиозное течение. — Н. П.). Но все религиозные системы в большей или меньшей степени имели свои материальные атрибуты (поскольку у нас нет надежды получить письменные свидетельства на этот счет), которые в идеальных условиях «замерзших» могил Алтая

41. Из всех элементов одежды представителей пазырыкской культуры Горного Алтая и населения Синьцзянских оазисов конца I тыс. до н.э. только плетеный из шерстяных нитей толстый длинный пояс, украшенный кистями, может быть сопоставлен со священным поясом зороастрийцев — *кустиг* (пехлевийское *Kustig*), также сплетенным из шерстяных нитей. Зороастрийцы, достигшие совершеннолетия (15 лет), должны были постоянно носить этот пояс, являвшийся «главой одежды», хождение без пояса считалось тяжким грехом [Чунакова, 2004, с. 199].

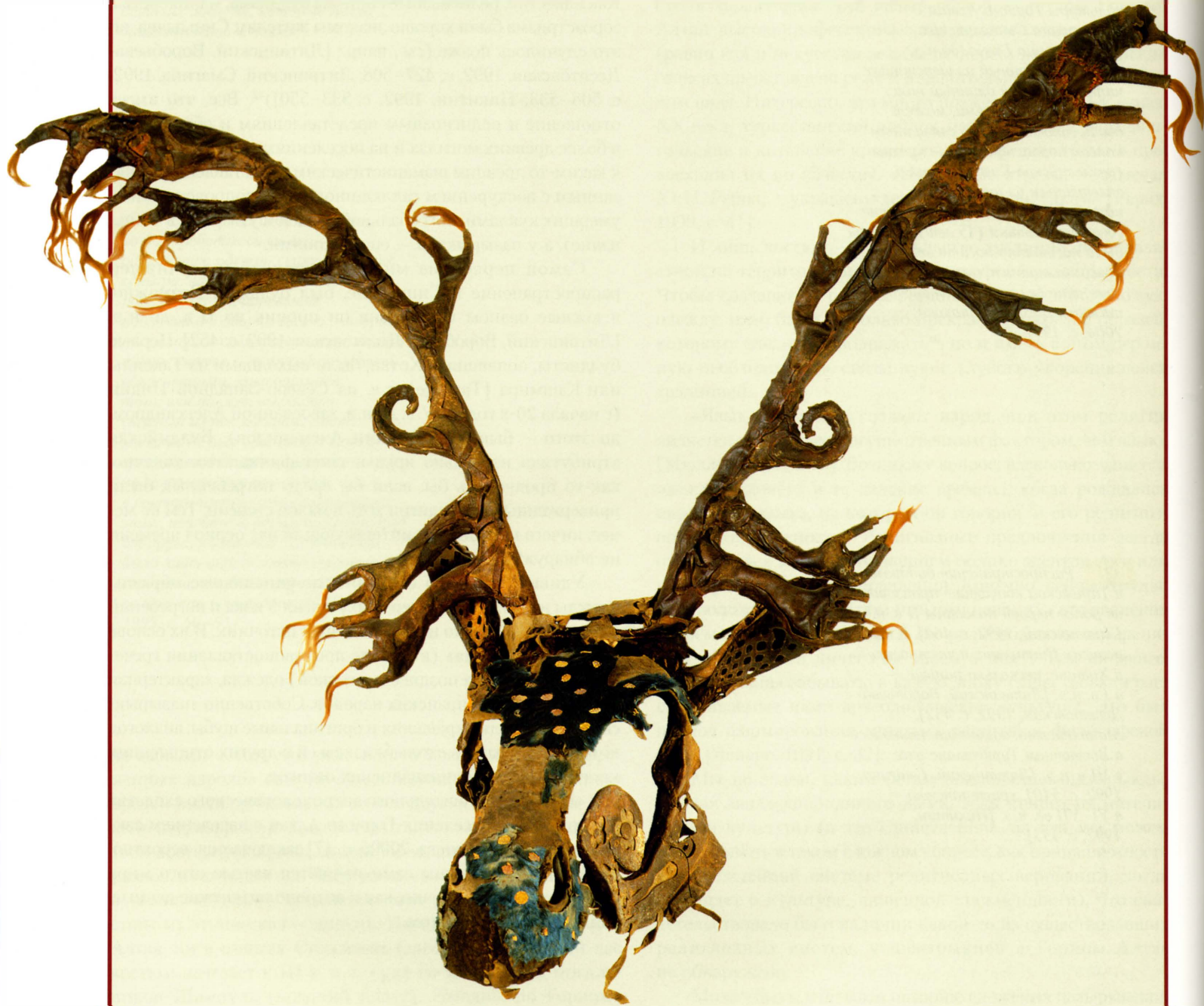
42. Распространение буддизма в Таримской котловине произошло не ранее первой половины II в. н.э. [Литвинский, 1992, с. 464]. В южных оазисах Синьцзяна, в частности в Хотане, несколько раньше — в I в. н.э. [Литвинский, Воробьева-Десятовская, 1992, с. 452]. Манихейство, возможно, появилось в Восточном Туркестане уже в III в. н.э. [Литвинский, Смагина, 1992, с. 510], христианство — в VI–VII вв. н.э. [Никитин, 1992, с. 533].

и песков Синьцзяна могли бы сохраниться (на памятниках Синьцзяна, синхронных пазырыкским, таких как Субаш, Черчен, ранняя Шампула и т. п., мы тоже не найдем материальных следов, указывающих на существование среди населения этих оазисов до Р. Х. какой-либо мировой религии). Как известно, религиозные системы буддизма, манихейства, зороастризма были хорошо знакомы жителям Синьцзяна, но это случилось позже (см., напр.: [Литвинский, Воробьева-Десятовская, 1992, с. 427–508; Литвинский, Смагина, 1992, с. 508–533; Никитин, 1992, с. 533–550])⁴². Все, что имеет отношение к религиозным представлениям и обнаружено в более древних могилах и на поселениях, имеет отношение к каким-то древним шаманистическим представлениям, связанным с воскурением галлюциногенов, с сопровождением умерших куклами, погребальной пищей и утварью (в Синьцзяне), а у пазырыкцев — еще и конями.

Самой первой из мировых религий, получившей распространение в Синьцзяне, был буддизм. Возможно, в южные оазисы Синьцзяна он проник во II в. до н.э. [Литвинский, Воробьева-Десятовская, 1992, с. 452]. Первые буддисты, появившиеся в Хотан, были выходцами из Таксилы или Капшира [Там же], т.е. из Северо-Западной Индии (с начала 20-х годов IV в. до н.э. завоеванной Александром, до этого — бывшей сатрапией Ахеменидов). Буддийская атрибутика настолько ярка и специфична, что, конечно, как-то проявилась бы, если бы среди погребенных были приверженцы этой религии хоть в малой степени. Тем не менее, ничего подобного в интересующий нас период времени не обнаружено.

Удивительные по сохранности уникальные образцы одежды и тканей из «замерзших» могил Укока и погребений Синьцзяна — далеко не исчерпанный источник. В их основе лежит «варварская» (в смысле противопоставления греческой, китайской, а позднее и римской) одежда, характерная для большинства иранских народов. Собственно «пазырыкской» ее сделали украшения и оригинальные шубы, аналогов которым нет даже в столь близком ей в других отношениях костюме жителей синьцзянских оазисов.

«Природа удивительного антропологического сходства пазырыкского населения Горного Алтая с населением сакского мира» [Чикишева, 2000б, с. 47] заключается, вероятно, в том, что пазырыкцы сами являются частью этого мира и их костюм так же точно, как и антропологические данные, свидетельствует об этом.

глава 3.

Предметы конского убранства

Коллекция алтайских войлоков VI–IV вв. до н.э., хранящихся в Эрмитаже, насчитывает 180 образцов. Это самые разнообразные изделия: одежда, головные уборы, бытовые вещи, ковры, чепраки, седельные покрышки, предметы конского убранства. Войлоки отличаются друг от друга по выделке, качеству и структуре. Одни из них тонкие, другие — толстые. Структура у одних рыхлая, у других — плотная. Все войлоки изготовлены из шерсти овец, срезанной со шкуры острым ножом. Об этом свидетельствует отсутствие лукович на шерсти. В зависимости от того, какого качества требовался войлок, выбиралась разная по структуре шерсть. Войлок, который валяли из шерсти тонкорунных овец, отличающейся чрезвычайной мягкостью, эластичностью и извивистостью волоса, получался плотно скатанным и одновременно тонким — толщиной 1–1,5 мм. В этом войлоке преобладают волокна тониной 12–48 мкм. Большинство войлоков в своей основной массе содержат все фракции шерсти: пух, переходный волос, ость, грубую ость и мертвый волос. Следует отметить, что имеется 2–3% войлоков, содержащих волокна грубой ости тониной 80–100 мкм, толщина таких войлоков колеблется в пределах от 2 до 6 мм. Лишь в единственном числе имеется войлок из первого Туэктинского кургана (в мелких обрывках), в котором использованы шерсть козы и пух северного оленя (ГЭ, № 2179-942)¹.

Исследование технологии и состава войлоков методами микрохимического и микроскопического анализа было проведено сотрудником отдела научно-технической экспертизы Эрмитажа Е. А. Миколайчук, а исследование красителей — сотрудником того же отдела Л. С. Гавриленко.

Войлоки имели различное применение: тонкие, великолепно скатанные из белой шерсти шли на изготовление одежды, чулок, конских седельных покрышек. Из более толстого войлока изготавливали потники, чепраки, ковры, а из толстой черной шерсти выделявали кошмы, которыми не только утепляли стены и полы жилищ, но и устилали стены и полы погребальных камер.

1. В войлоках из южноалтайских укокских курганов всегда присутствует в небольших количествах верблюжья шерсть. Ее использование не улучшало качества войлоков, поскольку шерсть верблюдов, так же как шерсть коз, сарлыков и конский волос, не содержит клейкого слизистого фермента, позволяющего сбить ее в плотную массу [Жуковская, 1989, с. 254]. Поэтому можно предположить, что пазырыкцы добавляли верблюжьей шерсть в овечью потому, что придавали ей особые магические свойства, использовали ее в качестве оберега. Так, например, согласно поверью узбеков Хорезма, шерсть верблюдов отгоняла злых духов [Соколова, 1972, с. 180].

Рис. 3.1. Фрагмент конской маски.
Первый Пазырыкский курган.
Эрмитаж, № 1295-458

Конские маски, нагривники

2. Для катафрактариев (I в. до н.э.—IV в. н.э.) характерны специфическое вооружение и специфические способы ведения военных действий. Слово «катафрактарии» происходит от катафракты — греческого наименования всаднического доспеха. В дальнейшем в греко-римском мире этим словом (в двух написаниях — *cataphracti* и *cataphractarii*) стали называть появившуюся на Востоке тяжеловооруженную конницу.

3. Протома — верхняя часть туловища животного.

4. Эгрет — хохолок или султан, который прикреплялся к головному убору или прическе с помощью застёжки.

Конское снаряжение, изготовленное из различных видов войлока, представлено самыми разнообразными предметами: конскими масками, nagrивниками, потниками, седельными покрывками, чепраками. Всадники и колесничие с незапамятных времен придавали большое значение внешнему виду своих коней. Пазырыкцы, так же как и ассирийцы, урартцы, мидийцы и персы, следуя, как считали греки, варварскому обычаю, стригли гриву, подрезали и подвязывали или заплетали хвосты коням. Этот обычай был воспринят и китайцами: глиняные фигуры из погребения Шихуанди, многочисленные ханьские рельефы изображают убранство коней именно таким образом. В «Споре о соли и железе» — важнейшем источнике сведений об идеологии, истории и культуре Западной Хань (II—I вв. до н.э.) — конское снаряжение описывается так: «Ныне богатые употребляют ремни из выделанной кожи с кожаными украшениями для конских ушей и с конскими головными украшениями из серебра, узды, отделанные золотом и сердоликом, потники из войлока с разноцветной вышивкой, узорные шерстяные украшения седел, которые отчетливо видны во всей красе...» [Хуань Куань, 2001, с. 86].

Так же, как всадники и колесничие, боевые кони нуждались в защитных доспехах, и они не замедлили появиться. Сначала в Месопотамии, а позже в Ассирии конский доспех был матерчатым или кожаным, возможно усиленным мелкими металлическими пластинками [Никаноров, 1985, с. 34]. В период существования пазырыкской культуры у причерноморских скифов для защиты боевых коней использовались бронзовые налобники и нащечники. Подобная защита для головы коня, вероятно, существовала и у персов, хотя собственно персидских налобников не найдено. В ахеменидское время верховых коней защищали армированной попоной. Но наряду с этими, усиленными металлом, доспехами существовали и менее дорогостоящие способы защиты как упряжных, так и верховых коней — упряжь, сделанная из мягких материалов (кожи и войлока) и покрывающая животное с ног до головы [Нефедкин, 2001, с. 351—355]. Как известно, видоизменения конского снаряжения, стимулированные малой подвижностью панцирной конницы, уже в III—IV вв. привели к тому, что металлические доспехи были заменены попонами из войлока или выделанной кожи и защищали только переднюю часть коня [Никаноров, 1985,

с. 34], т. е., по сути, всадники вернулись к тому варианту, с которого и начиналось защитное конское снаряжение, как к наиболее удобному. Надо заметить, что много позже, в начале XIII столетия, европейские рыцари после первых крестовых походов также изменили тяжелую экипировку своих коней, поскольку она не соответствовала ни климатическим условиям Востока, ни военной тактике восточных народов. Лошадей стали покрывать длинными чепраками из материи, и «это делалось не ради желания украсить лошадь, но, главным образом, чтобы хоть отчасти предохранить от стрел, а также ударов мечей и топора, которые нередко ранили животное в поджилки» [Винклер, 1992, с. 176].

Конечно, по сравнению, например, с парфянскими катафрактариями², кони которых с ног до головы были покрыты железным чешуйчатым доспехом, пазырыкские войлочные попоны, чепраки и маски выглядят скорее украшением, чем защитой. Тем не менее, как показывает краткий исторический экскурс, они могли в какой-то степени выполнять и эту функцию. В пазырыкской культуре войлок занимал огромное место. Он обладал не только реальной защитной функцией (известно, что свойства войлока таковы, что он может предохранять от повреждений тупыми орудиями и смягчать удары острых — в costume пазырыкских воинов использовались именно эти качества), но и свойствами оберега. Его прочность усиливалась также благодаря использованию характерных для пазырыкцев аппликаций и многослойности. Таким образом, пазырыкское конское снаряжение можно отнести к снаряжению легкой конницы: войлочные попоны и чепраки с войлочными длинными подвесками в виде фигур рыб и волков, голов баранов, кисти и бахромы, войлочные маски, закрывавшие конские морды, возможно, были призваны не только украшать, но и защищать животных (хотя не было главного — защиты груди).

Конские маски «царских» Пазырыкских курганов представлены двумя экземплярами и одной полумаской, или, точнее, конским головным убором. Маски сделаны из толстого грубого войлока плотной катки темно-коричневого цвета. Войлок состоит из стриженных волокон шерсти овцы естественной окраски. В его состав входят также пух, переходный волос тониной 12–48 мкм, ость и грубая ость.

Конская маска (ГЭ № 1295-458) (рис. 3.1). Найдена в первом Пазырыкском кургане. *Размеры:* носовая часть 60х26 см, длина рогов 105 см. Маска из грубошерстного темно-коричневого войлока (толщиной 5–7 мм) сшита шерстяным шнуром желтоватого цвета (толщиной 2 мм), скрученным из двух нитей. Войлочная основа маски покрыта сверху тонкой кожей, окрашенной прежде в красный цвет. К верхней части маски прикреплены выполненные почти в натуральную величину рога, имитирующие рога северного оленя. Они прошиты выворотным швом из толстой, свернутой трубочкой кожи и обтянуты тонкой кожей, в которой имеются орнаментальные прорезы. К каждой ветви рога пришито по семь отростков, украшенных пучками конского волоса, окрашенного в красный цвет. По обе стороны от рогов пришиты кожаные уши. Задняя сторона ушей состоит из целого куска кожи, передняя — из кожи со сквозными прорезами ромбической формы. Щечные поверхности маски

имеют вид фигурных лопастей, символически изображающих тело оленя. На носовую часть маски наклеено изображение тигра, вырезанного из меха, окрашенного в синий цвет, на него наклеены кружки из листового золота. Хищник изображен распластавшимся в прыжке, как бы вцепившимся в голову оленя пастью и передними лапами. Таким образом, маска в целом воспроизводит один из популярнейших сюжетов древнеалтайского искусства — борьбу животных, где образы оленя, тигра и коня оказались завязанными в сложный композиционно-смысловой узел.

Маска (ГЭ № 1295-238). Найдена в первом Пазырыкском кургане. *Размеры:* длина 60 см, ширина 40 см. Голова грифона 9х5 см, длина его крыльев 30 см, длина рогов 19 см.

Маска на голову коня представляет собой своеобразный чехол, сшитый из темно-коричневого войлока (толщиной 5–7 мм). Швы выполнены очень крупными стежками, толстой крученой шерстяной нитью. Войлочная основа маски покрыта сверху тонкой кожей и художественно оформлена сценой борьбы грифона с тигром. На носовой части помещено изображение тигра из золотой пластины. Детали его тела прорисованы черной краской по золоту. Зубами и когтями тигр вцепился в грифона. Голова грифона сделана рельефно — она сшита из двух кусков темно-коричневого войлока, покрытого сверху тонкой кожей. Войлочные рога грифона, похожие по своему строению на рога джейрана, имеют лирообразную форму и завершаются «шариками», облицованными листовым золотом и чередующимися с полосками кожи. Такая стилистическая манера изображения рогов — с чередующимися поперечными кольцами и шариками на концах — характерна для изобразительного искусства ахеменидского Ирана. Она представлена, в частности, на капители из Персеполя, украшенной протомой³ льва с рогами джейрана [Chirshman, 1963, fig. 263, 302]. Встречается она также в Среднеазиатском Междуречье — в предметах из Амударьинского клада (золотой браслет с грифонами на концах, золотой эгрет⁴).

Грива грифона сделана из войлока, к верхнему краю которого пришита бахрома из конского волоса, окрашенного в красный цвет. Его крылья из коричневого войлока покрыты сверху тонкой кожей, полосками листового золота и возвышаются на 30 см. Туловище сильно стилизовано и представлено двумящечнымилопастями из войлока, покрытыми сверху тонкой кожей. Детали тела показаны прорезами и фигурными накладками из листового золота.

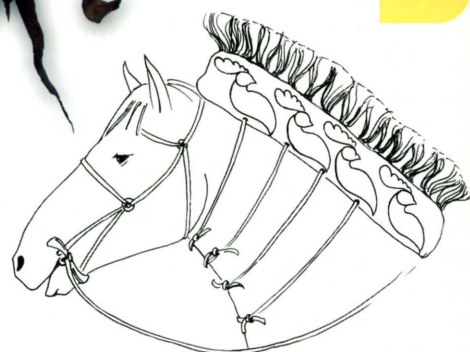
Конский головной убор (ГЭ № 1684-414). Найден во втором Пазырыкском кургане. *Размеры:* длина головной части 38 см, высота головы барана 20 см, высота фигуры петуха 32 см.

Головной убор сшит из цельного куска мягкого желтоватого войлока (толщиной 2–3 мм). Головная часть убора прикрывает лоб коня полукруглым козырьком. По бокам спускаются две войлочные лопасти с закругленными концами. Между длинными войлочными ушами (в виде чехлов) вшита войлочная втулка. На нее надето наверху в виде головы горного барана с круто изогнутыми рогами из войлока, покрытого сверху тонкой кожей.

На голове барана имеются две пары отверстий, в которые вставлены деревянные стерженьки, с помощью которых

а

б

Рис. 3.2. Конский нагривник с изображением птиц с большим гребнем:
а — общий вид;
б — рыжий конь № 2 (реконструкция по М. П. Грязнову).
Первый Пазырыкский курган.
Эрмитаж, № 1295-275

укреплялась фигура петуха. Рельефная фигура петуха выполнена из цельного куска желтоватого войлока. У птицы распушен хвост, подняты большие пришивные крылья, покрытые сверху тонкой кожей и местами уцелевшими небольшими накладками из листового золота. Композицию этой полумаски можно рассматривать как сцену борьбы.

В первом Пазырыкском кургане были найдены два нагривника, идентичных по своему устройству. Оба они выполнены из цельного куска темно-коричневого войлока, скатанного из плохо сортированной шерсти, катки средней плотности, толщиной 5–7 мм. Чтобы укрепить нагривник на коне, требовалась небольшая подготовка. Для этого вдоль гривы прокладывали две войлочные полосы, которые прошивали шерстяным шнуром вместе с гривой. Затем надевали нагривник, крепившийся с помощью кожаных ремешков, пропущенных у основания гривы.

Нагривник (ГЭ № 1295-275). Размер: 57 x 24 см. Для изготовления нагривника войлок сложили пополам по длине и сшили на одном конце толстым шнуром, скрученным из трех желтых нитей. Поверх войлока положен кусок тонкой кожи, мездриной стороной наружу. На поверхности сохранились блестящие белого цвета от оловянного покрытия. С двух сторон нагривника наклеены изображения птиц с большим гребнем. Головки птиц покрыты листовым золотом. По верхнему краю нагривника проходит бахрома из конского волоса, окрашенного в красный цвет.

Нагривник (ГЭ № 1295-483). Размер: 61 x 31 см. Сшит из толстого (5–7 мм) желтого цельного куска войлока. Этот нагривник несколько больше по размеру, чем предыдущий. Его фасон идентичен вышеупомянутому. По обеим сторонам нагривника наклеено по четыре сильно стилизованных и схематизированных фигуры птиц. По верхнему краю нагривника укреплен высокая (11 см) бахрома из конского волоса, окрашенная в красный цвет.

Каково назначение масок и нарядных нагривников? М. И. Артамонов и М. П. Грязнов полагали, что маска была культовой [Артамонов, 1973, с. 64]. С. И. Руденко считал,

что конские маски были связаны с определенными церемониями [Руденко, 1953, с. 227]. В любом случае они не были предназначены только для погребения.

Известно, что в Ассирии было принято украшать гриву коней нагривниками, а головной убор увенчивать различными навершиями [Руденко, 1953, с. 226]. На сохранившемся рельефе из дворца Ашшурбанипала в Ниневии (середина VII в. н.э.) изображены кони с султанами, нагривниками и большими налобными пластинами [Roaf Michael, 1998, s. 154–157]. Несколько позднее, во второй четверти V в. н.э., в Скифии появляется уздечный комплекс, состоящий из фигурных налобников и т. н. «крыловидных нащечников», выполненных из золота и бронзы. Эти украшения конского снаряжения в известной мере можно рассматривать как аналог конских масок у древних кочевников Алтая [Артамонов, 1973, с. 64; Алексеев, 1987, с. 184–186].

Изображения богато украшенных масок для защиты головы коня имеются на Пергамском рельефе из храма Афины (первая четверть II в. до н.э.). Подобные оголовья, по мнению А. К. Нефедкина, могли принадлежать лишь командирам или воинам на параде [Нефедкин, 2001, с. 358]. Один из сохранившихся наглавников, появившихся в XIV столетии, был сделан из листов пергамента, наклеенных один на другой; вероятно, еще сырыми, их накладывали на формовку, воспроизводившую голову лошади. Продольная железная полоса проходит от макушки до ноздрей, покрытых двумя железными круглыми пластинами, усеянными отверстиями для дыхания. Наушники совершенно замкнутые, представляют собой цилиндры с обрезанным в виде свистка верхним отверстием. Этот чрезвычайно простой наглавник, по мнению Винклера, служил больше на войне, чем на турнирах [Винклер, 1992, с. 97].

Символический смысл масок остается пока для нас загадкой. Можно лишь отметить, что образцы реальных и фантастических зверей и птиц, украшающие головы лошадей, а также их упряжь и попоны те же, что украшают тела и одежду людей.

Седельные покрышки

*Рис. 3.3. Седельная покрышка
из кургана 1 могильника
Верх-Кальджин-2.
МА ИАЭТ СО РАН*

Почти во всех Больших Алтайских курганах были найдены седельные покрышки и их фрагменты в количестве 57 экземпляров. Лучше всего они сохранились в первом и втором Пазырыкских курганах. Как правило, они были выкроены из тонкого (1,5–3 мм) войлока по форме седла. Покрышки свободно накладывались на седло и укреплялись на нем при помощи нескольких ремешков, иногда — деревянными дужками.

Обычно войлочные покрышки окрашивали в красный, синий и желтый цвета. Их поверхность в большинстве случаев украшали цветными аппликациями, выполненными из войлока или кожи (**рис. 3.3**). Это композиции со сценами борьбы животных, изображения одиночной фигуры животного или головы зверя. Помимо зооморфных мотивов, покрышки иногда украшали геометрическим узором. По краям покрышек прикрепляли войлочные подвески или кожаную бахрому из узких ремешков.

Рис. 3.4. Войлочные
покрытия седел:
а — из красного войлока
(№ 1295-104);
б — из желтого войлока
(№ 1295-139).
Первый Пазырыкский курган.
Эрмитаж

Седельные покрышки со сценами борьбы животных

Всего в Больших Алтайских курганах было найдено восемь седельных покрышек, украшенных войлочными и кожными аппликациями, на которых запечатлен излюбленный для древнеалтайского искусства сюжет борьбы и победы хищника над травоядным животным.

Композиционно эти сцены построены по-разному: то хищник нападает на травоядное животное, вцепившись когтями и зубами в его грудь; то, настигнув жертву сзади, вгрызается в его круп; то насаждает сверху, подмяв под себя поверженное животное. Все сцены удивительно динамичны, наполнены настоящим драматизмом и насыщены большой эмоциональной выразительностью, они давно уже стали своего рода визитной карточкой пазырыкской культуры.

Покрышка (ГЭ № 1295-104) (рис. 3.4а). Найдена в первом Пазырыкском кургане. *Размеры:* 59х50 см. Сделана из красноватого тонкого (1,5 мм) войлока. По краю покрышка обшита кантиком из синего войлока, пришитого сухожильной нитью. По обеим сторонам седла она украшена аппликацией, вырезанной из тонкой кожи. На аппликации представлена сцена нападения тигра на горного козла.

Некоторые детали тел животных прорисованы серовато-коричневой краской и помечены условными значками — «точками», «запятыеми», характерными для древнеалтайского звериного стиля. По краям покрышки спускается бахрома из тонких длинных (до 15 см) кожаных ремешков (шириной около 1 см). Ныне аппликация снята с войлочной поверхности из-за ее плохой сохранности.

Покрышка седла (ГЭ № 1295-139) (рис. 3.4б). Найдена в первом Пазырыкском кургане. *Размеры:* 60х56 см. Сделана из тонкого (2 мм) желтого войлока. По всему периметру

покрышка обшита узким кожаным кантиком, пришитым сухожильной нитью. Обе стороны покрышки украшены аппликациями из тонкого войлока, представляющими сцену борьбы: крылатый тигр терзает горного козла.

С грозно оскаленной пастью тигр в мощном порыве напал на козла. Одной передней лапой он вцепился в загривок козла, другой — схватил жертву за заднюю ногу. Фигуры хищника и копытного проработаны в характерной для древнеалтайского искусства художественной манере, где спина, бедро, мускулатура подчеркнуты значками в виде «точек», «полуподковы», «запятой». Тело козла сделано из синего войлока, голова — из красного и желтого. Туловище крылатого тигра (грифона) вырезано из желтого войлока, голова и часть крыла — из синего. Аппликация пришита к основе сухожильной нитью и обведена по контуру шерстяной нитью тамбурным швом. По краям покрышки свисает бахрома из длинных тонких кожаных ремешков.

Особый интерес представляет оформление хвоста хищника, завершающегося головой птицы. Это древний мотив. Истоки приема «зооморфных превращений» коренятся в искусстве Передней Азии (хетты). Особенно этот сюжет был популярен в искусстве скифов [Канторович, 2002, с. 28].

Покрышка седла (ГЭ № 1295-150) (рис. 3.5). Найдена в первом Пазырыкском кургане. *Размеры:* 60х120 см. Сделана из тонкого (2 мм) мягкого, средней катки, красного войлока. По всем краям покрышка обшита узким кожаным кантиком и с двух сторон украшена войлочной аппликацией.

Аппликация представляет собой сцену нападения орла-грифона на горного козла. Фантастический хищник напал на свою жертву, схватив клювом за рог горного козла. Передней лапой грифон вцепился в спину козла, а двумя задними — в перевернутый круп. У хищника хорошо виден мощный изогнутый клюв с восковицей, очерченной полукруглой линией. Глаз имеет мидалевидную форму, а большое ухо раздвоено на конце. Над лбом поднимается хохолок, который слит воедино с большим «перепончатым» гребнем. Большое мощное крыло поднимается над спиной хищника. Фигура грифона выполнена из желтого войлока, а некоторые детали гребня и крыла — из синего войлока. Голова и уши сделаны из тонкой кожи, которая прежде была покрыта листовым оловом. Бедро и спина животного подчеркнуты традиционными для древнеалтайского искусства фигурами: «точкой», «треугольником», фигурой «каплевидной» формы. Они также сделаны из тонкой кожи.

Горный козел с повернутой назад головой, с подогнутыми передними ногами и вывернутым крупом пытается отбиться от нападающего на него противника. Фигура горного козла сделана из синего войлока, голова — из желтого, покрытого сверху тонкой кожей со следами листового олова. Поперечные полосы на рогах сделаны из тонкой кожи. Обе фигуры по контуру обшиты крупными стежками (15–18 мм), крученой шерстяной нитью, обратным швом. Каждая деталь тела зверей из цветного войлока также обшита желтой или коричневой шерстяной нитью, обратным швом, внешне производящим впечатление положенного на войлок шнура.

С каждой стороны покрышки пришито по три подвески. Длина каждой из них 30 см, ширина — 18 см. Они сделаны из тонкого войлока (толщиной 1,5–2 мм) плотной катки, на подкладке из тонкой кожи. Края подвесок обшиты узким кожаным кантиком. Каждая подвеска представляет собой сложную композицию: две головы рогатого тигра с раскрытыми пастью повернуты в профиль и обращены мордами в противоположные стороны.

Между головами тигров помещена мордочка горного козла, т. е. они как бы пожирают последнего. От подбородка козла начинается длинная борода, которая огибает его рог и заканчивается у него на лбу. Морда горного козла сделана из одного куска красного войлока. На губы, ухо наклеены тонкие кусочки кожи со следами листового олова. Глаза вырезаны из кожи и покрыты тонкой золотой пластинкой. По контуру изображений проложена крученая шерстяная нить желтого и коричневого цветов. По нижнему краю каждой подвески вдоль бороды пришита узкая полоска меха, окрашенного в синий цвет. Вся подвеска обрамлена бахромой из конского волоса, окрашенного в красный цвет.

Покрышка седла (ГЭ № 1295-196). Найдена в первом Пазырыкском кургане. *Размеры:* 60х66 см. Сделана из двух кусков тонкого (толщиной до 1 мм) синего войлока. Куски сшиты между собой шерстяной нитью, простым соединительным швом. К покрышке подшита подкладка из грубого толстого коричневого войлока (толщиной до 3,5 мм). По краям покрышка обведена узким кожаным кантиком, пришитым крученой сухожильной нитью. С обеих сторон на покрышку нашиты идентичные аппликации, вырезанные из тонкой кожи, повернутой мездриной стороной наружу. Прежде они были покрыты листовым оловом, золотом и минеральными красками [Грязнов, 1950, с. 31]. Края покрышки обшиты узкими кожаными ремешками, образующими длинную бахрому.

Аппликация изображает сцену борьбы: тигр бросился вслед убегающему оленю, вцепившись передней лапой в жертву. Припав алчной пастью к груди оленя, он жестоко терзает его. Стремительное движение хищника мастер передает характерным для искусства Древнего Алтая приемом: переворачиванием задней части тела животного по отношению к передней на 180 градусов. Олень пытается спастись бегством, его туловище устремлено вперед и несколько вверх. Его тонкая удлиненная морда с ветвистыми рогами также приподнята вверх и вперед. Круп оленя, в свою очередь, повернут по отношению к передней части тела на 180 градусов. Задними, выброшенными вверх ногами олень пытается отбиться от нападающего на него преследователя.

Для каждой фигуры найден выразительный силуэт. Бросаются в глаза плавность и округленность всех форм. Вся композиция построена при помощи перекрещивающихся изогнутых S-видных линий. Наблюдаются определенный ритм и уравновешенность всех частей композиции. Подобный композиционный принцип свойствен не только древнеалтайскому искусству, но и многим художественным изделиям из Сибирской коллекции Петра I [Руденко, 1962, табл. VIII, рис. 16]. С. И. Руденко обратил внимание на то, что существует общее конструктивное решение между этой

Рис. 3.5. Войлочное покрытие седла
из красного войлока со сценой нападения
орла-грифона на горного козла.
Первый Пазырыкский курган.
Эрмитаж, № 1295-150

композицией и сценой нападения льва на быка на барельефе из Телль-Халафа [Руденко, 1961, с. 45, рис. 35].

Аналогичная аппликация украшает седельную покрывку коня из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3. Отличие состоит в том, что она выполнена из войлока, обшита по контуру шерстяным шнурком и дополнена вышивкой. Ак-алахинскую аппликацию можно считать копией пазырыкской, возможно вырезанной по кожаному трафарету, как это до сих пор делают казахи Алтая при изготовлении войлочных ковров [Полосьмак, 2001, с. 216–217].

Седельная покрывка (ГЭ № 1295-248). Найдена в первом Пазырыкском кургане. *Размеры:* 55х63 см. Покрывка выкроена из цельного куска тонкого (1–1,5 мм), мягкого синего войлока. Войлок состоит из волокон пуха и переходного волоса тониной 12–42 мкм. Примерно 10 % из них составляют волокна грубой ости тониной 90 и 115 мкм. Волокна войлока частично утратили синюю окраску, и синий цвет частично трансформировался в зеленый.

По всему краю покрывка отделана узким войлочным кантиком желтого цвета, пришитым сухожильной нитью. С одного края покрывка украшена кожаной аппликацией, представляющей собой сцену нападения тигра на лося. Хищник настиг свою жертву и в мощном прыжке обрушился на лося, вцепившись зубами и когтями в его круп. Вся композиция предельно выразительна и правдиво передает весь драматизм происходящего. Кожаная аппликация прикреплена на войлочную основу мездриной поверхностью. Фигура тигра прорисована коричневой краской, а детали тела выполнены с помощью про-резов на коже. Фигура лося вырезана из двух кусков кожи. Тело лося прежде было покрыто листовым оловом, ныне не сохранившимся. Плечо и бедро животного выделены фигурами в виде «запятой», вырезанной из тонкой кожи и наклеенной на основу.

С каждой стороны к седельной покрывке тонкими кожаными ремешками было привязано по 6 подвесок в виде схематических изображений рыб. Подвески вырезаны из толстой (2 мм) кожи. Основание головы, плавники и раздвоенный хвост каждой рыбы подчеркнуты глубокими надрезами на коже. Вдоль их спины по центру наклеены рельефные кожаные полоски. По обеим сторонам вдоль них — узкие полоски меха, окрашенного в голубой цвет. К верхним плавникам и хвосту прикреплены пучки конского волоса, окрашенного в красный цвет.

Покрывка седла (ГЭ № 1295-295). Найдена в первом Пазырыкском кургане. *Размеры:* 64х56 см. Выполнена из тонкого (1–1,5 мм) войлока синего цвета.

Покрывка по краям обшита узким кожаным кантиком, прикрепленным к основе сухожильными нитями. С двух сторон она была украшена кожаной аппликацией, расцвеченной минеральной краской и тонкими пластинками золота и олова.

М. П. Грязнов пишет о том, что седло лежало в могиле в перевернутом виде, покрывка была очень сильно измята, аппликация оторвалась от войлочной основы и сохранилась в обрывках. М. П. Грязнову удалось сделать ее реконструкцию [Грязнов, 1950, с. 32, рис. 26]. Оказалось, что аппликация представляла собой сцену борьбы двух фантастических существ или, точнее, сцену противостояния.

По краям покрывка была украшена кожаной бахромой из длинных ремешков.

Покрышка седла (ГЭ № 1295-352) (рис. 3.6а). Найдена в первом Пазырыкском кургане. *Размеры:* 55х50 см. Сшита из трех кусков тонкого (1–1,5 мм) красного войлока крученой шерстяной нитью. По всему периметру обшита узким кожаным кантиком и украшена с двух сторон кожаной аппликацией, представляющей собой сцену терзания: орел-грифон, держащий в когтях лося.

Фигура орла-грифона изображена в сложном ракурсе — каждая часть тела повернута в наиболее выгодное для обозрения положение. Голова показана в профиль, грудь, крылья и лапы — анфас, а хвост — и в профиль, и в фас. Орел-грифон широко расправил крылья с зубчатыми краями. Одной лапой он вцепился в плечо лося, другой — в крупу.

Лось упал на передние ноги, его голова с широколопастными рогами обращена назад, в сторону птицы. Задняя часть тела повернута на 180 градусов по отношению к передней — прием, хорошо известный в древнеалтайском искусстве.

Объемы тел животного и птицы показаны традиционными для древнеалтайского искусства значками, вырезанными на коже. Так, грудь и брюхо грифона покрыты надрезами ромбовидной формы, а на плече вырезаны две каплевидные фигуры и точки. На бедре лося — сквозные вырезы в виде «запятой», «подковки» и «точки» между двумя подковками.

С каждой стороны седельной покрышки прикреплено по 6 подвесок, склеенных из нескольких слоев кожи. Они изображают голову человека анфас, подвешенную за подбородок. Детали лица переданы прорезами. К нижнему краю подвесок прикреплена бахрома из конского волоса, окрашенного в красный цвет. Человеческие головы прежде были покрыты слоем из листового олова, который почти не сохранился.

Фрагмент седельной покрышки (ГЭ № 1684-326) (рис. 3.6в). Найден во втором Пазырыкском кургане. *Размеры:* 54х30 см. Сделана из плотного войлока беловато-желтого цвета (толщиной 4 мм). Фрагмент сшит сухожильной нитью из трех кусков простым соединительным швом «через край». На фрагменте сохранилась войлочная аппликация, изображающая фигуру козла с подогнутыми передними ногами, вывернутым крупом и выброшенными вверх задними ногами. Сохранилась лишь незначительная часть сцены борьбы, где козел, по-видимому, отбивался от своего противника. Голова и передние ноги у козла сделаны из синего войлока, а тело и задние ноги — из красного. Фигура животного пришита к основе сухожильными нитями и окаймлена кручеными шерстяными нитями.

На крупе козла крученой шерстяной нитью по красному войлоку нанесены значки в виде «кружка» между двумя «скобочками». На плечо нашита «каплевидная» фигура из красного войлока, очерченная крученой шерстяной нитью. Несколько ниже изображения через отверстия в войлоке протянуты узкие кожаные ремешки, которые спускаются к самому краю покрышки в виде бахромы.

a

Рис. 3.6. Войлочное покрытие седла: а — из красного войлока со сценой терзания лося орлом-грифоном (первый Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1295-352); б — прорисовка детали аппликации (курган 1, могильник Ак-Алаха-3. МА ИАЭТ СО РАН); в — фрагмент покрышки (второй Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1684-326)

6

6

Седельные покрышки с изображением одиночной фигуры животного

Рис. 3.7. Идущий крылатый тигр (фрагмент кожаной аппликации покрышки седла).
Первый Пазырыкский курган.
Эрмитаж, № 1295–461

Рис. 3.8. Фрагмент войлочной подвески к покрытию седла. Второй Башадарский курган. Эрмитаж, № 1793–809

Покрышка (ГЭ № 1295-461) (рис. 3.7). Найдена в первом Пазырыкском кургане. Сделана из тонкого (1,5–3 мм толщиной) красного войлока плотной катки. По краю покрышка оторочена узким кожаным кантиком, пришитым к основе сухожильной нитью, а также украшена с двух сторон кожаной аппликацией в виде фигуры идущего крылатого тигра. Тигр изображен с оскаленной пастью, с когтистыми лапами, с крыльями, слегка возвышающимися над спиной, с поднятым вверх хвостом. Как это принято в древнеалтайском искусстве, объем тела показан условными значками, вырезанными на коже. За счет этого фигура приобрела ажурность. Аппликации нашиты на поверхность мездриной стороной и прежде были покрыты листовым оловом.

Рис. 3.9. Голова волка — войлочная подвеска к покрытию седла.
Курган 1, могильник Ак-Алаха-1.
МА ИАЭТ СО РАН

По бокам покрышки толстой сухожильной нитью крупными стежками (до 1,5 см) пришиты две пары длинных (105 см) подвесок. Каждая подвеска представляет собой фигуру рогатого тигра, выполненную из цельного куска красного войлока на подкладке из тонкой кожи. Детали тела и голова переданы фигурными кусочками из тонкой кожи. Грива имеет вид бахромы из конского волоса, окрашенного в красный цвет. Каждая из четырех подвесок оконтурена кантиком из тонкой кожи. Подвески свисают с седла «мордой вниз». Их форма, по мнению С. С. Сорокина, напоминает о способе доставки туши животного с охоты [Сорокин, 1978, с. 182]. Охотник, перекинув через седло свою добычу, демонстрирует окружающим свой успех, удачу и доблесть.

Сходные подвески с изображением фигуры волка были найдены во втором Башадарском кургане. Три подвески сохранились с некоторыми утратами, а четвертая — во фрагментах (**ГЭ № 1793-804-806, 807-809**) (рис. 3.8). Размеры: длина 70–80 см, ширина — около 30 см. Каждая подвеска выполнена из белого плотного войлока, на который наложен красный войлок с вырезами, передающими детали головы и тела. Оба войлочных слоя сшиты между собой сухожильными нитями, короткими параллельными стежками, соединительным швом. За счет сшивания толщина подвесок достигла 6 мм. Каждая подвеска представляет собой сильно стилизованную фигуру волка. Древний мастер передает непомерно большую голову с оскаленной пастью, с двумя рядами полукруглых зубов. У зверя обозначен глаз миндалевидной формы, проработана ноздря в виде «запятой», почти треугольной формы уха, заостренное на конце, с фигурным углублением внутри, передающим ушную раковину. Своеобразным тройным завитком подчеркнут угол нижней челюсти. Короткое тело трактовано также фигурным тройным завитком. Передняя лапа, согнутая в локте, положена под подбородок. Локтевой сгиб обозначен фигурным тройным завитком. Четыре пальца завершают большие изогнутые когти. Вторая лапа с такими же боль-

шими когтями положена на спину и упирается в затылок. По-видимому, волк изображен в характерной для древнеалтайского искусства позе: задняя часть тела по отношению к передней повернута на 180°.

Прорезные детали головы и тела украшены вставками из синего войлока, который ныне почти не сохранился. Эти небольшие вставки накладывали на белый войлок основы и в местах прорезей пришивали сверху через красный войлок сухожильными нитями, соединительным швом из коротких поперечных и параллельных стежков. Вставки выглядят объемно и придают фигурам рельефность. Швы выполнены виртуозно и воспринимаются как декоративное шитье.

Аналогичные войлочные подвески в виде фигур волков (рис. 3.9) найдены в кургане 1 могильника Ак-Алаха-1 [Полосьмак, 1994, с. 48; 2001, с. 221, рис. 146]. По фрагментам фигур, найденных в этом кургане, видно, что волк изображался лежащим, с поджатыми лапами, опущенным вниз хвостом.

К числу подобных седельных подвесок относится и небольшой фрагмент войлока красного цвета в виде пластины овальной формы из второго Башадарского кургана (**ГЭ № 1793-823**) размерами: 21 x 16,5 см (рис. 3.10). Пластина состоит из двух слоев войлока: нижний слой коричневого цвета, верхний — красного. Между собой слои соединены и сплошь простеганы сухожильной нитью. На одном конце пластины крученым шерстяным шнуром вышиты две пары фигур полулунной формы. На них нашиты четыре деревянные бляшки такой же полулунной формы, под ними вышиты шнуром два кружка. На этот узор прикреплены две круглые деревянные бляшки, покрытые листовым золотом. На другом конце пластины вышиты две фигуры в виде «запятой», на них нашиты деревянные бляшки аналогичной формы. Бляшки и вышивка расположены таким образом, что, по мнению С. И. Руденко, напоминают морду тигра [Руденко, 1960, с. 72]. Однако после находок трех седел в кургане 1 могильника Ак-Алаха-1 стало ясно, что на самом

деле это изображение голов рыб. К покрывкам этих трех седел были пришиты большие (до 80 см длиной) войлочные подвески в виде фигур рыб [Полосьмак, 1994, с. 46–48; 2001, с. 221–222, рис. 148]. Голова этих рыб оформлена точно таким же стилистическим приемом, как на башадарской подвеске, но у ак-алахинских рыб все детали были сделаны в технике аппликации из цветного войлока (рис. 3.11), а не из дерева, как на башадарских. В целом же между предметами конского снаряжения из второго Башадарского кургана и из кургана 1 могильника Ак-Алаха-1 много общего.

Покрывка седла (ГЭ № 1684-327) (рис. 3.12б). Найдена во втором Пазырыкском кургане. *Размеры фрагментов:* а) 54х30 см; б) 47х28 см. Покрывка сохранилась в виде двух фрагментов из желтоватого войлока (толщиной 1,5 мм). Каждый фрагмент украшен фигурой скачущего лося, выполненного в технике аппликации из синего войлока. Одна фигура была нашита на одну сторону покрывки и обращена вправо (а), другая фигура повернута в противоположную сторону и обращена влево (б). Лось представлен с головой, запрокинутой назад, отягощенной мошными рогами. Фигура животного вытянута по горизонтали. Плавной скругленной линией подчеркнута его брюхо, которому вторит полукруглый край покрывки. Мастер великолепно справился со своей задачей, вписав фигуру лося в заданную форму. Аппликация по всему краю обшита крученой шерстяной нитью. Детали тела, мускулатура переданы, как это принято в древнеалтайском искусстве, определенными значками.

Они сделаны из красного, желтого войлоков и по краям обшиты крученой шерстяной нитью. Не только тело, но голова, мордочка «со складочками», глаза, борода, рога — все это также обшито по краям крученой шерстяной нитью.

Войлок желтого цвета изготовлен из пуха овцы тонной 6–30 мкм. Часть его (примерно 20 %) составляют остевые волокна с каналом тонной 60–80 мкм. Войлок розового цвета (голова лося) в основном сделан из пуха и переходного волоса тонной 12–36 мкм. В качестве примеси встречаются волокна грубой ости тонной 120 мкм.

Седельная покрывка (ГЭ № 1684-325) (рис. 3.12а). Найдена во втором Пазырыкском кургане. *Размеры:* 56х29 см. Покрывка сохранилась в двух фрагментах. Одна фигура — орлиноголовый грифон «во весь рост» (из цветного войлока) — нашита в технике аппликации на одну сторону покрывки и повернута вправо, другая фигура — фантастическое животное — обращена в противоположную сторону, влево. Таким образом, всю композицию, как и на предыдущей покрывке, можно рассматривать как замкнутое построение по кругу. Мастер подробно передает детали трактовки головы и туловища, используя для этого небольшие кусочки красного, синего, желтого войлоков. От уха до середины подбородка проходит рифленый «воротничок»; от лба поднимается хохолок с закругленным концом, который сильно загнут назад и сливается с высоким «перепончатым» гребнем. Через плечо проходит крыло с пыльным зубчатым краем, раскрываясь веерообразно, перья на спине топорчатся, а своим верхним концом они направлены вперед. Воротничок на шее грифона и своеобразный «перепончатый» гребень — стилистические черты, характерные для ахеменидского искусства. Гребень, брюхо и одна из передних лап украшены «каплевидными» фигурами; другая передняя лапа и две задних — «треугольниками», а круп животного — «кружком», «скобочками», т.е. в манере, характерной для древнеалтайского искусства. Тело животного сильно вытянуто, из-за чего нарушены его естественные пропорции, однако фигура удивительно гармонично вписана в заданную форму. С этим изображением грифона можно сравнить фигурки фантастических крылатых животных (не столь искусно выполненных львиных грифонов) с войлочного покрытия седла из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 [Полосьмак, 2001, с. 212–213, рис. 138] (рис. 3.13, 3.14).

По краям покрывка обшита тонким кантиком из синего войлока, пришитого к основе кручеными сухожильными нитями, простым обметочным швом «через край». Сама фигура и декоративные детали очерчены толстой крученой шерстяной нитью.

Рис. 3.10. Фрагмент войлока красного цвета в виде головы рыбы. Второй Башадарский курган. Эрмитаж, № 1793-823

Войлок изготовлен в основном из волокон пуха толщиной 6–24 мкм. Примерно 5% составляют волокна грубой ости с каналом, толщина которых 90, 102 мкм.

Фрагмент седельной покрышки (ГЭ № 1793-816). Найден во втором Бапшадарском кургане. Размеры: 31 x 15 см. На основу из плотного красного войлока (толщиной 3 мм) в технике аппликации нашиты три фигурки орлов: две из желтого войлока, с головами, обращенными в противоположные стороны, и одна — центральная — из синего войлока, повернута головой вниз. Фигуры одного размера вырезаны от руки по определенной схеме. Голова птиц повернута в профиль, тело — анфас, крылья раскрыты, а хвост распущен. Орлы предстают перед нами ярко и броско: с круглым глазом, большим изогнутым клювом, ухом округлой формы, выступающим за пределы головы. Объем груди передан фигурами в виде «запятых», оперение крыльев и хвост обозначены значками «капельвидных» очертаний. По контуру фигуры обшиты крученым шерстяным шнуром, двойным рядом. Мелкие стилистические детали обведены одинарным шерстяным шнуром.

Рис. 3.11. Войлочная рыба — подвеска к покрытию седла. Курган 1, могильник Ак-Алаха-1. МА ИАЭТ СО РАН

а

б

в

Рис. 3.12. Фрагменты седельной
покрышки:
а — с грифоном (№ 1684-325);
б — фигура лося обращена влево
(№ 1684-327);
в — та же фигура обращена вправо.
Второй Пазырыкский курган.
Эрмитаж

Рис. 3.13. Фрагменты войлочных покрытий с изображениями львиных грифонов:

а — покрытие седла коня № 3;

б — покрытие седла коня № 2.

Курган 1, могильник Ак-Алаха-3.

МА ИАЭТ СО РАН

Рис. 3.14. Фрагмент войлочного
покрытия седла.
Курган 1, могильник Ак-Алаха-3.
МА ИАЭТ СО РАН

Седельные покрышки с изображением головы зверя

Рис. 3.15. Головка барана — войлочная подвеска к покрытию седла. Курган 1, могильник Ак-Алаха-5. МА ИАЭГ СО РАН

Покрывка седла (ГЭ № 1295-403). Найдена в первом Пазырыкском кургане. Размеры: 55х60 см. Сделана из сине-зеленого тонкого (1–1,5 мм) войлока, окантована по всему краю узкой войлочной полоской желтого цвета. На каждой стороне покрывки прикреплены по две кожаные аппликации в виде профиля стилизованной головы тигра — с большой оскаленной пастью и торчащими клыками (рис. 3.16). Объемность изображения усиливают фигурные вырезы. Особенно выразительно выглядит грива, украшенная вычурными завитками.

С каждой стороны покрывки прикрепляли по две длинные подвески, вырезанные из толстого (4 мм) коричневого войлока. Сверху подвески покрыты тонкой кожей, которую приклеивали к основе смолистым веществом. Каждая из четырех подвесок представляет собой сцену борьбы, переданную условно: рыба схватила за подбородок голову горного барана, пожирая его. По контуру подвесок наклеен узкий кожаный кантик. Голова барана и глаз рыбы покрыты тонкой пластинкой листового золота, небольшие кружки из листового золота наклеены вдоль позвонков рыб.

Седельная покрывка (ГЭ № 1295-392). Найдена в первом Пазырыкском кургане. Размеры: 57х60 см. Сделана из тонкого (1,5 мм) войлока желтого цвета с кожаным кантиком по всему периметру. Каждая сторона покрывки украшена четырьмя кожаными аппликациями, изображающими стилизованную голову барана в профиль. Пользуясь ножом, древний мастер по коже вырезает фигурные детали, с помощью которых передает круглый глаз, дуговидную бровь, высунутый язык и изогнутый рог. Рог обрамлен декоративными фигурами, названными С. И. Руденко «турьим рогом» [Руденко, 1960, с. 258].

По краям покрывки с каждой стороны пришито по 4 подвески в виде стилизованной головы горного барана в профиль. Подвески выполнены из толстой кожи и оторочены полоской синего меха и бахромой из красного конского волоса.

Изображениям головок барана из первого Пазырыкского кургана аналогичны войлочные подвески в виде головы барана к покрытию седла из кургана 1 могильника Ак-Алаха-5 [Полосьмак, 2001, с. 219, рис. 143] (рис. 3.15).

Рис. 3.16. Реконструкция головы тигра с покрывки седла. Первый Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1295-403

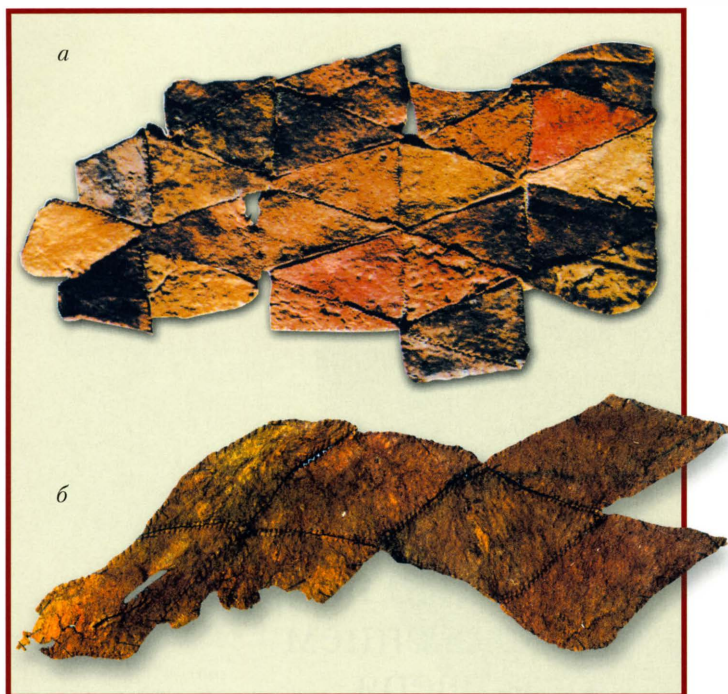

Рис. 3.17. Фрагменты седельных
покрышек:

а — с геометрическим орнаментом
(второй Башадарский курган.
Эрмитаж, № 1793-822);

б — из разноцветных треугольников
(курган 1, могильник Ак-Алаха-1.
МА ИАЭТ СО РАН)

Седельные покрышки с геометрическим орнаментом

Фрагмент седельной покрышки (ГЭ № 1793-822) (рис. 3.17а). Найден во втором Башадарском кургане. *Размеры:* 30х16 см. Фрагмент сшит из 26 небольших треугольников (высотой 6 см и шириной в основании 4 см), вырезанных из красного, белого и коричневого войлоков. Одни треугольники соприкасаются основанием и сшиты между собой соединительным швом сухожильными нитями, другие — соединяются острыми вершинами. Интересно отметить, что на некоторых треугольниках сохранились следы простежки. Большинство швов сделаны аккуратными мелкими, частыми стежками. Однако в некоторых случаях швы выполнены неряшливо и грубо. Неисключено, что эти швы делали разные мастера.

Покрытие седла, собранное из разноцветных треугольников, которые, соединяясь основанием, образуют ромбы, обнаружено во фрагментах в кургане 1 могильника Ак-Алаха-1 (рис. 3.17б) [Полосьмак, 1994, с. 48, рис. 46].

Обрывки седельной покрышки (ГЭ № 1793-780). Найдены во втором Башадарском кургане. *Размеры:* 22х17 см; 26х17 см. Основа покрышки выполнена из белого войлока толщиной 4–5 мм. На основу нашта аппликация из красного и синего войлоков. Узор аппликации собран из фигурных, слегка изогнутых, заостренных на конце пластин (длиной до 25 см), похожих, по определению С.И. Руденко, на язычки пламени [Руденко, 1960, с. 83]. Эти фигурные аппликации обшиты по контуру витым шерстяным шнуром. В промежутках между пламевидными узорами проступает белый фон основы.

Обрывок седельной покрышки (ГЭ № 1793-779). Найден во втором Башадарском кургане. *Размеры:* 37х6 см. На узкую полоску из белого войлока нашта аппликация, выполненная из красного и синего войлоков. Мотив узора образован небольшими прямоугольными кусочками войлока с ажурной аппликацией в виде четырехлепестковой розетки. Аналогичное украшение есть и на одном из войлочных покрытий седла из кургана 1 могильника Ак-Алаха-1 [Полосьмак, 1994, с. 46, рис. 42].

Потники. Во всех Больших Алтайских курганах найдены конские потники и их фрагменты, всего 37 экземпляров. Обычно потники прикрепляли снизу к седлу шерстяным шнуром или кожаным ремешком. Как правило, потники были большего размера, нежели седла. В некоторых случаях они по своим размерам и форме совпадают с седлом. Например, потник коня № 4 (по классификации М.П. Грязнова) из первого Пазырыкского кургана (ГЭ № 1295-196) по своим размерам (62х65 см) совпадает с седельной покрышкой и седлом (60х65 см). То же самое можно сказать и об уборе коня № 6 (ГЭ № 1295-294) из этого же кургана (*размеры:* потника 64х50 см, седла и покрышки 64х52 см).

Потники изготавливали из шерсти натурального желтого или коричневого цвета, и только в двух случаях использовали войлок, окрашенный в красный цвет (ГЭ № 1295-196, 671). Потники делали из грубой шерсти, состоящей из волокон переходного волоса тониной 12–48 мкм и волокон грубой ости тониной 54–102 мкм. Из шерсти катали плотный или средней плотности войлок (толщиной 5–7 мм).

Украшения луки седла

Рис. 3.18. Войлочный медальон —
украшение луки седла. Курган 1,
могильник Ак-Алаха-1.
МА ИАЭТ СО РАН

Древнеалтайские седла имели низкие (найденные в первом и втором Пазырыкских курганах) и высокие луки (в остальных курганах). Особенно большими были луки у седел из второго Башадарского кургана [Руденко, 1960, с. 227]. Как правило, луки нарядно украшались разнообразными накладками из кожи, рога и войлока. Всего было найдено четыре экземпляра войлочных украшений лук седел.

Два фрагмента украшения лук седел (ГЭ № 1793-820) (рис. 3.19б, в). Найдены во втором Башадарском кургане. *Размеры:* 23х17,5 см; 17х13 см. На основу из желтовато-белого войлока (толщиной 2 мм) нашита мелкими стежками, сухожильными нитями аппликация, вырезанная из красного и синего войлоков в виде двух голов хищных птиц. Мастер поместил красную птицу в пространство между клювом и шеей синей птицы, и таким образом вся композиция оказалась закрученной по спирали. Каждая головка птицы имеет большой изогнутый клюв, круглый выступающий глаз и ухо овальной формы. Подобный мотив головки хищной птицы широко известен в скифском, тагарском искусстве и в синхронных памятниках Казахстана, Тувы, Монголии [Баркова, 1987, с. 10]. Близкие изображения есть и на украшениях лук седел из кургана 1 могильника Ак-Алаха-1 (рис. 3.19) [Полосьмак, 2001, с. 220, рис. 145, с. 222, рис. 147].

Украшение передней луки седла (ГЭ № 1793-818). Найдено во втором Башадарском кургане. *Размеры:* 17х10,5 см. Украшение сделано в технике, которую условно можно назвать «инкрустацией» или мозаикой. На белую войлочную основу сухожильной нитью нашита красная ажурная пластина со сложным криволинейным узором из завитков. В многочисленных прорези красного войлока вставлены фигурные войлочные пластиночки в виде завитков и треугольников с вогнутыми сторонами, окрашенных в синие и коричневые тона.

а

б

в

Рис. 3.19. Войлочные медальоны — украшения луки седла:
а — медальон с грифоном
(курган 1, могильник Ак-Алаха-1.
МА ИАЭТ СО РАН);
б, в — фрагменты украшения лук
седел (Второй Башадарский курган.
Эрмитаж, № 1793-820)

Украшение передней луки седла (ГЭ № 1793-819). Найдено во втором Башадарском кургане. Размеры: 26 x 18 см. Выполнено в технике инкрустации или мозаики. На белый войлок нашта ажурная красная войлочная аппликация со сложным узором в виде завитков, спиралевидных и вихревых линий. Композиция построена на причудливом переплетении мотивов узора. В прорезы красного войлока вставлены синие и коричневатые фигурные пластинки, пришитые к основе сухожильными нитями, соединительным швом из мелких поперечных, параллельных стежков. С двух продольных сторон сохранились ровные рельефные края, обработанные стебельчатым швом, сухожильными нитями.

а

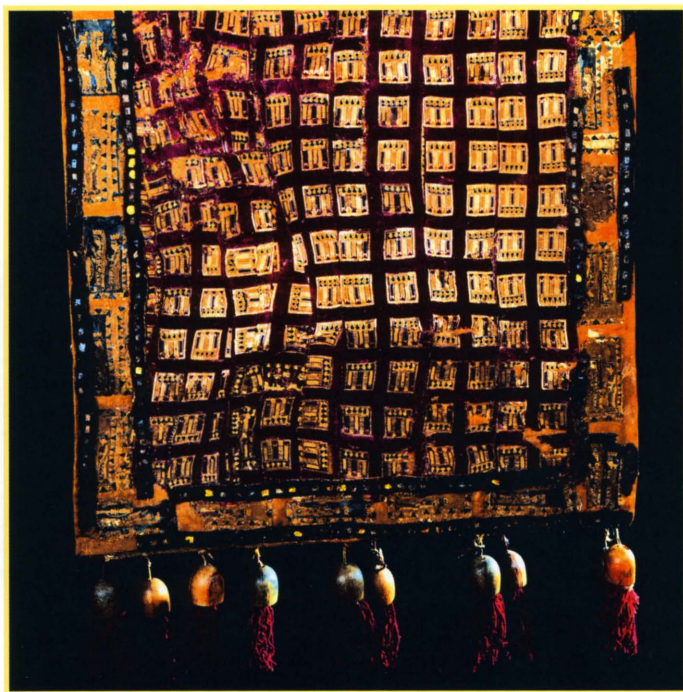

Украшение передней луки седла (ГЭ № 1793-751) (рис. 3.20б) из второго Башадарского кургана. Представляет собой кусок красного войлока подовальной формы. Размеры: 27,5х22,5 см. Тонкий красный войлок нашит на желтый сухожильными нитями, соединительным швом «через край». Толщина войлока 3 мм. На войлок пришиты четыре деревянные резные бляхи в виде головы барана. Барельефные головки барана повернуты в профиль. У животного виден круто изогнутый рог с годовыми кольцами, которые показаны налегающими одна на другую полукруглыми чешуйками. Две головки обращены вправо, их мордочки покрыты листовым золотом, а у двух, повернутых влево, золотом покрыты только рога.

Рис. 3.20. Украшения луки седла:
а — войлочный медальон (курган 1, могильник Ак-Алаха-1. МА ИАЭТ СО РАН);
б — аппликация с деревянными резными бляхами в виде головы барана (Второй Башадарский курган. Эрмитаж, № 1793-751)

б

Чепраки

Рис. 3.21. Чепрак, покрытый шерстяной тканью, из пятого Пазырыкского кургана. Эрмитаж, № 1687-100

Всего в Больших Алтайских курганах было найдено три узорчатых войлочных чепрака и два, покрытых тканью, происходящих из пятого Пазырыкского кургана. Все чепраки отличаются большими размерами, ярким, нарядным оформлением.

Чепрак (ГЭ № 1687-99) (рис. 3.22). Размеры: длина 218 см, ширина — 64–68 см. Длина нагрудника 107 см, ширина 9 см. Вся поверхность чепрака, за исключением небольшой полосы из белого войлока (14 см), находящейся под седлом, покрыта орнаментом, который С. И. Руденко удачно назвал «чешуйчатым» [Руденко, 1953, с. 209].

Центральное поле чепрака полностью занимает яркий орнамент, напоминающий своей полукруглой формой чешую какого-то фантастического существа. Каждая сторона чепрака покрыта узором из двенадцати поперечных рядов фигур полукруглой формы, чередующихся по цвету. Один ряд состоит из четырех фигур, сделанных из синего войлока на оранжевом фоне, с врезанным узором в виде почти треугольного выступа с завитком внутри. Этот узор, по сути дела, является сильно схематизированной головой грифона.

Следующий ряд состоит из трех полукруглых фигур, вырезанных из розового войлока, с инкрустированным роговидным узором из коричневого войлока. Третий ряд — из четырех полукруглых фигур оранжевого цвета, с инкрустированным узором из синего войлока в виде схематизированных голов грифонов, подобных узору в первом ряду. Четвертый ряд — желто-коричневого цвета, состоит из трех фигур с роговидным узором на розовом фоне. Далее в такой же последовательности, чередуясь по цвету и по количеству фигур, орнамент заполняет всю поверхность чепрака.

С трех сторон чепрак окаймлен бордюром (шириной 8 см), который выполнен из ярко-розового войлока и украшен роговидным узором оранжевого, желтого и коричневого тонов. Рогообразный орнамент был широко распространен

Рис. 3.22. Войлочный чепрак
с «чешуйчатым» орнаментом.
Пятый Пазырыкский курган.
Эрмитаж, № 1687-99

Рис. 3.23. Войлочный чепрак с узором из «экзотических» цветов. Пятый Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1687-97

в скотоводческой среде и дошел до наших дней в сильно измененном виде. Особенно часто этот орнамент встречается среди войлочных изделий, созданных киргизами и казахами [Антипина, 1962, с. 28; Муканов, 1959, с. 42, рис. 12]. По всему периметру чепрака проходит кантик синего войлока (шириной 1 см). С одного края чепрака кожаным ремешком прикреплен нагрудник из розового войлока с узором, аналогичным роговидному, которым украшен бордюр.

Узорные элементы чепрака, вырезанные из цветного войлока, сделаны от руки, а не по трафарету. Эти детали орнамента сшиты между собой тонкой сухожильной нитью, соединительным швом. Швы выполнены безукоризненно, очень мелкими стежками, расположенными поперечно и параллельно друг другу. Один узор очень плотно примыкает к другому так, что основной фон не виден и в целом создается яркая, насыщенная цветом, радостная картина. Оформление чепрака, его декор, техническое мастерство — все это является свидетельством очень высокой квалификации мастеров.

Чепрак (ГЭ № 1687–97) (рис. 3.23). Размеры: длина 265 см, ширина — 71 см. Нагрудник: длина 99 см, ширина — 9 см.

Чепрак сделан из белого тонкого (толщиной 2 мм) войлока и за исключением небольшой полосы (24 см), находящейся под седлом, украшен орнаментом. Каждая орнаментальная фигура представляет собой построение, состоящее из небольшого синего или голубого кружка со вшитой в него четырехлепестковой красной розеткой с белой точкой в центре. Этот узор обрамлен пятью стилизованными рогами оленя.

Рога вырезаны из тонкого розового цельного кусочка войлока. В основание рогов вшиты синие или голубые кружки. Внешняя сторона рогов свободна, не укреплена, поэтому от малейшего толчка рога «волнуются», трепещут и насыщают всю композицию динамикой. Каждый узор напоминает какой-то экзотический цветок. Орнаментальные узоры из чередующихся четырех и пяти фигур (в т.ч. два неполных цветка) расположены по горизонтали девятью рядами. Узоры отделены небольшими интервалами друг от друга, поэтому они прекрасно видны на основном белом фоне. Поле чепрака обрамлено орнаментальной каймой в виде волнистой линии с роговидными ответвлениями (рога оленя) и очень сильно схематизированными грифовой головкой и цветком лотоса.

Орнаментальный бордюр выполнен в технике инкрустации из желтого и голубого войлоков с красным кантиком по внешнему краю. По нижнему краю чепрака пришита полоса, состоящая из шести геометризированных фигур, у которых одна сторона прямая, а другая — зубчатая. Эти фестончатые фигуры украшены аппликацией в виде стилизованных оленьих рогов.

Подобные коврики с фестончатыми краями изображены на конях, украшающих бордюр ворсового ковра из пятого Пазырыкского кургана, и на седельной крышке с изображением всадника, нанесенного на войлочный ковер из этого же кургана [Руденко, 1968, с. 47, с. 60]. Седельная крышка с фестончатым краем изображена также на кос-

тяной пластинке из кургана Куль-Оба [Galanina, Gratsch, 1986, Abb. 215].

С одной стороны чепрака кожаным ремешком прикреплен нагрудник, который орнаментирован узором, в точности аналогичным украшению на кайме.

Представленный орнамент свидетельствует о большом вкусе мастера, о его умении выстроить композицию. Орнамент мог отражать представления ранних кочевников о Вселенной, о Космосе, мог быть связан с основной мировоззренческой системой. Отсюда — изображения большого количества символов, обозначающих солнце, таких как синий кружок (небо) с красной четырехлепестковой фигурой в центре (солнце), рога оленя (Мировое дерево) [Суразаков, 1986, с. 8–9].

Чепрак (ГЭ № 1687-98) (рис. 3.24). Размеры: длина 237 см, ширина — 70 см. Нагрудник: длина 98 см, ширина — 8 см. За исключением полосы белого войлока (шириной 40 см), находящейся под седлом, вся поверхность чепрака украшена сеткой из крупных ромбов (по 15 на каждой стороне).

Каждый ромб окаймлен широкой рамкой из красного войлока с прорезным трехзубчатым орнаментом. Внутри каждого ромба нашито по четыре четырехлепестковых розетки синего цвета, а по углам пришиты синие кружки с красными розетками, выполненными в технике инкрустации. По краям чепрака пришита кайма в виде волнистой линии с ритмично повторяющимися спиралями со стилизованными головками грифонов. По самому краю чепрака вдоль всех его сторон проходит кант из синего войлока. По нижнему краю на плетеных шерстяных шнурах подвешено по одиннадцать деревянных подвесок в виде бутонов люты.

Весь орнамент чепрака выполнен в технике аппликации и инкрустации, этим искусством мастер владел в высшей степени виртуозно. Вся проделанная работа говорит о высоком профессионализме и о большом опыте специалиста, который не только следует существующим традициям, но и вносит много своего. Не последнюю роль в оформлении чепрака играло цветовое решение, в целом оно мажорное, радостное. Известно, что красный и золотой цвета ассоциировались с солнцем, огнем, с кровью, с самой жизнью; голубовато-синие тона связывали с небесами [Акишев, 1983, с. 132].

Изготовление и украшение войлоков достигло у пазырыкцев высокого уровня, стало большим искусством. Традиции древних кочевников наследовали в средневековье, например, киччаки (половцы). Среди их изделий можно было увидеть войлоки, подобные пазырыкским, но с течением времени они исчезли, а старые не сохранились, даже у тех народов, которые, казалось бы, продолжили эту традицию, — киргизов и казахов. Еще не так давно изготовлением войлочных изделий славилась не только среднеазиатские мастерницы, но и многие кавказские народы — карачаевцы, балкарцы, ногойцы. Они знали до пяти различных способов создания узорных войлоков [Студенецкая, 1979, с. 107]. Ныне мастерство выделывания и украшения войлоков у этих народов утрачено. Это обстоятельство связано, в пер-

вую очередь, с тем, что изготовление войлоков — очень напряженный ручной труд. Во-вторых, теперешние мастера для создания художественных аппликационных изделий используют разнообразные современные, более дешевые и доступные материалы: ткани, сукно. Наконец, некоторые нынешние специалисты вообще не расшивают войлоки. Казахи, например, делают теперь белые толстые войлоки, а крупные узоры вырезают из черного войлока, работая в т. н. технике «сырмак». Таким образом, у современных степных народов мы не находим того великолепия, того орнаментального разнообразия и богатства, которое существовало у древнеалтайских кочевников.

Шерстяная ткань (ГЭ № 1687-100) (рис. 3.21). Пятый Пазырыкский курган. Размеры: длина 235 см, ширина 60 см. Нашита на войлочную основу и использована для украшения одного из чепраков.

Центральная часть чепрака, которая была под седлом, не обшита тканью. Обшиты лишь его боковые части. Размеры одной из них 91х43 см, а другой — 85х42 см. По всему фону ткани вытканы узоры в виде белых квадратов размерами 3х3 см. Внутри каждого из них — по три прямоугольника, пять треугольников и по четыре каплевидные фигуры, которые выполнены в цвете с преобладанием желтых, синих и коричневатых тонов. Каждый квадрат похож на сооружение в виде «домика» с колоннами (рис. 3.25). Но более всего эти фигуры сходны с фортификационными сооружениями из Урарту. Их изображения имеются на бронзовых пластинках, хранящихся в Переднеазиатском музее в Берлине. Весь узор в целом воспринимается как некий «архитектурный стиль» [Merhav, 1991, p. 303].

Анализируя узор этой ткани, С. И. Руденко отметил, что традиция украшать ковры и ткани узором в виде квадратов была широко распространена в Передней Азии [Руденко, 1961, с. 15]. В качестве примера он ссылается на орнамент ворсового ковра из пятого Пазырыкского кургана и на великолепную одежду лучников, изображенных на изразцовых панелях дворцов в Сузах [Матье, Афанасьева, Дьяконов, Луконин, 1968, с. 124].

Ткани с узором в виде квадратов существовали и в более раннее время. В платье с таким узором была облачена богиня, сидящая на троне, с изображения на золотом медальоне из Топрах-Кала (древний город на месте современного Вана), относящемся к VII в. до н.э.

Бронзовая статуэтка, происходящая из Урарту, представляет собой фигуру богини в платье и тоже с узором в виде квадратов. В аналогичной одежде предстают перед нами и две женские фигуры, выгравированные на бронзовой votивной пластинке из Ciyimli (VII вв. до н.э.) [Merhav, 1991, p. 184, 247, 274]. Из сказанного явствует, что ткани с таким узором были характерны для Передней Азии.

Переpletение ткани — уточный репс, выполненный в гобеленовой технике, которая была достаточно разнообразна и получила широкое распространение в Древнем Египте, Греции и в Малой Азии. Наша ткань по структуре является одним из вариантов гобелена — килимом с обводящими и эксцентрическими утками. Технику переплетения нашей ткани определяли в разное время А. С. Верховская,

Рис. 3.24. Войлочный чепрак.
Пятый Пазырыкский курган.
Эрмитаж, № 1687-98

А.А. Гаврилова и Е.Г. Царева. По их мнению, линейная плотность фиолетовой ткани по основе составляет 20–26 нитей/см, а по утку — 55–80 нитей/см. Такое соотношение структур, когда плотность утка во много раз превышает плотность основы, позволяет ткачам создавать тонкий и сложный рисунок. Особенность килимной техники заключается в том, что уток состоит из нескольких нитей разных цветов. Нить каждого цвета переилетает столько нитей основы, сколько того требует узор ткани. Утки «соседствующих» цветов не чередуются в зацепе по основе, а соединяются группами по 3–6 нитей, в результате чего контуры рисунка получают зубчатые очертания. Еще одна особенность структуры нашего килима — наличие большого количества диагональных сцепов фиолетовых, т. е. фоновых, утков, благодаря чему образуются «ленивые линии». Особо следует отметить введение дополнительных узоробразующих уточных нитей, протянутых вертикально, т. е. вдоль основы. Они охватывают параллельную нить основы через 3–3,5 мм, создавая дополнительные вертикальные линии. Для изготовления основы килима были использованы неокрашенные шерстяные нити обычного Z-кручения. Нити утка — тонкие, окрашены в восемь цветов и оттенков: фиолетово-красный, фиолетово-синий, сиреневый, пурпурный, оливковый двух тонов, бежевый (Z-прядения).

Ширина ткани приблизительно 60–68 см. Такая неточность в определении ширины объясняется тем, что ткань сильно изрезана и на ней почти нигде не сохранилось кромок. В некоторых случаях это касается только одной половины чепрака — ткань разрезана на 3 полосы (длиной 79 см и шириной 9 см), которые сшиты так, что «квадраты» одной полосы вплотную примыкают к «квадратам» другой.

Между квадратами нет фиолетового фона, что нарушает всю композицию рисунка ткани. Затем к этим полосам были пришиты два прямоугольных клина, обращенных вершинами в противоположные стороны. К ним, в свою очередь, пришили лоскутки ткани неопределенной конфигурации, расположенные под разными углами, что создает картину дезорганизации пространства. Особенно это касается второй половины чепрака, состоящей из множества мелких и узких лоскутков, а также прямых, фигурных, клиновидных кусочков, которые не были выброшены, казалось бы, за ненужностью, а тщательно собраны. Все фрагменты драгоценной ткани сшиты между собой. По-видимому, из этой ткани прежде была выполнена парадная одежда [Гаврилова, 1980, с. 54].

Позднее, когда платье износилось, его кусочки собрали и обшили ими конский чепрак. К сожалению, эти лоскутки настолько невыразительны, что по ним невозможно реконструировать фасон одежды. Можно предположить, что фиолетовая ткань и фрагменты составляли роскошную ткань, из которой было выполнено, вероятно, персидское одеяние — кандис — характерное для ахеменидского времени.

Чепрак окаймлен бордюром шириной 4–5 см и окантован узкими пластиночками черного меха. Поверх меха прикреплены небольшие кусочки листового золота.

По нижним краям чепрака подвешено по пять деревянных ворворок с кистями из красной шерстяной пряжи (рис. 3.26). Сам бордюр состоит из 48 небольших фрагмен-

тов ткани длиной 9 см и шириной 4 см. На каждом фрагменте вытканы изображения пары стоящих женщин, повернутых в профиль. Передние фигуры крупнее задних.

По определению С.И. Руденко, это «знатные» женщины. Их головы увенчаны четырехзубчатыми коронами, от которых вдоль спины спускаются покрывала, украшенные по краю рисунком в виде треугольников.

Женщины одеты в длинные (до щиколоток) платья с широкими рукавами. Передняя часть платьев и рукава покрыты нарядным узором из квадратов и треугольников. Задние фигуры меньше передних. С.И. Руденко назвал их «служанками». На головы последних тоже надеты короны, но без покрывала, а их волосы ниже затылка загнуты валиком [Руденко, 1961, с. 16].

Из 48 фрагментов 23 фигуры вытканы на желтом фоне, а 24 — на синем. На 9 фрагментах ткань отрезана так, что сохранилось лишь по одной женской фигуре. На 11 фрагментах изображены женщины, стоящие перед курильницей. Одни из них повернуты вправо, другие — влево. У женщин разные пропорции: одни вытянутые, другие — приземистые. У некоторых очень крупно вытканы головы (до 1,5 см в высоту), и естественно, что у них на белом фоне особенно четко просматриваются мельчайшие черты лица, прическа и детали костюма. «Знатные» женщины держат правую руку приподнятой вверх. В левой руке у них цветок.

У «служанок» руки сложены под грудью. По мнению С.И. Руденко, женщины держат в руках полотенце [Там же]. Нам представляется, что в руках этих женщин длинный пояс, сложенный пополам, концы которого завершаются фигурными наконечниками.

С.И. Руденко реконструировал эту сцену, подобрав парные лоскутки ткани по цвету и месту разреза. У него получился узор из светлых (желтых) и темных (синих) квадратов, расположенных в шахматном порядке. Внутри квадратов по две женские фигуры, повернутые лицом друг к другу. В центре между ними находится курильница на высокой цилиндрической ножке, соединенной цепочкой с колпачком. Эта композиция заключена в рамочку, образованную из небольших треугольников белых, желтых, синих тонов, чередующихся по цвету. По мнению С.И. Руденко, изображенная на ткани курильница ассирийского типа. Позднее подобные курильницы существовали в Персии, и их воспроизведение можно видеть на персидских цилиндрах и на барельефах Персеполя [Руденко, 1961, с. 17; Матье, Афанасьева, Дьяконов, Луконин, 1968, ил. 292].

Сама композиция, построенная из противопоставленных фигур, характерна для искусства Передней Азии. Мотив из противопоставленных фигур очень древний и широко известен в искусстве Передней Азии. Впервые он отмечен в искусстве Месопотамии раннединастического периода [Погребова, 1984, с. 207]. Особенно часто геральдические построения встречаются в искусстве Луристана (IX—VII вв. до н.э.), где пара животных противостоит друг другу.

Искусству Урарту также был не чужд подобный мотив. Например, на бронзовой votivной пластинке из Siyimli выгравированы две женские фигуры, противостоящие друг другу, относящиеся к VII в. до н.э. [Merhav, 1991, p. 292]. Интересно отметить, что платье этих женщин покрыто узо-

ром в виде крупных квадратов, а с их голов спускается покрывало. Кроме того, в руке одной из них цветок, т.е. композиция напоминает нашу.

С.И. Руденко интерпретировал сцену, вытканную на ткани, как обращение к божеству или жертвоприношение [Руденко, 1953, с. 350]. Думается, что С.И. Руденко прав. По-видимому, сцену следует трактовать как молитву, обращенную к божеству. Цветок, который держит в руках женщина, очень похож на лотос. Известно, что лотос в древней Индии являлся одним из ранних символов солнца [Волчок, 1973, с. 45]. Все индоиранцы поклонялись солнцу и праздновали день весеннего равноденствия.

Для древних иранцев главным праздником был Ноуруз — солярный Новый год, который начинался в день весеннего равноденствия. Можно предположить, что женщины, стоящие перед курильницей, возносят свою молитву главному божеству — Солнцу, держа в руке его эмблему — Лотос.

Ткань виртуозно изготовлена из тонкой шерстяной пряжи. Основа состоит из двух неокрашенных нитей, скрученных правой круткой в Z. Нити утка тонкие S-образного кручения (слева направо). Линейная плотность ткани такова: на 20–26 нитей основы приходится 100 и даже более нитей утка на 1 кв. см. Характер переплетения — точный репс. В этот же бордюр, который обрамляет чепрак, среди изображения женщин вставлен небольшой фрагмент ткани. На нем вытканы две фигуры львов, идущих влево.

Аналогичные две фигуры львов имеются на небольшом кусочке ткани, пришитой к длинной тканой полосе (длина 70 см, ширина 5 см), укрепленной на войлочном нагруднике конского чепрака.

На нагруднике изображено 15 львов, идущих друг за другом вправо. Львы с раскрытой пастью и поднятыми вверх хвостами, заканчивающимися кисточками, вереницей падают друг за другом. Их тела монументальны. Каждая черточка морды, каждая деталь изображения выполнены на очень высоком уровне.

Складывается впечатление, что перед нами не образец ткачества, а тончайшая графическая работа. Мускулатура тела зверей проработана так, как это принято в переднеазиатском и древнеалтайском искусстве, — условными фигурами в виде точки и двух подковок. Объем тела, кроме того, подчеркнут цветом: абрис бедра и передние лапы проработаны синим или темно-красным цветом. Грива в одних случаях синяя, в других — темно-красная.

Такого рода фигурки львов хорошо известны по вавилонским и ассирийским барельефам и скульптурам [Руденко, 1968, с. 78]. Особенно этот сюжет был популярен в искусстве ахеменидского Ирана. На рельефном фризе из Персеполя представлены идущие друг за другом львы, изображенные на одежде Ксеркса и на балдахине трона Дария [Tilia, 1972, fig. 3, p. 190].

Плотность ткани с изображением львов: 20–26 нитей на 1 см основы, закрученных по Z-схеме. Нитей утка — от 60 до 100 на 1 см, закрученных по S-схеме.

Все эти ткани первоначально были описаны С.И. Руденко по отдельности, так же, как это сделано нами. Он отметил, что ткани с изображением львов и с изображением женщин технологически настолько близки, что они могли

Рис. 3.25. Фрагмент чепрака,
покрытого шерстяной тканью.
Пятый Пазырыкский курган.
Эрмитаж, № 1687-100

быть выполнены одним мастером либо в одной мастерской [Руденко, 1952, с. 70], что представляется нам вполне вероятным.

По мнению С. И. Руденко, на ткани с изображением женщины вначале ткался основной мотив с боковыми кантиками из зубцов. Затем продольные кантики, вытканные отдельно, пришивались к основной сцене [Руденко, 1952, с. 68].

А. А. Гаврилова, сопоставляя ткани, пришла к выводу, что все три образца составляют единую ткань. Реконструкция узора ткани строилась на том, что на полосе с изображением 15 львов сохранилась узкая полоска фиолетовой ткани и что, по-видимому, именно от нее была отрезана полоса со львами. Далее А. А. Гаврилова говорит о том, что на поперечных полосах узора нити утка примыкают друг к другу по всей ширине узора и на участках разного цвета, что, естественно, повышает их прочность [Гаврилова, 1980].

Напомним, что на нагруднике и на бордюре чепрака имеются два фрагмента с изображением львов, идущих влево, а не вправо, как это выткано на нагруднике. Таким образом, по мнению А. А. Гавриловой, было две полосы ткани с идущими львами, движущимися в разных направлениях. Очевидно, что эти полосы входили в полотнище фиолетовой ткани с двух ее сторон. Как бы в подтверждение этого, на самой фиолетовой ткани (была сильно порезана) в двух местах сохранились очень узкие полосочки обрамления в виде треугольников от ткани с изображением львов.

Опираясь на структуру ткани, на близкие технические параметры всех трех образцов, А. А. Гаврилова пришла к выводу, что полотнище было шириной не менее 68 см и что все три ткани составляли некогда единое целое [Гаврилова, 1980, с. 53].

Нам представляется, что все три ткани, несмотря на одинаковую плотность по основе, ткались отдельно. Тем не менее, плотность ткани по утку разная. вполне возможно, что ткань с изображением женщины и ткань со львами ткали отдельно, а затем либо сшивали с фиолетовой тканью, либо использовали в качестве отделки платья. Изображения аналогичных тканей представлены на рельефах Персеполя. Например, такого рода кайма со львами присутствует на рукавах платья Ксеркса (рисунок на западном косяке северных ворот основного зала здания гарема) и на балдахине в сцене аудиенции с восточной стороны апсиды [Tilia, 1972, 1978, fig. 3, fig. 6].

Касаясь вопроса происхождения ткани, С. И. Руденко обратил внимание на сюжет, стилистическую манеру изображений, на виртуозность исполнения тканья, полагая, что ткань была выполнена переднеазиатскими мастерами [Руденко, 1961, с. 21].

При дальнейшем исследовании ткани наше внимание было обращено на то, что лица, руки, отчасти одежды женщины, тканые полосы между квадратами с изображением женщины, тела львов вытканы белыми нитями. Шерсть, находясь в таких условиях, обычно желтеет. В данном случае нити сохранили чистый белый цвет. Поэтому решено было провести анализ волокон белых нитей.

Анализ был выполнен сотрудниками судебной биологической экспертизы Северо-Западного регионального центра.

Исследование волокна показало, что белые нити из льна. Возникает вопрос: откуда он происходит?

Известно, что начиная с эпохи неолита египтяне первыми стали возделывать лен, который и по сей день производится в Египте [Лукас, 1958, с. 238]. По сведениям Геродота, «египтяне носят на теле льняные, обшитые по подолу бахромой хитоны под названием „каласирис“» [Геродот, 1972, II, с. 104]. Египтяне изготавливали из льна ткани самого различного качества: от грубого холста до тонкого батиста.

В Каирском музее хранятся три образца тончайшей гофрированной ткани, относящихся к XVIII династии (1580—1350 гг. до н.э.). Геродот рассказывает о том, что египетский царь Амасис (569—525 гг. до н.э.) преподнес лакедемонянам панцирь. «Панцирь был льняной, со множеством тканых изображений, украшенный золотом и хлопчатобумажной бахромой. Самым удивительным в нем было то, что каждая отдельная завязка ткани, как она ни тонка, состояла из 360 нитей и все они видны» [Геродот, 1972, кн. III, с. 153]. Естественно, что такие ткани могли идти на экспорт.

Выращивание льна в Египте имело большое экономическое значение. Благодаря льну страна могла получать разнообразные товары в обмен на лен, такие как золото и медь, ароматные смолы, оливковое масло, лазурит и слоновая кость. Торговля шла по Средиземному и Красному морям. Товары поступали из Передней Азии, Аравии и Индии [Лукас, 1958, с. 238]. Таким образом, в результате торговых связей лен и изделия из него могли широко распространяться. Кроме того, не стоит забывать, что в период существования Ахеменидской державы Египет входил в ее границы. Естественно, что в рамках этой огромной державы существовали не только торговые взаимоотношения, но и культурные связи, обмен опытом и знаниями.

Еще один любопытный факт. Л. С. Гавриленко провела повторное исследование нашей фиолетовой ткани методом тонкослойной хроматографии. К ее изумлению, выяснилось, что нити утка окрашены настоящим пурпуром. Она обнаружила наличие красителя пурпур-дигром-индиго.

Пурпур относится к древнейшим красителям. Пурпуровую краску впервые научились изготавливать древние египтяне примерно 3,5 тыс. лет тому назад. Их опыт использовали затем и финикийцы. Столицей Финикийского государства был город Тир, откуда в основном и поступала пурпуровая краска.

В то время пурпур извлекали, скорее всего, из мурексов — пурпуровых улиток, живущих в красивых раковинах, покрытых игольчатыми выступами. Красящим свойством обладает пунпигин — вещество, которое выделяет моллюск. Это белая жидкость с неприятным чесночным запахом. Под воздействием кислорода и света жидкость окрашивается вначале в зеленый цвет, постепенно переходящий в синий, а потом — в пурпуровый цвет. Пурпур был различных оттенков: от красновато-фиолетового до синевато-фиолетового. Им в основном красили ткани.

Технология получения краски была очень трудоемкой: требовалось огромное количество раковин, за которыми

нужно было нырять на дно Средиземного моря. Для получения одного грамма пурпура нужно было обработать 10 000 улиток. Естественно, что краска стоила баснословно дорого. Во времена Римской империи пурпур стоил 3 500 денариев золотом за фунт [Виннер, 2000, с. 244–245].

Таким образом, фиолетовая ткань из пятого Пазырыкского кургана была поистине драгоценна. Кто выткал эту ткань? Какими путями она попала на Алтай? Ответить на эти вопросы непросто. Иконография образов, композиционное построение, стилистический прием в передаче образов, в частности в изображении львов, — все это говорит в пользу переднеазиатского искусства. Однако наличие льна и пурпура, имеющих, вероятно, египетское происхождение, является свидетельством того, что между Египтом и Ираном существовали торговые связи.

Кроме того, известно, что Египет во времена Дария, находясь в подчиненном положении по отношению к Ахеменидской Персии, должен был платить ей налог в 700 талантов серебра [Всемирная история, 1956, т. II, с. 27]. Налог не обязательно выплачивали серебром — он мог быть внесен и в другом материальном выражении. Вполне возможно, что Египет расплачивался с долгами драгоценностями, своими роскошными тканями или сырьем — льном и пурпуром. Следовательно, в Персии могли оказаться материалы, из которых местные мастера и сделали эту удивительную вещь. Но современное состояние исследований пока не позволяет провести четкую грань между теми и другими. Так или иначе, но ткань оказалась на Алтае, и вечная мерзлота как перст судьбы сохранила этот предмет.

Вышитая шелковая ткань (ГЭ № 1687-101). *Размеры:* длина 226 см, ширина 62 см. Пятый Пазырыкский курган. Ткань покрывала сверху войлочный чепрак. Чепрак обрамлен по краям полосами красноватого войлока. В полосах есть прорезы, в которые вставлены трехзубчатые пластинки из кожи, покрытые листовым золотом и оловом. Эти полосы по внутренним и внешним краям

Рис. 3.26. Кисть чепрака, покрытого шерстяной тканью. Пятый Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1687-100

обшиты узким кантиком из синего войлока. К нижним краям чепрака с обеих сторон пришито по пять кистей из волос яка.

На войлочную основу чепрака нашит замечательный китайский шелк, представляющий собой тафту бежевого цвета. Ранее С.И. Руденко определил это полотно как ткань типа чесучи, вытканную из сырцового шелка [Руденко, 1953, с. 214].

Шелковая ткань украшена великолепным узором в виде длинных, изгибающихся ветвей причудливых растений с цветами, бутонами, листьями и с птичками-фениксами, сидящими на ветвях. Эти ветви расположены двумя параллельными рядами, протянувшимися в продольном направлении, и образуют симметричную композицию. Узор выполнен вышивкой тамбурным швом, шелковыми нитями коричневого, светло-бежевого, синего и красного цветов. Стежки тамбурного шва располагаются по принципу «петля в петле», образуя непрерывную цепь одинаковых по форме и размеру петель. Листья, цветы, птички также вышиты тамбурным швом, который заполняет внутреннюю часть рисунка по его контуру. Вышивка поражает безупречной техникой исполнения, тщательностью отделки каждого элемента.

Близкой аналогией нашему узору является орнамент вышивки № 7 из Машани (IV—III вв. до н.э.), а также вышивка на ткани из т. н. «Могила с деревянным гробом (V—III вв. до н.э.) из Парка Героев в Чанша» [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 31].

Что касается сюжета вышивки, его содержания, то по китайской мифологии феникс являлся вестником счастья. Совместное изображение фениксов — самца и самки — воспринималось как символ счастья и пожелание счастливого супружества [Лубо-Лесниченко, 1987, с. 244]. Возможно, ткань была заказана для предстоящего бракосочетания. По предположению известного востоковеда академика В. М. Алексеева (на это обратил внимание и С. И. Руденко), такого рода ткани изготавливали для очень богатых людей в связи с выдачей замуж китайских принцесс [Руденко, 1953, с. 358].

Ширина шелковой ткани 44 см. Интересно отметить одну деталь: гладкие шелковые ткани ханьского времени не превышали по ширине 45,5–49 см, что было связано с устройством ткацкого станка [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 149]. Поэтому, когда ткань нашли на чепрак для того, чтобы дополнить недостающую часть по ширине, к основной ткани была пришита полоса такого же шелка шириной 9 см. Как ни странно, пазырыкский мастер не стремился подобрать куски ткани так, чтобы не нарушить всю композицию рисунка.

Вероятно, первоначально ткань предназначалась для других целей, возможно для праздничной одежды. Позднее шелк использовали для украшения чепрака.

Ткань выполнена в технике полотняного переплетения с плотностью нитей по основе 63,33 на 1 см и 38,66 нитей утка на 1 см [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 221]. По определению Нуномэ Дзюно, известного японского исследователя, все шелковые пазырыкские ткани, имеющие приблизительно такие же технические параметры, происходят из Южного Китая (цит. по: [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 22]).

В Пазырыкских курганах найдены не только шелковые китайские ткани, но и небольшие кусочки лака, бронзовое зеркало типа цинь (шестой Пазырыкский курган). Все это — свидетельство древних связей Алтая с Китаем. Торговые связи проходили через Центральную и Западную Азию, по т. н. «Шелковому пути». Помимо торговых связей, в этот период существовали контакты иного рода, например дипломатические, материально выражавшиеся в основном в виде даров и подарков [Руденко, 1953, с. 356; Лубо-Лесниченко, 1994, с. 216, 249]. Вполне возможно, что шелковая китайская ткань была преподнесена в качестве подарка.

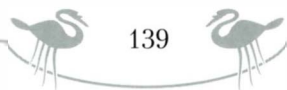

Рис. 3.27. Вышитая шелковая ткань, покрывавшая чепрак.

Пятый Пазырыкский курган.

Эрмитаж, № 1687-101

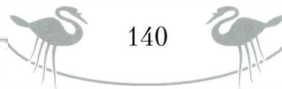
глава 4.

Бытовые предметы и ковры

1. В настоящее время в пределах Горного Алтая лесной северный олень очень редко встречается на Чулышманском плато и в верховьях реки Лебеди [Ирисов, 1971, с. 189]. Но поскольку в пазырыкской культуре существует несколько изображений этого зверя, найдена конская маска с рогами северного оленя, а также широко использовалась его щипаная шерсть для набивки подушек конских седел и других войлочных изделий (фигурок лебедей, например), можно предположить, что северный олень был не только объектом охоты, но мог быть в числе домашних животных (допустим, у местного населения, которое проживало в Горном Алтае до прихода пазырыкцев и вместе с ними).

Как уже было сказано, войлоки в основном изготавливали из шерсти овец. Лишь в единственном числе имеется войлок (в мелких обрывках) из первого Туэктинского кургана, в котором были использованы шерсть козы и пух северного оленя¹.

Перед тем как использовать шерсть в изготовлении войлока, ее подвергали специальной обработке: мыли, сушили, перебирали руками, чесали, взбивали и окрашивали красками растительного происхождения. Из подготовленной таким образом шерсти валяли войлоки. Судя по этнографическим параллелям, этим занимались почти всегда женщины [Антипина, 1962, с. 16]. Древнеалтайские мастерицы валяли войлоки очень высокого качества. Найденные образцы показывают, что они отличались мягкостью, тонкостью и поразительной прочностью. Большинство войлочных изделий были декорированы узором и орнаментом, выглядели как предметы высокого художественного достоинства.

Узорные войлоки с растительным орнаментом

Рис. 4.1. Орнаментальная полоса.
Второй Пазырыкский курган.
Эрмитаж, № 1684-260, 261

Узорные бордюры, украшенные растительным орнаментом, представлены пятью фрагментами.

Орнаментальная полоса в двух фрагментах (ГЭ № 1684-260, 261) (рис. 4.1). Найдена во втором Пазырыкском кургане. *Размеры:* первый фрагмент — 19,5х14 см; второй — 68х10,5 см. Оба фрагмента украшены растительным узором.

На узкую полосу из желтоватого войлока (толщиной 1,5 мм) нашита аппликация из разноцветных кусочков войлока, еще более тонких, чем сама полоса. Орнамент на одном фрагменте состоит из десяти цветков лотоса, а на втором сохранились два аналогичных цветка. Каждый цветок представляет собой стилизованное изображение из пяти синих лепестков и красных чашелистиков, помещенных как бы в «корзиночку» овальной формы. Растения соединены между собой синей лентой, имеющей мягкие плавные очертания, в нарядную гирлянду. Между цветками лотоса помещены изображения каких-то настолько сильно стилизованных цветов, что определить их вид невозможно. Они выполнены из розового, коричневого и синего войлоков. Каждая деталь орнаментальной полосы окантована витой шерстяной нитью. Это обрамление придает аппликации большую рельефность. Сам узор и техника его исполнения находятся в неразрывном единстве и создают целостную орнаментальную композицию. По верхнему продольному краю полосы проходит жгут из черного войлока, обтянутый сверху желтым войлоком. На противоположной стороне полосы сохранились следы от прошивки.

Рис. 4.2. Полоса войлока
из трех фрагментов.
Второй Пазырыкский курган.
Эрмитаж, №1684-262, 263, 585

Полоса войлока в трех фрагментах (ГЭ № 1684-262, 263; 585) (рис. 4.2). Найдена во втором Пазырыкском кургане. *Размеры:* 45 x 13 см, 22 x 13 см, 19 x 13 см. Все фрагменты украшены сложным растительным орнаментом.

На белый тонкий войлок (толщиной 1,5 мм) нашиты ряды стилизованных цветов, сделанных из разноцветного войлока (толщиной 0,8 мм). Двенадцать крупных изображений лотоса с пятью лепестками, пестиками и чашелистиками окрашены в голубые, красные и розовато-коричневые тона. Цветы лотоса чередуются с рядом более мелких растений, состоящих из бутонов лотоса, тюльпанов или лилий. Вдоль нижнего края проходит узкий кантик (шириной 1 см) из синего войлока. Кантик и каждая отдельная деталь этого сложного орнамента окантованы крученой шерстяной, иногда двойной, нитью. Помимо этого, некоторые элементы узора также вышиты крученой шерстяной нитью.

Изображение лотоса довольно часто встречается в искусстве Древнего Алтая. Особенно много лотосовидных орнаментов было найдено во втором Пазырыкском кургане. Этот художественный мотив пришел на Алтай скорее всего из Египта, Индии или из Передней Азии [Руденко, 1961, с. 61]. Лотос — один из ранних и распространенных древних символов солнца в Индии. В Египте лотос символизировал рождение мира из огня и воды и ассоциировался с солярными богами [Андреева, Ровнер, 1999, с. 291–293].

Фрагмент войлочной полосы (ГЭ № 1793-821). Найден во втором Башадарском кургане. *Размеры:* 33 x 6 см.

В технике мозаики или инкрустации на основу из белого войлока (толщиной 3 мм) нашит узор в виде спиралевидных завитков, выполненный из красного и синего войлоков. Каждый плавный изгиб завитка пришит сухожильными нитями, мелкими поперечными стежками. Весь орнамент состоит из фигур, которые согласуются между собой как по композиции рисунка, так и по расцветке. В целом они создают гармоничную орнаментальную композицию.

Войлочные ковры

Ковер (ГЭ № 1295-52) (рис. 4.3, 4.5). Найден в первом Пазырыкском кургане. Размеры: 130 x 100 см. Изготовлен из темно-коричневого толстого войлока (толщиной 5–6 мм) средней плотности (катки), из несортированной или плохо отсортированной шерсти.

К нему пришита орнаментальная полоса-бордюр (шириной 37 см), выполненная из тонкого белого войлока, плотно скатанного из тонкорунной шерсти (толщиной 2–3 мм). Вдоль верхнего края бордюра пришит толстый шнур (6 мм в диаметре), скрученный из четырех шерстяных нитей темно-коричневого цвета. Войлок, из которого сделан бордюр, состоит из волокон пуха овцы тониной 10–29 мкм, тонкой ости со слабовыраженным каналом тониной 36 мкм и с примесью толстой грубой ости с каналом тониной 90–116 мкм.

Центральная часть бордюра украшена пятью стилизованными ажурными головками львов, повернутыми в профиль. Три идентичные головки выполнены из синего войлока, две — из красного. Головки изготавливали, вероятно, так: брали два куса разноцветного войлока, накладывали их друг на друга и острым ножом вырезали львов. Затем изображения нашивали на основу из белого войлока сухожильными нитями. Чередование головок по цвету привело к образованию орнаментального ряда.

Фантазия мастера удивительна: у львов был вырезан небольшой «курносый» нос, миндалевидный глаз, клыкастая

а

б

Рис. 4.3. Фрагменты изображений ковра с головками львов (а, б). Первый Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1295-52

пасть и очень эффектная грива из шести S-видных завитков. Общее решение, проработка деталей головы напоминают ахеменидские изображения. Такие изображения известны, они присутствуют на золотых бляхах из археологического музея в Тегеране и из музея Метрополитен в Нью-Йорке [7000 Years of Iranian Art, 1964–1965, cat. 455].

Таким образом, можно говорить о вполне определенных иранских прототипах, к которым в иконографическом плане восходят алтайские головки львов. Древнеалтайский мастер, безусловно, знал и заимствовал характерную для ахеменидского Ирана композицию. Фриз из идущих друг за другом львов имеется на одежде Ксеркса на барельефе и на балдахине трона Дария в Персеполе. Кроме того, аналогичная композиция представлена на ткани переднеазиатского происхождения из пятого Пазырыкского кургана [Tilia, 1972, p. 190]. Такие построения были очень популярны и на Алтае.

Верхние и нижние края бордюра украшены геометрическим орнаментом в виде треугольников из красного, сине-зеленого и белого войлоков. Соединенные по три и входящие вершинами друг в друга, они сшиты между собой крученой сухожильной нитью.

Большой войлочный ковер (ГЭ № 1687-95) (рис. 4.4). Найден в пятом Пазырыкском кургане. Размеры: 4,5х5 м.

Когда ковер извлекли из могилы, оказалось, что, хотя некоторые части его истлели, в основном ковер можно восстановить. Куски ковра механически очистили от грязи. Крупные фрагменты подшили на холст прямо на месте, а мелкие — разложили в отдельные коробки. После всех преобразований вес ковра составил 20 кг.

Реставрацию ковра выполнил известный специалист Эрмитажа Н. Н. Семенович [Семенович, 1956, с. 144–147]. Он подготовил дублировочную основу из тюля, склеив его в несколько слоев для того, чтобы впоследствии тюлевая основа могла выдержать укрепленный на ней в вертикальном положении ковер.

Размер ковра не позволил производить его дублировку целиком, поэтому пришлось делать эту необычайно кропотливую и трудоемкую работу частями на специальном, пропарафиненном столе. Крупные фрагменты приклеивали прямо на дублировочный тюль, мелкие предварительно наклеивали на небольшие кусочки тюля, которые затем приклеивали на основной дублировочный тюль. Заключительный этап

Рис. 4.4. Войлочный ковер из пятого Пазырыкского кургана, общий вид. Фото 1950 года. Эрмитаж, № 1687-95

реставрации завершился подклейкой фрагментов (20-процентным мучным клейстером) к основе из тюлевых полос — одной продольной и трех поперечных. Эти полосы были предназначены для укрепления верхнего края ковра и его середины. Затем Н. Н. Семенович приступил к закреплению войлока. Для этого был изготовлен специальный аппрет из 0,25-процентного водно-глицерино-спиртового раствора желатина с добавлением 0,5-процентного мучного клейстера. Лицевая сторона ковра была опрыскана им из пульверизатора для создания защитного слоя.

Ковер реставрировался год. На его реставрацию ушло 26,5 м тюля, 12,5 кг муки, 7,7 л спирта и 0,5 л глицерина. После завершения работы ковер натянули на деревянный щит, вдвинули в экспозиционный шкаф и прикрепили к задней стенке. С 1950-х годов и по сей день ковер находится в экспозиции в Эрмитаже.

К сожалению, в настоящее время этот много претерпевший ковер невозможно сфотографировать целиком, так как переплеты витрины перерезают общий вид изображения. Приходится довольствоваться лишь старой фотографией 1950 года. Тогда при съемке ковер расстелили на полу в большом зале музея (Военная галерея 1812 года) и с балкона зала сделали фотографию.

Основа ковра выполнена из белого войлока, который со временем приобрел серовато-бежевый тон. Войлок сред-

ней плотности (катки), толщиной 3 мм сделан в основном из волокон пуха овцы (80–85 %) и переходного волоса (15–20 %). Тонина волокон 12–42 мкм. Преобладают пуховые волокна тониной 18–20 мкм. Имеются также волокна ости и грубой ости тониной 84–120 мкм. Это грубые, неэластичные волокна с широким каналом. Поверхность этих волокон была сильно деструктурирована.

Процесс изготовления войлочного полотнища таких размеров (30 кв. м) был делом непростым. Так, по данным, которые приводит С. И. Вайнштейн, тувинцы для того, чтобы скатать небольшой войлочный коврик, должны были собрать шерсть не менее чем с 10 овец. На изготовление войлочного полотнища, предназначенного для покрытия юрты, им требовалась шерсть, настриженная почти с 200 овец [Вайнштейн, 1991, с. 253]. Таким образом, можно предположить, что на изготовление большого пазырыкского ковра ушла шерсть, состриженная, по-видимому, с такого же количества овец. После очистки шерсти от примесей и грязи была произведена катка войлочного полотнища. Сколько же времени могло потребоваться, чтобы сделать пазырыкский войлок? Для этого снова обратимся к этнографическим параллелям. Известно, что у киргизов на изготовлении одного войлока средних размеров (120х240 см) обычно было занято 3–4 человека, работающих по 6–7 часов в день [Антипина, 1962, с. 23]. Исходя из этих данных, можно

предположить, что на изготовление войлочного полотнища размером 450х650 см, при работе восьми мастериц по 6 часов в день, ушла примерно неделя.

Ковер украшен многокрасочной аппликацией. На однотонный фон крученой сухожильной нитью пришиты крупные фигуры (высотой более 1 м), вырезанные из тонкого цветного войлока. Каждая нить скручена левой круткой и состоит из двух или нескольких ниточек, скрученных правой круткой. Общая толщина нити 0,4 мм.

Вся поверхность ковра делится на два широких горизонтальных фриза, обрамленных тремя орнаментальными бордюрами. От верхнего и среднего бордюров спускаются вниз длинные (1,5–2 м), узкие пластины из черного войлока, закрепленные в верхней части. Остальная часть с заостренным концом свободно свисает вниз. На каждом фризе представлена одна и та же сцена: всадник, двигаясь справа налево, приближается к трону, на котором восседает женщина-богиня с цветущей ветвью в руке.

Рассмотрим отдельные детали этой композиции, лица людей, одежду. Фигура всадника повернута в профиль. У мужчины невысокий лоб, крупный, резко выступающий «орлиный» нос, глаз, изображенный в фас, с темно-синим зрачком. У него густые широкие брови, плотно сжатый рот, над которым изображены красиво очерченные усы с загнутыми вверх концами, черная волнистая шевелюра. Все эти детали выполнены в технике аппликации из черного войлока. Этот тип человеческого лица С. И. Руденко назвал «арменоидно-ассироидный», т. е. европеоидный [Руденко, 1953, с. 322]. Нам кажется, что это представитель потомков

тех, кто переселился на Алтай, в Минусинскую котловину и в Туву еще в эпоху бронзы [Гохман, 1980, с. 28]. Такой же тип европеоидного лица представлен и на войлочном фрагменте другого ковра (с изображением сфинкса), которым были покрыты стены погребальной камеры пятого Пазырыковского кургана [Руденко, 1953, с. 107].

На всаднике облегающая короткая куртка, сшитая в талию, со стоячим воротником, узкими рукавами с манжетами. Край запаха (по-видимому, правая пола заходит на левую) украшен узором, выложенным толстой крученой шерстяной нитью. По плечу и по нижнему краю куртки проходит орнамент в виде небольших кружков, вероятно, имитирующих нашивные бляшки. Мужчина одет в узкие облегающие штаны с нашитой фигурной пластиной, возможно, из толстой кожи. Штанины заправлены в мягкие короткие сапожки с высоким задником.

Такой же фасон штанов можно увидеть на некоторых изображениях людей из знаменитой Сибирской коллекции Петра I [Руденко, 1962, табл. VII, XXII]. За спиной всадника развевается короткий плащ, украшенный крупными «горохами». На левом боку всадника подвешен колчан с коротким скифским луком с изогнутыми концами. Мужчина-воин сидит на коне, который медленно приближается к трону богини. Фигура коня несколько вытянута по горизонтали и показана в движении в отличие от статичного изображения всадника. Конь — благородных кровей и напоминает тех высокопородных лошадей типа ахалтекинцев, которые были погребены в Пазырыкских курганах. Его челка и грива подстрижены, тщательно причесаны, а хвост, по-видимому, переплетен золотой лентой, как это имело место у коней из второго Башадарского кургана [Руденко, 1960, с. 67]. Всадник сидит в седле с высокой передней лукой. Позади него виден край фигурной седельной покрывки. Конская сбруя украшена бляхами.

На кресле-троне восседает женщина-богиня — в ниспадающем платье, неподвижная, прямая. У нее большая безволосая голова с плоским затылком. На голову надет убор прямоугольной формы жестких очертаний, по нижнему краю которого проходит орнамент в виде четырех треугольников. Этот убор напоминает корону, которую индоиранцы воспринимали как символ, объединяющий три зоны мироздания: нижний мир — воду, средний — землю с хребтом мировых гор, верхний мир — небеса. Четыре зубца на короне, возможно, обозначали четыре стороны света [Акишев, 1983, с. 41, 76]. У женщины слегка выпуклый лоб, переходящий в крупный мясистый нос с опущенным кончиком, очерченный крученой шерстяной нитью (нить скручена из двух прядей левой круткой). Каждая из составляющих нитей скручена правой круткой. Общая толщина нити 1,5 мм. Плотно сжатый рот очерчен крученой шерстяной нитью. Тяжелый округлый подбородок, небольшой миндалевидный глаз с круглым зрачком-точкой из темно-синего войлока изображен в фас, над ним — изящно очерченная бровь. Мастерица передает лицо женщины, так же как и лицо мужчины, строго в профиль при фасном показе глаза. Подобную стилистическую манеру изображения вполне можно назвать «египетским стилем».

Все мелкие черты лица выполнены в технике аппликации из черного войлока. Ухо с проработанной ушной раковиной, пропущено крученой шерстяной нитью, обращено «спереди назад» и так же повторено на всех женских изображениях. В этом, по-видимому, кроется какой-то необъяснимый смысл. Женщина одета в длинное, до пят, платье с высоким стоячим воротником. Платье скомбинировано из ткани двух цветов: спинка красная, передняя часть — синяя (возможно, это были кафтан и платье). Плечи и запах одежды украшены орнаментом, выполненным крученой шерстяной нитью.

Спинка трона-кресла имеет мягкий изгиб и заканчивается стреловидной подвеской. Одной рукой женщина прикрывает рот, в другой — держит цветущую ветвь Древа Жизни, которое как бы вырастает из ножки трона. Стебель ветви изогнут и завершается десятью различными цветами, среди которых выделяются четыре идентичные пары.

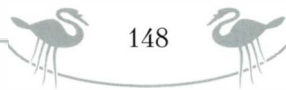
Рассмотрим Древо Жизни снизу вверх. Первый нижний отросток завершается стреловидным цветком с опущенным вниз острием. Симметрично ему расположен аналогичный цветок, свисающий со спинки стула. Такой прием мастерицы создает определенный ритм, уравнивая всю композицию. Кроме того, еще один такой же цветок на верхнем отростке стебля с устремленным вверх острием замыкает собой все построение. Левый нижний отросток ветви имеет форму стилизованного рога животного. Именно из него тянется и как бы вырастает остальная ветвь. Устремленная вверх, она украшена парой красных трехлепестковых цветов, из которых правая «головка» поднимается вверх, а левая — опускается вниз. Далее ветви, изгибаясь, завершаются парой несимметричных цветов — правый в виде желтой лилии, а левый, красный, — сложной конфигурации. Следующая пара цветов с опущенными вниз «головками» и раздвоенными лепестками красного и синего цветов. Таким образом, Древо Жизни предстает удивительно красивым и гармоничным, с четким определением верха и низа, левой и правой сторон и ритмической повторяемостью цветовых акцентов.

Каково смысловое содержание данной сцены? С. И. Руденко интерпретировал представленную на ковре композицию как сцену инвеституры, где богиня вручает вождю власть [Руденко, 1952, с. 89]. Этот сюжет, имеющий переднеазиатское происхождение, был известен во всем скифосакском мире [Ростовцев, 1913, с. 140]. Ряд специалистов-археологов, занимаясь исследованием мировоззренческой основы искусства скифо-сибирского мира, приходит к убеждению, что на ковре изображена женщина-богиня плодородия и что, возможно, «это уникальное изображение алтайского варианта Митры» [Мартынов, 1987, с. 16]. Я присоединяюсь к мнению своих коллег и считаю, что эта женщина одновременно — Великое солнечное божество, от которого все произрастало, оплодотворялось, рождалось.

Далее идет повествовательный рассказ о том, как к трону богини приближается воин-вождь, чтобы получить благословение на трон. Приобретение царственности означало брак с богиней [Акишев, 1983, с. 100]. Вождь обращается к богине с предложением вступить с ним в брак. Богиня символическим жестом левой руки «отверзает уста», давая положительный ответ на призыв «жениха». Как уже было отмечено, у мужчины на поясе приторочен колчан

Рис. 4.5. Фрагменты ковра
с головками львов.
Первый Пазырыкский курган.
Эрмитаж, № 1295-52

с луком. Известно, что в обряде бракосочетания у многих народов, в том числе и у алтайцев (Кочо-Кан, культ которого характеризуется эротическими чертами), особую роль играла стрельба из лука [Шиншло, 1976, с. 151–155]. Действию стрелы придавалась особая роль в космогонии — оно расценивалось как акт, предшествующий рождению Космоса. Таким образом, брак, заключенный с божеством, давал вождю право получить власть и царственность, которое и делало его проводником божественной силы на земле [Акишев, 1983, с. 46].

С культом солнечного божества связаны солярные символы, которые включены в три орнаментальных бордюра. В каждом бордюре, в технике аппликации из цветного войлока помещалось примерно по восемь фигур в виде «лотосовидной розетки», скомпонованной из четырех бутонов лотоса, которую интерпретируют как символ Мирового Древа. В центре каждой «лотосовидной розетки» помещен квадрат с вогнутыми сторонами и «точкой» в центре. Обычно такой знак трактуется как солярный символ [Акишев, 1983, с. 23].

В орнаментальном бордюре композиции четыре бутона лотоса чередуются с квадратами, на которых в технике аппликации нашиты изображения ветвистых стилизованных рогов оленей, также являющихся символом Мирового Древа [Акишев, 1983, с. 132].

Не последнюю роль в оформлении ковра играет цвет. Впечатление красочности создают умело подобранные тона красных и синих цветов. С глубокой древности существовала цветовая символика. Красный цвет выступал как символ жизни, крови, солнца. Синий цвет — цвет небесного свода. Таким образом, культ солнца, Древа Жизни, солярная символика, насыщенные яркие краски — все эти компоненты вместе звучат как мощная солярная симфония.

Вопрос о назначении ковра вызвал дискуссию среди исследователей. По мнению С. И. Руденко, в реальной жизни ковер был настенным и использовался для украшения жилища. После смерти вождя, по его мнению, ковер был употреблен для погребального церемониала. В могиле им были покрыты колесница и четверка лошадей. Приспосабливая ковер для этих целей, его обрезали по длине до 6 м. Но так как размер его оказался недостаточным, к нему пришили часть другого ковра [Руденко, 1968, с. 64–66].

На взгляд М. П. Грязнова, ковер являлся частью погребального шатра, в котором держали тело вождя до момента захоронения. Как полагал М. П. Грязнов, основанием шатра служила конструкция из четырех бревен с прорубленными в них отверстиями, в которые вставлялись длинные жерди. Завершался шатер четырьмя скульптурными войлочными фигурками лебедей [Галанина, Грязнов, Доманский, Смирнова, 1966, с. 99–100]. Шатер имел некоторый наклон внутрь, а черные длинные войлочные пластины, о которых речь была выше, траурно свисали и создавали настроение печали.

С. И. Руденко связывал **фигурки лебедей** с убранством колесницы [Руденко, 1953, с. 295]. Каждая из четырех фигурок (**ГЭ № 1687-259-263**) (**рис. 4.6**) длиной 30 см сделана из двух кусков тонкого (шириной 1,5 мм) белого войлока,

сшитых между собой сильно кручеными сухожильными нитями — швом «иглоку вперед». Войлок, из которого были выполнены лебеди, в основной массе состоит из волокон пуха тонинной 12–30 мкм. Кроме того, в структуре войлока содержится примерно 20 % ости и грубой ости тонинной 72–108 мкм. Фигурки лебедей набиты оленьей шерстью и травой. Таким образом, фигурки приобрели объем, по сути дела являясь «мягкой» скульптурой. Древний мастер правдиво передает характерные особенности птицы: вытянутое, обтекаемое формы тело, маленькую изящную головку с круглым глазом из темно-коричневого войлока (диаметром 6 мм) и таким же темно-коричневым длинным клювом со своеобразным вздутием-бугорком на верхней створке, тонкую, гибкую, красиво изогнутую шею. У птицы веерообразно раскрыт хвост, окрашенный в красный цвет. Крылья сделаны из белого войлока, маховые перья — из темно-коричневого. Хвост и крылья, пришитые отдельно, окантованы декоративной строчкой, выполненной тамбурным швом, и частично подчеркнуты крученой шерстяной нитью. Внутрь войлочных пожек, скрытых под крыльями, вставлены деревянные колышки, за которые птицы крепились к углам решетчатого перекрытия повозки.

Данные изображения очень точно передают видовые особенности лебедя-кликуна — характерного обитателя степей Кош-Агачского района Республики Алтай [Ирисов, 1971, с. 182]. Этот вид лебедей издает мелодичные звуки, похожие на пение. В религиозных представлениях античности лебедя называют «голосистым певцом», птицей Аполлона, причастной к трем стихиям — воздуху, воде и огню. Лебедь «в полной мере выражает идею Аполлона — всадника, связующего миры, является его символом. В священных местах Аполлона лебедь поет постоянно, то славя рождение бога на Делосе, то предвещая его появление, то распевая в стране гиперборейцев гимны во время священнодействий» (Селиванова, 1998). Именно в стране гиперборейцев (за Уралом) и водились лебеди-кликуны. Украшение ими пазырыкской колесницы — глубоко символично. Прерогатива бытьпряженными в колесницу Аполлона принадлежит лебедям. Довольно поздно, в самом конце античности, колесницу влекут уже грифы (Селиванова, 1998). Если бы подобным образом украшенная колесница была обнаружена в Греции, она, несомненно, была бы названа колесницей Аполлона.

Фрагмент ковра (ГЭ № 1687-1) (рис. 4.7). Размеры: 110×80 см. Фрагмент сделан из цветного войлока в технике аппликации.

На ковре представлено изображение алтайского сфинкса — с лицом усатого человека, обладающего рогами оленя и телом льва. Изображение припнуто к основе из белого войлока кручеными сухожильными нитями простым обметочным швом. Расстояние между стежками 2,5–3 мм. Фантастическое существо стоит на мощных звериных лапах. Передние лапы, точнее трехпалые руки, подняты вверх. У сфинкса человеческое лицо «кирпичного» цвета с крупным «орлиным» носом. Крылья сфинкса окантованы крученой шерстяной нитью. Глаза — миндалевидной формы с темно-коричневым круглым зрачком. Глаз изнутри прошит обметочным швом мелкими параллельными стежками, расположенными прямо к кромке. Широкие дуговидные

Рис. 4.6. Войлочная фигурка лебедя.
Пятый Пазырыкский курган.
Эрмитаж, № 1687-259-263

брови в два ряда прошиты толстой крученой темно-коричневой шерстяной нитью. В такой же манере выполнены лихо закрученные усы, прошитые толстой крученой темно-коричневой нитью в четыре ряда. На голову сфинкса надет головной убор синего цвета, завязанный спереди тугим узлом, который в продольном направлении подчеркнут тройным рядом крученого шерстяного шнура бежевого цвета, перехваченного местами поперек сухожильной нитью. Вдоль затылка ниспадают волосы светло-коричневого цвета, собранные в жгут с загнутым кверху концом, перевитые по диагонали толстой крученой бежевой шерстяной нитью. Длинное, листовидной формы звериное ухо с завитком в основании торчит кверху. Ушная раковина оконтурена зигзагообразной линией из толстой коричневой шерстяной нити. Голову сфинкса увенчивают большие ветвистые, стилизованные рога оленя из красного войлока, пришитые к основе мелкими поперечными стежками, сухожильными нитями. За спиной существа поднимается роскошное многослойное крыло из разноцветных перьев с загнутыми концами. Одно перо от другого отделяет шерстяной шнур. Маховые перья оконтурены крученой шерстяной нитью. Между задних лап сфинкса просунут хвост, оформленный подобно стилизованному оленьему рогу. Изящное, S-образно изогнутое тело сфинкса в «одежде» синего цвета украшено красновато-коричневыми кружками, нашитыми поверх синей основы сухожильными нитями, мелкими поперечными параллельными стежками. Внутри каждого кружка стебельчатым швом кручеными шерстяными нитями вышиты четырехлепестковые розетки.

Рис. 4.7. Фрагмент ковра
с изображением сфинкса.
Пятый Пазырыкский курган.
Эрмитаж, № 1687-1

Образ человека-зверя издавна существовал в переднеазиатском искусстве, и, по мнению С. И. Руденко, именно оттуда этот мотив был перенесен на Алтай [Руденко, 1968, с. 68]. Однако следует отметить, что образ человека-зверя в алтайском искусстве очень далек от переднеазиатских аналогий. В самом же древнесибирском искусстве подобный образ существовал по крайней мере с III тыс. до н.э. Действительно, на петроглифах в верховьях Лены (Шиникино, Тальма, Киригга) и на петроглифах Енисея нередко можно встретить изображения человека-зверя [Дэвлет, 1999, с. 203].

В 1985 г. на территории Восточного Алтая, у села Каракол, В. Д. Кубарев раскопал серию курганов с каменными «ящиками» [Кубарев, 1988, с. 96–97]. На каменных стенах этих гробниц он обнаружил крупные рисунки (30–40 см), выполненные черной и красной красками. Среди этих рисунков также были обнаружены изображения человека-зверя (вторая половина III тыс. до н.э.). На головах некоторых существ древний художник изобразил бычьи рога. Трехпалые руки, облегающая одежда, покрытая точками (символизирующими пятнистую шкуру), длинный хвост — во всем их облике вполне можно усмотреть аналогию с алтайским сфинксом. Известно, что трехпалость — черта, нашедшая отражение как в изображении, так и в мифологическом творчестве многих древних народов, которая связана с шаманистическими представлениями [Кубарев, 1988, с. 116–117; Курочкин, 1988, с. 78]. Шаманский головной убор часто украшали оленьими рогами или же их имитацией. Например, рогами оленя украшали шапку эвенкийские и тувинские шаманы. Шаманский кафтан был украшен крыльями на спине и хвостом, а на обувь нашивали когти медведя или барса [Потапов, 1991, с. 209–217; Кенин-Лонсан, 1987, с. 43–53]. Таким образом, вполне возможно, что на данном фрагменте изображен алтайский шаман.

Но наиболее близкое пазырыкскому изображение человека-зверя есть на гобеленовых полосах, украшающих женские юбки из могильника Шампула [Bunker, 2001, p. 20, fig. 8]. В качестве аналогии последним приводятся серебряные бляхи из могильника Иссык, курган 3, на которых изображен все тот же рогатый и крылатый, похожий на пазырыкского, человек-зверь [Bunker, 1995, p. 71]. Этот образ, имеющий устоявшуюся иконографию, относится, вероятно, к отрицательным персонажам мифологии саков, поскольку в сценах, вытканых на гобелене, этот монстр преследуется

всадником, стреляющим в него из лука, а на пазырыкском ковре, судя по реконструкции, он борется с птицей-фениксом, олицетворяющей в китайской мифологии счастье, спокойствие и имеющей свойство отворачивать злых духов.

Войлок, из которого сделан ковер, состоит из волокон пуха и переходного волоса. Тонина волокон в основном 18–36 мкм. Следует отметить, что волокна войлока розово-красного цвета имеют тонину 12–42 мкм, а волокна зеленого цвета — тонину 6–36 мкм. Примерно 5% из них составляют волокна грубой ости толщиной 90 мкм.

Фрагмент ковра с изображением феникса (ГЭ № 1687-95) (рис. 4.9). Найден в пятом Пазырыкском кургане. Размеры: 90х50 см. Ковер выполнен в технике аппликации из цветного войлока.

Изображение пришито к основе кручеными сухожильными нитями. Фантастическая птица представлена с головой, увенчанной парой стилизованных рогов, имеющей большой изогнутый клюв. Голова посажена на длинную стройную шею, которая переходит в продолговатое тело, покрытое оперением, оформленным в виде «сетки» или чешуи рыбы. Этот узор проработан тамбурным швом. Иногда вместо шва проложен шнур из крученой шерстяной нити, прихваченный сверху мелкими стежками сухожильной нитью. Небольшое многоцветное крыло птицы приподнято вверх. Маховые перья крыла отделены друг от друга крученой шерстяной нитью. Перья украшены цветными кружками, в центре которых вышиты тамбурным швом «кольца». Завершается крыло черным, острым стреловидным концом. Перья хвоста трактованы орнаментально: два из них в виде стилизованного рога животного, одно (центральное) — заканчивается бутонотом лотоса и цветком с опущенной вниз «головкой» с раздвоенными лепестками.

Тело птицы опирается на сильные когтистые лапы со шпорами. Птица, изображенная на ковре, не имеет прямых аналогий в самом пазырыкском искусстве, богатом самыми разнообразными фантастическими существами. По мнению М. П. Грязнова, это феникс, птица счастья в китайской мифологии. Аналогичные изображения птиц есть на шелковых китайских тканях из могильника Чанша, относящегося к периоду Чжаньго [Грязнов, 1956, с. 40–42].

Несомненно, на культуру пазырыкцев оказало влияние древнекитайское искусство. Связи кочевников Алтая с Древним Китаем документированы находками в алтайских курганах китайских тканей, зеркал и лаковых изделий [Руденко, 1952, с. 82–87].

Снизу к фрагменту ковра пришит бордюр, выполненный в технике мозаики или инкрустации. Орнамент бордюра составлен из двух рогообразных узоров коричневого цвета, между которыми помещен красный трилистник с округлыми концами. Между этими узорами вставлен фигурный войлок светло-бежевого цвета. Кусочки войлока сшиты между собой сухожильными нитями мелкими поперечными стежками. Позднее подобный рогообразный мотив встречается в искусстве тюркских народов, в частности среди казахов и киргизов [Муканов, 1959, с. 97; Бернштам, 1948, табл. XV]. Орнаментальный бордюр обрамлен узкой полоской, составленной из небольших цветных войлочных квадратов, пришитых к основе кручеными сухожильными нитями.

Рис. 4.8. Фрагменты ковра
с изображением сфинкса (а, б).
Пятый Пазырыкский курган.
Эрмитаж, № 1687-2, 3

С.И. Руденко установил, что фрагмент с изображением сфинкса и фрагмент с фениксом являются частью одного ковра и что оба фантастических существа борются друг с другом. Точнее, здесь представлена сцена единоборства, где фантастические существа показаны в равной схватке. Возможно, борьба символизирует противостояние добра и зла, света и тьмы, жизни и смерти. Графически реконструировать эту композицию удалось М.П. Грязнову [Грязнов, 1956, с. 40–42]. Реконструкцию выполнил художник Е.С. Матвеев.

Войлок, из которого был изготовлен ковер, сделан из пуха овец и переходного волоса. Основная масса волокон имеет тонины 18–36 мкм. Войлок имеет разный цвет и чуть-чуть отличается по составу. Так, розово-красный войлок, наряду с пухом и переходным волосом, содержит примерно 5% волокон грубой ости, их тонина 84 и 96 мкм. Примерно 60% войлока зеленого цвета составляют волокна пуха и переходного волоса тониной 12–30 мкм, а 40% — остевые волокна тониной 54, 72 и 84 мкм. Темный войлок состоит из коричневых и темно-коричневых волокон штрихового строения. Окрас волокон естественный. Тонина коричневых волокон 12–30 мкм, а темно-коричневых — 36, 60, 72 мкм. Степень деградации волокон высокая.

Рассмотренные ковры сохранили яркие, сочные краски, среди которых преобладают красные и синие тона. Войлоки красного цвета окрашены мареной, бордового — красителем, выделенным из карминоносных червецов. Войлоки синего цвета окрашены индиго, а при их окраске в светло- и темно-бежевые цвета использованы красители, относящиеся к классу флавоноидов. В качестве протравы использовались соли железа и меди.

Итак, в изготовлении войлоков пазырыкцы достигли большого совершенства. Они, пожалуй, как никто, умели выделывать тончайшие войлоки, толщиной всего в 1 мм, отличающиеся мягкостью и удивительной прочностью. Постигание столь высокого мастерства в выделке войлоков достигалось в течение многих лет, и этот драгоценный опыт передавался из поколения в поколение. Позднее мастерство валяния войлоков, известное пазырыкцам, было утрачено, а этот опыт забыт современными степными кочевниками [Студенецкая, 1979, с. 105].

Древние алтайцы изготавливали гладкие однотонные войлоки и полихромные орнаментированные. В декоративном оформлении войлоков важнейшую роль играла аппликация. Аппликационные узоры вырезали из цветного войлока, кожи. Часть войлоков представляла собой силуэтные композиции с изображениями животных, оформленные в «зверином» стиле. Их пришивали к войлочной основе шерстяными или сухожильными нитями. Для того чтобы в плоских изображениях передать объем и рельеф тела, древние мастера применяли определенный стилистический прием, хорошо известный в древнеалтайском искусстве: исполь-

зование традиционных значков в виде «запятой», «точки», «подковки» в передаче мускулатуры. Эти стилистические детали выделяли цветом, обшивали тамбурным или стебельчатым швом, и именно этим придавали полихромным изображениям яркую декоративность. Обычно войлочные аппликации обводили по контуру крученой шерстяной нитью или шнуром, маскируя этим приемом линию стыков. Что касается кожаных аппликаций по войлоку, то линии стыков не маскировали шерстяным шнуром, но само изображение покрывали золотом, оловом и ярко расцвечивали минеральными красками.

Другая часть войлоков, также выполненная в технике аппликации, украшалась растительным узором. Отдельные элементы цветков, такие как «глазки», «капельки», вышивали швом типа тамбурного, а все детали орнамента оконтуривали кручеными шерстяными нитями, придававшими орнаменту рельефность и большую выразительность. Техника аппликации позднее была «на вооружении» у киргизов, казахов, алтайцев, башкир, карачаевцев, балкарцев, ногайцев [Студенецкая 1979, с. 110].

Другой способ украшения войлоков, существовавший у древнеалтайцев, — это мозаичная техника, или, как ее иначе называют, инкрустация. Эта техника более сложна в исполнении, чем аппликация. В вырезанный узор, особенно если это спиралевидные или криволинейные фигуры, вшивали узкие пластиночки цветного войлока двух или трех тонов. Линии швов, состоящие из мелких поперечных стежков, расположены перпендикулярно к краям орнамента и параллельно друг другу и воспринимаются как декоративное шитье. Следует отметить, что изделия, выполненные в мозаичной технике, не найдены в первых двух Пазырыкских курганах. Больше всего войлочных изделий, сделанных в мозаичной технике, обнаружено во втором Башадарском кургане и кургане 1 могильника Ак-Алаха-1. Позднее этой техникой в полной мере овладели киргизы, казахи, кумыки, чеченцы, ингуши, аварцы [Антипина, 1962 с. 33; Студенецкая, 1979, с. 112].

Еще одним способом украшения войлоков было простегивание. Правда, эта техника, вероятно, была не очень распространена у пазырыкцев, т. к. только во втором Башадарском кургане была найдена пара войлочных фрагментов, выполненных в этой технике. Простежка сделана шерстяной нитью, «точечными» стежками. С техникой простегивания войлоков хорошо были знакомы сюнну, судя по находкам в курганах Ноин-Улы [Руденко, 1962 с. 56]. Этой техникой владели и киргизы, монголы, тувинцы [Антипина, 1962, с. 36; Вайнштейн, 1991, с. 255].

Древнеалтайские войлоки дают возможность почувствовать красоту, искусство и культуру древних кочевников, давно исчезнувших с лица земли. Однако их умение не пропало бесследно. Оно породило традиции, которые и сегодня живы у многих народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа.

Рис. 4.9. Фрагмент войлочного ковра с изображением феникса. Пятый Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1687-95

Ворсовое ковроткачество

Ковер (ковер ворсовый (ГЭ № 1687-93) (рис. 4.10). Найден в пятом Пазырыкском кургане. Размеры: 200х185 см. Первое описание ковра и его художественный анализ выполнил С. И. Руденко [Руденко, 1953, с. 351–356]. Позднее к этой теме он обращался неоднократно [Руденко, 1968, с. 48–49].

Ковер имеет почти квадратную форму, его художественное оформление отличается богатством и разнообразием мотивов. Центральную часть ковра занимает орнамент из 24 крестообразных фигур. Четыре из них расположены в поперечном направлении, а шесть — в продольном. Каждая из этих фигур заключена в квадратную рамочку и представляет собой композицию из четырех схематизированных бутонов лотоса с двумя чашелистиками, соединенными в центре квадратом с «точкой». Рассмотренный узор расположен на красном фоне, благодаря которому нарядно смотрятся желтые цветы с синими чашелистиками.

Всю центральную композицию обрамляет бордюр, состоящий из отдельных фигурок грифона с повернутой назад головой, поднятыми вверх крыльями и хвостом. Такие изображения широко представлены в искусстве Древнего Ирана периода I тыс. до н.э. [Chirshman, 1963, vol. 5].

В середине I тыс. до н.э. на Алтае образ грифона становится очень популярным и приобретает местные черты, такие как хохолок на голове и гребни на шее разного «фасона» [Баркова, 1987, с. 27–28]. Бедро грифона трактовано полуподковкой, что типично для искусства ахеменидского Ирана, Среднеазиатского Междуречья [Зеймаль, 1979, с. 39, 44, 64] и для пазырыкцев.

М. П. Грязнов и С. И. Руденко полагали, что т. н. «инкрустационный» стиль появился в иранском искусстве под влиянием кочевников, в том числе алтайских [Руденко, 1961, с. 54–55]. Именно у кочевников существовала древняя местная традиция изготовления всевозможных аппликаций. М. И. Артамонов, напротив, считал, что существующий в искусстве кочевников Алтая декоративный прием вряд ли можно отнести к технике аппликации. По его мнению, этот стиль скорее всего появился в Иране в результате взаимодействия ювелирного и ткацкого производств [Артамонов, 1973, с. 233].

На следующем бордюре вытканы 24 фигуры (по 6 изображений с каждой стороны ковра), идущих друг за другом оленей или ланей. У животных опущена голова, отягощенная большими широколопастными рогами, скорее напоминающими лосиные, нежели оленины рога. По мнению С. И. Руденко, на ковре изображены переднеазиатские лани, или т. н. чубарые олени, отличительной чертой которых является пятнистая шкура и широколопастные рога [Руденко, 1968, с. 42]. Изображение шествия животных встречается в искусстве Древнего Алтая довольно часто [Баркова, 1984, с. 11]. Но особенно этот мотив был популярен в искусстве ахеменидского Ирана, откуда он, по-видимому, и перешел на Алтай.

Далее проходит бордюр, состоящий из таких же крестообразных фигур в виде схематизированных бутонов лотоса, как и в центральной части ковра.

Наконец, на самом широком бордюре вытканы 28 верховых и спешившихся всадников, по 7 фигур с каждой стороны ковра. У коней изображены круто изогнутые шеи, их головы украшены султанами, а хвосты завязаны бантами. На спины лошадей вместо седел положены узорчатые коврик. Интересно отметить, что в странах Древнего Востока и античной Греции в этот период седел не было, в отличие от свазийских кочевников, у которых они, вероятно, и появились впервые.

Убранство коней, внешний облик всадников, их одежда, головной убор с верхней частью, отогнутой назад, напоминают изображения персонажей в мидийском костюме на золотых votивных пластинках из Аму-Дарьинского клада [Зеймаль, 1979, с. 51–52].

Самый последний бордюр украшен такими же фигурками грифонов, как и те, что обрамляют центральную часть ковра.

При рассмотрении композиции ковра в целом бросается в глаза противопоставление направления движения животных: олени двигаются влево, а кони — вправо. Таким образом, все построение уравновешено и подчинено четкому ритму.

У ковра ручной работы никогда не бывает совершенно ровной вязки узлов. Хотя турецкий узел образует плотную и прочную ткань, он может вытягиваться по горизонтали, что нередко приводит к деформации рисунка, имеющегося и на данном ковре.

В крайнем бордюре, где изображены отдельные фигурки грифонов, такой сбой был замаскирован мастерицей с помощью двух розеток. В следующем бордюре, где изображены кони, также образовался пробел, который был заполнен

двумя розетками. Наконец, в третьем бордюре, состоящем из схематизированных бутонов лотоса, пробел был заполнен геометризированной вставкой с двумя треугольниками.

Все это, по мнению С. И. Руденко, свидетельствует о том, что мастерица работала не по трафарету [Руденко, 1961, с. 25]. Известно, что среднеазиатские мастерицы того времени запоминали рисунки и умели их воспроизводить по памяти [Дудин, 1928, с. 87]. Весь узор ковра достаточно многообразен и сложен. Трудно представить себе, чтобы его можно было вы ткать, не имея перед собой образца или хотя бы «эскиза». Вероятно, именно так и был вы ткан данный ворсовый ковер.

Определение материала, из которого сделан ковер, и технологической характеристики волокна первоначально было сделано научным сотрудником, химиком Эрмитажа В. Н. Кононовым. Его определения вошли в книгу С. И. Руденко [Руденко, 1968, с. 48–49]. Позднее более современными методами эта работа была повторена Е. А. Миколайчук.

По ее данным, ковер изготовлен из шерсти, точнее из пуха овцы. Нити основы содержат волокна пуха, переходного волоса, тонкой ости и небольшое количество «мертвого волоса». Тонина нитей от 25 до 55 мкм. Нити основы различаются по цвету: серо-желтые и темно-коричневые. Те и другие скручены вдвое плотной S-круткой — 15 круток на 1 см длины.

Нити утка мягкие, тонкие, темно-желтого цвета, состоят из двух или трех слабо скрученных Z-круткой нитей из волокна пуха с небольшим содержанием переходного волоса. Тонина волокна уточной пряжи 12–30 мкм.

Нити ворса красного, желтого, бежевого, голубого цветов имеют одинаковые технологические показатели. Ворсовая пряжа содержит волокна пуха, тонкой ости и переходного волоса. Тонина волокон нити 12–55 мкм. Нити скручены Z-круткой.

Нити основы и утка, расположенные перпендикулярно друг другу, пересекаются между собой в полотняном переплетении [Миколайчук, 1999, с. 13–17].

Число нитей основы 120 на 1 дм. Узлы располагаются горизонтальными рядами. Закончив привязку узлов первого ряда, ткачиха приступает к привязке узлов следующего ряда. После каждого ряда узлового утка пробрасывался прокидочный уток по 3–4 нити. После того как было вы ткано определенное количество рядов, нити были равномерно подстрижены сверху по всей площади. Высота ворса не превысила 2 мм. Как древним мастерицам удалось сделать столь виртуозно эту операцию, приходится лишь догадываться. При проведении рукой по поверхности ковра ощущаешь не только его ровность, но и бархатистость ворса, все это — свидетельства его высокого качества. При взгляде на ковер замечаешь еще одно его достоинство — вся поверхность слегка блестит, вернее, отливает мягким светом. Возможно, это свойство связано с обработкой шерсти, а может быть, с окраской.

Ковер выполнен двойным симметричным «турецким» узлом. Число узлов 3600 на 1 кв. дм. Таким образом, ковер отличаются очень высокая плотность, ровность нитей основы и утка, равномерность вязки ворсовых нитей — все это

свидетельства высокого качества ковра. По подсчетам С. И. Руденко, во всем ковре навязано 1 млн 250 тыс. узлов. Так как опытная среднеазиатская мастерица может в течение дня завязать 2000–3000 узлов, то, по нашим подсчетам, для изготовления такого ковра, как пазырыкский, опытной мастерице пришлось бы работать около полутора лет [Руденко, 1968, с. 26].

Цветовое решение ковра отличается сочностью красок, при этом доминирует красный цвет. В значительной степени использованы голубой, голубовато-зеленый и интенсивно-синий тона. Присутствуют также желтый и беловато-кремовые оттенки. Конечно, когда-то яркие тона ковра неизбежно поблекли, но и сейчас его цветовая гамма радует глаз богатством колорита.

Согласно В. Н. Кононову, для окрашивания шерсти в синий цвет был использован краситель индиго, а в красный — пурпурин и ализарин [Руденко, 1953, с. 247]. Дальнейшие исследования красителей были проведены Л. С. Гавриленко. Ею были взяты пробы с наружной полосы бордюра, исследовались нити ворса и основы [Баркова, Гавриленко, 1999, с. 10–12].

Нити ворса. Нити ворса имеют красный цвет холодного и теплого оттенков. Окрашены красителем, выделенным из карминоносных червецов, относящихся, скорее всего, к армянской кошенили (*Porphyrophora hamelii* Brandt). Помимо названного известны еще два вида армянской кошенили — *Porphyrophora tritici* и *Porphyrophora monticola*. Кроме того, древние мастера могли использовать польскую кошениль *Porphyrophora polonica* L. Для окончательного вывода о типе красителя и виде используемых в древности червецов необходимо оценить процентное содержание кермесовой кислоты в красителе, т. к. от ее количества зависит определение вида червеца.

Надежные результаты оценки процентного содержания кермесовой кислоты дает современный метод жидкостной хроматографии, воспользоваться которым, к сожалению, у нас не было возможности. Поэтому мы вынуждены временно воспользоваться результатами, полученными А. С. Whiting. По его данным, в карминоносном красителе ворсовой нити пазырыкского ковра содержалось 10% кермесовой кислоты, что дает основание определить этот краситель как польскую кошениль [Whiting, 1985, p. 18–22].

Для определения протравы применен лазерный микрозондовый спектральный анализ. Определения проведены в лаборатории Эрмитажа М. Б. Дмитриевской. В обугленном волокне были обнаружены кальций, алюминий, кремний, медь, железо, магний. Преобладание алюминия и меди говорит о том, что в качестве протравы использовали квасцы. Наличие меди — не обязательное свидетельство того, что она входила в протраву. Высокое содержание меди может быть связано с тем, что крашение производилось в медной посуде.

Нити голубого и синего цветов. В начале нити были обработаны красителем, выделенным из карминоносных червецов, а затем индиго. Такое сочетание красителей придает ворсу пурпурный оттенок.

Анализ, проведенный методом тонкослойной хроматографии, показал, что синий краситель соответствует вайде.

Однако указать красильный источник не представляется возможным, т. к. существует большое разнообразие индигоидных растений (более 250 видов). Сведения об их химическом составе недостаточны.

Археологические данные указывают на глубокую древность культуры индиго и широкое использование человеком индигоидных растений в качестве красителей. Правда, большая часть этих растений произрастает в тропическом поясе, но вайда встречается практически на территории всей Европы, в Малой Азии, на Кавказе и на Алатау [Hofen de Graaff, 1974, p. 54–55].

Нити коричнево-желтого цвета. В них присутствуют фенольные соединения. Желтые красители — флавоноиды, судя по положительным цветным реакциям на нитях ворса, которые полностью не разрушились. Хроматографический анализ показал, что на нитях ворса остались неразрушенными фенольные соединения — вероятно, фенолкарбоновые кислоты. Их, к сожалению, не удалось идентифицировать, т. к. источником фенольных соединений могли быть продукты старения флавоноидов и дубильных веществ, а также сами дубильные вещества. Не исключено присутствие красителя, выделенного из дубильного растения, который мог применяться как самостоятельный краситель или как вспомогательное средство при крашении.

Напомним, что нити основы были светлого и темно-коричневого цветов, могли быть естественного цвета или окрашенными каким-либо дубильным красителем.

Итак, заметим, что качество пазырыкского ковра, его художественное оформление, техника его изготовления — все это свидетельствует о том, что 2500 лет тому назад ковроделение достигло высокого уровня развития. Этому не приходится удивляться, ибо на сегодняшний день имеются данные, указывающие на то, что ковроделение существовало даже в эпоху бронзы. Бронзовые лезвия ковровых ножей, предназначенные для перерезания ворсовых нитей, были найдены в 1972–1976 гг. и в 1990 г. при раскопках Сумбарского могильника XIV в. до н. э., находящегося в Юго-Западном Туркменистане [Хлопкин, 1992, с. 59–61].

Пазырыкцам была известна техника петельчатого переплетения. Эту технику ткачества впервые стали применять египтяне [Каковкин, 1978, с. 5]. Для этого нити утка вытягивались на лицевую сторону петлями небольшой длины (2–4 см), и в результате этого ткань приобретала ворсистость. Часто петли разрезались наверху, и тогда поверхность ткани становилась мохнатой. Мохнатые ткани, имеющие длинный ворс, были обнаружены во втором Башадарском, во втором и третьем Пазырыкских курганах.

Фрагмент петлевой уточной ткани с неразрезанными петлями из второго Пазырыкского кургана (**ГЭ № 1684-3**) (**рис. 4.11**) имеет прямоугольную форму. Центральная часть полотнища выполнена из коричневой мохнатой ткани шириною 40 см. К ней в продольном и поперечном направлениях пришиты крученой сухожильной нитью, простым соединительным швом «через край», бордюры из более светлой ткани шириною 20 см. По сути дела, из этого материала получился ковер. Середина ковра коричневого цвета и его бордюр, в настоящее время бежевого цвета, были окрашены красным красителем.

Рис. 4.10. Фрагмент большого
ворсового шерстяного ковра.
V—IV вв. до н. э. Пятый
Пазырыкский курган.
Эрмитаж, № 1687-93

По наружному краю ковра и по соединительному шву нашит кантик из войлока, окрашенного в синий цвет, шириной 0,8 см, который в настоящее время приобрел оливковый цвет.

Необычайно интересен фрагмент другого ковра из второго Башадарского кургана (ГЭ № 1793-856). Его размеры 8х8 см. Это маленький фрагмент шерстяного ворсового ковра бежевого цвета, в котором сохранились вкрапления красных и синих нитей. Сам ковер выполнен в другой технике: здесь мастерица использовала полуторный асимметричный узел, т. н. *персидский*. Он отличался совершенной техникой и более высокой плотностью: на 1 кв. дм приходится 7000 узлов, то есть в 2 раза больше, чем на ворсовом пазырыкском ковре [Руденко, 1961, с. 29].

По определению Е. А. Миколайчук, нити основы пазырыкского ковра состоят из волокон пуха, переходного волоса, окрашенных в темно-коричневый и темно-желтый цвета. Тонина слабо скрученных S-круткой волокон 18–48 мкм. Волокна сильно деградированы.

Нити утка темно-желтого цвета, слабо скручены Z-круткой. Тонина нити 0,25 мм, а волокна — 18–42 мкм. Ворсовая пряжа содержит пух, переходный волос. Нити скручены слабой S-круткой. Волокна шерсти без канала толщиной 18–38 мкм. Общая толщина нитей 0,5 мм.

Исследование красителей было проделано Л. С. Гавриленко. По ее определению, ворс коричневого цвета окрашен дубильным растением. Краситель протравный. Для окраски ворса синего цвета был использован кубовый краситель индиго (были найдены следы этого красителя). Источником является индиговидное растение (*Indigofera*). Ворс красного цвета — растительный антрахиноновый краситель — ализарин. Источником могли быть разные виды марены (*Rubia*) или подмаренников (*Galium*). Краситель протравный.

Относительно происхождения и места изготовления пазырыкского ковра среди ученых единого мнения нет.

С. И. Руденко, проанализировав стилистическое оформление всего ковра и трех его бордюров (с изображением грифона, лани и коней), пришел к выводу, что ковер был сделан персидскими или мидийскими мастерами [Руденко, 1961, с. 28]. В Иране пазырыкский ковер считается самым древним сохранившимся образцом местного ковроткачества.

М. П. Грязнов полагал, что данный ковер среднеазиатской работы. Он аргументировал это тем, что контакты древних алтайцев с Ираном и Ближним Востоком шли именно через Среднюю Азию. Как мне представляется, в Южной Туркмении не случайно были найдены ковровые пожи, относящиеся к эпохе бронзы (Сумбарский могильник). Может быть, именно эта территория была родиной ковроделия. Ведь здесь до сих пор изготавливают лучшие среднеазиатские ковры. Особенно славятся салорские, иомудские, текинские ковры, отличающиеся высочайшим качеством и высокой плотностью, которая на мелких изделиях достигала 5000 и более узлов на 1 кв. дм [Дудин, 1928, с. 117].

Наконец, существует еще одно мнение, высказанное американскими исследователями Harald Bouhmer и Jon Thompson, которые не исключают того, что сами номады могли скопировать пазырыкский ковер с персидского оригинала [Bouhmer, Thompson, 1991, p. 34].

Эти споры представляются мне не столь уж принципиальными. Понятно, что мастерство ковроделия сравнительно быстро могло распространиться из центра его возникновения на всю территорию обитания древних кочевников, происхождение которых, как и культура, тесно переплетено многообразными и длительными историческими связями.

Гораздо интересней, что техника ручного ковроделия, созданная, по-видимому, около трех тысячелетий тому назад, сразу оказалась настолько высокой, что в лучших образцах практически не изменилась до наших дней. Качество, прочность, сочные краски и сложные орнаменты радуют глаз современных людей так же, как и в прошлые века.

Рис. 4.11. Кусок петьчатой утюжной ткани с неразрезанными петлями. Второй Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1684-3

Рис. 4.12. Войлочные кольца-подставки под посуду (слева). Могильник Верх-Кальджин-2; деревянная кружка (справа). Курган 1, могильник Ак-Алаха-3. МА ИАЭТ СО РАН

Бытовые предметы

Предметы быта связаны в основном с подвижным образом жизни, поэтому древние алтайцы использовали небьющиеся материалы, такие как кожа, мех, войлок. Из них изготавливали легкие удобные вещи — всевозможные сумочки, мешочки, бутылочки. Все вещи, о которых идет речь в нашей работе, датируются одним и тем же временем, а именно VI–IV вв. до н.э.

Мешочек (ГЭ № 1684-106). Найден во втором Пазырыкском кургане. *Размеры:* 21,5х18 см. Мешочек имеет форму, близкую к овальной, он сшит кручеными шерстяными нитями из двух кусков рыхлого темно-коричневого войлока (толщиной 4–5 мм). Верхний край его оборван. В таких мешочках хранились, вероятно, лечебные травы [Руденко, 1948, с. 31].

Войлочные кольца (ГЭ № 1295-86, 88). Всего было найдено шесть войлочных колец. В первом Пазырыкском кургане были обнаружены три кольца, остальные — во втором Пазырыкском кургане (ГЭ № 1684-46, 48, 50, 52).

Все кольца выполнены из толстого темного войлока (толщиной 3–4 мм). Кольца свернуты в трубочку, имеющую круглое сечение диаметром около 2 см. Сверху кольца обшиты красным войлоком (толщиной 1,5 мм) и сшиты простым швом сухожильными нитями. Все кольца имеют стандартный диаметр — 14–14,5 см.

Одно кольцо (ГЭ № 1684-50) из темно-коричневого войлока было пришито в углу небольшого фрагмента войлочного коврика (длиной 32,5 см и шириной 20 см). Фрагмент коврика песочного цвета обшит по краям в продольном и поперечном направлениях кантом коричневого цвета (шириной 2,5 см). В одном месте коврик был разрезан, а в разрез вшита узкая пластинка из красного войлока. Шов замаскирован крученой шерстяной нитью.

На коврике вышит узор в виде кружков, выполненный стебельчатым швом шерстяными нитями коричневого

и бежевого цветов. Во время раскопок было обнаружено, что внутри кольца стоял глиняный плоскодонный сосуд. В остальных случаях в таких кольцах-подставках, как в гнезде, стояли деревянные сосуды со сферическим дном [Руденко, 1948, с. 24] (рис. 4.12).

Войлочная подушечка (ГЭ № 1687-75). Найдена в пятом Пазырыкском кургане. *Размеры:* длина 25 см, ширина 17 см.

Подушечка прямоугольной формы сшита из двух пластинок войлока. Лицевая сторона подушечки сшита из четырех кусочков войлока. Простые соединительные швы выполнены поперечными стежками, сухожильными нитями. Похоже, что этот войлок использовался вторично, а первоначально он являлся частью какого-то предмета.

Обратная сторона подушечки была сделана из цельного куска войлока. Обе войлочные половинки подушечки (каждая толщиной 3 мм) сшиты между собой сухожильными нитями простым стебельчатым швом. Подушечка набита оленьей шерстью. Швы проходят по двум продольным и одной поперечной стороне, отступая от края на 1 см. В центре каждой стороны прикреплено по узенькому кожаному ремешку. Вторая поперечная сторона грубо зашита через край. Подушечка простегана по центру в продольном направлении и этим как бы разделена на две равные части.

О назначении этой подушечки говорить сложно. Возможно, ее могли подкладывать под седло.

Рис. 4.13. Шелковый мешочек.
Эрмитаж, № 1685-24

Шелковый мешочек (ГЭ № 1685-24) (рис. 4.13).

Найден в третьем Пазырыкском кургане. *Размеры:* длина 20 см, ширина горловины 11 см, ширина основания 6 см. Мешочек имеет грушевидную форму, выполнен из гладкого шелка светло-бежевого цвета типа тафты. Нижний конец его имеет закругленную форму, в центре узкий перехват. Верхний конец оформлен в виде раструба. Мешочек был выкроен из двух лоскутков шелка, сшитых между собой простым соединительным швом пряженой ссученной нитью Z2S. Ткань была выткана простым полотняным переплетением. Плотность основы составила 63,33 нитей/см; плотность утка — 38,66 нитей/см [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 221]. Назначение мешочка неизвестно. Возможно, он предназначался для хранения амулета.

Предметы, связанные с верованиями

Ладанка (ГЭ № 1684-103). Найдена в первом Пазырыкском кургане. Сделана из двух кусков рыхлого темно-коричневого войлока. Она имеет форму разностороннего треугольника с одной стороной 15 см, другой — 11 см и третьей — 19 см. Вдоль этой длинной стороны проходит грубо выполненный шов «через край», зашитый толстой крученой шерстяной нитью желтого цвета. Две другие стороны заглажены и местами прихвачены коричневыми нитями, которые сливаются с основным фоном. Поэтому швы трудно разглядеть.

Внутри ладанки хранился небольшой пучок черных человеческих волос. Наличие этого предмета и ряда подобных, найденных в первом и втором Пазырыкских курганах, является свидетельством того, что у древних алтайцев, как и многих древних народов, существовала вера в то, что волосы были оберегом души. Поэтому срезанные или вычесанные волосы тщательно скрывали и сохраняли от чужих глаз. Люди верили, что если в руки какого-либо человека попадут вычесанные волосы, то через них можно навредить человеку и подвергнуться нападению злых духов [Фрэзер, 1980, с. 265–269].

В курганах Уландрыка при всех погребенных были найдены сумочки-ладанки из войлока, кожи с хранящимися в них обрезанными волосами [Кубарев, 1987, с. 128–129]. Ладанка, по-видимому, имела значение оберега, и ее, вероятно, носили на шее. В Ноинулинских курганах были найдены миниатюрные шелковые кошелечки, привязанные у верхних концов кос. В таких кошелечках находились срезанные ногти и волосы [Руденко, 1962, с. 89–90].

Предмет неизвестного назначения (ГЭ № 1685-12) (рис. 4.14). Третий Пазырыкский курган. Изделие из тонкого белого войлока. Толщина войлока 1,5 мм.

Найдено вместе с кафтаном в конском захоронении. С. И. Руденко полагал, что этот предмет служил капюшоном [Руденко, 1953, с. 108]. Вещь имеет форму круга, диаметр которого 104 см. Вся ее поверхность сделана не из цельного куска войлока, а из шести секторов разного размера.

Два наиболее крупных сектора составляют почти половину площади круга и сшиты между собой сухожильной нитью, простым соединительным швом. Швы декорированы крученым шерстяным шнуром. Один из них состоит из цельного куска войлока. От вершины сектора к краю круга в продольном направлении проходили 3 параллельных шва, от которых сохранились следы. Второй сектор — это цельный кусок войлока. В продольном направлении на нем имеются следы двух швов. Третий и четвертый сектора представляют собой длинную пластину, проходящую от одного края круга к другому. К центру круга пластина сужается до 7 см. Пятый сектор также состоит из цельного куска войлока, а шестой, в отличие от всех остальных, — из трех фрагментов. В целом сохранность этого предмета неудовлетворительна, имеются утраты войлока. Не сохранились подлинники края, поэтому говорить о его первоначальных размерах довольно сложно.

Предмет был дублирован реставраторами на тюль. Каково было его назначение? На этот вопрос ответить непросто. Предположение С. И. Руденко о том, что это был большой просторный капюшон, нам представляется малоубедительным. Вряд ли он использовался таким образом. Во-первых,

для капюшона он слишком велик. Во-вторых, на нем самом и на кафтане нет никаких следов крепления. По-видимому, назначение этого предмета было каким-то иным. Н. В. Полосьмак высказала предположение, что это круглое войлочное полотнище могло служить покрывалом на «шестиногу». Но для этих целей полотнище коротковато. Впрочем, мы не знаем его подлинных размеров.

Можно высказать еще одно предположение: возможно, этот войлок использовался в качестве покрытия зонтика. Известно, что зонтик в древности на Востоке служил «властным», «царским» символом, знаком высокого ранга и достоинства, и кроме того мог быть связан с определенным ритуалом. Изображения зонтиков встречаются в искусстве Шумера и Аккада, Ассирии и Вавилона, Малой Азии, Персии, Греции, Рима, Китая, Египта. Интересно, что два зонтика были найдены в гробнице Тутанхамона.

Одно из наиболее ранних изображений зонтика имеется на рельефе аккадского царя Саргона I, датированном примерно 2300 г. до н.э. [Акимова, Кифишин, 1994].

В Китае знать пользовалась зонтами во времена Чжань-го и в ханьское время. Несколько позднее хуннская аристократия, подражая китайской, также пользовалась зонтами. Представление об их конструкции можно составить, опираясь на находки в курганах могильника Ноин-Ула. Там были обнаружены бронзовые наконечники спиц зонта и верхний конец ручки с 24 вертикальными прорезами для деревянных спиц [Руденко, 1962, с. 48].

Рис. 4.14. Предмет неизвестного назначения из тонкого белого войлока (демонстрирует сотрудник ГЭ Л. Л. Баркова). Третий Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1685-12

Заключение

Откуда на Алтае столь изысканно и дорого окрашенный текстиль? Тканая одежда пазырыкцев едва ли может быть связана с Горным Алтаем как средой обитания. Горная тайга, суровые климатические условия и образ жизни таежных охотников и скотоводов заставляли их изготавливать одежду из более носких материалов (меха, кожи), такую, какая еще до сих пор (в силу своей практичности) сохранилась у алтайцев, тофаларов, эвенков и других обитателей тайги. В довоенные и послевоенные годы геодезисты, геологи и прочие изыскатели, которым приходилось работать в условиях горной тайги, отмечали, что нередко именно приходящая в полную негодность одежда (а это был, главным образом, текстиль: фуфайки, рубахи и штаны) вынуждала их прерывать исследования. Так, Г. Федосеев писал, что их «обувь буквально съедают камни, сырость, а одежду рвет чаща. Тут уж чуть прозевай, не зашей, не завяжи вовремя — и тайга вмиг разденет догола, не пожалсет» [Федосеев, 1990, с. 309].

В пазырыкской культуре Горного Алтая текстиль является, на наш взгляд, маркером иной среды обитания. Изучение шерстяных тканей Укока и «царских» курганов показало высокий уровень мастерства ткачей, соответствующий мировым достижениям рассматриваемой эпохи. Тщательно изученный состав сырья, из которого ткались пазырыкские шерстяные ткани, не стал диагностирующим. Исследования показали различия между сырьем, используемым для производства тканей и одежды из них для «царских» особ и тех, кто также был захоронен в курганах Укока. Так, шерстяные ткани из «царских» курганов были вытканы, как подчеркивал еще С. И. Руденко, только из пуха [Руденко, 1953, с. 245], тогда как в структуре укокских текстилей обнаружены грубая ость, переходный волос, а также шерсть верблюда. Такой же состав сырья, отличающийся наличием грубой ости и даже «мертвых» волос, выявлен и в известном ворсовом ковре из пятого Пазырыкского кургана [Там же; Миконлайчук, 1999, с. 14] (рис. 4.9). Изготовление этого ковра большинство исследователей справедливо, на наш взгляд, связывает либо с Ираном, либо со Средней Азией. Иначе говоря, более «грубый» состав шерсти укокских текстилей не является доказательством их местного (горно-алтайского) производства.

В пользу последнего тезиса свидетельствует и тот факт, что все шерстяные ткани, войлоки и ковер из пазырыкских курганов Алтая окрашены одинаковым, ставшим традиционным набором красителей, вне зависимости от качества исходного сырья и тканей. Это было установлено при физико-химическом анализе образцов, найденных в курганах Укока и Пазырыка. Кармин и кермес считались (и считаются сейчас) дорогими красящими веществами¹, а их повсеместное использование в текстиле пазырыкцев, независимо от ранга погребенного, вызывает удивление и вопрос: действительно ли краска из червецов в древности была столь редкой, что ее присутствие на ткани указывало на высокий социальный статус владельца изделия?

Являлись ли красящие вещества в древности объектами обмена и торговли? Безусловно, но далеко не все. Знаменитый пурпур не мог завозиться издалека, поскольку этой краской можно было окрашивать одежду, предметы обихода только на месте ее добычи из-за того, что она не хранилась долго. Предметом торговли могли быть высушенные червецы. Известно, например, что после открытия европейцами Америки из Мексики в Европу была завезена мексиканская кошениль, которая к XIX в. из-за того, что ее было значительно больше и она была более проста в употреблении, вытеснила производство красителей из армянской и польской кошенили [Яценко, Амбарцумян, 1999, с. 48]. Но червецы — это всего лишь полуфабрикат, которым надо уметь пользоваться. Технология крашения была не так проста, для ее осуществления нужны были не только знания, но и навыки, а также определенные бытовые и климатические условия. Письменные источники говорят о том, что в древности чаще завозили окрашенные шерсть, ткани, одежду², а не краску. Это происходило из-за невозможности повторить и соблюсти технологию получения из экзотического сырья красильных растворов, в которых окрашивали ткани (у пазырыкцев, как нами было установлено, ткани окрашивали отдельными кусками либо изделие целиком, как, например, плетеный шерстяной пояс). Вероятно, поэтому в традиционных культурах для крашения, как правило, использовали местные растительные и минеральные ресурсы, которыми так богат Алтай.

Существование шерстяного текстиля собственного производства у пазырыкцев в условиях Горного Алтая вполне реально: они содержали овец, а значит, имели достаточно сырья и не были кочевниками в полном смысле этого слова, т. е. имели возможность жить достаточно долгий период времени стационарно. Кроме того, в их материальной культуре, судя по находкам в погребениях, текстиль играл весьма существенную роль. Но могли ли они самостоятельно окрашивать свои изделия³?

Древние способы получения красильных растворов из корней марены и червецов ныне забыты (если же и имеются старинные рецепты, то воспользоваться ими почти невозможно из-за неясности и неоднозначности употребляемых терминов, а также потому, что в рецептуре часто не указаны количество необходимых компонентов, их соотношение между собой и т.п.). Современные способы, как правило, предполагают нагрев, кипячение или даже вываривание красильного сырья в эмалированной

1. Вот, например, что пишет А. К. Елкина, имеющая огромный опыт реставрации и изучения археологических тканей: «Древние ткани, окрашенные кармином, довольно редки. Столь драгоценные ткани обычно имели парадное назначение, и их особенно берегли... Шелка червчатого цвета использовались в самых значительных художественных памятниках ткачества и шитья» [1980, с. 111].

2. Например, в документах малайзийских купцов нач. II тыс. до н. э. указываются сотни килограммов белой и окрашенной ткани, красной шерсти [Янковская, 1968, с. 28]. В этот же период через переднеазиатские предгорья проходил один из наиболее важных караванных путей, ведущих из Элама и Вавилонии в Верхнюю Месопотамию либо на Иранское нагорье. Основным грузом караванов того времени были ткани (льняные, шерстяные, крашенные финикийским пурпуром или растительными, животными и минеральными красителями, которыми славилось Армянское нагорье) [Дьяконов, Янковская, Ардзинба, 1988, с. 74].

3. В древности и средневековье вплоть до этнографического времени наиболее импортируемой была краска индиго. Но даже у южнотуркменских оседло-земледельческих племен мурчали, использовавших эту краску для окрашивания собственного шелка, из-за трудности ее доставки и дороговизны существовали специалисты-красильщики (боягчылар), которые умели сохранять индиго долгое время в больших хумах. Имеются сведения, что они держали в отдельных комнатах десятки хумов с краской. Возникла родовая группа красильщиков, которая и по сей день носит название боягчылар [Овезов, 1959, с. 182]. Окрашивание импортными и дорогими красителями требовало определенной специализации, которая вряд ли была возможна при том образе жизни, который вели в Горном Алтае пазырыкцы.

4. Неорганические компоненты в составе археологического текстиля были определены и исследованы в Институте катализа им. Г.К. Борескова СО РАН под руководством д.х.н. В.В. Малахова (прилож. 3).

5. Коровья моча использовалась еще протоиранцами как средство очищения и защиты от злых сил. Ею тщательно мыли сосуды перед тем, как приступить к богослужению [Бойс, 1988, с. 13].

го индиго на волокнах ткани [Там же, с. 558–560]. Здесь нужно отметить одну существенную деталь — в процессе брожения индигоносных растений используется коровья моча. Она содержит значительное количество мочевины, которая под действием энзимов (уреазов) разлагается с последующим образованием углекислоты и аммиака. Этим обусловлено т.н. «аммиачное брожение» мочи [Там же, т. 1, с. 470–472]. При переработке индигоносных растений коровьей мочой «аммиачное брожение» способствует образованию щелочного раствора, что в конечном счете приводит к образованию синего индиго. Можно предположить, что древний способ извлечения красителей из марены и червецов так же, как из индигоносных растений, представлял собой «брожение» красильного сырья в коровьей (либо какого-то другого домашнего животного) моче с последующим образованием щелочных и аммиачных красильных растворов. Такой способ извлечения красителей не требовал дополнительного нагрева, а следовательно, и металлической посуды, он мог проходить при солнечном обогреве в закрытых емкостях, например, в специальных «бродильных» ямах (или глиняных чанах), обмазанных глиной для того, чтобы раствор не впитывался в почву. Таким устройством красильных ям можно было бы объяснить постоянное присутствие в составе неорганических компонентов пазырыкского текстиля алюмосиликатов (глины)⁴. Кроме того, они же обеспечивали протравное крашение — в качестве протравы выступали соли алюминия, которые позволяют сохранить цвет истинного красителя [Елкина, 1980, с. 98]. Если в коровью мочу поместить корни марены, в которых присутствуют энзимы, имеющие способность разлагать гликозид ализарина и пурпурина при развитом брожении на красящие вещества ализарин и пурпурин, то оказывается, что создаваемый аммиачным брожением мочи щелочной раствор — благоприятная среда, в которой ализарин и пурпурин легко растворяются, давая интенсивно окрашенные красно-фиолетовые красильные растворы. На красильное сырье животного происхождения — червецов — «аммиачное брожение» мочи действует, вероятно, так же. Современный рецепт извлечения красителей из червецов советует мелко растертые карминоносные червецы размешать с аммиаком, смесь настаивать в закрытом сосуде в течение одного месяца. При этом образуется фиолетово-красный раствор аммиачных карминоносных червецов, в котором можно производить окрашивание [Добрынин, 1979, с. 57].

Итак, красильное сырье размельчали, засыпали в емкости, заливали мочой⁵ животных, закрывали от света и оставляли для брожения на длительное время. В бродительной яме должно было быть всегда тепло, это одно из главных требований для того, чтобы шел процесс брожения. Поэтому речь может идти только о местах с теплым климатом, хотя бы в течение определенного сезона, где ночная температура понижается незначительно. В результате «аммиачного брожения» создается мягкая щелочная среда, в которой растворяются не только красители, но и глина. В «бродительной» яме одновременно готовили красильный раствор и алюминиевую протраву. Не стоит, однако, думать, что приготовить красильные растворы этим

посуде [Елкина, 1980, с. 99]. Особые требования к посуде определяются тем, что ализарин, пурпурин, карминовая и кермесовая кислоты являются протравными красителями. Для прочной фиксации этих красителей волокном требуется добавка т.н. *протрав* — веществ, которые прочно связываются одновременно и с красителем, и с волокном. Протравами, чаще всего, служат соли и гидраты оксидов тяжелых металлов. Осаждающиеся на волокне окрашенные нерастворимые соединения носят название *лака* [Чичибабин, 1958, т. 2, с. 375]. Цвет лака определяется как типом красителя, так и типом протравного металла. Например, ализарин с оксидом алюминия и оксидом олова дает пунцово-красные лаки, с оксидом хрома — фиолетово-коричневые, а с оксидом железа — фиолетово-черные [Там же, с. 479–480]. Очевидно, что красные краски, присутствующие на пазырыкском текстиле, не могли быть получены при крашении в медных и бронзовых скифских котлах, а извлечение красителей вряд ли было связано с кипячением или вывариванием красильного сырья. Скорее всего, древние красильщики успешно использовали другой, т.н. холодный, способ извлечения красителей — брожение красильного сырья.

Известно, что этот способ применялся в Древней Индии для извлечения краски индиго из растений рода *Indigofera*. В растениях-индигоносах содержится индикан — гликозид, распадающийся под действием энзимов на глюкозу и индоксил. В щелочном растворе (вследствие образования аммиака из коровьей мочи, применявшейся при переработке растений) индоксил окисляется воздухом в индиготин или синее индиго. Синее индиго нерастворимо в воде и поэтому не способно окрашивать ткани. Осторожное восстановление синего индиго щелочными растворами глюкозы (глюкоза образуется при разложении индикана) приводит к образованию растворимого в щелочах белого индиго, получившего название «куба». В такой «куб» опускают ткань, пропитывают ее раствором и затем, «завесив», оставляют на воздухе для «вызревания», при этом происходит образование синее-

способом было просто. Эта работа требовала длительного времени (более месяца) и больших практических знаний. Например, древние красильщики знали, что красильные растворы нужно оберегать от продолжительного действия света и поэтому держали емкости закрытыми.

Анализ способа получения красильных растворов говорит о том, что в Горном Алтае было невозможно создать необходимые условия для брожения. На Алтае бывает очень жарко, но ночная температура в горах всегда довольно низкая, даже в разгар лета. Например, средняя годовая температура в Юго-Восточном Алтае 6,7 °С, безморозный период длится всего 68 дней, в Центральном Алтае средняя годовая температура 1,5 °С, а в июле — 14 °С, в Усть-Улагане — 4,2 °С, а в июле — в среднем 13,6 °С [Кривоносов, Ревякин, 1971, с. 88–93]. По этим показателям видно, что для процесса брожения и ферментации естественного тепла явно не хватает, а искусственное тепло, т. е. подогрев, исключен из-за того, что любая металлическая посуда отрицательно сказалась бы на цвете изделий. Но этого не произошло: пазырыкские текстили были окрашены в красные цвета. Уже неоднократно высказывалось обоснованное мнение о том, что пазырыкскую культуру Горного Алтая (одну из наиболее ярких, но не единственную, существовавшую в период раннего железного века на территории Горного Алтая) представляет пришлое население, вступившее в контакт с аборигенным. Нет ничего невозможного в том, что вся текстильная культура была принесена на Алтай. Но откуда?

Надо отметить, что в данном случае мы имеем дело с той огромной частью материальной культуры древнего общества, которая, как правило, не доходит до археологов — с предметами из органики. Резное дерево, ткани, изделия из меха и кожи, войлоки и ковры, найденные в «замерзших» пазырыкских могилах, — вот показатель того, что, вероятно, бесследно исчезло во многих древних культурах. Поэтому очень трудно сравнивать пазырыкские памятники с какими-то другими: почти нет равнозначных материалов. Только после того как в связи с новыми раскопками и публикациями открылся мир культур населения оазисов Синьцзяна (одних из ближайших южных соседей пазырыкцев), в котором сохранность предметов из органики такая же, как и в пазырыкских могильниках, мы можем с большим основанием и порой в немыслимых деталях говорить о сходстве и различиях между ними⁶.

Особо следует отметить состав краски нескольких изделий. Ткань из хлопка, из которой сшита рубаша из второго Пазырыкского кургана, а также полихромная и красная шерстяные ткани юбки отсюда же отличаются высоким содержанием краплаков (100 %, 94 %, 98 %), а также особым количественным соотношением краплака ализарина и краплака пурпурина (27:73, 5:89, 17:81, 23:75). Повышенное содержание краплака пурпурина можно объяснить использованием в данном случае иного, нежели в других пазырыкских текстилях, растительного красильного сырья, например, азиатских видов марены *Rubia cordifolia*. Состав краски этих изделий отличает их от всех остальных, проанализированных на сегодняшний день, пазырыкских текстилей (главным образом, из погребений на плато Укок), для которых характерно сочетание краски растительного

и животного происхождения, и сближает с образцами одежды из могильников Синьцзяна, в частности, речь идет о красных полосах юбок из могильника Шампула⁷, а также фрагментах красных шерстяных тканей из находок в оазисе Djoumboulak Koum [Cardon, 2001, p. 215]. Синьцзянский текстиль из синхронных пазырыкским памятников окрашен в основном растительными красителями, иногда с небольшим количеством кармина или кермеса. Единичные фрагменты ткани, в которых преобладают красители животного происхождения, авторы исследования относят к импортным и престижным вещам [Cardon, 2001, p. 215]. Кроме того, шерстяные ткани из «царских» пазырыкских курганов вытканы исключительно из тонкой овечьей шерсти и пуха, так же как и шерстяные ткани, найденные в оазисах Синьцзяна, где образцы с примесью грубой ости единичны, а преобладает тонкая кашемировая шерсть. По мнению авторов исследования, кашемир получали от местных коз, занимавших одну из ведущих мест в составе стада синьцзянских скотоводов [Desrosiers, 2001, p. 146]. Полосы полихромного шерстяного гобелена на юбке из второго Пазырыкского кургана, по мнению Э. Барбер, очень близки по способу тканья и узору такой же гобеленовой ткани на юбке из могильника Зангхалук (Черчен) [Barber, 1999, p. 67]. Помимо сходства в составе сырья, краски и видах плетения, можно говорить об идентичности предметов одежды: шерстяных юбок, синих из горизонтальных полос ткани, рубаш с длинным рукавом, отделанных тесьмой и шнуром, штанов. Идентичность этой части костюма, а также еще некоторых его деталей (плетенных из шерстяных ниток поясов-шнуров с кистями, войлочных сапог-чулок с раструбом) может служить доказательством того, что женский наряд из второго Пазырыкского кургана мог быть изготовлен в Синьцзяне. Как он попал к женщине, захороненной в Горном Алтае? Возможно, она была родом из какого-то синьцзянского оазиса, например Черчена или Субаша. С другой стороны, из синьцзянских оазисов могла быть получена только одежда.

6. Удивительно то, что одежда оказалась схожей, а в ряде случаев — тождественной, хотя подобное сходство трудно было даже предположить, ведь в других отношениях материальная культура населения этих регионов различна, так же как и погребальный обряд.

7. Красители были определены, а результаты опубликованы [Judith H. Hofenk de Graafe, Maarten R. van Bommel, 2001, p. 137–148].

8. К настоящему времени мы не располагаем информативными исследованиями по синьцзянскому текстилю — самой крупной коллекции древнего текстиля в мире. Данные, которые используются как в нашей, так и в других работах, получены в ходе исследований французских археологов С. Debaine-Francfort, специалистов по изучению текстиля S. Desrosiers, J. Barber, I. Good, R. Schorta. Эти ученые вынуждены были работать с теми выборочными образцами, которые были им предоставлены китайскими коллегами, или находящимися в составе коллекций за пределами Китая. Поэтому мы не можем рассчитывать на полноту информации. Сейчас, когда совместной франко-китайской экспедицией в Синьцзяне получены новые уникальные материалы, в том числе и по текстилю, можно ожидать более информативных результатов, которые могут существенно корректировать те данные, которыми мы сегодня располагаем.

9. Более древний период в Синьцзяне также представлен погребениями с сохранившейся органикой — это Qatavighul или Гумугоу (II тыс. до н.э.), где найдены самые древние ткани Тарима. Текстиль этого периода, как правило, неокрашен, а одежда, в которую были завернуты мумии, напоминает шаль, одеяло или саван из шерстяных тканей естественных тонов. Кроме того, на мумиях были найдены войлочные шапки, украшенные перьями, и кожаная обувь [Mallory, Mair, 2000, p. 189]. Т.е. говорить о том, что все виды ткачества, фасоны одежды, которые мы видим на жителях синьцзянских оазисов более поздних периодов (середины — конца I тыс. до н.э.), имеют истоки в более древней эпохе этого же региона, — вряд ли верно или верно лишь отчасти.

Можно было бы предположить, что весь пазырыкский текстиль происходит из оазисов Синьцзяна, где существовали благоприятные природно-климатические условия как для текстильного производства (т.е. оазисный образ жизни при развитом скотоводстве), так и для окрашивания. А главное, на археологических памятниках Синьцзяна очень часто находят то, чего нет на пазырыкских, — материальные свидетельства существования прядения, ткачества и шитья — многочисленные глиняные и деревянные пряслица, нередко вместе с деревянным веретеном, на котором наматывались шерстяные нитки, клубки шерсти, сумочки с лоскутками и т.п. Но мы уже отмечали разницу в составе красителей⁸, а кроме того, в Синьцзяне пока не встречены апплицированные войлоки, шубы, украшенные цветным мехом и кожаными аппликациями, пестельчатые ткани и некоторые другие текстильные изделия, которые постоянно присутствуют в пазырыкских погребениях. Как уже отмечалось, удивительное сходство прослеживается, главным образом, в тканой и войлочной одежде. Все это может свидетельствовать о том, что источник окрашенного текстиля, фасонов шитья из него одежды был, вероятно, общим для жителей Синьцзяна и Горного Алтая — это их исконная родина, места, из которых они пришли в эти регионы⁹. Речь может идти о восточных окраинах Ахеменидской империи времен завоеваний Александра Македонского, о людях, приобщенных ко всем благам современной им цивилизации, вынужденных покинуть привычные места проживания. Каждый из них нашел свою природную нишу, способную обеспечить привычный образ жизни: в пустынных оазисах — земледельческо-скотоводческий, в горно-таежных долинах — скотоводческо-охотничий.

Можно предположить, что в пазырыкских могилах мы находим главным образом вещи, с которыми на Алтай пришло новое население и которые не имеют отношения к местной культуре (напомним, что по последним данным, полученным дендрохронологическим методом, Пазырыкские курганы и все могильники Укока существовали немногим более тридцати лет [Слюсаренко, Кузьмин, Кристен и др., 2002, с. 439–440]). Эти вещи служили одному-двум поколениям и ушли вместе с ними в иной мир.

Мы имеем неоспоримые данные о наличии редких и дорогих привозных красителей на всем изученном пазырыкском текстиле. Этот факт можно проверить, но вряд ли его можно опровергнуть. В поисках объяснения этой реальности мы стремились высказать одну из гипотез, которая не противоречит ни археологическим свидетельствам, ни данным антропологических исследований. Однако мы совсем не считаем ее окончательным решением проблемы, поскольку «всеобщей иллюзией является вера в то, что наше сегодняшнее знание — это все, что мы можем знать вообще» [Юнг, 1996, с. 103].

Приложения

1. Технологическая характеристика пазырыкского текстиля с плато Укок

Т. Н. Глушкова

Пазырыкские текстильные материалы свидетельствуют о широком распространении тканей бытовых и парадных текстильных изделий. Текстиль представлен тканями, различными как по видам, так и по сырью, возможной технологии изготовления. Основным материалом наибольшего количества находок — шерстяные ткани, однако есть и шелковые ткани, возможно, изготовленные из хлопка. Это ткани полотняного и репсового¹ переплетения. Наряду с ними был очень распространен и текстиль саржевого переплетения. Присутствуют также образцы тканей, в полотне которых есть явный переход от одной тканой структуры (саржевой) к другой (полотняной). Среди единичных образцов выделяется чепрак с петельчатой фактурой поверхности на лицевой стороне. Имеется также множество тесемок полотняного и саржевого переплетения, жгутов, шнуров, свитых и сплетенных из нитей, подобных тем, которые использовались для производства тканей. Ткань применяли главным образом для изготовления одежды (рубаш, штанов, юбок),

предметов конского снаряжения. Можно отметить своеобразную «специализацию» тканей: рубашки чаще изготавливали из тканей полотняного переплетения, так же как и женские, мужские штаны, полотнища женских юбок — из саржи. Для юбок применяли как полотняную, так и саржевую ткани.

Прежде чем перейти к сравнительному анализу имеющихся материалов и выявлению особенностей технологии изготовления пазырыкского текстиля, приведем технологические характеристики нитей и тканей образцов текстиля, найденных на плато Укок (табл. 1.1—1.3).

1. Репс — ткань, у которой показатели плотности по основе или утку (одной структуре нитей) в два или более раз превышают показатели плотности по другой структуре.

Рис. 1. Ревень малый (*Rheum nana* Lingelsh). Фото А.Ю. Королюка.
Ревень алтайский (*Rheum compactum* L. Гербарный образец из фондов ЦСБС СО РАН, NS)

Рис. 2. Разнотравный
солончаковатый луг с цветущим
щавелем конским (*Rumex confertus*
Willd.) на переднем плане
(Алтайский край, р. Бурла).
Фото Е.А. Королук

Рис. 3. Рододендрон золотистый
(*Rhododendron aureum* Georgi).
Фото В.П. Седельникова

Рис. 4. Бадан толстолистный
(*Bergenia crassifolia* (L.) Fritsch).
Фото Е. А. Королюк

Рис. 5. Подмаренник русский
(*Galium ruthenicum* Willd.) в период
цветения (фото А. Ю. Корольюка)
и гербарный образец

Рис. 6. Лиственница сибирская
(*Larix sibirica* Ledeb.).
Фото Е. Г. Зибзеева

Рис. 7. Пойма с зарослями ивы
(*Salix* sp.) по берегам.
Фото А. Ю. Королюка

*Технологические характеристики образцов
пазырыкских текстильных изделий,
плато Укок (табл. 1.1–1.5)*

Таблица 1.1

№	Место находки	Предмет	Направление крутки		Величина крутки нитей, об/см		Тонина нитей, мм	
			основа	уток	основа	уток	основа	уток
1A	Ак-Алаха-1	Тесьма						
1B	Ак-Алаха-1	Тесьма						
1C	Ак-Алаха-1	Тесьма						
2A	Ак-Алаха-1	Женские штаны	Z	Z	3–3,5	3–3,5	1	1–1,4
2B	Ак-Алаха-1	Мужские штаны	Z	Z	3–4	3–4	0,9–1	0,9–1,1
3A	Ак-Алаха-1	Шнурок						
3B	Ак-Алаха-1	Витой шнур						
4A	Ак-Алаха-3	Ткань юбки, 3 фрагмента	Z	Z	10–11	7	0,25	0,25
4B	Ак-Алаха-3	Рубаха, 8 фрагментов	Нет	Нет	Нет	Нет	0,2–0,25	0,4–0,5
4C	Ак-Алаха-3	Мешочек	Нет	Нет	Нет	Нет	0,2	0,2–0,3
4D	Ак-Алаха-3	Навершие головного убора	Z	Z	9	9	0,1	0,15
5A	Ак-Алаха-3	Шнурки						
5B	Ак-Алаха-3	Витой шнур-пояс юбки	Z		5–6		0,7–1	
6A	Ак-Алаха-5	Рубаха	Z	Z	Не определена	Не определена	0,1–0,4	0,1–0,4
6B	Кутургунтас	Фрагмент ткани от рубахи	Z	Z	10	Вероятно, слабее	0,2	0,1
6C	Ак-Алаха-5	Юбка, полотнище 1	Z	Z	8	7–8	0,3–0,4	0,4
6C	Ак-Алаха-5	Юбка, полотнище 2	Z	Z	8	7	0,3	0,4
6C	Ак-Алаха-5	Юбка, полотнище 3	Z	Z	6–7	6–7	0,2–0,6	0,2–0,6
6C	Ак-Алаха-5	Юбка, полотнище 4	Z	Z	8	8	0,3–0,7	0,4–1
7A	Верх-Кальджин-2	Подметка чулка 1	Z	Z	Не определена	Не определена	0,4–0,6	0,8–1
7B	Верх-Кальджин-2	Подметка чулка 2	Z	Z	Не определена	Не определена	0,4–0,6	0,7–1
7C	Верх-Кальджин-2	Мужские штаны-I, 5 фрагментов	Z	Z	Не определена	Не определена	0,6–0,8	0,6–0,8
7D	Верх-Кальджин-2	Мужские штаны-II	Z	Z	Не определена	Не определена	0,7–0,8	0,9
7E	Верх-Кальджин-2	Чепрак для лошади	Z	Z	Не определена	Не определена	0,8	0,6–0,7
8A	Верх-Кальджин-2	Тесьма, 7 фрагментов	Z	Z			0,8–1	
8B	Верх-Кальджин-2	Тесьма, 2 фрагмента	Z	Z			0,4–0,5 до 0,9	0,4–0,5

Таблица 1.2

№	Предмет	Цвет	Плотность нитей, нитей/см		Фактура ткани	Ткацкие ошибки
			основа	уток		
1A	Тесьма					
1B	Тесьма					
1C	Тесьма					
2A	Женские штаны	Красный	7–8	5		
2B	Мужские штаны	Красно-коричневый	12	12–13	Рельефная, саржа 2/2	Ткацкая ошибка второго вида
3A	Шнурок					
3B	Витой шнур					
4A	Ткань юбки, 3 фрагмента	1, 3 — красный, 2 — не окрашен	16	26		
4B	Рубаха, 8 фрагментов	Золотистый (желтовато-бежевый)	24–31	13–15	Тафта, есть кромки	
4C	Мешочек		40	33	Тафта, есть кромки	
4D	Навершие головного убора	Темно-коричневый	15–16	13–14		Двойной уток (ткацкая ошибка пятого вида)
5A	Шнурки					
5B	Витой шнур-пояс юбки	Красно-рыжий				
6A	Рубаха	Светло-коричневый	17	13–14	Довольно тонкая, кромки обычные	
6B	Фрагмент ткани	Красный с фиолетовым оттенком	19	29–30	Очень тонкая плотная ткань, есть кромки	
6C	Юбка, полотнище 1	Грязно-коричневый	22	17	Последняя кромочная нить двойная у всех 4 образцов, 2 кромки	
6C	Юбка, полотнище 2	Грязно-коричневый	22, 11–12	18, 11–12	Переход в полотне от саржевого переплетения к нестандартному полотняному, 1 кромка срезана	
6C	Юбка, полотнище 3	Грязно-коричневый	10–11	9–10	2 кромки	
6C	Юбка, полотнище 4	Красный	12	10	Много утрат, 1 кромка срезана	
7A	Подметка чулка 1	Красно-коричневый	13	16–18	Изначально — саржевая ткань, затем переход на полотняную структуру	Ткацкая ошибка, связанная с переходом от структуры саржевого переплетения к полотняному
7B	Подметка чулка 2	Красно-коричневый	6–7 пар нитей	10–12	Нестандартное полотняное переплетение	
7C	Мужские штаны-I, 5 фрагментов	Красно-коричневый	15–17	15–16	Кромки	Ткацкие ошибки первого, второго, третьего, четвертого видов
7D	Мужские штаны-II	Красно-коричневый	15–16	13–16	Кромки	
7E	Чепрак для лошади	Красный	11–12	5	Поверх ткани выполнены петли	Петли распределяются неравномерно
8A	Тесьма, 7 фрагментов	Красно-пурпурный	8 пар	8 пар		
8B	Тесьма, 2 фрагмента	Красно-коричневый	18	9 пар		Нечеткий перевод нитей

Таблица 1.3

№	Предмет	Размеры, см	Материал	Вид переплетения
1А	Тесьма		Шерсть	Ручное диагональное плетение
1В	Тесьма		Шерсть	Ручное диагональное плетение
1С	Тесьма		Шерсть	Ручное переплетение по типу косы
2А	Ткань (женские штаны)		Шерсть	Плотняное
2В	Ткань (мужские штаны)	4 полотнища: длина — 104, ширина — 26 Деталь: длина — 33,5, ширина — 6 Клин: длина — 45, ширина — 5,5:21,5	Шерсть	Саржа 2/2
3А	Шнурок		Шерсть	Плетение по типу полой косы
3В	Витой шнур		Шерсть	Витой шнур
4А	Три примерно одинаковых полотнища юбки	Общая длина — 143 Ширина: верхнее — 55, среднее — 48, нижнее — 40	Шерсть	Саржа 2/2
4В	Рубаха, 8 фрагментов	Длина: по спине — 108, по переду — 112 Ширина — более 112	Шелк	Плотняное
4С	Мешочек		Шелк	Плотное плотняное
4D	Навершие головного убора	Длина — 60	Шерсть	Плотняное
5А	Шнурки		Шерсть	Ручное диагональное плетение
5В	Витой шнур-пояс юбки	Длина — 193, диаметр ~ 2	Шерсть	Жгут четырехугольного сечения
6А	Рубаха		Шерсть	Плотняное
6В	Фрагмент ткани от рубахи		Шерсть	Очень плотное, саржа 2/1
6С	4 разных полотнища юбки	Общая длина — 143 Длина каждого — 84–85 Ширина: 1-е — 23,5, 2-е — 26,27, 3-е — 35,5, 4-е — не определена	Шерсть	Нестандартное плотняное, саржа 2/2, переход от саржевого к плотняному
7А	Подметка чулка 1		Шерсть	Часть ткани плотняного нестандартного переплетения, часть — саржа 2/2
7В	Подметка чулка 2		Шерсть	Плотняное нестандартное
7С	Мужские штаны-I, 5 фрагментов	Длина — 83, ширина — 29–30	Шерсть	Равносторонняя саржа 2/2
7D	Мужские штаны-II	Длина — 90	Шерсть	Саржа 2/2
7Е	Чепрак для лошади		Шерсть	Ренсовое (основной ренс), петельчатая ткань — поверх готового полотна продернуты петли, образующие ворс
8А	Тесьма, 7 фрагментов	Ширина — 1,8–2,1	Шерсть	Ручное диагональное переплетение
8В	Тесьма, 2 фрагмента	Ширина — 2–2,3	Шерсть	Саржевое переплетение (ручное плетение)

Таблица 1.4

№	Место находки	Предмет	Направление крутки	Величина крутки, нитей/см	Тонина одинарных нитей, мм
5B	Ак-Алаха-3	Витой шнур-пояс юбки	Z	5–6	0,7–1
8A	Верх-Кальджин-2	Тесьма (7 фрагментов)	Z		0,8–1
8B	Верх-Кальджин-2	Тесьма (2 фрагмента)	Z		0,4–0,5, до 0,9

Таблица 1.5

№	Предмет	Цвет	Плотность, нитей/см		Ткацкие ошибки
			основа	уток	
5B	Витой шнур-пояс юбки	Красно-рыжий			
8A	Тесьма (7 фрагментов)	Красно-пурпурный	8 пар	8 пар	
8B	Тесьма (2 фрагмента)	Красно-коричневый	18 пар	9 пар	Нечеткий перевод нитей

Ак-Алаха-1

Образец 8B. Тесьма (2 фрагмента)

По одному фрагменту с каждого чулка. Это тесьма красно-коричневого цвета, изготовленная из 44 одинарных нитей основы способом саржевого переплетения. Тонина основы на отдельных участках достигает 0,9 мм (табл. 1.1). Уток двойной, нити не скручены между собой, их тонина соответствует тонине нитей основы. Все нити в полотне фрагментов тесьмы имеют одинаковое направление кручения по схеме Z-крутки. Плотность на отдельных участках полотна неравномерная. В переплетении нитей имеются ошибки, связанные с нечетким переводом нитей основы при образовании ткацкого зева. Тесьма была пришита к войлоку шерстяными двойными кручеными нитками.

Образец 2A. Фрагмент ткани женских штанов

Женские штаны в погребении сохранились отдельными кусками.

Сырье сохранившихся фрагментов — овечья шерсть и верблюжий волос (определения сделала г-жа Мейер в лаборатории СИЕТА, которые также подтверждены исследованиями, проведенными нами независимо). Микроскопические исследования, проведенные в лаборатории СИЕТА, показали, что волокна шерсти претерпели значительные изменения за период археологизации (в частности, в незначительном количестве сохранились чешуйки шерстяных волокон). Минимальная тонина волокон в основе 30 мкм (таких волокон 20%), максимальная — 80 мкм (10%). Наиболее часто встречаются волокна диаметром 40–50 мкм (от 30 до 60%). По утку минимальный диаметр волокон также составляет

30 мкм (2%), максимальный — 80 мкм (18%). Довольно часто встречаются волокна диаметром 60 мкм (в среднем 28%). Волокна толщиной 60–70 мкм в среднем встречаются в 60% случаев. Нити основы и утка имеют одинаковое направление крутки (Z-кручение) и почти одинаковые размеры толщины. Для пряжи этого фрагмента ткани характерна неравномерная крутка в пределах отдельных участков нитей (табл. 1.1), тонина нитей также неравномерна. Вследствие этой особенности нитей основы и утка ткань полотняного переплетения обычной структуры имеет достаточно неоднородную фактуру полотна (табл. 1.2). Эти характеристики соответствуют редукции в ткани, по определению г. Виналь. Натяжение нитей в полотне ткани равномерное, но довольно слабое. Ошибки в переплетении отсутствуют. В изделии сохранились кромки, выполненные, как и основное полотнище, обычным полотняным переплетением с той лишь разницей, что крайние нити основы взяты двойными. Это делает слегка утолщенный край ткани и придает ему дополнительную прочность. Все это свидетельствует о том, что ткань выполнена на довольно простом приспособлении без жесткого закрепления нитей, о чем свидетельствует слабое натяжение нитей в полотне ткани, а также простой способ изготовления кромок.

Образец 2B. Ткань мужских штанов

Детали штанов сохранились почти полностью, лишь в редких случаях имеются утраты нитей в полотне. Образец 2B — один из фрагментов детали. Сохранились четыре полотнища этой ткани, а также деталь и клин, обрезанный наискось (табл. 1.3). В древности эти детали были сшиты между собой и имели форму штанов.

Со временем нити, соединявшие части изделия, разрушились, целое изделие распалось на отдельные фрагменты.

Сырье — шерсть. Минимальная толщина волокон в основе составляет 30 мкм (13% от общего количества), максимальная — 90–100 мкм (26%). Наиболее часто встречаются волокна диаметром 50–60 мкм при средней толщине 62 мкм. Волокно толщиной 100 мкм встретилось лишь единожды. В целом доля волокон минимального и максимального диаметра невелика. Их состав в нитях утка и основы примерно одинаков. Нити основы и утка одинарные, по структуре нитей видно, что обе нити сильно скручены Z-круткой. Толщина нитей основы и утка, а также величина крутки нитей по основе и утку одинакова. Нити тонкие, более равномерные, чем в ткани женских штанов. По определению г. Вналь, на фрагменте размером 4,2х5 см редукция составляет 11,8 нитей/см по основе и утку. Нашими исследованиями выявлено, что на цельных кусках материи плотность ткани составляет 13 нитей/см в основе, 12–13 нитей/см в утке. Характер плетения определен исследователями одинаково — саржа 2/2. Благодаря одинаковой крутке нитей основы и утка при достаточно большой их толщине и мягкости фактура ткани рельефна, с хорошо видимым диагональным раппортом саржевого переплетения. Натяжение нитей в полотне ткани равномерное, не слабое. Ткань была окрашена в древности и имела красно-коричневый цвет.

В полотне этой ткани встречаются характерные ткацкие ошибки — пропуск единичных основных нитей на изнанке. Такие ошибки чаще всего фиксируются на протяжении трех или более рядов переплетений. В одном случае нить основы была пропущена на протяжении 86 рядов плетения (8 см), а затем вошла в полотняную ткань. В двух случаях была встречена ткацкая ошибка иного плана — с изнанки уток перекрывает не 2, а 6 нитей основы. Эти ошибки обусловлены нечетким переводом нитей при образовании нового ткацкого зева и характеризуют жесткую фиксацию нитей основы на станке. Ткацкие ошибки характерны в основном для вертикального или примитивного горизонтального ткацкого станка со свободно закрепленной основой (например, с помощью нитяных петель-ниченко). Об использовании подобных видов ткацких станков косвенно свидетельствует также небольшая ширина полотна ткани 25,8–26 см при длине 33–104 см.

Ак-Алаха-3

Образец 4А. Юбка (3 детали)

Юбка состоит из трех полотнищ шерстяной ткани разного цвета (гл. 2, рис. 2.36). Верхнее (1-е) и нижнее (3-е) полотнища красного цвета, среднее (2-е) — не окрашено. Размеры полотнищ отличаются на 7–8 см (табл. 1.3). Юбка сшита из поперечно сложенной ткани, полотнища соединены друг с другом по кромкам швом встык. Таким образом, уток располагается продольно, а основа поперечно. У нижнего полотнища кромка только внизу, поэтому в этом шве обрезанное полотно сначала было обработано по краю подшивочным швом, а потом пришито встык к кромке 2-го полотнища. Швы выполнены толстой шерстяной нитью S-крутки, святой из двух одинарных нитей Z-крутки. Нити спинки окрашены в естественный черный цвет. Материал всех нитей — шерсть.

Все три фрагмента (куски) ткани идентичны, поэтому описываются обобщенно. Ткань тонкая, плотная, с хорошо читаемым

диагональным узором на поверхности полотна. Все фрагменты имеют саржевое переплетение нитей (равносторонняя саржа 2/2). Плотность нитей во всех трех кусках ткани примерно равна (табл. 1.2). Нити тканей также идентичны — толщина основы и утка аналогична по величине. Все нити имеют одинаковое направление кручения, однако основа свита немного круче, чем уток (табл. 1.1). Малая толщина утка и неслышная крутка нити делают уток непрочным — все разрывы ткани, произошедшие еще в древности или в процессе естественного старения ткани, проходят по менее прочным уточным нитям.

Вероятно, разницу в крутке утка и основы можно объяснить технологическими особенностями ткани. Ткань саржевого переплетения становится жесткой и грубой, если в основе и утке используются одинаково скрученные нити (и по направлению, и по величине крутки). Необходимость получения тонкой, плотной и мягкой ткани и обусловила использование утка и основы с разной величиной крутки, что свидетельствует о знакомстве с развитой технологией ткацкого производства, когда выделялись ткани с явно заданными свойствами.

В полотне всех трех кусков ткани были обнаружены характерные ткацкие ошибки — пропуск одной нити основы ткани на изнанке в двух, четырех, шести и восьми рядах, причем ошибка каждый раз исправлялась. Это обстоятельство — показатель нежесткого крепления нитей основы на станке в момент изготовления ткани.

Образец 4D. Навершие головного убора

Ткань, использованная для изготовления навершия головного убора, была соткана из шерсти полотняного переплетения. Нити основы и утка имеют Z-кручение. Величина крутки нитей одинакова как в основе, так и в утке (табл. 1.1). Плотность ткани по основе и по утку примерно одинакова (табл. 1.2). В полотне ткани имеется ткацкая ошибка — двойной уток в 42 рядах работы (позже ошибка была исправлена). Ткань в целом тонкая, эластичная, темно-коричневого цвета, скорее всего — естественного.

Образец 5А. Шнурки отделочные

Вместе с полотном рубахи обнаружены шнурки, которыми укрепляли швы и края рукавов, декорировали полочку. Они изготовлены из десяти пар шерстяных нитей способом ручного диагонального плетения. Подобные, но разные по количеству использованных для плетения нитей, шнурки и тесьма постоянно встречаются в пазырыкских памятниках Укока.

Образец 5В. Нити пояса от юбки

Это толстые шерстяные двойные нити Z-крутки. Толщина одинарных нитей неравномерная. Из нитей сплетен пояс по схеме плетения жгута четырехугольного сечения. Нити красно-рыжие снаружи и светло-коричневые изнутри. Это свидетельствует о том, что красились не пасмы нитей, а уже готовое изделие.

Шелковая рубаха (8 деталей)

Сохранилась в виде четырех больших кусков ткани (спинка, полочка, два рукава), а также четырех небольших клиньев от рукавов. Все они изготовлены из ткани, имеющей во всех фрагментах

одинаковые технологические характеристики. Плотность ткани на разных участках рубахи неодинакова. Это объясняется изношенностью изделия еще при жизни владельца. Наиболее изношенными (до разрывов нитей по утку) оказались спинка в области талии и низки рукавов. Полочка (передняя деталь на поясе и справа немного ниже) в древности даже была заштопана нитью, выдернутой из полотна ткани рубахи и скрученной вдвое. В целом передняя часть рубахи сильно изношена, об этом свидетельствуют колебания плотности нитей по основе в центре груди, на поясе и плече. Интересно, что ткань на рукавах изношена меньше, имеет более упорядоченную структуру из-за меньшей деформированности; исключение составляет только подмышечная область, где ткань рубахи постоянно растягивалась или собиралась в складки при движении руки. По шву, соединяющему рукава со спинкой и передом рубахи, деформаций нет, т.к. он был укреплен проложенной между двумя полотнищами бечевкой, которая служила своеобразной арматурой.

Образец 4В. Фрагменты шелковой ткани

Для изготовления рубахи была использована тонкая шелковая ткань регулярного полотняного переплетения. Кромки сохранились только на плечах, т.к. рубаху выкраивали из поперечной ткани (уток расположен продольно). Кромка по низу была срезана при раскрое. Кромки сохранились также на одном из рукавов и трех клиньях. Ширина кромки составляет 1,5 см, плотность по основе в кромке 70–74 нити/см, по утку (как и в основном полотне) 13–14 нитей/см (табл. 1.2). В изношенных местах расстояние между нитями основы достигает 1 мм, разрывы нитей встречаются всегда по утку.

Нити в основе и утке некрученые, уток более неравномерный и толстый, с утолщениями до 1 мм (табл. 1.1). Ткань тонкая, непрозрачная, золотистого цвета, вероятно, неокрашенная. Характер сырья, полотняное переплетение нитей в полотне ткани, характеристики плотности и тонины нитей позволяют атрибутировать ткань как тафту.

Образец 4С. Шелковый мешочек

Был изготовлен без подкладки, из одного слоя ткани, сложенной пополам. Шов, соединяющий края ткани, расположен на расстоянии 1,4 см от края, выполнен шелковой толстой крученой нитью. Кромка сохранилась частично, с одного края; в других местах край ткани скручен в рулик и подрублен, чтобы не распускались нити. Кромка ткани в ширину составляет 0,4 см. Мешочек сшит из плотной тонкой ткани, изготовленной из некрученых нитей, с характерным шелковым блеском. Ткань полотняного переплетения. Нить основы более ровная, утка — с неравномерными утолщениями. Ни основа, ни уток не имеют кручения (табл. 1.1).

Характерные признаки волокон и нитей позволяют диагностировать шелк как сырье описываемой ткани. Способ переплетения нитей в полотне ткани — полотняный. По этим основаниям ткань атрибутируется как тафта с достаточно высокой плотностью нитей. За счет высокой плотности эластичных волокон ткань достаточно прочна, эластична, тонка. Разрывы нитей имеются только на одной стороне мешочка — на стиге, что говорит о длительном использовании вещи.

Ак-Алаха-5

Образец 6А. Рубаха (2 фрагмента)

Изготовлена из шерстяного сырья полотняного переплетения со швами. Украшением рубахи служат жгуты, принятые нитками к полотну ткани рубанки. Судя по всему, рубаха была светло-коричневого цвета, а жгуты — красного. Каждый жгут скручен S-круткой из 8 одинарных нитей Z-крутки толщиной 0,3–0,4 мм. При этом жгут не маскирует никаких швов, а является своеобразным украшением, правда, его топография на изделии, так же как и месторасположение в изделии обоих фрагментов, непонятна. Ткань рубахи полотняного переплетения, имеются обычные кромки, без утолщений. Швы рубахи подрублены традиционным для пазырыкских предметов способом и сшиты встык. Для подрубки полотна и сшивания швов также традиционно использовались двойные крученые нити.

Из-за неровности нити тонина основы в среднем составляет 0,2 мм, аналогичные параметры тонины имеет уток (табл. 1.1).

Образец 6С. Юбка (4 фрагмента)

Юбка была сшита из четырех полотнищ, которые сохранились не полностью, а только во фрагментах. Тем не менее по ним можно судить обо всем материале. Полотнища ткани располагались в изделии поперечно, так, что продольной нитью юбки является уток. В ткани частично сохранились кромки, за которые ткань сшита швом встык. Там где кромок нет, край ткани обработан традиционным способом — подгибкой, затем полотнища также сшиты встык. Одна из кромок у второго полотнища юбки срезана, у четвертого (нижнего) полотнища особенно много утрат, поэтому ширину ткани установить сложно (табл. 1.3). Все четыре полотнища примерно одинаковы по длине, сшиты в кольцо швом с подгибкой и встык. Там где длины не хватило, был вшит дополнительный кусок ткани (например, второе полотнище). При этом ткань второго полотнища особенная: одна его часть саржевого переплетения (саржа 2/2), другая — полотняного. Ткань первого полотнища только саржевого переплетения, третьего и четвертого — только полотняного. Таким образом, при раскрое использовались ткани, разные по ширине, структуре, цвету.

Рассмотрим подробнее технологические особенности этих тканей. Благодаря наличию кромок можно легко определить плотность полотнищ по основе и утку (табл. 1.2):

- 1-е: саржевое переплетение. Кромка разрежена;
- 2-е: саржевое переплетение с переходом в полотняное;
- 3-е: регулярное полотняное переплетение;
- 4-е: полотняное переплетение.

У кромок всех полотнищ последняя нить — двойная, для придания ей большей прочности. Ткань саржевого переплетения плотная, ткань полотняного переплетения по сравнению с ней более редкая и рыхлая. Во втором полотнище тонина основы и утка, а также направление и величина крутки аналогичны соответствующим нитям первого полотнища; в третьем полотнище основа и уток аналогичны между собой, имеют неравномерную тонину; в четвертом полотнище уток и основа имеют примерно одинаковую величину крутки. Направление крутки всех описанных нитей основы и утка одинаково (табл. 1.1). В целом можно отметить, что нити первого и второго полотнищ более тонкие и ровные, нити тре-

тьего и четвертого полотнищ толще и имеют более неравномерную толщину. Вероятно, в этом случае можно говорить о худшем качестве нитей. Сырье всех нитей, использованных для изготовления ткани юбки, — шерсть. Самое нижнее (четвертое) полотнище было красного цвета, все остальные — грязно-коричневого.

Кутургунтас

Образец 6В. Фрагмент ткани

Данный фрагмент предположительно от рубахи. Ткань тонкая, очень плотная, хорошей выделки, теплая на ощупь. Ткань окрашена в красный цвет, имеет слегка фиолетовый оттенок. В подлоте ткани виден шов, который соединяет два полотнища, на одном из них сохранилась кромка. Переплетение очень плотное, саржевое, ошибок в переплетении нет. Все нити основы и утка имеют одинаковое направление Z-крутки, причем основные нити свиты очень туго. Крутку утка определить намного сложнее, можно лишь отметить, что его нити свиты намного слабее (табл. 1.1).

Благодаря использованию тонких нитей (при достаточно большой плотности нитей по утку) изготовленная ткань — очень плотная, эластичная. Характерный диагональный узор образован на поверхности ткани утком, структура саржи 2/1 делает диагонали очень плотно расположенными. Все особенности структуры полотна формируют гладкую фактуру, на поверхности которой видны ровные диагональные полосы и практически не видна основа. По структуре и фактуре полотна, а возможно, и по параметрам сырья описанная ткань выпадает из общих закономерностей. Высокие характеристики плотности, особенности структуры саржи позволяют говорить об использовании особой технологии ее изготовления, не свойственной для большинства найденных алтайских тканей. На этом основании вполне логично предположить ее импортное происхождение.

Верх-Кальджин-2

Образец 7А. Подметка чулка 1 (левого)

Подметка чулка представляет собой фрагмент ткани по форме ступни, деталь выкроена по долевой нитке (рис. 1.2). Ткань имеет неупорядоченную структуру — выявлены участки с двумя вариантами плетения. В верхней части подметки ткань имеет саржевое переплетение (саржа 2/2) с ошибками в верхней левой ее части. Нижняя половина подметки выполнена нестандартным полотняным переплетением с двойной основой (нити основы разобраны и «ходят» по две, в каждом ряду пары нитей перекрываются утком). Такой способ переплетения имеет некоторые общие черты с переплетением типа «рогожки», однако в этом случае, если строго следовать технологии, и уток должен быть двойным. В данном случае такое переплетение образовалось из-за того, что первоначально нити основы были наснованы² на станок с четырьмя ниченками по технологии изготовления ткани с саржевым переплетением. Однако по каким-то причинам часть полотна действительно первоначально изготавливалась по технологии саржи, а затем произошло нарушение технологии. Для получения ткани саржевого переплетения попарно двигаются по две ниченки, переводя нити основы для образования ткацкого

Рис. 1.1. Подметка чулка (правого) из могильника Верх-Кальджин-2

2. Насновать нити на станок — растянуть их в определенном порядке.

Рис. 1.2. Подметка чулка (левого)
из могильника Верх-Кальджин-2

зевы в определенном порядке (первая и вторая, вторая и третья, четвертая и первая и т.д.). Этот достаточно сложный ритм был нарушен (а фактически максимально упрощен), нички стали ходить также по две, но всегда первая со второй, третья с четвертой и т.д. В результате получилась ткань нетрадиционного полотняного переплетения с нарушением технологии ее изготовления. В этой части полотна встречены ткацкие ошибки — уток в одном ряду на протяжении всего полотна перекрывал не две, а четыре нити основы, причем в полотне саржевого переплетения этой ошибки нет. В саржевом переплетении также встречены сбивы в раппорте, но совершенно другого характера — пропуск единичных нитей основы на изнанке, которые на протяжении одного или нескольких рядов не входят в полотно. Эти ошибки, характерные для вертикального или примитивного горизонтального ткацкого станка с ничками, связаны с неравномерной, достаточно высокой плотностью и нечетким переводом нитей основы при образовании нового ткацкого зева.

Все нити в рассматриваемом образце имеют одинаковое направление кручения. Тонина нитей утка на отдельных участках — до 1 мм, уток при этом свит более слабо. Плотность на разных участках фрагмента ткани неодинакова (табл. 1.1 и 1.2). Это объясняется сильной деформацией структуры ткани из-за ее значительной выношенности, а также разным способом переплетения нитей в одном полотне. В ткани саржевого переплетения плотность по основе в среднем 13 нитей/см, по утку — 16–18 нитей/см. В ткани полотняного переплетения плотность по основе составляет 12 нитей/см, по утку 10–12 нитей/см.

Первоначально ткань была окрашена в красно-коричневый цвет.

Образец 7В. Подметка чулка 2 (правого)

Подметка этого чулка также представлена фрагментом ткани, выкроенным по форме ступни вдоль поперечной нити (утка), по всей видимости, из куска ткани для чулка 1 в той части, где ткань изготовлена по принципу полотняного переплетения (рис. 1.1). Параметры нитей те же, что и у левого чулка: совпадает сырье, крутка и тонина основы и утка, использование в основе двойных нитей и т.д. Совпадают также ошибки, описанные для фрагмента с полотняным переплетением. Все это позволяет идентифицировать данный фрагмент текстиля с тканью фрагмента подметки левого чулка.

Оба войлочных чулка изначально были украшены фрагментами тесьмы, пришитыми к войлоку.

Образец 7С. Мужские штаны-I (5 деталей)

Сшиты из четырех половинок (2 задние, 2 передние) и клина между ними. Швы, соединяющие полотна ткани, выполнены стандартным способом: там, где нет кромок, сначала подрублен край ткани, затем полотна сшиты встык. Швы с кромками не подвергались никаким дополнительным операциям, они сразу сшивались швом «через край». Кромки располагаются в боковых и частично внутренних швах. Это технологически оправдано, т.к. крой боковых полотен прямой, без скосов, скосы идут от мотни к коленям. Края по верху штанов и по низу штанин подрублены. Заплата на колене имеет округлую форму, подшита подрубочным швом, так же как и края ткани. Для швов использовались двойные нити, скрученные S-круткой из двух одинарных Z-крутки, естествен-

ного черного цвета толщиной 1 мм. Ткань всех четырех полотнищ идентична: плотное, довольно толстое шерстяное полотно саржевого переплетения. Ткань на заплатке аналогична ткани штанов. Окраска красно-коричневого цвета. На боковых и центральных швах до мотни имеются не срезанные кромки. Они практически ничем не отличаются от основного полотна (переплетение в том же порядке). В кромках чередуются с краю 1–3 нити — обычные, не утолщенные. Разница в ширине полотна от кромки до кромки объясняется колебаниями плотности нитей по основе. Плотность ткани полотнищ (нитей/см) следующая:

- 1-е: по основе — 15–17, по утку — 15–16;
- 2-е: по основе — 14–17, по утку — 15–16;
- 3-е: по основе — 15–16, по утку — 15;
- 4-е: по основе — 14, по утку — 16.

В целом небольшую разницу плотности по основе и утку можно попытаться объяснить наличием достаточно примитивных приспособлений для распределения и крепления нитей основы. Необходимо также отметить более равномерную плотность нитей по утку. В свою очередь, это обстоятельство свидетельствует о наличии механизма для прибавления утка после каждого его проброса.

Цифровые характеристики плотности нитей подтверждают идентичность исследуемых тканей. Все нити в текстиле имеют одинаковое направление крутки и примерно одинаковую толщину (табл. 1.1). Уток часто совпадает с основой по толщине (иногда даже тоньше ее), более слабо скручен, чем основа. Поэтому разрывы ткани в основном происходили по утку, основа же сохранилась лучше.

Интересно отметить, что обладатели данной одежды (или, точнее, тот, кто ее чинил в процессе ношения) имели точное представление о двух структурах нитей в полотне ткани — основе и утке. Например, нити в заплате на колене в целом ориентированы так же, как и на основном полотне. На 1-м и 2-м полотнищах в районе колена видна шпонка, выполненная двойными кручеными нитями, аналогичными тем, которыми сшивались полотнища штанов. Шпонка расположена строго по утку и заменяет утраченные нити. В первом случае сделано 6 рядов шпонки, во втором — 7. Таким образом, шпонка представляет собой имитацию тканой структуры, где нити шпонки то покрывают две нити основы, то проходят под ними, имитируя полотняную структуру ткани двойными нитями основы. Это характеризует знакомство населения с принципом тканой структуры.

В полотнищах ткани штанов зафиксированы следующие ткацкие ошибки: пропуск одной нити по изнанке (2–6 рядов); сбив раппорта на протяжении 24 рядов (вместо двух нитей основы уток перекрывал четыре нити); сбив раппорта на лицевой стороне ткани (направление рубчиков в ткани не слева направо, как в основном полотне, а справа налево — 13 рядов в обратную сторону, потом ошибка была исправлена). Такие ткацкие ошибки свидетельствуют о нежестком закреплении нитей основы на станке и нечетком их переводе при смене ткацкого зева, а также о сбиве ритма перебора ниточек в последнем случае.

Образец 7D. Мужские штаны-II (5 деталей)

Во многом аналогичны уже описанным мужским штанам-I. Они также окрашены в красно-коричневый цвет, причем хорошо видно, что окрашивалась готовая ткань — поверхность полотна имеет ровный цвет, в то время как нити, расположенные внутри тканой структуры, окрашены достаточно слабо. Нити, которыми сшивали куски ткани, не окрашены вообще, следовательно, полотнища были соединены после окрашивания.

Штаны-II также сшиты из четырех половинок (2 задние, 2 передние) и клина. Кромки видны только на боковых швах, все остальные швы подрублены способом, описанным для штанов-I. На задней части штанов есть также заплатка и шпонка в двух местах. Ткань на заплате идентична ткани штанов, но претерпела намного меньше утрат и выглядит значительно новее.

Ткани всех четырех полотнищ штанов идентичны по способу переплетения, плотности, толщине и крутке нитей основы и утка. Наличие кромок в полотне позволяет идентифицировать нити основы и утка.

Образец 7E. Чепрак для лошади

Изготовлен из ткани красного цвета, часть которой имеет скрученные жгутами петли. Ее поверхность напоминает петельчатые ворсовые ковры из пазырыкских курганов (раскопки С.И. Руденко). Однако у этой находки совершенно иной способ изготовления ворса на поверхности текстиля. По данным С.И. Руденко, ковровая ворсовая ткань изготовлена традиционным для этих изделий способом — узлы, создающие ворс, входили в структуру тканого полотна [Руденко, 1968]. Каждый ряд ворсовых петель закреплялся проброшенным несколько раз утком, который прижимал ворс, делая настил на поверхности текстиля более прочным. В исследуемой ткани ворс был изготовлен после окончания работы над тканью полотняного переплетения. По всей видимости, полотно ткани специально было изготовлено более редким — разница в плотности основы и утка составляет 6–7 нитей/см при разнице в толщине основы и утка в 0,1–0,2 мм (при этом основа и уток ткани имеют одинаковое направление кручения). Затем в разреженное полотно продергивали толстые шерстяные крученые нити и скручивали их на поверхности в жгуты, чтобы закрепить. Ряды продернутых петель расположены в основном вдоль утка, но не всегда точно сориентированы в этом направлении. Были использованы одинарные и двойные крученые нити, но, поскольку не все они сохранились, трудно сказать, был ли какой-нибудь порядок в их расположении. Можно лишь отметить наличие одной неполной полосы двойных нитей. Толщина одинарных нитей петель составляет 1,7–2 мм, направление крутки — Z. В той части полотна основной ткани, где ворс не сохранился, остались довольно большие округлые дыры от толстых нитей ворса, которые разрушали полотно.

*Образец 8А. Тесьма отделочная
(7 фрагментов)*

Фрагменты шерстяной тесьмы окрашены в красно-пурпурный цвет (3 образца на левом чулке, 4 — на правом). Неравномерность ширины объясняется неравномерной плотностью плетения. Все фрагменты тесьмы имеют по две хорошо сохранившиеся кромки. Это позволяет идентифицировать направление плетения в полотне. Полотно тесьмы изготовлено диагональным переплетением способом перекрещивания элементов (пар нитей) панскошь (пары при этом не свиты между собой, всего 32 элемента). Плетение аналогично описанному для изготовления образца тесьмы 1В (Ак-Алаха-1). Все нити имеют Z-кручение, толщина в среднем 0,8 мм, на некоторых участках — до 1 мм. Плетение плотное, ровное, без ошибок. Плотность плетения по обоим структурам нитей одинакова (табл. 1.2).

Тесьма была пришита к войлоку двойными нитями, сучеными S-круткой из двух одинарных Z-крутки. Двойные нитки имеют естественный светло-коричневый цвет.

Рис. 1.4. Фрагменты шерстяной тесьмы, украшавшей в древности войлочные чулки, из могильника Верх-Кальджин-2

Особенности технологии изготовления пазырыкского текстиля (попытка сравнительного анализа имеющихся материалов)

Коллекция археологического текстиля из могильников плато Укок очень разнообразна. Однако можно отметить, что явно преобладают шерстяные ткани саржевого переплетения. Они составляют больше половины всех имеющихся образцов коллекции. На втором по количеству месте располагаются шерстяные ткани полотняного переплетения. Единичными образцами представлены шелковые ткани, имеется один оригинальный экземпляр шерстяной ткани с ворсом.

По своим свойствам текстиль саржевой структуры из шерстяных нитей — плотный, эластичный, более теплый по сравнению с текстилем полотняного переплетения. Возможно, это чисто функциональное качество во многом определяло традицию применения подобных тканей для поясной одежды. Однако для рассматриваемой древней культуры Алтая явно недостаточно пытаться осмысливать закономерности ее развития только с точки зрения функциональности. В погребальном обряде, а возможно, и в повседневной жизни явно присутствовали определенные значимые символы и образы. Например, судя по обнаруженным тканым вещам, можно предположить, что полотняное переплетение в текстильных изделиях в большей степени было соотносимо с культурным миром женщины, а саржевое — с миром мужчины, хотя встречаются и варианты сочетаний способов переплетения в одной вещи и даже в одном полотне. Сделанное предположение достаточно дискуссионно и, естественно, требует дальнейшего изучения. Интересно также в связи с этим коснуться темы функций тесьмы, жгутов и шнурков среди всех текстильных изделий. На первый взгляд складывается впечатление, что они употреблялись исключительно для декорирования одежды, маскировки швов в полотне изделий (например, рубахи). Однако вполне вероятно, что они выполняли дополнительную семантическую нагрузку — например, охранительную функцию в изделиях.

Само обстоятельство, что текстиль использовали для изготовления различных видов одежды, украшений (и для людей, и для лошадей), явно свидетельствует о привычном и широком его распространении в культуре пазырыкцев в целом. О знакомстве населения с основными принципами технологии его изготовления свидетельствует расположение заплата соответственно направлению основных и уточных нитей, характер штовки строго по утку и т.д. Эти знания о технологии, по всей видимости, были распространены достаточно широко среди населения, которое пользовалось текстильными изделиями. Приемы штовки, совместимые с технологией ткачества, использовали при эксплуатации как шерстяных тканей, так и привозного шелка — сам технологический принцип был настолько понятен, что переносился даже на иноземный, по всей видимости, малознакомый материал.

Одежду пазырыкцы ценили, носили при жизни долго, штовали и чинили, чтобы продлить ей жизнь, сохранив функции. Покойных наряжали в ту же одежду, в т.ч. заштопанную и с заплатами в местах разрывов. Правда, тканая одежда была не единственной в погребальном обряде — здесь присутствует еще и кожаная, и меховая одежда, но иногда текстильных вещей нет вообще.

Сейчас пока сложно объяснить, почему так происходило, к этому вопросу еще предстоит вернуться. Однако все приведенные факты явно свидетельствуют о привычности и ценности одежды из тканей (как шерстяных, так и шелковых) в пазырыкском обществе.

Изучение текстильных материалов скифского времени с пазырыкского Укока в целом влечет необходимость их систематизации и классификации. Все многообразие текстиля можно условно подразделить на ткани, плетеные и витые изделия (табл. 1.4, 1.5). К тканям в данном случае относятся текстильные полотна, имеющие перпендикулярно перекрещенные нити двух структур (утка и основы), которые изготовлены на специальном приспособлении для растягивания значительного количества нитей и образования ткацкого зева. Сюда же относятся и тканая тесьма. Плетения изготавливались без приспособлений такого типа, а с применением простейших подручных средств и рук (возможно, и ног). Витые изделия — жгуты — изготавливали с помощью кручения различного количества одинарных нитей или каким-то образом уже соединенных групп нитей. В свою очередь, ткани делятся на группы по сырью — шерстяные и шелковые, а в рамках этих групп — по структуре.

Шерстяные ткани по структуре можно разделить на следующие виды:

1. *Ткани полотняного переплетения:*
 - а) регулярного;
 - б) основной ренс;
 - в) нетрадиционного регулярного, с двойными нитями основы.
2. *Ткани саржевого переплетения:*
 - а) саржа 2/2;
 - б) саржа 2/1.
3. *Шелковые ткани — только полотняного переплетения (тафта).*

Для полной технологической характеристики необходимо рассмотреть всю совокупность текстильных изделий поэтанно: представить характеристику сырья, пряжи, структуру текстильных изделий и выделить некоторые ее особенности (например, кромки, ткацкие ошибки, соотношение толщины основы и утка, направления и величины крутки нитей и т.д.). На основе всех полученных характеристик можно попытаться реконструировать все этапы технологического цикла изготовления текстиля разного вида, в т.ч. и приспособлений для ткачества, с большей или меньшей достоверностью в каждом конкретном случае.

Пряжа тканых изделий

Из технологических характеристик исследуемых образцов (табл. 1.1, 1.2) следует, что особенностью пряжи текстильных материалов из пазырыкских памятников на плато Укок (за исключением шелковых нитей, которые не имеют крутки) является применение в них нитей одинаковой Z-крутки. Все шерстяные нити

изготовлены по схеме Z-кручения, отличаются друг от друга толщиной, величиной крутки и качеством сырья. В толстых и средних нитях величина крутки составляет от 3–4 до 5–6 об/см по основе, 3–4 об/см по утку; в тонких — от 9 до 10–11 об/см по основе, 7 об/см по утку. Можно также выделить более точные характеристики величины крутки. Например, в материалах из памятникка Ак-Алаха-1 нити основы и утка почти не отличаются по величине крутки, которая равна 3–3,5 об/см. В материалах из памятникка Ак-Алаха-3 нити ткани юбки имеют величину крутки в основе 10–11 об/см, в утке — 7 об/см, в ткани головного убора — 9 об/см в основе и утке. Таким образом, можно отметить, что тканые предметы из разных памятникков имеют разную величину крутки нитей.

Совершенно четко прослеживается следующая закономерность: *нити основы незначительно тоньше нитей утка и более круто свиты* (имеют большую величину крутки по сравнению с утком). Эта характеристика основы и утка имеет рациональное объяснение с точки зрения технологии ткачества. При изготовлении полотна на станке любого вида на нити основы приходится большая нагрузка, в то время как уток просто прокладывается, пробрасывается в ткацкий зев. Самая значительная нагрузка на уток приходится во время операции его прибивания³, но и в этом случае он не подвергается растяжению или деформации. Таким образом, нити основы в полотне ткани должны быть прочнее. Круто свитые нити меньше зацепляются друг за друга при переводе нитей, лучше скользят, меняясь местами. В то же время большая величина утка позволяет быстрее набирать полотно ткани. Знание этих свойств нитей основы и утка свидетельствует о знакомстве с развитой ткацкой технологией.

Тонина нитей основы в материалах изученных образцов колеблется от 0,1–0,25 мм в ткани головного убора и юбки (Ак-Алаха-3) до 0,7–0,8 мм и даже до 0,9–1 мм в мужских штанах (Ак-Алаха-1). Средние параметры тонины нитей составляют от 0,4–0,6 мм до 0,7–0,8 мм. Нити основы с такими параметрами встречаются в ткани мужских штанов и подметках от чулок (Верх-Кальджин-2), ткани шерстяной рубахи и полотнища юбки (Ак-Алаха-5). Параметры утка колеблются в целом от 0,25 мм в ткани юбки (Ак-Алаха-3) до 1–1,4 мм в ткани мужских штанов (Ак-Алаха-1). Средние параметры утка в ткани чулок (Верх-Кальджин-2) составляют от 0,7–0,8 мм до 1 мм.

Таким образом, на основе анализа пряжи возможно констатировать следующую закономерность: наиболее толстые нити использовали для изготовления текстиля, найденного в захоронениях Ак-Алаха-1 (например, ткань штанов); тонкие — в ткани двух полотнищ юбки и рубахи (Ак-Алаха-5), головного убора и юбки (Ак-Алаха-3); нити со средними параметрами основы и утка — в ткани штанов и подметках чулок (Верх-Кальджин-2). Совершенно очевидно, что для изготовления текстильных изделий, обнаруженных в разных памятникках, были использованы нити различной тонины и величины крутки, но всегда с одинаковым направлением кручения. По всем материалам в целом можно констатировать наличие одной технологической традиции изготовления пряжи (направление крутки, более толстый и менее круто свитый уток), однако в исследуемых материалах отчетливо видны и другие особенности в изготовлении нитей. В каждом случае они связаны с характерными параметрами тонины нитей основы и утка, которая во многом объясняется особенностями использованного для пряжи сырья.

Возможно, действовали и другие факторы — импорт или заданные характеристики тканей, под которые и отбиралось сырье. Однако, по всей видимости, случайно в тканых вещах были использованы исключительно толстые нити с малой величиной крутки (Ак-Алаха-1), средние нити со средней величиной крутки (Верх-Кальджин-2) и частично в тканях, причем в части полотен юбки и ткани рубахи использованы более тонкие нити (Ак-Алаха-5), самые тонкие и круто свитые (Ак-Алаха-3), а также в части других материалов (Ак-Алаха-5). В целом, исходя из характеристики всех параметров нитей основы и утка, можно сделать вывод о знакомстве мастеров, изготовивших ткани, с развитыми технологическими традициями древности. Об этом свидетельствует использование более тонкой и круто свитой основы, одинаковое направление крутки одинарных нитей по схеме Z-кручения. Развитую технологическую традицию изготовления качественной пряжи, по всей видимости, следует связать с влиянием евразийских ткацких центров, где сформировались и широко распространились в скифском мире перечисленные характеристики текстиля.

Структура археологического текстиля

Использование для изготовления одежды и других предметов целых полотнищ ткани, в которых сохранились кромки, позволяет точно определить направление основы и утка практически в каждом из рассматриваемых образцов. Это, в свою очередь, позволяет точно диагностировать структуру археологического текстиля. Хорошая сохранность тканей и их отдельных структурных компонентов, таких как нити, кромки, позволяет исследовать структурные характеристики текстиля во всех деталях. Есть возможность говорить не только о способе переплетения нитей, но и о соотношении тонины основы и утка, их величины крутки, характере натяжения нитей обеих структур, отмечать и подробно рассматривать имеющиеся ткацкие ошибки.

Рассматриваемые археологические ткани представлены двумя основными структурами — *полотняного и саржевого переплетения* — которые, в свою очередь, можно подразделить на несколько вариантов. Классическим вариантом структуры полотняного переплетения является ткань с регулярным переплетением, при котором в полотне ткани хорошо фиксируется положение, когда один уток перекрывает одну нить основы (1/1). На поверхности полотна в этом случае хорошо видны нити обеих структур — и основа, и уток. Общее количество образцов такого вида — 5 экземпляров: две шелковые — ткань рубахи и поясного мешочка (Ак-Алаха-3) и три шерстяные ткани — женские штаны и ткань головного убора (Ак-Алаха-1), ткань рубахи (Ак-Алаха-5). В шелковых тканях нити тонкие (0,2–0,25 мм), без кручения, плотность в ткани рубахи около 30 нитей/см по основе, 13–15 нитей/см по утку. Ткань мешочка еще плотнее, особенно по утку. Все это делает ткань эластичной, прочной, красивой на вид. Эти ткани, по всей видимости, можно атрибутировать как тафту.

3. Операция прибивания утка производится на примитивном приспособлении вручную, вызвана необходимостью уплотнения полотна ткани по утку.

В шерстяных тканях этого вида применяли как толстые, так и более тонкие нити с описанными в зависимости от местонахождения характерными особенностями. Одинаковая крутка нитей в основе и утке в полотне толстой ткани делает ее поверхность рельефной, с хорошо выраженной фактурой. Более тонкие и мягкие нити создают ровную поверхность полотна.

Довольно часто в древних текстильных материалах Западной и Южной Сибири встречается ренс — ткань полотняного переплетения, в которой плотность по одной из структур нитей в 2 и более раз превышает плотность по другой структуре. Однако среди текстильных материалов Укока ткань такого типа представлена пока в единственном экземпляре. Ткань чепрака была изготовлена как основной ренс, т. е. плотность по основе (10–12 нитей/см) более чем в 2 раза превышает плотность по утку (5 нитей/см). По всей вероятности, эта ткань имеет изначально заданное свойство — быть разреженной по одной из структур нитей (в данном случае по утку), чтобы затем было возможно выполнить петли по редкому полотну. В этом смысле, так же как и в соотношении параметров нитей (более тонкий уток), ткань чепрака с точки зрения технологии можно считать нетрадиционной для рассматриваемой коллекции. Скорее это исключение из правил, из технологического стандарта, хотя некоторые признаки традиционной ткацкой технологии соблюдены, например, одинаковое направление и соответствующая величина крутки. Нетрадиционным является также использование нитей, более тонких в утке (0,6–0,7 мм), чем в основе (0,8 мм).

Нетрадиционной для данной технологии является также ткань, где наряду с участками саржевого переплетения имеются участки с полотняным переплетением, — подметка чулка (Верх-Кальджин-2) и одно из полотнищ (2-е) юбки (Ак-Алаха-5). В том и другом случае ткань, которую первоначально изготавливали как саржу, в определенный момент стали формировать по принципу другой структуры — полотняной. В этом случае и проявилась одна из ее особенностей, которую можно расценивать как нарушение технологии — использование двойных несвитых между собой нитей основы при одинарном утке. В обоих случаях изготовления тканей с нарушением технологии плотность нитей по основе и утку совершенно различна, так же как различны параметры тоины и величина крутки нитей. Следовательно, это куски разных тканей, в которых дважды повторена одна и та же ошибка. Разная плотность нитей в тканях юбки и подметки чулка, вероятно, во многом объясняется разной толщиной основы и утка. При использовании более толстых нитей плотность уменьшается, и наоборот. Таким образом, разница в параметрах тканей объясняется особенностями сырья и пряжи. Технология «получения ошибки» — полотна с разными структурами переплетения нитей — здесь проявляется как своеобразная закономерность. Особенность структуры полотняного переплетения с двойными нитями основы легко объясняется нарушением технологии изготовления саржевой ткани, когда напосаженные на станок в определенном порядке нити начинают ходить при работе (при переключении ткацкого зева) по более простой схеме. Такой способ получения тканей полотняного переплетения также нельзя считать традиционным, т. е. он связан с нарушением традиционной технологии изготовления тканей саржевого переплетения. Поэтому представляется, что традиционным видом тканей полотняного переплетения для пазырыкского текстиля плоскогорья Укок следует считать ткань с регулярным переплетением, когда в текстильном раппорте видны и основа, и уток (1/1).

Структура саржевого переплетения представлена, в свою очередь, в материалах двумя вариантами: саржа 2/2 и саржа 2/1. Саржа 2/2 представляет собой классический вариант саржевой структуры, когда рельефный узор образуют две нити основы и две нити утка, в каждом ряду перекрытие утком смещается на одну нить основы. Использование нитей с одинаковым направлением крутки делает фактуру полотна рельефной. Диагональные полосы, образованные утком, идут в полотне равномерно, под углом 45 градусов к кромке, т. е. плотность по основе и утку почти одинакова в обоих образцах тканей мужских штанов (Ак-Алаха-1 и Верх-Кальджин-2). В ткани юбки плотность по основе превышает плотность по утку, поэтому диагональные полосы рельефного узора идут более полого по отношению к кромке. Структура саржевого переплетения делает ткань более эластичной, плотной и прочной, а также объемной по сравнению с тканью полотняного переплетения.

Другим вариантом ткани саржевого переплетения является саржа 2/1, когда в текстильном раппорте на лицевой стороне ткани видимой остается одна нить основы, которую перекрывает уток со сдвигом на 1 нить в каждом ряду. Поэтому диагональные полосы, образованные на поверхности полотна утком, в этом случае расположены плотнее друг

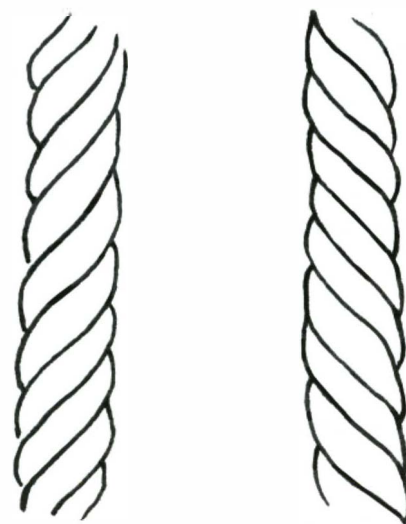

Рис. 1.5. Схема Z- и S-кручения нити

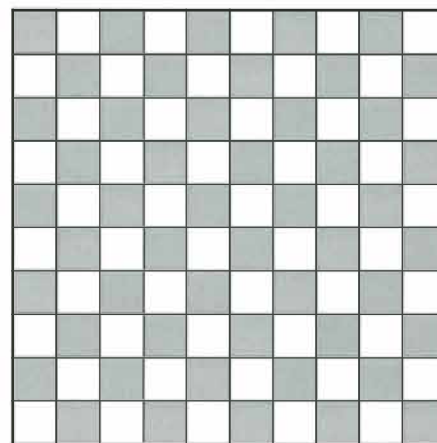
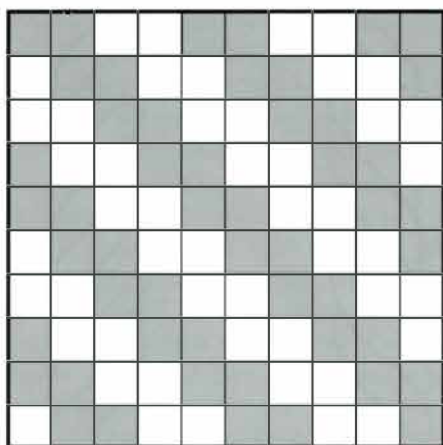

Рис. 1.6. Технологическая схема полотняного переплетения

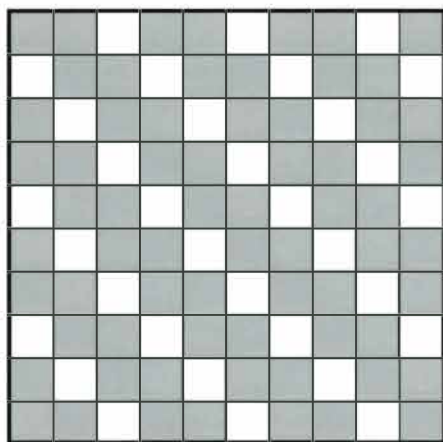
а

Рис. 1.7. Технологическая схема саржевого переплетения:

а — саржа 2/2;

б — саржа 2/1

б

4. См.: [Руденко, 1968, с. 62, иллюстрацию на с. 44, технологическую схему на с. 45].

к другу. Ткань выходит более плотная по утку (29–30 нитей/см), чем по основе (19 нитей/см), кажется еще более объемной. Такая ткань обладает повышенной прочностью, даже при использовании тонких нитей (0,2 мм в основе, 0,1 мм в утке). Саржа 2/1 встречена среди материалов однажды, ее сырье отличается от сырья основной массы тканей очень высоким качеством. Поэтому нет причин считать традиционным для рассматриваемой технологии именно этот вид саржи. Скорее, наоборот, более распространенной и традиционной представляется саржа 2/2, тем более что мастера, которые ее производили, умели изготавливать ткани с другой структурой, свидетельством чему является пример нарушения технологии изготовления саржи.

Таким образом, совершенно очевидно, что население, изготовившее пазырыкские текстильные полотна, было знакомо не только с традициями изготовления пряжи, но и как минимум с двумя способами выработки текстильного полотна двух структур — полотняной и саржевой. В данном случае традиционными будем считать ткани саржевого переплетения (саржа 2/2) и ткани полотняного переплетения с равномерной плотностью по основе и утку. Нарушение соотношения плотности в тканях полотняного переплетения является следствием нарушения традиционной технологии, которое предпринимали всякий раз с определенной целью — для формирования разреженного полотна или окончания работы более простым способом. Факт нарушения технологии, а точнее, очень вольного обращения с ней, сам по себе заслуживает особого внимания. В таком производстве, как ткачество, все этапы изготовления текстиля, начиная с обработки сырья, изготовления пряжи, работы на особом приспособлении для выработки текстильного полотна, как правило, диктуются строго регламентированной традицией. Благодаря этому ткачество у разных этносов со всеми технологическими особенностями дошло до этнографической реальности, например, у западных и восточных славян, финно-угров, тюрков и т.д. (Лебедева, 1956; Попов, 1955; Богомолов, 1979; Валеев, 1980). Во всех этих случаях, по всей видимости, все технологические этапы в их последовательности, так же как и результаты работы, имели некую культурную значимость. Это, как правило, находит свое отражение в ритуальной практике (Боряк, 1989; Глушкова, Дудкина, 2001 и др.). Характерно то, что в описанных случаях нарушение технологии обнаружено повсеместно. Например, в полотне ткани может легко произойти переход от одной структуры к другой. Особенно интересно с этой точки зрения рассмотреть еще один случай — изготовление чепрака из памятника Верх-Кальджин-2.

Часть ткани чепрака представляет собой «петельчатую» ткань, когда на поверхности полотна расположены нитки, скрученные в жгуты, образуя петли и создавая ковровую поверхность. Это имитация петельчатых ковров, известных по материалам из пазырыкских курганов⁴. Ткань из второго Пазырыкского кургана и ткань чепрака из кургана Верх-Кальджин-2 внешне выглядят аналогичными, однако совершенно отличаются по технологии изготовления. В нашем случае петли сделаны в полотне уже готовой ткани, они были введены с помощью специальных приспособлений типа иглы или крючка в разреженное полотно и скручены на лицевой стороне. В ткани из второго Пазырыкского кургана петли образованы утком, который входит в структуру ткани. Ковровая поверхность из скрученных петель образовывалась уже в процессе изготовления полотна, как это происходит в традиционной технологии ковроткачества, известной, например, на территории Средней Азии с эпохи бронзы (Хлопкин, 1980). Именно поэтому чепрак из памятника Верх-Кальджин-2 можно считать имитацией (подражанием) изделия, изготовленного с помощью другой технологии. Создается впечатление, что люди, изготовившие петельчатую ткань, представляли внешние признаки изделия, которое хотели получить (петельчатая поверхность), но не знали точно, как это можно сделать. Другими словами, не представляли себе традиционной технологии во всех деталях. В результате перед нами предстало грубое нарушение традиционной технологии, имитация внешнего вида предмета доступными средствами.

Таким образом, по материалам текстильной коллекции скифского времени с плоского рья Укок постоянно отмечается, с одной стороны, знакомство с развитыми технологиями, с другой — возможность ее нарушения. Можно попытаться объяснить этот факт периферийным положением памятника относительно развитых ткацких центров. Возможно, это свидетельствует также о заимствовании технологии, незнакомой и неосмысленной во всех подробностях, а доступной лишь в наиболее простом варианте, где возможна имитация качеств другими способами. Об этом же свидетельствует и большое количество ткацких ошибок в образцах различных тканей.

Ткацкие ошибки

Текстильные находки с плато Укок, как правило, представлены целыми полотнами, имеющими передко обе кромки, а ткани чаще всего обнаружены в изделиях. Это позволяет идентифицировать у тканей лицевую сторону и изнанку, а также направление нитей основы и утка, различать которые необходимо для более точной характеристики структуры полотен. Точное знание структуры и характеристик лицевой стороны текстиля позволяет более полно представить ткацкие ошибки — сбивы в ритме, которые происходят из-за путаницы нитей при невнимательном пробрасывании утка и т.д. Ткацкие ошибки помогают понять и систему крепления нитей основы, способ их растяжения для образования ткацкого зева. Они являются весьма информативным признаком и наряду с другими ведут к реконструкции и верификации моделей приспособлений для ткачества.

Все многообразие ткацких ошибок можно условно подразделить на 5 видов:

1. Пропуск одной нити основы на лицевой стороне ткани, при этом одна лишняя нить основы появляется на изнанке. Ошибка образуется из-за нечеткого перевода нитей основы при смене ткацкого зева (например, нечетных нитей).

2. Пропуск одной нити основы на изнанке. Ошибка аналогична первой, но в данном случае нечетко переведенной при образовании ткацкого зева является другая половина нитей (например, четных).

3. При сновании основы может быть пропущена одна нить, которая в этом случае попадает в петлю ниточки не по порядку.

4. При сновании основы в одну петлю ниточки могли попасть по ошибке сразу две нити — в этом случае в полотне ткани образуется двойная основа на всем протяжении полотна.

5. Двойной уток образуется из-за дважды пропущенной уточной нити без перемены ткацкого зева.

Все пять вариантов ткацких ошибок были протестированы автором этой работы в экспериментальных экспедициях, проводи-

Рис. 1.8. Технологическая схема переплетения ткани чепрака из кургана 1 могильника Верх-Кальдзин-2 («петельчатая» ткань)

мых в 90-е годы XX в. в археологической лаборатории Тобольского государственного педагогического института, а также летом 2002 г. в экспедиции Сургутского педагогического института.

Тестирование возможных вариантов ткацких ошибок позволяет реконструировать условия и причины их получения на различных приспособлениях при изготовлении полотен разных структур.

Так, было выяснено, что первая и вторая ошибки в полотне ткани возможны лишь в случае, если нити основы в устройстве для ткачества пропускались через нитяные петли ниточек, расположенных перпендикулярно к вертикально растянутой основе. В этом случае для образования ткацкого зева нити основы переводятся вручную движением ниточек, снятых с креплений. Это указывает на вариант вертикального или примитивного горизонтального ткацкого станка. Третья, четвертая и пятая ткацкие ошибки возможны при любом способе снования основы на вертикальном или горизон-

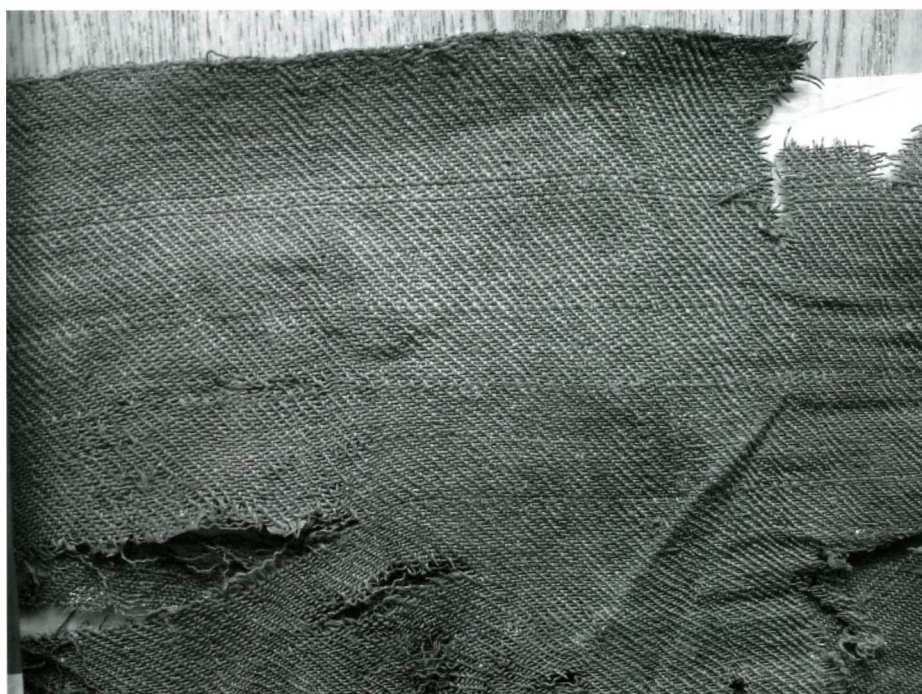

Рис. 1.9. Мужские штаны из могильника Верх-Кальдзин-2 с ткацкими ошибками нескольких видов: пропуском нити основы на изнанке или на лицевой стороне и двойной нитью основы

тальном ткацком станке. Эти ошибки связаны с невнимательностью мастеров, поэтому не могут быть использованы для верификации моделей ткацких приспособлений.

Таким образом, наиболее информативными оказались первая и вторая ошибки, которые свидетельствуют в пользу применения вертикального ткацкого станка для изготовления текстильных полотен. Это же подтверждает и недостаточно сильное натяжение нитей в полотне ткани (слабо, хотя и равномерно растянутые нити основы). Однако такие признаки, как равномерная плотность по основе и утку, одинаковое фиксированное расстояние между нитями основы, свидетельствуют о прибивании утка и растягивании основы с помощью какого-то приспособления типа рамы-берда, где каждая нить получает свое определенное место, а расстояние между нитями основы строго фиксируется. Таким образом, первая и вторая ткацкие ошибки доказывают печеткий перевод нитей основы при образовании ткацкого зева, что обусловлено жестким креплением разделения нитей с помощью нитяных петель ичиченки. Наиболее вероятная модель ткацкого приспособления, отвечающая всем рассмотренным признакам, – вертикальный или примитивный горизонтальный ткацкий станок с ичиченками (одной – для тканей полотняного переплетения, четырьмя или тремя – для тканей саржевого переплетения) и рамой-бердом. Работа на таком приспособлении позволяет получить практически все шерстяные ткани из рассматриваемой коллекции.

Часть образцов имеет большое количество ткацких ошибок (нитяны и ткань подметки чулка из могильника Верх-Кальджин-2), другие – минимальное по сравнению с предыдущими (рубаша и некоторые полотнища юбки из памятника Ак-Алаха-5, головной убор из могильника Ак-Алаха-3). Довольно часто ошибки первого и второго видов встречаются в ткани нитанов (могильник Ак-Алаха-1). Нарушение технологических традиций и ошибки в переплетении в данном случае можно рассматривать не только как результат невнимательности ткачей, но и как отсутствие специализации, традиций ткацкого ремесла у пазырыкцев. Текстиль небольшой, непостоянной ширины, к тому же с нарушением технологии, часто изготовленный из неравномерно пропряденных, достаточно толстых или средних нитей основы и утка. Вероятнее всего, он относится к домашнему производству.

Итак, характеризуя ткацкую традицию рассматриваемого текстиля, можно отметить следующие признаки: использование шерстяной пряжи одинакового Z-кручения в основе и утке, более тонкой и круче свитой основы при изготовлении тканей полотняного или саржевого переплетения (саржа 2/2) на вертикальном ткацком станке. В ряде случаев отмечаются вольное обращение с ткацкой традицией, нарушение некоторых ее признаков либо печеткая работа на приспособлении, что приводит к появлению большого количества ткацких ошибок различных типов. Необходимо также учесть характер сырья археологического текстиля. Все это создает возможные предпосылки для выделения привозных тканей и тканей местного производства.

Прежде всего, в разряд импортных тканей необходимо отнести шелка. Шелковое сырье не вырабатывалось кочевниками Алтая, это – безусловный импорт. Н.В. Полосмак, опираясь на свидетельства Е.И. Лубо-Лесниченко и данные специальной литературы, убедительно доказала не китайское происхождение ткани шелковой рубашки из памятника Ак-Алаха-3, а, скорее всего, индийское [Полосмак, 2001, с. 110–112]. К импортным относятся переднеазиатские узорные ковры и узелковые ковры из Пазырык-

ских курганов [Руденко, 1968], хотя рассмотренную «петельчатую» ткань чепрака из памятника Верх-Кальджин-2 кургана 1 можно скорее отнести к группе местных.

Часть тканей, несомненно, была связана с местной традицией изготовления текстиля. Об этом свидетельствуют следующие факты:

1. Многие общие признаки полотен шерстяных тканей полотняного и саржевого переплетения, которые варьируют в рамках единой евразийской ткацкой традиции (пряжа, структура текстиля, приспособления для его изготовления, способы плетения тесемок и жгутов).

2. Большое количество изделий различного облика, в то же время их характерные особенности по памятникам (толщина нитей, количество ошибок и т.д.).

3. Использование для изготовления тканей, тесемок и жгутов аналогичных нитей и способов их получения.

4. Большое количество тесемок и жгутов среди общей массы текстильных изделий.

5. Окрашивание аналогичными красителями готовых изделий.

По всей видимости, к местному можно отнести текстиль, в той или иной мере соответствующий выделенному стандарту: шерстяные ткани полотняного и саржевого переплетения (саржа 2/2) с одинаковым направлением крутки в основе и утке и разными характеристиками толщины и величины крутки, с ткацкими ошибками и редким нарушением традиционной ткацкой технологии.

Более точные и строгие доказательства местного происхождения текстильных изделий может дать глубокий анализ используемого для изготовления текстиля сырья, пока же речь идет о предварительной идентификации.

Е.И. Лубо-Лесниченко рассматривал связи пазырыкцев, прежде всего, на примере текстильных материалов в IV–III вв. до н.э. с южнокитайским царством Чу, Центральной Азией и Южной Сибирью, предполагая наличие сообщения по древней торговой дороге [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 220–222]. Эти связи воспринимаются как взаимодействие скотоводческих культур Центральной Азии, Китая и Восточной Индии. Как известно, по Великому шелковому пути в далекой древности перемещались не только товары, но передавались и технологии. По торговым путям и путям культурных взаимодействий перемещались также носители технологических традиций. Исследователи неоднократно отмечали находки в Пазырыкских курганах Алтая предметов переднеазиатского и китайского происхождения (Руденко, 1968; Лубо-Лесниченко, 1994; Полосмак, 1994, 2001 и др.). В рассматриваемом случае, возможно, следует констатировать наряду с приобретением импортного текстиля также заимствование ткацкой технологии в уже сложившейся форме из развитых ткацких центров. Пока сложно сказать, из каких именно, однако очевидно, что речь идет о евразийских центрах. Устоявшаяся технология на Алтае подвергалась «варваризации» со стороны местного населения.

Однако ткани, текстильные изделия в целом для скифского населения Алтая представляли некую культурную ценность, несмотря на то что тканая одежда видится исследователям, как отметила Н.В. Полосмак, «почти ненужной роскошью» [Полосмак, 2001, с. 184]. Информация о технологии ткачества была достаточно широко распространена в рамках пазырыкской культуры. Выработка текстильных изделий, по всей видимости, не являлась специализированным занятием для ремесленников.

Скорее ткани и плетения из коллекций памятников Укока — предметы домашнего производства, очень разнообразные по уровню исполнения, часто с нарушениями технологии. Однако только люди, которые «знали толк в тканях» и воспринимали их как некую ценность, стремились завозить их, и нередко издалека. Только те, кто представлял себе структуру тканого полотна, мог располагать заплатки соответственно расположению нитей основы и утка, штопать текстильные полотна по утку, воспроизводя структуру тканей. Только тот, кто неформально представлял себе технологию изготовления тканых полотен, имел представление о их ширине, кромках и способах соединения швов, стал бы декорировать неразрезанное полотно полочки шелковой рубахи так, как это сделано на шерстяных изделиях с узкой шириной, чтобы замаскировать места соединения полотнищ ткани. Только знание свойств различных тканей привело к тому, что для изготовления рубах применяли в основном ткани полотняного переплетения, а штаны и юбки шили в основном из саржи, более прочной и теплой, чем ткань полотняного переплетения. Только население, осознающее ценность тканей, так высоко ценило тканую одежду, стремилось продлить ей жизнь, штопая ее и покрывая заплатками, наряжало в эту одежду покойных, сопровождая их в мир иной всеми необходимыми и культурно значимыми вещами и предметами.

Многие из традиций ткачества, распространенные в пазырыкской культуре, нашли свое продолжение в последующий период в культуре этносов Сибири — в традициях плетения тесьмы, жгутов, изготовлении тканей на вертикальном или примитивном горизонтальном ткацком станке, в способе изготовления тканей саржевого переплетения, использовании в основе и утке нитей с одинаковым направлением крутки, но разной толщины. Алтайский пазырыкский текстиль, таким образом, является одним из этапов или вариантов развития евразийской ткацкой традиции, максимально адаптированной к условиям системы жизнеобеспечения на Алтае, к скотоводческому хозяйству.

Литература

- Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на Шелковом пути (шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). — М.: Восточная литература, 1994. — С. 220–222.
- Полосьмак Н. В. Всадники Укока. — Новосибирск: ИНФОЛНЮ-пресс, 2001. — 336 с.
- Руденко С. П. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. — М.: Искусство, 1968. — 121 с.

2. Исследование красных и синих красителей в образцах древнего текстиля

Г.Г. Балакина, В.Г. Васильев, В.И. Маматюк

Для исследования красителей использовался метод высокоэффективной жидкостной хроматографии (HPLC) со спектрофотометрическим [Novotna, 1999; Wouters, 1985, 1989, 1992] и масс-селективным детектором (Agilent 1100 Series LC/MCD).

К настоящему времени накоплено много информации о природных красителях [Schweppe, 1993], установлено строение и изучены свойства их основных компонентов.

Идентифицированные на образцах древнего текстиля красные красители являются компонентами марены красильной, кошенили — род червецов (кокцид) *Dactylopius*, карминоносных червецов польских и армянских — род *Porphirophora*, кермеса — род *Kermes* [Яценко, Амбарцумян, 1999].

Корни марены красильной вида *Rubia tinctoria* содержат в клетках желтую жидкость, которая при высушивании дает порошок, называемый «крапном». Основными красящими веществами крапина являются ализарин и пурпурин.

Красящим веществом кошенили (*Dactylopius coccus*) и армянских карминоносных червецов (*Porphirophora hamelii*) является карминовая кислота, польских карминоносных червецов (*P. polonica*) — карминовая и кермесовая кислоты, кермеса (*Kermes vermilio*) — кермесовая кислота. Известно, что содержание карминовой кислоты в червецах *P. polonica* колеблется от 62 до 88 % от общего содержания красителей [Wouters, 1989].

Червецы вида *Dactylopius coccus* обитают в Центральной Америке на кактусах рода *Opuntia* и *Nopala*. После открытия Америки кошениль была привезена испанцами из Мексики в Европу.

Для рода *Porphirophora* известно 47 видов червецов, большинство из которых обитают в Средней Азии и Закавказье (28 видов),

а также в Средиземноморье (14 видов), на Дальнем Востоке (3 вида), в Непале (1 вид) и в Южной Африке (1 вид) [Яценко, Амбарцумян, 1999].

Источником кермесовой кислоты является только один вид рода *Kermes* — *K. vermilio*, известный в Португалии, Испании, Южной Франции, Северной Италии, бывшей Югославии и питающийся на дубе *Quercus coccifera* (Там же).

Источниками для получения синего красителя индиго являются растения рода *Indigofera* и рода *Isatis*. Вид *Indigofera tinctoria* произрастает, главным образом, в Индии и Средней Азии, а вид *Isatis tinctoria* (вайда) — в Средней Европе и на юге России. Красящими веществами растений рода *Indigofera* являются индиго и индирубин. В растениях рода *Isatis* содержание индирубина мало (Елкина, 1980), или он отсутствует вовсе. Поэтому из них выделяется краситель унылого синего цвета, а ярко окрашивающее индиго из Индии ценилось особенно дорого (Возникновение, 1980).

Из выделений желез моллюсков рода *Murex* (*M. brandaris*, *M. frunculus*), обитающих в Средиземном море, производится пурпур — древний краситель, появившийся, по сведениям археологов и историков, на острове Крит примерно в 1600 г. до н.э. В древности пурпур изготавливали в основном финикийцы, построившие красильни по всему Средиземноморью [Яценко, Амбарцумян, 1999]. Интенсивное изучение пурпура началось во второй половине XX века. По данным обзора [Cooksey, 2001], компонентами пурпура, полученного из разных видов моллюсков, являются 6,6'-диброминдиго (77–91 %), 6-броминдиго (1–16 %) и 6,6'-диброминдирубин (1–14 %), а в красящем веществе моллюска *Murex trunculus* есть еще индиго и индирубин.

*Результаты хроматографического исследования красителей
текстильных изделий пазырыкской культуры
(табл. 2.1, 2.2)*

Фонды музея ИАЭТ СО РАН

Таблица 2.1

№ образца	Памятник	Изделие	Объект исследования	Цвет	HPLC, % — относительное содержание красителей				
					Ализарин	Пурпурин	Карминовая кислота	Кермесовая кислота	Индиго
2Н	Ак-Алаха-3	Кисти пояса юбки	Шерсть, нити	Красный	62	37	Следы	1	—
3Н	Ак-Алаха-1	Подвеска к колчану	Шерсть, нити	Красный	62	37	75	9	—
5Н-1 5Н-2	Ак-Алаха-5	Юбка из 2 полос	Шерсть, полоса:	Красный Коричневый	— 21	— 16	30 33	70 30	— —
6Н	Ак-Алаха-1	Украшение упряжи	Аппликация войлоком	Красный	11	5	47	37	—
7Н	Ак-Алаха-5	Украшение седла (головка барана)	Фрагмент войлока	Красный	48	29	6	17	—
8Н	Верх-Кальджин-2	Шуба	Меховая отделка	Синий	6	6	78	10	+
9Н	Ак-Алаха-1	Штаны женские	Шерсть, нити	Коричневый	32	4	19	45	—
10Н	Верх-Кальджин-2	Штаны мужские	Шерсть, нити	Коричневый	77	23	—	—	—
11Н	Кутургунтас	Рубаха	Шерсть	Красный	9	10	21	60	—
13Н	Ак-Алаха-1	Штаны мужские	Шерсть, нити	Коричневый	49	31	13	7	—
14Н	Ак-Алаха-3	Юбка из 3 полос: низ верх	Шерсть, нити Шерсть, нити	Красный Светло-красный	16 32	9 22	26 20	49 26	— —
15Н	Ак-Алаха-3	Юбка из 3 полос	Шерсть, нити средней полосы	—	10	25	28	37	—
16Н	Ак-Алаха-5	Фрагмент	Шерсть, нити	Красный	36	35	22	7	—
17Н	Верх-Кальджин-2, курган 1	Шуба	Мех (фон)	Светлый	Следы	Следы	—	—	—
19Н	Катанда	—	Шерсть	—	50	14	*6	30	—
21Н	Катанда	—	Шерсть	—	59	10	*6	25	—
22Н	Ак-Алаха-3	Колпак (головной убор)	Фрагмент войлока	Красный оттенок	Следы	Следы	—	—	Следы
23Н	Верх-Кальджин-1	Покрывало седла	Шерсть, нити	Красно-коричневый	—	—	43	57	—
24Н	Верх-Кальджин-2	Штаны мужские	Шерсть, нити	Коричневый	56	29	*9	6	—
25Н	Верх-Кальджин-2	Сапоги-чулки	Тесьма из ткани, шерсть	Красный	9	3	38	50	—
26Н	Верх-Кальджин-2, курган 3	Шуба	Меховая отделка	Красный	74	26	—	—	—
27Н	Верх-Кальджин-2, курган 1	Шуба	Меховая отделка	Красный	34	12	20	34	—
28Н	Ак-Алаха-3	Сапоги-чулки	Аппликация войлоком	Красный	49	26	11	14	—
29Н-1 29Н-2	Ак-Алаха-3	Покрывало седла «львиные грифоны»	Фрагмент войлока	Красный Синий	Следы Следы	Следы Следы	45 —	55 100	Следы +
30Н-1 30Н-2	Ак-Алаха-1	Покрывало горита	Фрагмент войлока	Красный Синий	33 Следы	67 Следы	— Следы	— Следы	— +

* Идентифицированы по времени удерживания.

Фонды Государственного Эрмитажа

Таблица 2.2

№ образца	Памятник	Изделие, объект исследования	Цвет	HPLC, % — относительное содержание красителей				
				Ализарин	Пуриурин	Карминовая кислота	Кермесовая кислота	Индиго
1684/254(1)	Пазырык-2	Фрагмент женской юбки, шерсть	Красно-бордовый	22	24	36	18	Следы
1684/254(2)	Пазырык-2	Фрагмент женской юбки	Сине-зеленый	18	25	34	23	+
1684/225	Пазырык-2	Фрагмент	Коричнево-зеленый	33	27	17	23	+
1684/257	Пазырык-2	Фрагмент мужской рубахи, хлопок	Рыжеватый	27	73	—	—	—
1684/255	Пазырык-2	Фрагмент женской юбки, шерсть	Зеленовато-коричневый	*19	27	*23	*31	+
1684/264(1)	Пазырык-2	Шерстяная ткань	Коричневый	*6	40	54	—	—
1684/264(2)	Пазырык-2	Шерстяная ткань	Зеленовато-коричневый	*7	48	30	*15	—
1684/258	Пазырык-2	Фрагмент мужской рубахи, хлопок	Рыжеватый	*5	95	—	—	—
1684/251	Пазырык-2	Фрагмент ткани, шерсть	Красный	8	3	63	26	—
1684/274	Пазырык-2	Фрагмент шнура плетеного, шерсть	Красно-коричневый	14	4	68	14	—
1684/482	Пазырык-2	Фрагмент шерстяной ткани	Красный	35	2	46	17	—
1684/483	Пазырык-2	Шерстяная ткань	Красный	16	37	34	13	—
1684/252	Пазырык-2	Шерстяная ткань	Красный	18	18	42	22	—
1684/244-250(2)	Пазырык-2	Полоса юбки, фрагмент гобелена, шерсть	Полихромный	17	83	—	—	+
1684/244-250(1)	Пазырык-2	Фрагмент однотонной полосы юбки, шерсть	Красно-коричневый	23	75	*2	—	Следы
1684/253	Пазырык-2	Шерстяная ткань	Красный	28	25	30	17	—
1684/46	Пазырык-2	Основная часть петлевого ковра, шерсть	Коричневый	16	*12	48	*24	Следы
1684/6	Пазырык-2	Часть петлевого ковра	Коричневый	9	12	45	34	+
2180/96	Туэкта-2	Веревочки	Коричневый	58	42	—	—	—
2180/94	Туэкта-2	Тесьма	—	16	10	43	31	—
2180/95	Туэкта-2	Помпон из войлока	—	5	4	50	41	—
2180/92	Туэкта-2	Шерстяная ткань	Коричневый	*49	27	—	24	Следы
2180/102'	Туэкта-2	Фрагмент узорной тесьмы	Коричневый	18	14	13	55	+
2180/99	Туэкта-2	Фрагмент тонкой шерстяной ткани	Коричневый	40	50	—	10	—
2179/1024	Туэкта-1	Шерсть, фрагмент ткани	Красно-бордовый	16	10	10	64	—
1793/14	Башадар-2	Кисти витые	—	41	41	13	5	—
1793/12	Башадар-2	Фрагмент шерстяной ткани	Темно-коричневый	Следы	—	Следы	—	+
1684/3	Пазырык-2	Ковер, фрагмент	Темно-коричневый	—	*28	48	24	—
1684/3	Пазырык-2	Ковер, фрагмент	Светлый	5	3	73	19	—
1687/100	Пазырык-5	Чепрак, войлок	Красный	11	4	59	26	—

* Идентифицированы по времени удерживания.

Окончание таблицы 2.2

№ образца	Памятник	Объект исследования	Цвет	HPLC, % — относительное содержание красителей				
				Ализарин	Пурпурин	Карминовая кислота	Кермесовая кислота	Индиго
1687/100	Пазырык-5	Чепрак, шти из квадрата (1)	Белый	—	—	—	—	+
1687/100	Пазырык-5	Чепрак, шти с женской фигуры (4)	Зеленый	Следы	Следы	Следы	Следы*	Следы
1687/100 ¹	Пазырык-5	Чепрак, шти с женской фигуры (3)	Синий	1	1	94	4	+
1687/100 ²	Пазырык-5	Чепрак, поле (5)	Фиолетовый	—	—	—	—	+
1687/100 ²	Пазырык-5	Чепрак, геометрический орнамент (2)	Синий	—	—	—	—	+

¹ Определен индирубин.

² Определены 6-броминдиго и 6,6'-диброминдиго.

* Идентифицированы по времени удерживания.

Литература

Возникновение и развитие химии с древнейших времен до XVII века / Под ред. Ю. И. Соловьева. — М.: Наука, 1980.

Елкина А. К. Крашение дублировочных материалов натуральными органическими и кубовыми красителями. Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация / ВНИИР. — М., 1980. — Вып. 6 (36). — С. 95—111.

Яценко Р. В., Амбарцумян А. А. О проблеме кармина с точки зрения энтомолога и филолога // TETHYS Entomological Research. — 1999. — No 1.

Cooksey C. J. Review: Tyrian Purple: 6,6'-Dibromoindigo and Related Compounds // Molecules. 2001, No 6, p. 736—769. <http://www.mdpi.org>

Novotna P., Pacakova V., Bosakova Z., Stulik K. High-performance liquid chromatographic determination of some anthraquinone and naphthoquinone dyes occurring in historical textiles // Journal of Chromatography A. 1999, 863, p. 235—241.

Schweppe H. Handbuch der Naturfarbstoffe: Vorkommen, Verwendung, Nachweis. Landsberg/Lech: ecomed Verlagsgesellschaft. 1993.

Wouters J. High performance liquid chromatography of anthraquinones: analysis of plant and insect extracts and dyed textiles // Studies in Conservation. 1985, 30, p. 119—128.

Wouters J., Rosario-Chirinos N. Dye analysis of pre-columbian Peruvian textiles with high-performance liquid chromatography and diode-array detection // J. of the American Institute for Conservation. 1992, V. 31, No 2, Article 7, p. 237—255.

Wouters J., Verhecken A. The scale insect dyes (Homoptera: Coccoidea). Species recognition by HPLC and diode-array analysis of the dyestuffs // Annls Soc. Ent. Fr. (N.S.). 1989, No 25(4), p. 393—410.

3. Неорганические компоненты в составе археологического текстиля из «замерзших» могил Горного Алтая (IV—III вв. до н.э.)

*В.В. Малахов, А.А. Власов,
И.Л. Краевская, Л.С. Довлитова*

Определение типов красящих веществ и способов крашения тканей, применявшихся пазырыкцами в древние времена, является достаточно сложной задачей. Среди веществ, использовавшихся для протравы, крашения и закрепления окраски тканей, могли быть и химические соединения неорганической природы, в т.ч. природные минералы. Поэтому более точную информацию о природе неорганических компонентов и их принадлежности к перечисленным выше группам можно получить только с помощью методов фазового анализа, позволяющих определять присутствие в тканях не только химических элементов, но и их соединений неорганической природы.

Среди неорганических веществ, присутствующих в составе образцов археологического текстиля, целесообразно выделить три основные группы:

1. Минеральные вещества — использовавшиеся в древних технологиях при изготовлении и крашении тканей (неорганические пигменты, компоненты протравы и др.).

2. Специфические компоненты — следы загрязнения тканей различными лекарственными формами (соединения ртути, минеральные присыпки), косметическими средствами (минеральные красители), следы присутствия на тканях металлических накладок, украшений, пуговиц и т.п. (золото, серебро, медь, цинк, свинец), а также остатки моющих средств (калий) и т.п.

3. Тривиальные загрязнители: пыль, песок, глина, зола и т.п.

Данные о природе неорганических компонентов могут служить основанием для более аргументированных выводов об источниках сырья, используемого для производства текстиля пазырыкцами, о происхождении импортных тканей, о красителях и пигментах, способах крашения и т.п. Такие данные могут пролить дополнительный свет на мифологические и мировоззренческие представления пазырыкцев, связанные с ткачеством, окраской тканей и шитьем одежды.

Методы определения химического состава древнего текстиля

Элементный анализ

Присутствие неорганических компонентов в образцах древних археологических тканей устанавливали, в первую очередь, методами элементного химического анализа. Определение элементного состава тканей проводили методами качественного и количественного химического элементного анализа, а также методами атом-

но-эмиссионной спектроскопии с индуктивно связанной плазмой (АЭС ИСП) и рентгеновской флуоресцентной спектроскопии (РФС). Были использованы АЭС ИСП спектрометр фирмы BAIRD и РФС спектрометры VRA-20 и «Спрут-001».

Применяли способы и методики пробоподготовки и анализа тканей, обеспечивающие выявление состава и структуры их различных частей и характерных деталей и в то же время — максимальную сохранность и возможность относительно быстрого получения результатов с необходимой точностью и чувствительностью. Использовали технику подмикро- и микроанализа, поскольку в большинстве случаев имелись ограничения в количестве анализируемого материала.

Фазовый (минеральный) анализ

Минеральные объекты — сложные многоэлементные многофазовые твердые природные вещества — относятся к числу наиболее трудно поддающихся фазовому анализу. Применение для фазового анализа древних тканей наиболее распространенного метода рентгенофазового анализа оказалось практически невозможным из-за сложного многоэлементного состава неорганического вещества тканей, его низкого содержания (доли процента) и малой массы анализируемого материала (мг). Следует заметить, что аналитические свойства минеральных объектов характеризуются рядом существенных особенностей. Во-первых, смесь твердых фаз невозможно диспергировать и гомогенизировать до уровня формульных единиц (исключение — молекулярные кристаллы). Поэтому все известные способы разделения таких смесей на индивидуальные составляющие характеризуются низкой селективностью и эффективностью. Во-вторых, осложнения при анализе связаны с существованием твердых фаз переменного состава, в т.ч. пространственно неоднородных, которые невозможно описать единой формулой. В-третьих, твердые вещества характеризуются вариацией своей реальной структуры. Твердые вещества состоят из аморфных и кристаллических фаз с различными дефектами кристаллической структуры, дисперсностью и т.д. Поэтому такие вещества отличаются непостоянством удельных характеристик физических и химических свойств соответствующих фаз. По этой причине принципиально невозможно приготовить эталонные образцы таких твердых фаз.

Впервые для идентификации и количественного определения фазового (минерального) состава неорганических веществ из состава древних тканей был использован новый химический метод дифференцирующего растворения (ДР). Этот метод является

безэталонным и отличается высокой чувствительностью, что позволяет непосредственно определять фазовый (минеральный) состав неизвестных веществ. Химический метод ДР — это высокопроизводительный инструментальный метод, а соответствующий прибор — стехнограф — полностью компьютеризированная экспериментальная установка, в которой в качестве детектора-анализатора используется АЭС ИСП. Метод ДР позволяет в значительной мере преодолевать трудности, связанные с перечисленными выше особенностями свойств минеральных объектов. Объектами метода ДР могут быть фазы постоянного и переменного состава, кристаллические и аморфные, с различной морфологией, дисперсностью, пористостью и т.д. [Малахов, 1994, с. 349–360]. Возможности и ограничения метода ДР в применении к объектам геохимии и минералогии были изучены ранее при определении фазового состава ряда мономинеральных фракций и стандартных образцов горных пород, природных аэрозолей и минералов. Метод ДР с успехом использовали для исследования неорганических пигментов: твердого раствора сульфида церия, $-\text{[Na}_2\text{S]}\text{-Ce}_2\text{S}_3$, — красного пигмента нового поколения неорганических красителей [Vasilyeva E.A., 1998, p. 72–77] и археологической находки — вивинита, фосфата железа II (обозначение степени окисления железа), — синего минерала-красителя из предметов косметики «ледяной леди» [Феномен алтайских мумий, 2000, с. 175].

Фазовый анализ проб археологических тканей проводили в проточном динамическом режиме растворения, последовательно изменяя состав растворителя от H_2O к HCl ($\text{pH}=2$), далее — к раствору HCl (1,2 М) и затем — к раствору HF (1:5). Температура растворителя при этом возрастала от 20 до 80°C. Навеску каждой исследуемой ткани (около 10 мг) помещали в проточный реактор стехнографа. Предварительно были разработаны методики АЭС ИСП определения элементного состава растворов, образующихся при дифференцирующем растворении проб аэрозолей. В образцах определяли содержание 15 элементов: Na, K, Mg, Cu, Ca, Sr, Ba, Zn, Cd, Al, Si, S, Fe, Co и Ni. Были учтены эффекты взаимного влияния определяемых элементов, а также эффекты, связанные с изменением состава и температуры растворов. К сожалению, в ряде случаев данные ДР о переходе в раствор кремния были искажены (по объективным причинам), что не позволило точно определить соответствующий стехиометрический коэффициент для фрагментарных формул силикатов. В этих формулах кремний представлен как Si_x .

Химический состав древнего текстиля

Элементный состав

В первую очередь был определен элементный состав образцов древнего текстиля (III в. до н.э.) из фондов музея ИАЭТ СО РАН. Для повышения уровня достоверности результатов исследования число объектов исследования было расширено за счет материалов пазырыкской культуры из «царских» курганов, хранящихся в Эрмитаже и ГИМе. В общей сложности был проведен элементный анализ более 100 различных фрагментов древнего текстиля из 49 образцов, среди которых были предметы одежды и быта пазырыкцев: рубахи, штаны, юбки, шубы, пояса, войлок, ковры, тесьма, шнуры, веревки, колчаны, предметы конской упряжи.

Результаты элементного анализа древнего текстиля являются полуколичественными — интервал, в котором находилось содержание того или иного элемента, определяли обычным образом: по положению аналитических линий в спектре каждого элемента и их интенсивности. Целесообразность выполнения элементного анализа на полуколичественном уровне была обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, отсутствовала возможность приготовления представительных средних проб анализируемых объектов, состав разных частей которых мог значительно различаться. Во-вторых, существенно ускорялся процесс анализа, что позволяло проводить определение до 25 элементов в каждой пробе. В-третьих, полуколичественные данные позволяли получить достаточно четкое представление об элементном составе анализируемых объектов. В то же время при необходимости могли быть получены и количественные данные о содержании в этих объектах тех или иных элементов.

При общем обзоре данных можно сделать следующие выводы. Основными элементами в составе образцов являются кремний, алюминий, железо, медь, сера. Свинец, золото, серебро и ртуть содержатся в основном на уровне предела их обнаружения, т.е. около 0,001 % масс. и менее. Присутствие следов серебра обнаружено в 27 образцах, золота — в 20, ртути — в 26 из всех 49 образцов.

Фазовый (минеральный) состав

Прежде всего, методом ДР был исследован состав семи стандартных образцов тканей, приготовленных в Эрмитаже, которые представляли собой современные ткани, окрашенные по древним рецептам. Анализ стандартных образцов позволил сделать обоснованные выводы о правильности результатов фазового анализа тканей. Кинетические кривые растворения неорганических компонентов подтверждают присутствие в стандартных образцах тканей основных компонентов использованных при крашении протрав — соединений алюминия, железа, хрома, а также кальция и калия. Формулы соответствующих соединений представлены как Al_x , Ca_x , K_x , Cr_x . К сожалению, в настоящее время отсутствуют методы определения ряда элементов, адекватные задачам ДР, прежде всего водорода, кислорода, углерода, азота. В этом случае соответствующие формулы фаз оказываются «фрагментарными», отражающими стехиометрию только в отношении определяемых элементов. Индекс «1» в фрагментарной формуле простого или сложного соединения отличает эти формулы от традиционных. Таким образом, формулы Al_x , Ca_x , K_x , Cr_x говорят о присутствии в тканях индивидуальных соединений этих элементов, наиболее вероятно, что это их оксиды, сульфаты или карбонаты. Методом ДР также определяли фазовый состав белой высокодисперсной твердой взвеси воды реки Ак-Алаха. Эта взвесь образуется в результате эрозии минералов из ложа реки Ак-Алаха и также является смесью алюмосиликатов с высоким содержанием алюминия. Это определяет и белый цвет взвеси, и само название реки. Можно предполагать, что вода из реки Ак-Алаха использовалась древними пазырыками как для стирки, так и в процессах окраски тканей. При этом алюмосиликатная взвесь могла играть роль естественной протравы.

Среди результатов проведенных исследований наибольший интерес представляют данные ДР, которые позволяют сделать выводы о присутствии неорганических веществ, применявшихся для протравы, крашения и закрепления окраски древних тканей. Известно, что протравное крашение использовали с незапамятных

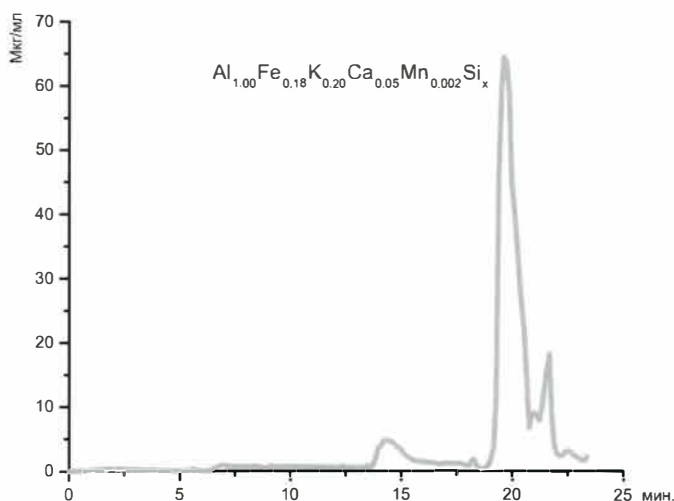

Рис. 3.1. Кинетические ДР-зависимости образца осадка реки Ак-Алаха

времен, а вещество протрав составляли оксидные и гидроксидные соединения алюминия, кальция, олова и некоторых других элементов [Малахов, 1994, с. 349–360].

В проанализированных стандартных образцах тканей из Эрмитажа также были обнаружены соединения алюминия и хрома, применявшиеся при протравном крашении. Свободный алюминий $Al_{1.00}$ и хром $Cr_{1.00}$ — это, вероятнее всего, гидроксидные и оксидные соединения этих элементов, которые образуются при «алюминиевом» и «хромовом» протравном крашении. В археологических тканях в меньших количествах четко обнаружено присутствие аналогичных соединений алюминия, железа, а также калия и кальция (рис. 3.1). В отличие от стандартных образцов из Эрмитажа в археологических тканях было обнаружено и присутствие силикатов. Примечательно, что элементный состав этих силикатов весьма близок к составу высокодисперсной взвеси воды из реки Ак-Алаха. Не исключено, что такие силикаты также могли быть использованы в древности при протравном крашении, причем естественным образом — будучи осажденными на поверхность тканей при их замачивании в воде реки Ак-Алаха. Следует также констатировать, что данные ДР о веществе протрав хорошо коррелируют с данными инфракрасной спектроскопии о природе красителей древних тканей.

Специфические компоненты

Результаты элементного и фазового анализа древних тканей методом ДР позволяют сделать предположение о присутствии в тканях специфических загрязнителей.

В некоторых образцах тканей обнаружено присутствие водорастворимых соединений калия. С одной стороны, это может быть следствием загрязнения ткани золой, а с другой — признаком использования щелочной золы при стирке.

В большом числе образцов тканей обнаружены следы ртути, что может служить признаком использования соединений ртути (мазей, присыпок) в лечебных целях.

Присутствие в составе тканей таких элементов, как медь, цинк, олово, свинец, а также серебро и золото, скорее всего является признаком использования украшений, пуговиц, скрепок и т. п. изделий из этих металлов.

Интересный результат был получен при ДР-анализе ткани штанов погребенного мужчины (образец № 14 (10Н) (рис. 3.1). По данным ДР, ткань была загрязнена минералом с фрагментарной формулой $AlSi_2$ (рис. 3.2). Наиболее вероятно предположение, что обнаруженный минерал — это пирофиллит, формула которого — $Al_2[Si_4O_{10}](OH)_2$. По своей структуре и свойствам он является аналогом талька. Как известно, тальк находит применение в медицине [Годовиков, 1975, с. 275]. Если пирофиллит, как и тальк, древние всадники использовали в качестве присыпок, то вполне объяснимо его присутствие на ткани штанов мужчины. Аргументы в пользу такой гипотезы становятся более весомыми, если обратить внимание на обнаружение минерала с формулой пирофиллита еще в одной археологической находке. Данные о химическом составе черного «пигмента» из менючка на поясе погребенного мужчины (образец № 5), полученные методом ДР, показывают, что основная масса силикатов, содержащихся в «пигменте» и ткани штанов, — это силикаты алюминия с переменным содержанием железа и некоторых других элементов. Стехиометрия состава этих силикатов приближается к составу минерала пирофиллита (рис. 3.3). Высокая степень идентичности «ДР-картинок» этих двух образцов (рис. 3.2, 3.3) позволяет предположить, что пирофиллит из черного «пигмента» и обнаруженный на ткани штанов мог добываться (и распространяться) из одного и того же месторождения. В то же время результаты фазового анализа другого образца ткани штанов говорят о присутствии в нем силикатных минералов, характерных для природной глины. Присутствия пирофиллита в этом образце не обнаружено.

Состав порошкообразных «пигментов»

Методом ДР исследовали также состав ряда порошкообразных археологических находок, первоначально квалифицированных как «пигменты». По цвету «пигменты» можно разделить на угольно-черные и светло-коричневые. Данные о содержании в составе черных «пигментов» углерода, водорода и азота свидетельствуют о присутствии в них больших количеств обуглившегося вещества органического происхождения. При прокаливании на воздухе эта часть «пигментов» выгорает и образует неорганический остаток в основном светло-коричневых тонов. Состав «пигментов», найденных в области головы погребенных, весьма близок к составу обуглившихся остатков головного убора-парика женщины (курган 1 могильник Ак-Алаха-3). При химическом анализе образцов этого головного убора ранее было найдено, что потери при их прокаливании (900°C) также составляют около 70%. Неорганическая часть этих образцов (около 30%), по данным полуколичественного элементного анализа, представлена в основном кальцием, железом и кремнием, в небольших количествах присутствуют калий, сера, медь, стронций, марганец, алюминий, хлор и, возможно, мышьяк.

Количественные данные об элементном составе «пигментов» показывают, что подобный состав характерен для природных глины и кварцевого песка.

По данным рентгенофазового анализа, основным минералом в составе «пигментов» является кварц SiO_2 , вместе с которым обнаружено присутствие силикатов железа, алюминия и др. элементов. По данным метода ДР, основная масса силикатов — это силикаты алюминия с переменным содержанием железа и др. элементов. По этой причине в окраске остатков после прокаливания преобладают светло-коричневые тона.

Заметим, что при визуальном осмотре «пигментов» № 4 и 6 из-за их характерного светло-коричневого цвета первоначально они были идентифицированы как охра — природный железосиликатный пигмент желтого цвета, наполненный алюмосиликатными глинами. Поэтому содержание железа в их различных образцах колеблется от 9 до 55%. Однако при детальном исследовании фазового состава подсынок № 4 и 6 методами рентгенофазового анализа и ДР установлено, что охра в их составе отсутствует, а соответствующую окраску им придает смешанный силикат алюминия и железа. Этот вывод подтверждают и результаты количественного анализа кислоторастворимой части «пигмента» № 6 (нерастворимый остаток — кварц SiO_2). Как видно, содержание железа в пигменте весьма мало и составляет только 2,0%. Высокое содержание кальция в составе «белой крупки», которая была выделена из остатка после прокалывания «пигмента» № 6, а также ее белый цвет, скорее всего, указывают на то, что «белая крупка» — остатки костей захороненного.

Состав остатка после прокалывания образца пигмента № 2, идентифицированного как «угольный пигмент» из-под головы захороненного, мало отличается от состава пигмента № 6, идентифицированного как возможная охра. Наиболее вероятно то, что оба пигмента в своей неорганической части представляют собой смесь силикатов и алюмосиликатов алюминия, железа и некоторых других элементов, т.е. в основной своей части — глины, а также кварцевого песка. Вещество пигментов, вероятнее всего, образовалось в результате длительного контакта этих неорганических компонентов и истлевающих органических останков захоронения.

Тривиальные загрязнители

Следует обратить внимание на тот факт, что некоторые образцы тканей из древних погребений содержат довольно большое количество неорганических веществ — до 10–20% от массы этих тканей. Например, упоминавшаяся выше ткань штанов мужчины содержит около 15% таких веществ. Основная масса этих веществ методами химического анализа и рентгенографии идентифицируется как кварцевый песок, силикаты и алюмосиликаты различных элементов, т.е. как природные пыль и грязь.

Таким образом, можно заключить, что загрязняющие древние ткани неорганические и органические вещества могут быть важными материальными свидетельствами, характеризующими те или иные условия жизни древних людей.

Литература

Малахов В. В. Стехиография и химический анализ веществ неизвестного состава // Журн. аналит. химии. — 1994. — Т. 49. — № 4. — С. 349–360.

Годовиков А. А. Минералогия. — М.: Недра, 1975. — С. 275.

Феномен алтайских мумий / Под ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодина. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. — С. 175.

Vasilyeva I. G., Ayupov B. M., Vlasov A. A., Malakhov V. V., Macaudiere P., Maestro P. Color and chemical heterogeneities of $[\text{Na}]$ -Ce S_2 solid solutions // J. Alloys and Compounds. — 1998. — V. 268. — P. 72–77.

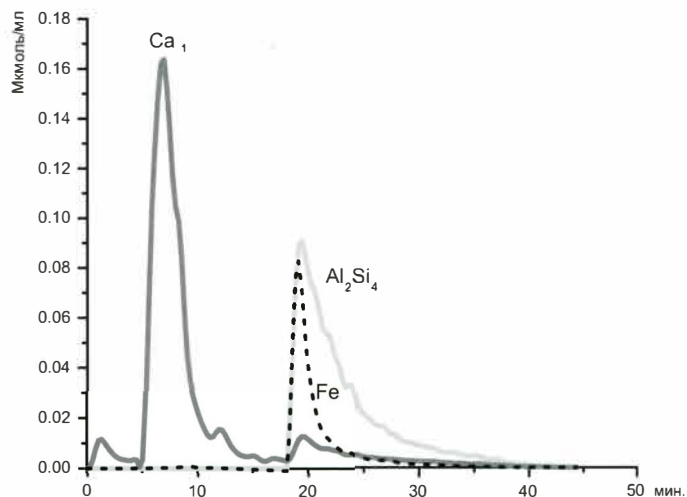

Рис. 3.2. Кинетические ДР-зависимости загрязнения на ткани штанов погребенного

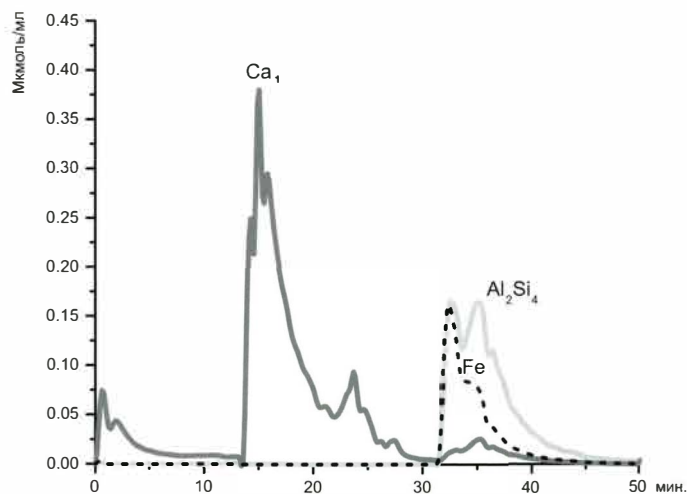

Рис. 3.3. Кинетические ДР-зависимости порошка из мешочка на поясе погребенного

4. История изучения красильных растений в России

Е. А. Королюк

Красильное искусство — одно из древнейших. Как только человек научился изготавливать ткань и выделывать кожи, то, вероятно, у него в скором времени возникла потребность украшать эти изделия.

Несомненно, наши предки знали, как красить ткани и выделывать кожи, и умели это делать. Это умение зависело от развития цивилизации, определявшегося историческим временем и природными условиями, в которых жил ремесленник.

Письменные источники об использовании растительных красок на Руси появились в XVI веке. «Крохи» косвенных письменных ссылок можно почерпнуть, например, из Новгородских летописей, переработанных современными историками и этнографами [Арихковский, 1939]. Например, в них говорится, что «...на основании трех писцовых книг 80-х годов XVI века в Новгороде было 427 кожевников, 170 красильников (плюс 8 шаровников¹), 140 льняников, 1 сетник и т.д.» [Некрасова, 1958, с. 23].

С развитием государства, науки, развертыванием экспедиций в отдаленные земли, недавно присоединившиеся к России, появились печатные работы, из которых можно было узнать о ремеслах, в т.ч. и об использовании красильных растений. Во-первых, это были специальные работы, а во-вторых, они содержали буквально по несколько скудных строк — из экспедиционных отчетов или ревизских сказок.

В 1765 году было организовано Вольное экономическое общество (ВЭО). С этого времени статьи об использовании тех или иных растений стали печатать в трудах общества и еженедельных известиях. В 1865 году автор истории ВЭО А.И. Ходнев писал: «Вольное экономическое общество постоянно и неустанно заботилось о разведении полезных растений... в большей степени о волокнистых, красильных, дубильных, кормовых и пищевых, нежели лекарственных, которые больше были изучены» [Цит. по: Некрасова, 1958, с. 92]. «Впоследствии общество больше всего занималось красильными растениями» [Там же, с. 93]. В 1796 г. А. Болотов написал статью о разведении *вайды* и получении из нее синей краски. В 1803 г. Н.Г. Рудольф опубликовал работу «Описание красильных мхов», а Пенина (1806) — о зверобое. В 1853 г. вышла работа Степана Гуляева о красильных растениях, используемых в Сибири, в 1870 г. — труд А. Крылова по истории разведения 16 растений, в т.ч. по истории торговли и введения разных видов марены в культуру России и Закавказья.

Одна из первых обобщающих работ о красильных растениях — «Краткое описание важнейших красильных растений и способы их разведения в России» (1812), состоящая из двух частей: «Растения, из коих составляют для фабрик краски» — первая часть и «О домашних красильных растениях, коих употребление на больших фабриках еще не введено, но в домашнем и сельском быту

давно уже используемые» — вторая. В первой части было приведено описание восьми видов (в частности, марены и вайды). Марену к этому времени терские казаки уже не добывали. Вайду же выращивали в Пензенской и Воронежской губерниях, где работали заводы по изготовлению синей краски. Главным был завод купца Тавлесева, основанный в 1749 году. Еще один завод работал в Орловской губернии, но он был закрыт в 1777 г. Во второй части данной книги названо 34 вида растений и указан получаемый цвет краски [Некрасова, 1958].

Кроме того, выходили небольшие специальные работы в разных журналах и отчетах Академии наук. Среди них были работы Тимофея Смеловского «О красильных растениях в России самосейно растущих» (1813) и несколько других его работ (1806, 1816), Василия Левишина «Полный красильник» (1819), Ивана Алексеевича Двигубского «Красильные растения» (1838). Увидели свет статьи П.К. Бланка о лапчатке (1862), В. Андреева (1859), И.О. Архипова (1869) и Ф. Пономарева (1869) — о марене.

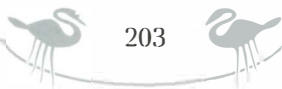
В 30-40-е годы XIX века в Никитском ботаническом саду пытались культивировать марену, дуб красильный, горец красильный и некоторые другие красильные растения для получения краски, но опыты эти довольно быстро прекратились [Некрасова, 1958, с. 199].

В начале XIX века появились ботанические атласы, учебники и словари на русском языке. В некоторых из них большое внимание было уделено прикладным свойствам растений. Это, например, большой фолиант Г.А. Суккова «Экономическая ботаника» (1804). В восьмом отделении (в 8-й части книги), которое имеет большое введение и занимает 45 страниц общего текста, описаны красильные растения и даны рецепты к ним. По-видимому, все последующие авторы обобщающих работ по красильным растениям использовали в своих списках растения из сборника Г. Суккова. Но в настоящее время к рецептам, указанным для 1804 года, следует относиться с большой осторожностью.

В 1828 году в Санкт-Петербурге в типографии Медицинского департамента была издана «Хозяйственная ботаника, заключающая в себе описания и изображения полезных и вредных для человека растений» Николая Щеглова. В то время это была одна из *исчерпывающих* книг «о пищевых, луговых и технологических растениях, используемых в Европе», изданная на русском языке. Книга была

1. Другой вид красильников. —
Прим. авт.

2. ЦНИТИ — Центральный научно-исследовательский текстильный институт, лаборатория

красочно оформлена, в ней были даны развернутые описания растений, их синонимика, соотнесение с линнеевской классификацией и естественной системой. Книга состояла из трех частей. Третья часть посвящалась красильным, дубильным и волокнистым растениям, с примечаниями и рекомендациями по агротехнике возделывания для российских губерний. В ботаническом списке было приведено 19 видов красильных растений [Щеглов, 1828, с. 83–84]. Основные из них — марена, вайда, резеда, кротон. В разделе «кожевенные и дубильные растения» приведен 41 вид, сюда же внесены и все древесные породы, дающие подложную древесину.

Необходимыми справочными ботаническими изданиями для специалистов, занимающихся прикладной ботаникой, в первую очередь являются словари. Именно поэтому несколько раз был переиздан «Ботанический словарь» Н. Анненкова (1859, 1878). В нем, помимо названий растений на четырех языках «и других употребляемых различными племенами, обитающими в России», приведены данные по использованию растений. Спустя 20 лет выходит «Полный русский иллюстрированный словарь-травник и цветник» под редакцией врачей Е. Н. Залесовой и О. В. Петровской, в котором также перечислены синонимы названий растений и дано их практическое применение.

Важным источником сведений о применении растений в разных областях жизни человека являются этнографические отчеты путешественников (Крашенинникова, Ледсбура, Палласа, Потанина и др.). Так, например, С. Крашенинников в 1756 г. (1994) указывает 34 вида хозяйственных растений для Камчатки, употребляемых в быту местным населением, из которых прядильное — крапива и красильное — ольха.

В 1872 г. выходит в свет сборник по ремеслам Туркестана «Русский Туркестан», который затем был использован при издании справочного трехтомника «Русская Азия» (1914–1915). Для нас в этом сборнике важны три статьи: «Заметка о красильном искусстве туземцев» П. Краузе, «О кожевенном производстве в Туркестанском крае» П. А. Парамонова и «Заметки о земледелии в Самаркандском районе» М. Бродовского. Статьи хороши тем, что они очень подробны, информативны. В них можно найти рецепты и местные названия красильных растений, узнать, привозные это краски или местные, и если местные, то для них приведены особенности агротехники выращивания красильных растений, указаны количество и способы получения из них красящего вещества. Например, по данным Парамонова, в то время в районах Средней Азии кожи выделяли и красили только кустарным способом: «...в Ташкенте и во всех среднеазиатских городах до сих пор нет ни одного кожевенного завода, который бы выделял кожи и удовлетворял бы существующим потребностям; лучший кожевенный товар привозился и теперь привозится из Петропавловска, Омска, Тюмени, Кунгура, Перми, Троицка, Орска, Оренбурга и даже из Казани» [Парамонов, 1872, с. 223]. Столь подробные работы, несомненно, в дальнейшем использовали советские ресурсосведы.

В 1908 году выходит весьма крупная работа А. Роллова «Красильные растения Кавказа». Его данные позже вошли во флористические и различные сводки о полезных растениях того или иного региона (Гроссгейм, Верещагин, Губанов, Чоник и др.).

В годы первой мировой войны (1914–1916) и после нее, когда в разоренной стране химические красители оказались в дефиците, снова пришлось обратиться к народному опыту. После окончания гражданской войны активизировались работы по прикладной ботанике, в т. ч. и по изучению красильных и дубильных растений. Так,

на Всесоюзном ботаническом съезде в Ленинграде в 1928 году прозвучали доклады Л. А. Уткина о необходимости изучения сырьевой базы этих растений, в них же перечислялись основные дубильные и красильные растения Закавказья (без рецептов. — *Прим. авт.*) [Уткин, 1928а], следом выходили и другие его работы на эту тему [Уткин, 1928б]. Особенный интерес представляют его работы о ковровом производстве Закавказья.

Рецепты отбеливания и крашения различных тканей, которыми пользовались в кустарных артелях во времена нэпа в Советской России, можно найти в различных сборниках и журналах начинавшей тогда развиваться текстильной промышленности страны.

С 30-х годов прошлого столетия пошла новая волна печатных работ в этом направлении. Н. В. Павловым и его коллегами были развернуты обширные исследования по выявлению ресурсов технических растений и изучению их сырьевой базы в СССР. Экспедиции, совместные работы с ЦНИИП², крашение в полевых условиях, отработка методик, проверка растений, включенных в списки красильных, авторами, работавшими в этом направлении до Павлова. Итогом этих работ стали несколько монографий, посвященных красильным растениям СССР.

В 1942 г. Павлов писал о необходимости изучения красильных растений следующее: «...научное исследование красильных растений есть неотложное и срочное дело, задача которого, прежде всего, сохранить опыт прежней красильной техники... Растительные краски употребительны и необходимы в пищевой промышленности, в которой они применяются из-за их безвредности, а затем — сохранение разного рода кустарных местных и национальных производств» [Павлов, 1942, с. 495–496]. Кроме того, в годы войны СССР был отрезан от поставок красильного сырья из-за рубежа, что подтолкнуло развитие исследований в области технического растительного сырья. Павлов отмечает, что «...несмотря на широко развитую промышленность по производству искусственных красителей, еще в 1933 г. был довольно значительным ввоз иностранных растительных экстрактов ... ввозилось: 250 т черных экстрактов ценою в 143 000 золотых рублей; ... а всего 344 т красителей на сумму 206 000 золотых рублей» [Павлов, 1942, с. 496].

В 1950 г. выходит итоговая в этом направлении (и последняя за прошедшие полвека) монография А. А. Федорова и Б. Я. Розена «Красильные растения СССР». В ней подведен итог работам советских исследователей и состоянию дел в области изучения красильных растений в то время. Важно было то, что авторы дали два списка красильных растений. В первом из них приведено около 350 наименований растений, когда-либо упоминавшихся в качестве красильных, а во втором — около 50 названий растений либо промышленно значимых, либо рекомендуемых, которые прошли лабораторные или производственные испытания (для территории бывшего СССР).

В 1958 г. была издана книга В. Л. Некрасовой «История изучения дикорастущих сырьевых растений в СССР». Название книги говорит само за себя. Есть в ней и глава об истории изучения красильных растений в нашей стране, в которой подробно описаны основные русскоязычные работы по красильным растениям XIX века (Бланк, Двингубский, Гуляев и др.).

После работ Н. В. Павлова, О. А. Эндена (1944), А. А. Федорова обширные научные статьи, а тем более коллективные монографии, посвященные красильным растениям, не выходили. Но по-прежнему появлялись небольшие работы по исследованию сырьевой базы и качества сырья некоторых видов растений Кавказа и Средней

Азии (например, Касумов Н., 1971; Касумов М., 1996; Закиров, Каримов, 1977 и др.). Были и работы по этнографии [Нохельсон, 1997; Серошевский, 1993 и др.], по химии органических красителей, где не всегда верно передана «ботаническая информация» [Природные органические красители музейных текстильных изделий, 1981], а также научно-популярные статьи в популярных и прикладных изданиях. В основном же красильные свойства растений упоминаются в многочисленных «Определителях» и «Флорах», что не является оригинальными данными. Следует также отметить выход уникального учебного пособия по красильным растениям (1994), изданного в Казанском университете в рамках курса «Растительное сырье». Тем не менее, на протяжении полувека был заметен явный спад интереса к красильным растениям в нашей стране.

В заключение исторического экскурса следует отметить, что зона умеренного климата не имеет в своей флоре такого обилия видов растений и животных, применяемых в качестве красильных, по сравнению с флорой тропиков и субтропиков как в разнообразии, так и в количественном отношении. Из 2000 видов высших сосудистых растений, произрастающих на Алтае, около сотни могут быть использованы в качестве натурального сырья для крашения тканей и дубления кож.

В настоящее время уже опубликован «Список красильных растений Алтая и сопредельных территорий». В нем приведены данные примерно для 170 видов растений с их краткой характеристикой, особенностями распространения, ссылками на рецептуру крашения, со списком литературных источников как ботанических, так и этнографических и пр. [Королюк, 2003]. При создании списка красильных растений пришлось учитывать тот факт, что письменные данные об использовании красильных растений народами Алтая или вообще скотоводами, в отличие, например, от существования древнекитайских, древнеперсидских трактатов, отсутствуют. Такие «короли» красильного сырья, как *Индигофера красильная* (синий), *Марена красильная* (красный), *Сафлор красильный* (желтый и красный цвета), являлись предметом возделывания и торговли на протяжении многих веков. В ботанической литературе стало традицией писать о них следующее: «...в диком виде не известен. Но в настоящее время существует несколько центров разнообразия форм». Этнографические и исторические источники сохранили рецептуру крашения тканей из этих растений. При освоении Сибири ремесленники могли, как и во многих крестьянских кожевнях и красильнях Руси, использовать привозные краски. Это значит, что в фольклоре и устных источниках позднего времени многие рецепты местного производства и названия используемых в то время красильных растений могли просто не дойти до нашего времени. В XVII веке в Сибири крестьянки умели делать холсты из конопли и льна, умели окрашивать их местными красителями, а также делали пряжу из овечьей шерсти, ткали грубошерстное сукно, катали войлоки. Для питания воскресной и праздничной одежды состоятельные крестьяне покупали китайку и привозное сукно, поскольку с начала освоения Сибири активно велась торговля китайскими, западноевропейскими и русскими тканями. Кожевенное же производство, наоборот, очень активно развивалось в Сибири. Яловые тюменские кожи, и особенно юфть, вывозились в европейскую часть России и Среднюю Азию [История Сибири, т. 2, 1968].

Попытка идентифицировать немногочисленные растительные находки из «замерзших» могил не привела нас к какой-нибудь вероятной «зацепке». Из растений, сохранившихся в захоронениях

и определенных нами, не было явно тех, которые могли бы быть использованы пазырыкцами в качестве красильных. В курганах хорошо сохранились растения, вероятно используемые в качестве ритуальных, например, семена конопля в кошельке-сумочке или семена конопли на жертвенном блюде [Артемов и др., 2001]. Орнаменты одежды, войлоков, ковров так символичны, что сложно интерпретировать растительные рисунки как естественные виды флоры той местности, в которой они проживали, или их прародины, или растений, несущих мифологический смысл. Это же касается и всевозможных украшений.

В древнем кургане Аржан-2 (территория современной Тувы) в захоронении из немногочисленных растительных остатков были обнаружены плоды лоха, вишни и тмина. Такие растительные остатки из погребальных курганов для территории Южной Сибири зафиксированы впервые [Королюк, Артемов, 2002]. Некоторые виды лоха могут использоваться для получения красильных (черный цвет) и дубильных веществ. Общеизвестно, что растения попадали в могилу при захоронении не случайно. Но в данном случае присутствие плодов лоха вряд ли можно связывать с его красильными свойствами. На территории Тувы эти растения не произрастают, ближайшая же территория, где они встречаются, — Монголия, Южный Алтай (не высокогорный) и далее: Средняя и Передняя Азия — на запад и Китай — на юг. В Средней Азии произрастают виды, отличные от растущих в Монголии. Их активно использовали как пинцу и как сырье для получения спиртного напитка.

Кроме того, при составлении «Списка...» затруднительно было расшифровывать народные названия растений из этнографических источников и приводить их в соответствие с современными ботаническими названиями. Тем более что в языковом плане территория Алтая, да и всей Сибири, представляет собой огромный «котел смешения» языков. В разных языках могли существовать названия, которые в той или иной местности обозначали разные растения.

Местным населением Алтая могли быть использованы около 40 видов растений для крашения в черный, коричневый и другие темные оттенки, около 5 видов — для крашения в красный цвет и близкие оттенки, около 30 видов растений — для крашения в желтый. Более 60 видов растений, дающих разные цвета при окрашивании, могли быть завезены как сырье для использования с Запада или с Востока.

На цветной вклейке представлены некоторые растения, издавна используемые народами Сибири как источники красильного или дубильного сырья.

Это виды ревеня (рис. 1), щавель (рис. 2) и бадан (рис. 4), при окрашивании дают оттенки черного и коричневого, часто корни этих видов использовались как сырье для дубления кож, а виды ревеня экспортировались из России в Западную Европу как лекарственное и дубильное сырье. Кашкара, или рододендрон золотистый — эндемичное растение гор Средней и Восточной Сибири, окрашивает шерсть и войлоки в чудесный золотисто-оранжевый цвет (рис. 3).

Корни подмаренника (рис. 5) в условиях умеренного климата — источники получения желтого цвета для тканей и войлоков. Ивы образуют заросли по берегам рек (рис. 7), а лиственницы играют лесообразующую роль в суровых условиях гор и севера Сибири (рис. 6), кора этих растений издавна использовалась народами Сибири в качестве сырья для дубления кож, сетей и крашения текстиля и войлоков.

Литература

- Азиатская Россия: В 3 т. — СПб., 1914-1915.
- Андреев В. Марена в отношениях агрономическом, техническом и экономическом. — СПб., 1859.
- Аппенков Н. И. Ботанический словарь или собрание названий как русских, так и многих иностранных растений на языках латинском, русском, немецком, французском и других, употребляемых различными племенами, обитающими в России. — М., 1859.
- Аппенков Н. И. Ботанический словарь: Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. — СПб., 1878. — 646 с.
- Артемов И. А., Королюк Е. А., Полосьмак Н. В. Растения в пазырыкской культуре (плато Укок, Южный Алтай) // Ботан. журн. — СПб.: Наука, 2001. — Т. 86. — № 10. — С. 66–69.
- Архипов П. О. О красящих веществах дербентовой марены. — 1869.
- Арциховский А. В. Новгородские ремесла // Новгор. ист. сб. — Новгород, 1939. — Вып. 6.
- Бланк П. Б. Красильные растения: лапчатка завязная и лапчатка низменная // Акклиматизация. — 1862. — Т. 3. — Вып. 5. — С. 218–232.
- Бродовский М. Заметки о земледелии в Самаркандском районе // Русский Туркестан. — Ташкент, 1872. — Вып. 2. — С. 232–261.
- Двингубский И. А. Красильные растения // Журнал садоводства, издаваемый Рос. обществом любителей садоводства. — М., 1838. — Т. 4. — С. 56–61.
- Закиров П. К., Каримов Г. Красильные растения тугаев (*Potamogeton*) Узбекистана // Узб. биол. журн. — Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1977. — Т. 5. — № 5. — С. 47–50.
- Нохельсон В. И. Коряки. — СПб.: Наука, 1997. — С. 140.
- История Сибири: В 4 т. — Сибирь в составе феодальной России. — Л.: Наука, 1968. — Т. 2. — 538 с.
- Касумов М. А. Некоторые дикорастущие красильные растения Азербайджана и перспективы их использования в народном хозяйстве // Растительные ресурсы. — Л.: Наука, 1971. — Т. 7. — Вып. 4. — С. 539–547.
- Касумов М. А. Об использовании датиски коноплевой — *Datisca cannabina* L. в ковровом производстве // Изв. АН Азерб. СССР. Сер. биол. наук. — Баку, 1976. — Т. 5. — С. 87–90.
- Касумов М. А. Флористический анализ красильных растений Азербайджана // Докл. АН Азербайджана (на азерб. яз.). — Баку, 1995. — Т. 51–52. — С. 1–12, 129–140.
- Королюк Е. А. Красильные растения Алтая и сопредельных территорий // Химия растительного сырья. — 2003. — № 1. — С. 101–135.
- Королюк Е. А., Артемов И. А. Растительные остатки в захоронениях Аржан-2 (Тува) // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2002. — № 2 (10). — С. 124–126.
- Красильные растения: Учеб. пособие по курсу «Растительные ресурсы». — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1994. — 16 с.
- Краткое описание важнейших красильных растений и способы их разведения в России, с присовокуплениями замечательнейших растений, способных для крашения и почти по всей России растущих. Составлено по Министерству Внутренних Дел в пользу сельских хозяев и фабрикантов и по высочайшему повелению напечатано в С.-Петербурге, в медицинской типографии. — СПб., 1812.
- Краузе И. Заметка о красильном искусстве туземцев // Русский Туркестан. — Ташкент, 1872. — Вып. 2.
- Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки: В 2 т. — СПб.: Петропавловск-Камчатский, 1994.
- Левшин В. Полный красильник: В 4 ч. — М., 1819. — Ч. 3. — 192 с.
- Некрасова В. Л. История изучения дикорастущих сырьевых растений в СССР. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — Т. 1. — 275 с.
- Павлов Н. В. Дикие полезные и технические растения СССР. Казахский гос. университет им. С. М. Кирова и Каз. филиал АН СССР. — М., 1942. — 640 с.
- Парамонов И. А. О кожевном производстве в Туркестанском крае // Русский Туркестан. — Ташкент, 1872. — Вып. 2. — С. 218–225.
- Полный русский иллюстрированный словарь-травник и цветник / Под ред. Е. Н. Залесовой и О. В. Петровской. — СПб.: Изд-во А. А. Каспари. — Т. 1–2. — 1898–1899. — Т. 3. — 1900.
- Природные органические красители музейных текстильных изделий. — М., 1981. — Вып. 1. — С. 1–19.
- Роллов А. Х. Красильные растения Кавказа // Вестн. Тифлис. ботан. сада. — Тифлис, 1908. — Вып. 10. — С. 41–58.
- Русский Туркестан. — Ташкент, 1872. — Вып. 1–2.
- Серошевский Л. Н. Якуты: Опыт этнографического исследования. — М.: РОССПЭН, 1993. — 713 с.
- Смеловский. О красильных растениях в России, самостоянно растущих. Работы, представленные Акад. Наук. — 1813.
- Сукков Г. А. Экономическая ботаника. — 1804.
- Уткин Л. А. Красильные растения Закавказья // Дневник Всесоюзного съезда ботаников. — Л., 1928а. — С. 312–313.
- Уткин Л. А. Красильные растения Кавказа // Журн. хим. пром-ти. — М.: Техн.-эконом и производ.-техн. орган Нар. Ком. Им. Пром-ти СССР, 1928б. — № 20. — С. 1168–1171.
- Федоров А. А., Розен Б. Я. Красильные растения СССР // Растительное сырье СССР. — Т. 1. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — С. 349–402.
- Щеглов Николай. Хозяйственная ботаника, заключающая в себе описание и изображения полезных и вредных для человека растений и изданная Николаем Щегловым. — Ч. I–III. — Санкт-Петербург, 1828. — С. 83–84.
- Энден О. А. Красильные растения Туркмении // Тр. Туркм. фил. АН СССР. — 1944. — Вып. 5. — С. 60–116.

5. «Живые» красители назырыкского текстиля

Л. П. Кундо

Исследуя образцы назырыкского текстиля, мы стремились выделить традиционные для него составы красок, виды и способы обработки красильного сырья и тем самым обозначить наиболее вероятный центр красильного ремесла.

В приложении 2 представлены результаты исследования красителей назырыкского текстиля методами молекулярной спектроскопии и жидкостной хроматографии. С их помощью были идентифицированы такие красители, как диброминдиго, моноброминдиго, индиго, ализарин и пурпурин, карминовая и кермесовая кислоты. Природные источники этих красящих веществ подробно описаны в приложении 4. Главное заключается в следующем.

Диброминдиго — основной краситель пурпуринозных моллюсков, обитающих главным образом в Средиземном море. На их основе производится пурпурная окраска [Cooksey, 2001].

Ализарин и пурпурин — красные протравные красители марены, способные при определенных условиях к образованию лаков: крапильяков ализарина и пурпурина [Wouters, 1985]. При крашении назырыкского текстиля могли использоваться корни одного или двух видов марены, главным из которых является марена красильная (*Rubia tinctoria*). Основными областями распространения *R. tinctoria* являются Иран и средиземноморские страны [Павлов, 1942].

Кроме того, для окраски текстиля активно использовались красильные червецы (кокциды) — тепло- и влаголюбивые насекомые. Последние питаются соками растений и продуцируют в своем теле красящие вещества, в том числе и такие, что были открыты в исследованном назырыкском текстиле, — карминовую и кермесовую кислоты [Wouters, 1989]. Это красные протравные красители. Алюминиевый лак карминовой кислоты известен в живописи под названием кармин.

Природных источников кармина достаточно много. Таковыми могут служить представители не менее 47 видов червецов рода *Порфиорофора* (*Porphyrophora*), обитающих главным образом в Средней Азии, Закавказье, а также в Средиземноморье [Яценко, Амбарцумян, 1999]. Природных источников кермеса — лака кермесовой кислоты — гораздо меньше. Это только один вид червецов рода *Кермес* (*Kermes vermilio*), питающийся на дубах и обитающий на территориях, прилегающих к Средиземному морю [Там же]. Кермес и кармин дают довольно близкую малиновую окраску [Фармаковский, 2000, с. 45–47].

В результате исследования красных и синих красителей было установлено, что назырыкский текстиль содержит подлинный пурпур, кармин, кермес, крапильяк, индиго и является уникальным

артефактом искусства крашения IV—III вв. до н.э. Распределение этих красок в образцах исследованного назырыкского текстиля приведено в **таблицах 5.1–5.7** и на **рис. 5.1**.

Обработка результатов идентификации красителей подтверждает очевидный факт преобладания в назырыкском текстиле красной окраски (79 %) и малого присутствия синей (5 %). Полной неожиданностью стало использование для окраски комбинации красного и синего цветов — имитации пурпура (13 %) и настоящей сенсацией — окраска подлинным пурпуром (3 %).

Красная окраска

Для красной окраски красильники использовали марену и червецы. В исследованном назырыкском текстиле присутствует три варианта красной окраски:

- 1) растительная краска крапильяк (12 %) (**табл. 5.1**);
- 2) сочетание растительных и животных лаков — крапильяк, кармин, кермес (59 %) (**табл. 5.2–5.5**);
- 3) крапильяк и один из животных лаков — кармин или кермес (8 %) (**табл. 5.6**).

Для назырыкского текстиля характерны первые два варианта. Традиционный состав красной краски представляет собой сочетание крапильяка, кармина и кермеса. В составе такой краски, как правило, один из трех лаков доминирует. Содержание кармина, так же как и кермеса, достигает в среднем 60–70 % (**табл. 5.3–5.4**).

Для красной окраски красильники использовали марену красильную *Rubia tinctoria*. Для этого вида марены характерна значительная доля ализарина, превышающая долю пурпурина [Wouters, 1998]. Чаще всего окраска мареной дополнялась червцами. Вероятно, при этом оранжевые оттенки лака ализарина заглушались малиновым цветом кармина и кермеса.

Источником сочетания кармина и кермеса могли быть польские червецы (*Porphyrophora polonica*) [Яценко, Амбарцумян, 1999], которые образуют в своем организме карминовую и кермесовую кислоты [Wouters, 1989]. Однако количественное соотношение этих красителей в данном виде червецов не соответствует составу животной краски на большей части исследованного текстиля. В силу этого обстоятельства использование польских червецов для окраски назырыкского текстиля маловероятно. Как уже было отмечено выше, источником кармина и кермеса, скорее всего, были представители червецов двух родов: *Porphyrophora* (например, *P. Hamelii*) и *Kermes* (*K. vermilio*).

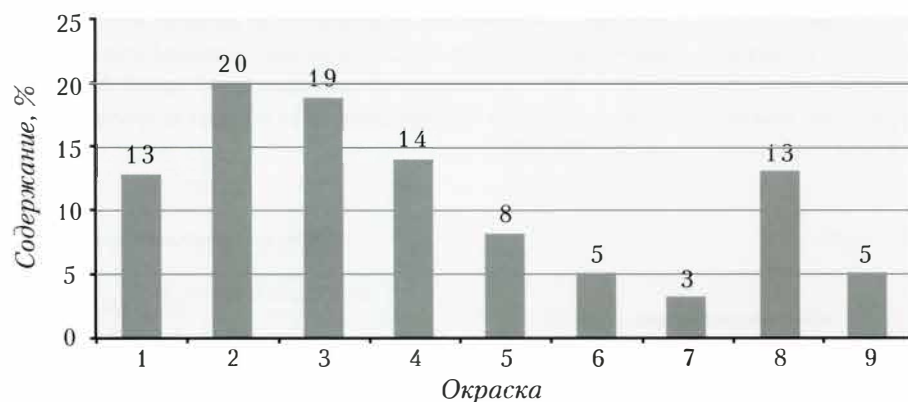

Рис. 5.1. Диаграмма распределения пигментов в пазырыкском текстиле.

Состав красок: Красная окраска: 1 — крапплак; 2 — крапплак, кармин, кермес; 3 — кармин, крапплак, кермес; 4 — кермес, крапплак, кармин; 5 — крапплак и один из животных пигментов (кармин или кермес); 6 — примерно равные доли крапплака, кармина, кермеса. Пурпурная окраска: 7 — подлинный пурпур; 8 — имитация пурпура. Синяя окраска: 9 — индиго

Синяя окраска

Синее *индиго* как самостоятельный краситель идентифицирован в трех полихромных изделиях: в узорной ткани юбки из второго Пазырыкского кургана (ГЭ № 1684-244-250), туэктинской узорной тесьме (ГЭ № 2180-102) и в белых квадратных вставках из льняной ткани на покрытии войлочного чепрака (ГЭ № 1687-100) из пятого Пазырыкского кургана (табл. 5.7).

Туэктинская узорная тесьма сплетена из красных и синих нитей. Красные нити имеют традиционный состав краски: кермес (55%), крапплак (32%), кармин (13%). В синих нитях туэктинской узорной тесьмы присутствует индиго с примесью *индирубина*, который, как известно, образуется при получении *индиго* из различных видов рода *Индигофера* [Чичибабин, 1958, с. 558]. Индигоносные растения этого рода произрастают главным образом в тропических областях Индии. В данной коллекции ярко окрашивающее индиго из Индии идентифицировано в двух полихромных изделиях (табл. 5.7). В остальных случаях вероятно использование индиго растения рода *Isatis*, в котором содержание индирубина мало или он отсутствует вовсе [Майер, 1940]. Известно, что текстиль, окрашенный индиго вайды, «был неярким и отличался неглубоким тоном и унылым цветом» [Возникновение, 1980]. Вероятно, поэтому красильщики пазырыкского текстиля цвет индиго вайды комбинировали с красным цветом кармина, кермеса и крапплака, т.е. предпочитали пурпурную окраску.

Пурпурная окраска

Как видно из вышеприведенной диаграммы, доля пурпурной окраски в пазырыкском текстиле составляет 16%. При этом в 3% текстиля содержится подлинный пурпур из моллюсков, а в 13% — имитация пурпура (табл. 5.7).

Подлинный пурпур идентифицирован в полихромном тканом покрытии войлочного чепрака из пятого Пазырыкского кургана (ГЭ № 1687-100). В нитях, взятых из фона центральной части покрытия, а также из каймы, обрамляющей изделие с трех сторон, удалось обнаружить диброминдиго (23% и 13%), моноброминдиго (60% и 49%) и индиго (17% и 38%). Это свидетельствует о том, что фон центральной части покрытия, а также кайма окрашены пурпуриноносными моллюсками [Cooksey, 2001].

Тканое полихромное покрытие войлочного чепрака из пятого Пазырыкского кургана является уникальным артефактом искусства окраски подлинным пурпуром. При этом следует заметить, что в этом же изделии присутствует имитация пурпура, полученная

комбинированием синего и красного цветов. Окраска фиолетовых нитей с изображения женской фигуры на ткани чепрака оказалась уникальной имитацией пурпура — сочетанием ярко окрашивающего синего индиго из Индии и малинового кармина. Такой вариант пурпурной окраски является единственным в исследованном текстиле. В остальных случаях для имитации пурпура используется комбинация цвета синего индиго вайды (примесь индирубина отсутствует) и красных лаков. Например, таким способом была окрашена меховая отделка верх-кальджинской шубы (табл. 5.7).

Наряду с красной, синей и пурпурной окраской в пазырыкском текстиле присутствует зеленая окраска. Это ткани юбок и оливковые фигуры женщин на покрытии чепрака из второго и пятого Пазырыкских курганов, а также войлочные покрытия горита и седла (туловища львиных грифонов) из могильников Ак-Алаха-3 и Ак-Алаха-1 [Полосьмак, 2001, с. 179, 213]. В текстиле зеленой окраски обнаружены красные и синие красители¹ (табл. 5.7).

Для построения версии о пазырыкском способе получения зеленой окраски рассмотрим подробнее фрагмент женской юбки из второго Пазырыкского кургана. Известно, что он был сшит из двух кусков ткани: красного цвета (ГЭ № 1684-254-1) и зеленого цвета (ГЭ № 1684-254-2). Установлено, что красная ткань окрашена краской, в составе которой крапплак (46%), кармин (35%) и кермес (19%) (табл. 5.2). Зеленая ткань содержит индиго и такую же красную краску: крапплак (43%), кармин (34%) и кермес (23%) (табл. 5.7). Нетрудно заметить, что в красной и зеленой тканях количественный состав красных красок практически совпадает. Поэтому можно предположить, что крашение этих тканей начиналось с красной окраски одновременно и в одном красильном составе. Затем одно из красных полотнищ было окрашено индиго вайды и стало пурпурно-синим. Далее можно предположить зеленую окраску пурпурно-синей ткани желтыми красителями. В таком случае зеленая окраска пазырыкского текстиля заключалась в тройном крашении: вначале мареной и червцами, затем кубовым крашением индиго вайды и, наконец, желтыми пигментами².

Первоначальный цвет археологического текстиля и наблюдаемый в настоящее время, вероятно, очень близки. Для красной окраски красильщики использовали марену красильную *Rubia tinctoria*. Для этого вида марены характерна значительная доля ализарина, который придает окраске оранжевые и оранжево-коричневые тона. Например, такой цвет имеют шерстяная ткань мужских штанов, меховая отделка шубы и пояс юбки. В окраске этих изделий доминирует лак ализарина (77%; 74%; 62%) (табл. 5.1). Текстиль, окрашенный мареной красильной и червцами, имеет различные

оттенки красного цвета. Например, юбка из кургана 1 могильника Ак-Алаха-5 спита из шерстяной ткани двух окрасок. В настоящее время одна из них — красно-коричневая, другая — красная. Установлено, что красная ткань окрашена червцами, красно-коричневая — мареной и червцами (табл. 5.4 и 5.5). Имитация

пурпура — комбинация красного цвета кармина и синего цвета индиго вайды — сохранила голубой цвет (меховая отделка шубы). Окраска пурпуроносными моллюсками имеет яркий фиолетовый и сиреневый цвет (центральная часть и кайма покрытия чепрака, ГЭ № 1687-100).

Таблица 5.1

Окраска текстиля крапплаком

№	Инв. № ГЭ или инфр образца	Место находки	Объект исследования	Состав красной краски, %		
				Крапплак	Кермес	Кармин
1	30Н-1	Ак-Алаха-1, курган 2	Красный войлок покрытия горита	100 (33/67)*	—	Следы
2	2Н	Ак-Алаха-3, курган 1	Кисти пояса юбки	99 (62/37)	1	—
3	22Н	Ак-Алаха-3, курган 1	Войлочный головной убор	Следы	—	—
4	26Н	Верх-Кальджин-2, курган 3	Меховая отделка шубы	100 (74/26)	—	—
5	17Н	Верх-Кальджин-2, курган 1	Меховая отделка шубы	Следы	—	—
6	10Н	Верх-Кальджин-2, курган 3	Шерстяная ткань мужских штанов	100 (77/23)	—	—
7	1684-257	Пазырык-2	Ткань из хлопка	100 (27/73)	—	—
8	1684-258	Пазырык, курган 2	Ткань из хлопка	100 (5/95)*	—	—
9	1684-244-250 (2)	Пазырык, курган 2	Полихромная шерстяная ткань юбки (красные нити)	100 (17/83)	—	—
10	2180-96	Туэкта-2	Веревочки	100 (58/42)	—	—

* В скобках указано соотношение крапплаков ализарина и пурпурина.

Таблица 5.2

Окраска текстиля крапплаком, кармином, кермесом

№	Инв. № ГЭ или инфр образца	Место находки	Объект исследования	Состав красной краски, %		
				Крапплак (доминирует)	Кермес	Кармин
1	13Н	Ак-Алаха-1, курган 1	Ткань мужских штанов	80 (49/31)*	7	13
2	7Н	Ак-Алаха-5, курган 1	Головка барана — войлочная подвеска к покрытию седла	77 (48/29)	17	6
3	16Н	Ак-Алаха-5, курган 1	Шерстяная ткань	71 (36/35)	7	22
4	28Н	Ак-Алаха-3, курган 1	Салоги-чулки, аппликация из красного войлока	75 (49/26)	14	11
5	24Н	Верх-Кальджин-2, курган 1	Шерстяная ткань мужских штанов	85 (56/29)	6	9
6	14Н верх	Ак-Алаха-3, курган 1	Шерстяная ткань верхней полосы юбки	54 (32/22)	26	20
7	27Н	Верх-Кальджин-2, курган 1	Меховая отделка шубы	46 (34/12)	34	20
8	ГИМ № 54660	Катанда (В.В. Радлов)	Ткань	64 (50/14)	30	6
9	ГИМ № 54746	Катанда, курган 2 (В.В. Радлов)	Ткань	69 (59/10)	25	6
10	1684-254 (1)	Пазырык, курган 2	Красная шерстяная ткань	46 (22/24)	18	36
11	1684-483	Пазырык, курган 2	Шерстяная ткань	53 (16/37)	13	34
12	1684-253	Пазырык, курган 2	Шерстяная ткань	53 (28/25)	17	30
13	1793-14	Башадар, курган 2	Кисти витые	82 (41/41)	5	13

* Соотношение долей крапплака ализарина и пурпурина.

Таблица 5.3

Окраска текстиля кармином, крапplаком, кермесом

№	Инв. № ГЭ или инфр образца	Место находки	Объект исследования	Состав красной краски, %		
				Крапplак (доминирует)	Кармин	Кермес
1	3Н	Ак-Алаха-1, курган 1	Шерстяные кисти подвески колчана	75	16 (8/8)*	9
2	6Н	Ак-Алаха-1, курган 1	Войлочная аппликация упряжи	47	16 (11/5)	37
3	1684-251	Пазырык, курган 2	Шерстяная ткань	63	11 (8/3)	26
4	1684-274	Пазырык, курган 2	Шерстяной шнур	68	18 (14/4)	14
5	1684-3	Пазырык, курган 2	Светлая часть ковра	73	8 (5/3)	19
6	1684-3	Пазырык, курган 2	Темная часть ковра	48	28 (-/28)	24
7	1684-482	Пазырык, курган 2	Шерстяная ткань	46	37 (35/2)	17
8	2180-94	Туэкта-2	Тесьма (красные нити)	43	26 (16/10)	31
9	2180-95	Туэкта-2	Войлочные кисти	50	9 (5/4)	41
10	1684-46	Пазырык, курган 2	Петлевой ковер (центральное поле)	48	28 (16/12)	24
11	1684-6	Пазырык, курган 2	Петлевой ковер	45	21 (9/12)	34
12	1687-100	Пазырык, курган 5	Войлочная основа чепрака	59	15 (11/4)	26

* Соотношение крапplака ализарина и пурпурина.

Таблица 5.4

Окраска текстиля кермесом, кармином, крапplаком

№	Инв. № ГЭ или инфр образца	Место находки	Объект исследования	Состав красной краски, %		
				Кермес (доминирует)	Кармин	Крапplак
1	9Н	Ак-Алаха-1, курган 1	Шерстяная ткань штанов	45	19	36 (32/4)*
2	14Н шиз	Ак-Алаха-3, курган 1	Шерстяная ткань нижней полосы юбки	49	26	25 (16/9)
3	25Н	Верх-Кальджин-2, курган 1	Сапоги-чулки, аппликация из ткани	50	38	12 (9/3)
4	11Н	Кутургунтас	Шерстяная ткань рубахи	60	21	19 (9/10)
5	2180-102	Туэкта, курган 2	Тесьма (красные нити)	55	13	32 (18/14)
6	2179-1024	Туэкта, курган 1	Шерстяная ткань	64	10	26 (16/10)
7	5Н-1	Ак-Алаха-5, курган 1	Красная шерстяная ткань юбки	70	30	—
8	29Н-1	Ак-Алаха-3, курган 1	Красный войлок с покрытия седла	54	44	2 (-/2)
9	23Н	Верх-Кальджин-1, курган 1	Красные петельки петлевого чепрака	57	43	—

* Соотношение крапplака ализарина и пурпурина.

Таблица 5.5

Окраска текстиля с примерно равным соотношением пигментов

№	Инв. № ГЭ или шифр образца	Место находки	Объект исследования	Состав красной краски, %		
				Крапплак	Кермес	Кармин
1	5Н-2	Ак-Алаха-5, курган 1	Коричневая шерстяная ткань юбки	37 (21/16)*	30	33
2	15Н	Ак-Алаха-3, курган 1	Шерстяная ткань (средняя полоса юбки)	35 (10/25)	37	28
3	1684-252	Пазырык, курган 2	Красная шерстяная ткань	36 (18/18)	22	42

* Соотношение ализарина и пурпурина.

Таблица 5.6

Окраска текстиля сочетанием крапплака, кармина или крапплака, кермеса

№	Инв. № ГЭ или шифр образца	Место находки	Объект исследования	Состав красной краски, %		
				Крапплак	Кермес	Кармин
1	1684-244-250 (1)	Пазырык, курган 2	Красная шерстяная ткань юбки	98 (23/75)*	2	—
2	2180-92	Пазырык, курган 2	Шерстяная ткань	76 (49/27)	—	24
3	2180-99	Туэкта, курган 2	Шерстяная ткань	90 (40/50)	—	10

* Соотношение ализарина и пурпурина.

Таблица 5.7

Текстиль синей и пурпурной окраски

№	Инв. № ГЭ или шифр образца	Место находки	Объект исследования	Состав красной краски, %			Наличие синей краски
				Крапплак	Кармин	Кермес	
1	1684-244-250	Пазырык, курган 2	Синие нити узорной ткани юбки	—	—	—	Индиго
2	2180-102	Туэкта, курган 2	Синие нити узорной тесьмы	—	—	—	Индиго (индирубин)
3	1687-100	Пазырык, курган 5	Льняная ткань (квадраты) на полихромном покрытии чепрака	—	—	—	Индиго
4	30Нс	Ак-Алаха-1, курган 1	Горит, сине-зеленый	31	60	9	Индиго
5	29Нс	Ак-Алаха-3, курган 1	Покрывало седла, сине-зеленый войлок (туловища животных)	15	34	51	Индиго
6	8Н	Верх-Кальджин-2, курган 3	Шуба, меховая отделка	12	78	10	Индиго
7	1684-254 (2)	Пазырык, курган 2	Зеленая шерстяная ткань	43 (18/25)	34	23	Индиго
8	1684-225	Пазырык, курган 2	Зеленая шерстяная ткань	60 (33/27)	17	23	Индиго
9	1684-255а	Пазырык, курган 2	Зеленая шерстяная ткань	46 (19/27)	23	31	Индиго
10	1687-100	Пазырык, курган 5	Женские фигуры на полихромной ткани покрытия чепрака	2 (1/1)	94	4	Индиго (индирубин)
11	1687-100*	Пазырык, курган 5	Женские фигуры на полихромной ткани покрытия чепрака	+	+	+	Индиго
12	1687-100	Пазырык, курган 5	Фон центральной части покрытия чепрака	Подлинный пурпур (дигроминидиго)			
13	1687-100	Пазырык, курган 5	Кайма покрытия чепрака	Подлинный пурпур (дигроминидиго)			

* Количественный состав красной краски не установлен из-за малого количества образца.

Способ обработки красильного сырья

Древние рецепты крашения мареной и червецами ныне утрачены [Галфаян, 1983, с. 76–77]. Очевидно, что получение краски и крашение текстиля не были связаны с обработкой красильного сырья в скифских бронзовых котлах. В присутствии меди невозможно получить красные лаки красителей марены и червцов [Елкина, 1980]. Скорее всего, древние красильщики использовали глиняные сосуды и извлекали красители методом длительного брожения червцов и корней марены в моче крупного рогатого скота. Под воздействием активного солнечного тепла в закрытых сосудах, заполненных красильным сырьем и мочой, происходило аммиачное брожение и создавалась мягкая щелочная среда, в которой легко растворяются красители марены и червцов [Добрынин, 1929]. Таким же способом красильщики получали щелочной раствор белого индиго (куб) из растений рода *Isatis* для окраски текстиля индиго вайды. Подобный метод использовался в древней Индии для получения кубового раствора индиго из растений рода *Indigofera* [Чичибабин, 1958].

Исследование красителей показало, что текстиль из «царских» Пазырыкских курганов не выделяется (как это можно было ожидать) особым составом красок. Возможно, для них характерно присутствие полихромных тканей. Однако даже в полихромном тканом покрывале чепрака из пятого Пазырыкского кургана наряду с подлинным пурпуром присутствуют обычные для пазырыкского текстиля краски: крапшлак, кармин, кермес, индиго вайды.

Исходя из состава красок можно предположить, что исследованный пазырыкский текстиль принадлежал одной культуре. Исключением могут быть три изделия из второго Пазырыкского кургана: ткани из хлопка ГЭ № 1684-258, ГЭ № 1684-257 и шерстяные ткани юбки ГЭ № 1684-244-250 (табл. 5.6.). В их окраске доминирует лак пурпурина (95%; 83%; 75%; 73%). Подобный состав характерен для окраски синьязянского текстиля [Cardon, 2000, p. 215].

В результате проведенного физико-химического исследования установлено, что пазырыкский текстиль окрашен органическими красителями растительного и животного происхождения: алizarинном, пурпурином, индиго, диброминдиго, моноброминдиго, карминовой и кермесовой кислотами. Известно, что природными источниками этих красителей являются: красильные растения — марена (*Rubia*) и вайда (*Isatis*), теплолюбивые насекомые — красильные червцы (*Porphyrophora Hamelii*, *Kermes vermilio*) и пурпуросные моллюски (*Murex*).

Главное заключается в том, что пазырыкский текстиль, извлеченный из мерзлотных курганов Горного Алтая, оказался окрашен природными красителями, которые отсутствуют в растительном и животном мире Алтая. Зоной совместного обитания «живых» красителей пазырыкского текстиля — насекомых, растений и моллюсков — может быть Восточное Средиземноморье. Вероятно, именно там и был окрашен текстиль, который мы называем пазырыкским.

Литература

Возникновение и развитие химии с древнейших времен до XVII века / Под ред. Ю. И. Соловьева. — М.: Наука, 1980.

Галфаян Х. К. Получение краски кармин из араратской кошенили // Художественное наследие: Хранение, исследование, реставрация / ВНИИР. — М., 1983. — Вып. 8(38). — С. 75–86.

Добрынин И. А. Естественные органические красящие вещества: Методы их исследования и определения в пищевых продуктах и напитках. — Л.: Науч. хим.-техн. изд-во, 1929. — С. 101.

Елкина А. К. Крашение дублировочных материалов естественными органическими и кубовыми красителями // Художественное наследие: Хранение, исследование, реставрация / ВНИИР. — М., 1980. — Вып. 6(36). — С. 95–111.

Майер Ф. Естественные органические красящие вещества. — М.: Госхимиздат, 1940. — 316 с.

Павлов Н. В. Дикие полезные технические растения СССР. — Казахский государственный университет им. С. М. Кирова, Казахский филиал АН СССР, 1942. — С. 640.

Полосьмак Н. В. Всадники Укока. — Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. — С. 179, 213.

Фармаковский М. В. Акварель. Ее техника, реставрация и консервация. — М.: ООО «Изд. В. Шевчук», 2000. — С. 45–57.

Чичибабин А. Е. Основные начала органической химии. — М.: Госхимиздат, 1958. — Т. II. — С. 558.

Яценко Р. В., Амбарцумян А. А. О проблеме кармина с точки зрения энтомолога и филолога // TETHYS Entomological Research. 1999. — № 1.

Cardon D. Analyse des colorants des textiles du Taklamakan // Keriya memoires d'un fleuve. Archeologie et civilization des oasis du Taklamakan. — Paris, 2000. — P. 215.

Cooksey C. J. Review. Tyrian Purple: 6,6-Dibromoindigo and Related Compounds // Molecules. — 2001. — Vol. 6. — P. 736–769.

Wouters J. High performance liquid chromatography of anthraquinones: analysis of plant and insect extracts and dyed textiles // Studies in Conservation. — 1985. — Vol. 30. — P. 119–128.

Wouters J., Verheeken A. The scale insect dyes (Homoptera: Coccoidea). Species recognition by HPLC and diode-array analysis of the dyestuffs // Annis Soc. Ent. Fr. (N. S.). — 1989. — Vol. 25 (4). — P. 393–410.

1. На данном этапе работы были исследованы только красные и синие красители (см. прил. 2).

2. В античное время индиго вайды в смеси с желтой резедовой краской шло для фальсификации малахитовой зелени [Фармаковский, 2000, с. 57].

Литература

- Авеста.** Избранные гимны: Из Видевдата. — М.: Дружба народов; КРАМДС—Ахмед Ясови, 1992. — 207 с.
- Акимов Л. И., Кишин А. Г.** О мифоритуальном смысле зонтика // Этруски и Средиземноморье. Язык. Археология. Искусство. — М., 1994. — С. 167–245.
- Акишев К. А.** Курган Иссык. — М.: Искусство, 1978. — 130 с.
- Акишев К. А.** Древнее золото Казахстана. — Алма-Ата: Опер, 1983. — 264 с.
- Алексеев А. Ю.** Значение некоторых украшений конского оголовья в Европейской Скифии V–IV вв. до н. э. // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. — Омск: ОмГУ, 1987. — С. 184–186.
- Андреева В., Ровнер А.** Энциклопедия символов, знаков, эмблем. — М.: Локид-Миф, 1999. — С. 291–293.
- Антипина К. И.** Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. — Фрунзе, 1962. — 286 с.
- Ардзинба В. Г.** Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. — М.: Наука, 1985. — С. 128–169.
- Аржан.** Источник в долине царей. Археологические открытия в Туве // Под общ. ред. М. Б. Пиотровского. — СПб.: Гос. Эрмитаж, 2004. — 64 с.
- Арриан.** Поход Александра. — М.: Миф, 1993. — Кн. 6. — 270 с.
- Артамонов М. И.** Сокровища саков. — М.: Искусство, 1973. — 279 с.
- Архангельский А. Г.** Учение о волокнах. — М.–Л.: Гизлегпром, 1938. — 490 с.
- Атархававеда:** Избранное. — М.: Наука, 1989. — 400 с.
- Баркова Л. Л.** Резные изображения животных на саркофаге из второго Башадарского кургана // АСГЭ. — Л.: Гос. Эрмитаж, 1984. — Вып. 25. — С. 11.
- Баркова Л. Л.** Изображения рогатых и крылатых тигров в искусстве Древнего Алтая // АСГЭ. — Л., 1985. — Вып. 26.
- Баркова Л. Л.** Образ орлиноголового грифона в искусстве Древнего Алтая (по материалам больших Алтайских курганов) // АСГЭ. — Л., 1987. — Вып. 28. — С. 27–28.
- Баркова Л. Л.** Большой войлочный ковер из пятого Пазырыкского кургана // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. — СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. — С. 137–143.
- Баркова Л. Л., Гавриленко Л. С.** Ворсовый шерстяной ковер из пятого Пазырыкского кургана // Реставрац. сб. — СПб.: АО «Славия», 1999. — С. 6–13.
- Баркова Л. Л., Гохман И. И.** Происхождение ранних кочевников Алтая в свете данных палеоантропологии и анализа их изображений // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. — СПб.: Ин-т материальной культуры РАН, 1994. — С. 21–36.
- Бартольд В. В.** Хлопководство в Средней Азии // Сочинения. — М.: Восточная литература, 1963. — Т. II. — Ч. 1. — С. 437–448.
- Бауло А. В., Гемуев И. Н., Люцидарская А. А., Сагалаев А. М., Соколова З. П., Солдатов Г. Е.** Мифология манси. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. — 150 с.
- Бернштам А. Н.** Киргизский народный повествовательный узор // Киргизский национальный узор. — Ленинград-Фрунзе, 1948. — С. 3–21.
- Блок М.** Апология истории. — М.: Наука, 1986. — 248 с.
- Богомолов В. Б.** О коврах тевризских татар // Этнокультурная история населения Западной Сибири. — Томск: Изд-во ТГУ, 1978а. — С. 68–75.
- Богомолов В. Б.** Ткачество декоративных ковров у барабинских татар // Духовная культура народов Сибири. — Томск: Изд-во ТГУ, 1978б. — С. 66–69.
- Богомолов В. Б.** Орнамент тарских татар // Этнокультурные явления в Западной Сибири. — Томск: Изд-во ТГУ, 1978в. — С. 159–171.
- Богомолов В. Б.** Прядение у барабинских татар // История, археология и этнография Сибири. — Томск: Изд-во ТГУ, 1979. — С. 104–111.
- Богомолов В. Б.** Ткани XVII в. тюркского населения бассейна р. Тары // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. — Новосибирск: Наука, 1996. — Т. 1. — С. 112–116.
- Богораз В. Г.** Материальная культура чукчей. — М.: Наука, 1991. — 223 с.
- Богословская И. В.** Одежда народов библейских стран (по древнеегипетским источникам XVI–XI вв. до н. э.). — СПб., 1995. — 142 с.
- Бойс М.** Зороастрийцы: Вера и обычаи. — М.: Наука, 1988. — 301 с.; СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994. — 275 с.
- Бойцов М. А.** Скромное обаяние власти (К облику германских государей XIV–XV вв.) // Одиссей. Человек в истории. — М.: Наука, 1995. — С. 37–67.

Бородовский А. П. Интерпретация обоим-накосников и некоторые вопросы ритуального значения волос в раннем железном веке (по материалам Новосибирского Приобья) // Скифо-сибирский мир. — Новосибирск: Наука, 1987. — 180 с.

Боряк Е. А. Традиционные знания, обряды и верования украинцев, связанные с ткачеством (середина XIX — начало XX вв.): Автореф. дис. канд. ист. наук. — Л., 1989. — 17 с.

Булатова А. Г., Гаджиева С. Ш., Сергеева Г. А. Одежда народов Дагестана: Историко-этнографический атлас. — Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2001. — 289 с.

Вайлов Н. И. Пять континентов. — М.: Мысль, 1987. — 171 с.

Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. — СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1999. — 436 с.

Вайнберг Б. И. Этногеография Турана в древности. — М.: Издат. фирма РАН «Восточная литература», 1999. — 356 с.

Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. — М.: Наука, 1972. — 314 с.

Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. — М.: Наука, 1991. — 283 с.

Валеев Ф. Т. Западносибирские татары во второй половине XIX — начале XX века (историко-этнографические очерки). — Казань, 1980. — 160 с.

Ван Бинхуа. Субэйнские находки // Китай. — Пекин, 1993. — № 3. — С. 15–18.

Васильева Г. П. Туркмены-похурли // Среднеаз. этногр. сб. — М.: Наука, 1954. — Т. 21. — С. 166.

Васильков Я. В. Древние индийские зеркала из скифо-сарматских курганов Алтая и Южного Приуралья // Мат. междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. — СПб.: Гос. Эрмитаж, 2002. — Кн. II. — С. 28–33.

Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. — Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993. — 257 с.

Ветчинкин А. Р. Естественные органические красящие вещества. — Саратов, 1996. — С. 60, 64.

Вильчевский О. Л. Мукуринские курды: Этногр. очерк // Переднеаз. сб. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — Вып. 1. — С. 197.

Винклер фон П. Оружие. — М.: Издат.-коммерч. фирма «Софт-Мастер», 1992. — 329 с.

Виннер А. В. Материалы масляной живописи. — М.: «Сварог и К», 2000. — С. 244–245.

Волков В. В. Оленные камни Монголии. — М.: Научный мир, 2002. — 247 с.

Волчок Б. Я. Традиции протоиндийского календаря и хронологии в индийской культуре // Сообщения об исследовании протоиндийских текстов. — М.: Proto-Indica, 1973, 1975.

Всемирная история. — М.: Политическая литература, 1956. — Т. II. — С. 27.

Гаврилова А. А. Узор иранской ткани из пятого Пазырыкского кургана (реконструкция) // АСГЭ. — Л.: Гос. Эрмитаж, 1980. — Вып. 45. — С. 53, 54.

Гаврильева Р. С. Одежда народа Саха конца XVII — середины XVIII века. — Новосибирск: Наука, 1998. — 141 с.

Галанина Л. К., Грязнов М. П., Доманский Я. В., Смирнова Г. И. Скифия и Алтай // Путеводитель по залам Эрмитажа. — Л.: Гос. Эрмитаж, 1966. — С. 99–100.

Галфаян Х. К. Получение краски кармин из араратской кошенили // Художественное наследие: Хранение, исследование, реставрация / ВНИИР. — М., 1983. — Вып. 8(38). — С. 75–86.

Гельб В. Е. Опыт изучения письма. — М.: Радуга, 1982. — 357 с.

Гемуев И. Н., Бауло А. В. Мифология манси. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. — 187 с.

Геродот. История: В 9 кн. // Пер. Г. А. Стратановича. — М.: Науч.-издат. центр «Ладомир», «АСТ», 1999. — 752 с.

Гита Мехта. Ткачество // Индия: Спец. выпуск. — М.: Прогресс, 1987. — С. 68.

Глушков И. Г., Глушкова Т. Н. Текстильная керамика как исторический источник. — Тобольск: Изд-во ТПИ, 1992. — 130 с.

Глушкова Т. Н. Плетение и ткачество в раннем железном веке (по материалам могильника Ак-Алаха-1): Приложение к монографии Н. В. Полосымак «Стереющие золото грифы». — Новосибирск: Наука, 1994. — С. 114–121.

Глушкова Т. Н. Традиции изготовления назырыкских тканей // Феномен алтайских мумий. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. — С. 120, 121, 158–161.

Глушкова Т. Н. Археологические ткани Западной Сибири. — Сургут: Изд-во СургПИ, 2002. — 206 с.

Глушкова Т. Н., Дудкина С. А. Применение ткани и тканой одежды в погребальном обряде обских угров // Наука и образование XXI в.: Сб. тез. докл. II окружной конференции молодых ученых ХМАО. — Сургут: Изд-во СурГУ, 2001. — Ч. 1. — С. 71–74.

Горелик М. В. Комплекс скифского мужского костюма и его место в комплексах костюма ираноязычных народов VI–IV вв. до н. э. // Сб. докл. III Всесоюзной конф. по искусству и археологии Ирана. — М.: ГМИИВ, 1980.

Гохман И. А. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и крапивографии СССР. — Л., 1980. — С. 5–34, 28.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Описание путешествия в Западную Китай. — М.: ОГИЗ (Гос. изд-во геогр. лит.), 1948. — 667 с.

- Грязнов М. П.** Первый Пазырыкский курган. — Л.: Гос. Эрмитаж, 1950. — 89 с.
- Грязнов М. П.** Войлок с изображением борьбы мифических чудовищ из пятого Пазырыкского кургана на Алтае. — Л.: Гос. Эрмитаж, 1956. — Вып. IX. — С. 40–42.
- Грязнов М. П.** Связи кочевников Южной Сибири со Средней Азией и Ближним Востоком в I тыс. до н.э. // Материалы II совещания археологов и этнографов Средней Азии (29 окт. — 4 нояб. 1956. — Сталинабад). — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — С. 136–143.
- Грязнов М. П.** Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. — Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. — Вып. 3. — С. 3–31.
- Грязнов М. П.** Аржан — царский курган раннескифского времени. — Л.: Наука, 1980. — 61 с.
- Губаева С. С.** Путь в зазеркалье (Похоронно-поминальный ритуал в обрядах жизненного цикла) // Среднеазиатский этнографический сборник. — М.: Наука, 2001. — С. 164–175.
- Гумилев Л. Н.** Хунну. — М.: Наука, 1970. — 427 с.
- Гумилев Л. Н.** География этноса в исторический период. — Л.: Наука, 1990. — 279 с.
- Демерет Н. Г., Бессонов Н. В., Кутенков В. К.** История цыган: Новый взгляд. — Воронеж: ИПФ «Воронеж», 2000. — 334 с.
- Деопик Д. В.** Всадническая культура в верховьях Янцзы и восточный вариант «звериного стиля» // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. — М.: Наука, 1979. — С. 63–67.
- Джаякришнан Ш.** Ткачество // Индия. — М.: Прогресс, 1987. — С. 73.
- Джумабекова Г. С.** Опыт атрибуции фигурки конного лучника из Алматы // Вопросы археологии Казахстана. — Алматы-Москва, 1998. — Вып. 2.
- Добрынин И. А.** Естественные красящие вещества. — Л., 1979.
- Доде З. В.** Средневековый костюм народов Северного Кавказа. — М.: Издат. фирма РАН «Восточная литература», 2001. — 135 с.
- Дранкин Д. И.** Враги побежденные и непобежденные (об особо опасных инфекциях). — Саратов, 1978. — 135 с.
- Дудин С. М.** Ковровые изделия Средней Азии // Сб. МАЭ. — СПб.: Гос. Эрмитаж, 1928. — Т. VIII. — С. 87, 117.
- Дьяконов И. М., Янковская Н. Б., Ардзинба В. Г.** Страны Восточного Средиземноморья в IV–II тысячелетиях до н.э. // История Древнего Востока. — М.: Главная редакция восточной литературы, 1988а. — Ч. 2. — С. 202–269.
- Дьяконов И. М., Янковская Н. Б., Ардзинба В. Г.** Северная периферия Нижнемесопотамской цивилизации IV–II тысячелетий до н.э. // История Древнего Востока. — М.: Главная редакция восточной литературы, 1988б. — Ч. 2. — С. 21–117.
- Дьяконова В. П.** Алтайцы: Материалы по этнографии телегитов Горного Алтая. — Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 2001. — 190 с.
- Дэвлет М. А.** Петроглифы на дне Саянского моря. — М.: Наука, 1999. — С. 203.
- Елизаренкова Т. Я.** Мир идей Арнев Ригведы // Ригведа. Мандалы V–VIII / Серия «Литературные памятники». — М.: Наука, 1999. — С. 452–487.
- Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н.** Мир вещей по данным Ригведы // Ригведа. Мандалы V–VIII / Серия «Литературные памятники». — М.: Наука, 1999. — С. 487–526.
- Елкина А. К.** Крашение дублировочных материалов естественными органическими и кубовыми красителями // Художественное наследие: Хранение, исследование, реставрация / ВНИИР. — М., 1980. — Вып. 6(36). — С. 95–111.
- Елкина А. К., Левина Л. М.** Одежда, ткани и кожа из джетысарских могильников // Низовья Сырдарьи в древности. — Вып. V. — Ч. 5. — М.: изд-во Института этнологии и антропологии, 1995. — С. 31–105.
- Емельянов В. В.** Древний Шумер: Очерки культуры. — СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 2001. — 368 с.
- Ефимова Л. В.** Русский народный костюм. — М.: Сов. Россия, 1984. — 312 с.
- Жукова Л. Н.** Одежда юкагиров. — Якутск: Изд-во «Якутский край», 1996. — 141 с.
- Жуковская Н. Л.** Монголы // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. — М.: Наука, 1989. — С. 254.
- Завитухина М. П.** Золотая фигурка конного лучника V–IV вв. до н.э. — художественное произведение круга «Сибирской коллекции Петра I» // АСГЭ. — Л.: Гос. Эрмитаж, 1990. — Вып. LIV. — С. 21–24.
- Зеймаль Е. В.** Амударынский клад: Каталог выставки. — Л.: Искусство, 1979. — С. 39, 44, 51–52, 64.
- Зеленин Д. К.** Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских: Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. — М.: Индрик, 1994. — С. 179–193.
- Зуев В. Ф.** Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771–1772) // Труды Института этнографии. Новая серия. — М.—Л., 1947. — Т. V. — 95 с.
- Иванов А. А., Луконин В. Г., Смесова Л. С.** Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековый периоды. — М.: Искусство, 1984. — 213 с.
- Иванова Е. В.** Одежда и украшения народов Юго-Восточной Азии. — СПб.: Изд-во МАЭ (Кунсткамера), 2002. — 168 с.
- Иерусалимская А. А.** Великий Шелковый путь и Северный Кавказ. — Л., 1972.
- Иерусалимская А. А.** Кавказ на шелковом пути // Каталог временной выставки. — СПб., 1992. — 70 с.

- Ирисов Э. А.** Животный мир // Горный Алтай. — Томск: Изд-во ТГУ, 1971. — С. 179–199.
- Итц Р. Ф.** Ицзу: Тибето-бирманские народы // Народы Восточной Азии. — М.—Л., 1965. — С. 531–551.
- Итц Р. Ф.** Этническая история юга Восточной Азии. — Л.: Наука, 1972. — 306 с.
- Каковкин А. Я.** Контские ткани из фондов Эрмитажа // Каталог выставки «Аврора». — Л.: Гос. Эрмитаж, 1978. — 69 с.
- Канторович А. Р.** К вопросу о стилистических истоках и причинах популярности «зооморфных превращений» в искусстве скифского звериного стиля // Ист.-археол. альманах. — Армавир—М., 2002. — № 8. — С. 28.
- Карпов Ю. Ю.** Женское пространство в культуре народов Кавказа. — СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 2001. — 412 с.
- Кастрен М. А.** Путешествие в Сибирь (1845–1849). — Тюмень: Мандрики, 1999. — Т. 2. — 325 с.
- Кенин-Лопсан М. Б.** Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 43–53.
- Кесвелл Р.** Текстильные волокна, пряжа и ткани. — М.: Изд-во науч.-техн. лит. РСФСР, 1969. — 563 с.
- Киришин Ю. Ф., Тишкин А. А.** Скифская эпоха Горного Алтая. Культура населения в раннескифское время. — Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. — 231 с.
- Клочков И. С.** Скифський жіночий костюм: Автореф. дисертації на здобуття вченого ступеню канд. історичних наук. — Київ, 1992. — 21 с.
- Козлов П. К.** Монголия и Кам. — М.: Географгиз, 1947. — 431 с.
- Комиссаров С. А.** Северные параллели юньнаньским бронзам // 25-я науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады. — М., 1994. — С. 38–41.
- Кошеленко Г. А.** Родина парфян. — М.: Советский художник, 1977. — 172 с.
- Кривоносов Б. М., Ревякин В. С.** Климат // Горный Алтай. — Томск: Изд-во ТГУ, 1971. — С. 74–96.
- Кубарев В. Д.** Курганы Уландрыка. — Новосибирск: Наука, 1987. — 300 с.
- Кубарев В. Д. Древние росписи Каракола. — Новосибирск: Наука, 1988. — С. 96–97, 116–117.
- Кубарев В. Д.** Курганы Юстыда. — Новосибирск: Наука, 1991. — 188 с.
- Кубарев В. Д.** Курганы Сайлюгема. — Новосибирск: Наука, 1992. — 140 с.
- Кубарев В. Д.** Наскальные загадки Калбак-Таша // Наскальное искусство Алтая. — Новосибирск—Горно-Алтайск, 2003. — С. 17–25, 20–21.
- Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н.** Декоративное творчество башкирского народа. — Уфа: БФ АН СССР, 1979.
- Курлин М. М.** Некоторые аспекты мировосприятия мансийского народа // Материалы III югорских чтений. — Томск: Изд-во ТГУ, 2001. — С. 92–96.
- Курочкин Г. Н.** Сюжетные изображения на войлочных кошмах из пятого Пазырыкского кургана (к предыстории шаманизма в Южной Сибири и Центральной Азии) // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири / Досоветский период: Тез. докл. и сообщ. Всесоюзной науч. конф. 15–17 нояб. 1988. — Новосибирск, 1988. — Вып. 1. — 216 с.
- Лазарев Н. И.** Описание красок, употребляемых и предложенных для употребления на жидкостях в картинной и декоративной живописи и при окраске зданий. — СПб.: Издание императорской академии художеств, 1869. — 235 с.
- Ландратова О. Б., Голиков В. П., Орфинская О. В., Владимиров О. Ф., Егоров В. Л.** Исследование уникальных археологических памятников из собрания Гос. ист. музея комплексов одежд XIII–XIV вв. — М.: ГИМ, 2002. — 237 с.
- Латышев В. В.** Известия древних авторов греческих и латинских о Скифии и Кавказе. — СПб.: Фан, 1992. — Т. 1. — 334 с.; 1993. — Т. 2. — 349 с.
- Лебедева Н. И.** Прядение и ткачество восточных славян // Труды Ин-та этнографии. — М., 1956. — Т. XXI. — С. 459–540.
- Литвинский Б. А.** Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. — М.: Наука, 1978. — 218 с.
- Литвинский Б. А., Воробьева-Десятовская М. И.** Буддизм // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. — М.: Наука, 1992. — С. 427–508.
- Литвинский Б. А., Пичилян И. Р.** Ахеменидская рукоять с протоной грифона из храма Окса // ВДИ, 1993. — № 4. — С. 67–89.
- Литвинский Б. А., Смагина Е. Б.** Манихейство // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. — М.: Наука, 1992. — С. 508–533.
- Лобачева Н. П.** О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. — М.: Наука, 1989. — С. 5–39.
- Лобачева Н. П.** К истории среднеазиатского костюма: киргизские белдемчи // Этногр. обозрение. — М., 1997. — Вып. 6. — С. 70–84.
- Лобачева Н. П.** Особенности костюма народов Среднеазиатско-Казахстанского региона // Среднеаз. этногр. сб. — М.: Наука, 2001. — Вып. IV. — С. 69–97.
- Лобсанг Рампа Т.** Шафрановые одежды. — М.: ТОО «Путь к себе», 1994. — 244 с.
- Лотман Ю. М.** Внутри мыслящих миров. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 447 с.
- Лотман Ю. М.** Семиосфера. — СПб.: Искусство, 2000. — 688 с.

Лубо-Лесниченко Е. И. Пазырык и Западный Меридиональный путь // Страны и народы Востока. — М., 1987. — Вып. XXV. — С. 233–247.

Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на Шелковом пути (шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). — М.: Издат фирма РАН «Восточная литература», 1994. — 332 с.

Лукас А. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. — М.: Иностран. лит., 1958. — 744 с.

Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. — Новосибирск: Наука, 1988. — 225 с.

Люшкевич Ф. Д. Одежда этнических групп населения Бухарского оазиса в прилегающих к нему районах (первая половина XX в.): Опыт сравнительной характеристики // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. — М.: Наука, 1989. — С. 90–107.

Марко Поло. Книга Марко Поло / Путешествие в Восточные страны. 3-е изд. — М.: Мысль, 1997. — 460 с.

Марсадолов Л. С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда) // Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа. — Л.: Гос. Эрмитаж, 1997. — Вып. 1. — С. 22–24.

Марсадолов Л. С., Царев Н. В. Ткани из кургана Аржан в центре Азии // Пятые ист. чтения памяти М. П. Грязнова: Тез. докл. Всероссийской науч. конф. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. — С. 72–75.

Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. — Новосибирск: Наука, 1979. — 154 с.

Мартынов А. И. О мировоззренческой основе искусства скифо-сакского мира // Скифо-сибирский мир. — Новосибирск, 1987. — С. 16.

Маслова Г. С. Нарядная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX вв. // Восточнославянский этногр. сб. / Тр. Ин-та этнографии им. Никлухо-Маклая (нов. сер., т. XXX, I). — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — С. 620–650.

Матве М. Э., Афанасьева В. И., Дьяконов Н. М., Луконин В. Г. Искусство Древнего Востока. — М., 1968. — С. 124.

Мень А. История религии: в поисках пути, истины и жизни: В 7 тт. — М.: Слово/Slovo, 1992. — Т. VII: Сын Человеческий. — С. 285–293.

Мерцалова М. Н. Костюм разных времен и народов. — М.: Академия моды, 1993. — Т. 1. — 542 с.

Миколайчук Е. А. Исследование физико-химического состояния ворсового шерстяного ковра из пятого Пазырыкского кургана // Реставрационный сб. — СПб.: АО «Славия», 1999. — Вып. 2. — С. 13–17.

Мифы народов мира: Энцикл.: В 2 т. — М.: Рос. энцикл., 1994. — Т. 2. — С. 471–474.

Молодин В. И. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана 3 памятника Верх-Кальджин-2 // Феномен алтайских мумий. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. — С. 86–120.

Молодин В. И. Горный Алтай в эпоху бронзы // История Республики Алтай. Древность и средневековье. — Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова, 2002. — С. 97–138.

Молодин В. И., Погожева А. П. Плита из Озерного (Горный Алтай) // СА, 1990. — № 1. — С. 167–177.

Мордкович В. Г. Введение // Судьба степей. — Новосибирск: Мангазея, 1997. — С. 3–9.

Морозова А. С. Традиционная народная одежда туркмен // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. — М.: Наука, 1989. — С. 39–89.

Муканов М. С. Ковровое производство и его орнаментика. — Алма-Ата: Изд-во Ин-та истории, археологии и этнографии, 1959. — С. 97.

Мукминова Р. Г. Костюм народов Средней Азии по письменным источникам XVI в. // Костюм народов Средней Азии. — М.: Наука, 1979. — С. 70–77.

Мюллер Ф. М. Введение в науку о религии. — М.: Высш. шк., 2002. — 174 с.

Народы Средней Азии и Казахстана / Под ред. С. А. Толстого, Т. А. Жданко, С. М. Абрамзона, Н. А. Кислякова. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — 778 с.

Нахлик А. Ткани Новгорода // МИА. — М.—Л., 1963. — № 123. — С. 228–253.

Нефедкин А. К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI—I вв. до н. э.). — СПб.: Изд-во «Петербургское востоковедение», 2001. — 513 с.

Никаноров В. П. Развитие конского защитного снаряжения античной эпохи // КСИА, 1985. — № 184. — С. 30–35.

Никитин А. Б. Христианство // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. — М.: Наука, 1992. — С. 533–550.

Овезов Д. М. Туркмены мурчали // Тр. Южно-туркм. археол. комплексной экспедиции. — Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1959. — Т. IX. — С. 135–282.

Окладникова Е. А. Сибирские истоки в покрое и декоре одежды индийцев языковой семьи на-дене // Американские индейцы: новые факты и интерпретации. — М.: Наука, 1996. — С. 251–266.

Орфинская О. В. Раннескифский текстиль из коллекции Карачаево-Черкесского музея-заповедника: технологические особенности в контексте культурологических задач / Автореф. дис. канд. культурол. наук. — М., 2000. — 30 с.

Павлов Н. В. Дикie полезные и технические растения СССР. — М.: КазГУ им. С. М. Кирова и Казфилиал АН СССР, 1942. — 640 с.

Палкин Б. Н. Очерки истории медицины и здравоохранения Западной Сибири и Казахстана в период присоеди-

нения к России (1716–1868). — Новосибирск, 1967. — 576 с.

Пандей Р. Б. Древнеиндийские домашние обряды. — М.: Высш. шк., 1990. — 313 с.

Пессель М. Заскар. — М.: Мысль, 1985. — 188 с.

Петров М. П. Пустыни Центральной Азии. — Л.: Наука, 1967. — Т. 2. — 286 с.

Пилипко В. Н. Парфянский костюм // Древние цивилизации Евразии. История и культура: Тез. докл. Междунар. науч. конф., посвященной 75-летию действительного члена АН Таджикистана, д-ра ист. наук, проф. Б. А. Литвинского. М.: Изд-во Ин-та востоковедения РАН, 1998. — С. 73–74.

Пиотровский Б. Б. Кармир-Блур III: Результаты работ археологической экспедиции Ин-та истории АН Армянской ССР и Гос. Эрмитажа 1951–1953 гг. — Ереван, 1955. — 74 с.

Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). — М.: Изд-во фирма РАН «Восточная литература», 1959. — 265 с.

Пламеневская О. Л. Некоторые данные о тканях из кургана Аржан // УЗ Тув. ИЯЛИ. — Кызыл: Изд-во ИЯЛИ, 1973. — Вып. 17. — С. 199–206.

Плано Карпини Дж. дель. История Монгалов / Путешествие в Восточные страны. 3-е изд. — М.: Мысль, 1997. — 460 с.

Плутарх. Избранные жизнеописания: В 2 т. — М.: Правда, 1990. — Т. 2. — 608 с.

Погребенные царства Китая // Исчезнувшие цивилизации: Энцикл. — М.: Кн. клуб «Терра», 1998. — 168 с.

Погребова М. Н. Кобанская пряжка «восточного типа». — М., 1984. — 260 с.

Поздняков Д. В., Полосьмак Н. В. Всадники, натягивающие лук // Археология, этнография и антропология. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. — № 3. — С. 75–81.

Полосьмак Н. В. Стереющие золото грифы. — Новосибирск: Наука, 1994. — 122 с.

Полосьмак Н. В. Традиция пазырыкского бальзамирования (некоторые аспекты проблемы) // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Материалы IV годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН (дек. 1996). — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. — С. 210–213.

Полосьмак Н. В. Пазырыкская культура: Реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений: Автореф. дис. д-ра ист. наук. — Новосибирск, 1997.

Полосьмак Н. В. К вопросу о шерстяных тканях из пазырыкских курганов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. — С. 491–496.

Полосьмак Н. В. Татуировка у пазырыкцев // Археология, этнография и антропология Евразии. — Новосибирск:

Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. — № 4. — С. 103–107.

Полосьмак Н. В. Всадники Укока. — Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. — 336 с.

Полосьмак Н. В., Кундо Л. П., Малахов В. В., Власов А. А., Краевская И. Л., Овсянникова И. А., Литвак Г. С., Плясова Л. М., Соловьева Л. П., Шмакова А. Н. Химический анализ археологических находок из «замерзших» погребений Горного Алтая // Тез. докл. V конф. «Аналитика Сибири и Дальнего Востока». — Новосибирск, 1996. — С. 199.

Полосьмак Н. В., Кундо Л. П., Малахов В. В., Власов А. А., Краевская И. Л., Овсянникова И. А., Литвак Г. С., Плясова Л. М., Соловьева Л. П., Шмакова А. Н., Щербаков Ю. Г., Рослякова И. В. Исследование вещественного состава находок из «замерзших» могил Горного Алтая (Ак-Алаха-3. Пазырыкская культура) // РА, 1997а. — Т. 1. — С. 181–193.

Полосьмак Н. В., Кундо Л. П., Малахов В. В., Власов А. А., Плясова Л. М., Краевская И. Л., Степанов В. Г. Красящие вещества в погребениях пазырыкской культуры (к вопросу о косметических средствах пазырыкцев) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы V годовой итог. сес. ИАЭТ СО РАН. Дек. 1997. — Новосибирск, 1997б. — С. 270–274.

Полосьмак Н. В., Кундо Л. П., Малахов В. В., Власов А. А. Физико-химическое исследование уникальных археологических находок пазырыкской культуры Горного Алтая (VI–II вв. до н. э.). Реконструкция древних технологий и мировоззренческих представлений // Интеграционные программы фундаментальных исследований. — Новосибирск, 1998. — С. 386–392.

Попов А. А. Прядение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия // Сб. МАЭ. — М.-Л., 1955. — Т. 16. — С. 41–146.

Потанин Г. Н. Тангуты-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. — М.: Географгиз, 1950. — 649 с.

Потапов Л. П. Особенности материальной культуры казахов // Сб. МАЭ. — 1949. — Вып. XII. — С. 43–71.

Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. — Л.: Наука, 1991. — 319 с.

Потапов Л. П. Традиционная народная культура алтайцев — наследница древней цивилизации кочевников Центральной Азии // Народы Сибири: История и культура. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. — С. 22–30.

Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами в Тибет и верховья Желтой реки. — СПб.: Издание Императорского Русского Географического Общества, 1883. — 473 с.

Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов. — М.: Географгиз, 1946. — 226 с.

Пржевальский Н. М. От Кяхты на истоки Желтой реки. — М.: Географгиз, 1948. — 360 с.

- Прилипка Я. П., Болтрик Ю. В.** Опыт реконструкции скифского костюма на материалах погребения скифов из Вишневой могилы // Курганы степной Скифии. — Киев: Наук. думка, 1991. — С. 18–33.
- Прыткова Н. Ф.** Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. — Л.: Наука, 1970. — 223 с.
- Прыткова Н. Ф.** Один из источников изучения одежды // Сб. МАЭ. — Л.: Наука, 1971. — Вып. XXVII. — С. 30.
- Путилов Б. Н.** Эпическое сказительство. — М.: Издат. фирма РАН «Восточная литература», 1997. — 290 с.
- Рабинович М. Г.** Одежда русских XIII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. — М.: Наука, 1986. — С. 63–112.
- Радлов В. В.** Из Сибири: Страницы дневника. — М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1989. — 749 с.
- Рассудова Р. Я.** Сравнительная характеристика мужской одежды населения Ферганско-Ташкентского региона (XIX–XX вв.) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. — М.: Наука, 1989. — С. 139–154.
- Рерих Ю. Н.** По тропам Средней Азии. — Хабаровск, Кн. изд-во, 1982. — 304 с.
- Рерих Ю. Н.** Тибет и Центральная Азия. — Самара: Издат. дом «Агни», 1999. — 355 с.
- Решетов А. М.** Бэнлун. Мон-кхмерские народы // Народы Восточной Азии. — М.–Л., 1965. — С. 597–600.
- Рославцева Л. И.** Одежда крымских татар конца XVIII-го — начала XX-го вв. — М.: Наука, 2000. — 103 с.
- Ростовцев М. И.** Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. — СПб., 1913. — Вып. 49. — С. 140.
- Рубрук Гильом де.** Путешествие в Восточные страны. — М.: Мысль, 1997. — 460 с.
- Руденко С. И.** Второй Пазырыкский курган. — Л.: Гос. Эрмитаж, 1948. — 61 с.
- Руденко С. И.** Пятый Пазырыкский курган. — М.–Л.: КСИИМК, 1951. — Вып. XXXVII.
- Руденко С. И.** Горно-алтайские находки и скифы. — М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — 262 с.
- Руденко С. И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. — М.–Л.: Наука, 1953. — 401 с.
- Руденко С. И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. — М.–Л.: Наука, 1960. — 351 с.
- Руденко С. И.** Искусство Алтая и Передней Азии (сер. едина I тыс. до н.э.). — М.: Издат. фирма РАН «Восточная литература», 1961. — 66 с.
- Руденко С. И.** «Сибирская коллекция Петра I». — М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962а. — 41 с.
- Руденко С. И.** Культура хуннов и ноннулинские курганы. — М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962б. — 203 с.
- Руденко С. И.** Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. — М.: Искусство, 1968. — 121 с.
- Сазонова М. В.** Женский костюм узбеков Хорезма // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. — М.: Наука, 1989. — С. 90–107.
- Самарина Л. В.** Традиционная этническая культура и цвет (основные проблемы зарубежных исследований) // Этногр. обозрение. — М.: Наука, 1992. — № 2. — С. 147–157.
- Селиванов Е. И.** Под голубым небом Ирана. — М.: Наука, 1995. — 142 с.
- Семенович Н. Н.** Реставрация и экспозиция Большого войлочного ковра из Пазырыка. — М.–Л.: КСИИМК, 1956. — Вып. 64. — С. 144–147.
- Серошевский В. Л.** Якуты: Опыт этнографического исследования. — М.: Изд-во РОССПЭН, 1993. — 713 с.
- Сирелиус.** Домашние ремесла остяков и вогулов // Ежегодник Тобольского Губернского музея. — Тобольск, 1906. — Вып. XVI.
- Слюсаренко И. Ю., Кузьмин Я. В., Кристен Дж. А., Орлова Л. А., Бурр Дж. С.** Анализ результатов радиоуглеродной «привязки» древесно-кольцевой хронологии курганов пазырыкской культуры Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2002 г. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. — Т. VII. — С. 436–441.
- Смагулов Е.** Кирязы Туркестанского оазиса // Изв. Национальной академии наук Республики Казахстан (Сер. обществ. наук). — Алматы: НИЦ «Фылым», 2003. — № 1. — С. 172–190 с.
- Смешко Т. Н.** Ткани в одежде киргизов (вторая пол. XIX-го — нач. XX вв.) // Костюм народов Средней Азии. — М.: Наука, 1979. — С. 211–228.
- Советский энциклопедический словарь.* — М.: Сов. энцикл., 1987. — С. 947, 1316.
- Соколова З. П.** Культ животных в религиях. — М.: Наука, 1972. — 213 с.
- Сорокин С. С.** Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры // Культура Востока: Древность и раннее средневековье: Сб. ст. — Л.: Аврора, 1978. — С. 182.
- Сосновский Г. П.** Древнейшие шерстяные ткани Сибири // ПИДО. — 134. — № 2. — С. 92–96.
- Стратанович Г. Г.** Развитие китайской письменности // Народы Восточной Азии. — М.–Л., 1965. — С. 346–353.
- Студенецкая Е. Н.** Узорные войлоки Кавказа (в свете исторических связей народов Кавказа и Азии) // СЭ. — М.: Наука, 1979. — № 1. — С. 105–115.
- Суразаков А. С.** К вопросу о семантике некоторых образцов пазырыкского искусства // Мат. по археологии Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1986. — С. 3–34.

Суслов С. В. Женские украшения казанских татар середины XIX — начала XX в.: историко-этнографическое исследование. — М.: Наука, 1980. — 123 с.

Сусой Е. Г. Из глубины веков: Традиции и обычаи ямальских ненцев. — Тюмень: Ин-т проблем освоения Севера СО РАН, 1994. — С. 124, 126.

Сухарева О. А. Вопросы изучения костюма народов Средней Азии // Костюм народов Средней Азии. — М.: Наука, 1979. — С. 3–13.

Талигина Н. М. Цветовая классификация у хантов // Обские угры: Материалы 11-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (12–16 дек. 1999, Тобольск). — Тобольск–Омск: ОмГПУ, 1999. — С. 197–199.

Тернер В. Символ и ритуал. — М.: Наука, 1983. — 270 с.

Томина Т. Н. Ткани в одежде кочевых и полукочевых народов Средней Азии // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. — М.: Наука, 1989. — С. 228–253.

Топоров В. Н. Космогонические мифы. Мифы народов мира. — М.: Сов. энцикл., 1982. — С. 6–9.

Туголуков В. А., Тураев В. А., Спеваковский Б. А. и др. История и культура эвенков. — СПб.: Наука, 1997. — С. 76.

Фармаковский М. В. Изделия из волокнистых материалов // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. — М.–Л.: Изд-во Главсевморпути, 1951. — С. 172–178.

Фаткулина Ф. Ш. Лоскутные изделия тарских татар // V конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. — С. 233–234.

Федосеев Г. Тропюю испытаний. — М.: Мол. гвардия, 1990. — С. 5–314.

Фесенко А. В., Тилькунов Ю. Н., Беляков А. В., Москвина Т. П. Тайна святого лика // Наука в России. — М.: Изд. президиума РАН. — Янв.–февр. 2003. — № 1. — С. 78–85.

Фиельструп Ф. А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. — М.: Наука, 2002. — 300 с.

Флоренский П. Избранные труды по искусству. — М.: Изобраз. искусство, 1996. — 333 с.

Фрай Р. Наследие Ирана. — М.: Издат. фирма РАН «Восточная литература», 2002. — 463 с.

Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь. — М.: Политическая литература, 1980. — 826 с.

Хлопин И. Н. Изготовление ворсовых ковров в Средней Азии в эпоху бронзы // КСИА. — М.: Наука, 1980. — Вып. 161. — С. 31–36.

Хлопин И. Н. Еще раз о древности туркменского ковроделия: Конференция, посвященная 90-летию М. П. Грязнова. — СПб.: Наука, 1992. — С. 59–61.

Хомич Л. В. Одежда канинских ненцев // Одежда народов Сибири как исторический источник. — Л.: Наука, 1970. — С. 124.

Хуань Куань. Спор о соли и железе. — М.: Издат. фирма РАН «Восточная литература», 2001. — Т. 2. — 831 с.

Цимиданов В. В. Веретено в обрядах населения срубной культуры: Текстиль эпохи бронзы из Евразийских степей // Тр. Гос. ист. музея. — М.: ГИМ, 1999. — Вып. 109. — С. 224–228.

Чернова А. Д. ...Все краски мира, кроме желтой. — М.: Искусство, 1987. — 220 с.

Черных А. П. Белое — венчальное, черное — печальное, или Необъятная геральдика (Рец. на кн. М. Пастуро: Синий: история цвета. Париж, 2000) // Одиссей. — М.: Наука, 2002. — С. 354–356.

Черных Е. Н. Каргалы. Забытый мир. — М.: Nox, 1997. — 177 с.

Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая. — М.: Наука, 1976. — 298 с.

Чжан Цзэнци. Проблемы типологии и этнической принадлежности культур бронзового века провинции Юньнань // Юньнань цинтунци луныцзи (Сб. ст. по культуре бронзового века провинции Юньнань). — Куньмин, 1991.

Чжоу Цюй-Фэй. За хребтами вместо ответов. — М.: Издат. фирма РАН «Восточная литература», 2001. — 528 с.

Чижишева Т. А. Вопросы происхождения кочевников Горного Алтая эпохи раннего железа по данным антропологии // Археология, этнография и антропология Евразии. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000а. — № 4. — С. 107–122.

Чижишева Т. А. Антропология носителей пазырыкской культуры // Феномен алтайских мумий. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000б. — С. 35–50.

Чихачев П. А. Путешествие в Восточный Алтай — М.: Наука, 1974. — 317 с.

Чичибабин А. Е. Основные начала органической химии. — М.: Госхимиздат, 1954, 1958. — Т. I. — С. 470–472. — Т. II. — С. 375, 479–480, 558–560.

Чугуевский А. И. Китайцы // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. — М.: Наука, 1992. — С. 194–222.

Чунакова О. М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. — М.: Издат. фирма РАН «Восточная литература», 2004. — 285 с.

Шарапов В. Э. Одежда и обувь // Народы Поволжья и Приуралья: Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. / Серия «Народы и культуры». — М.: Наука, 2000. — С. 91–107.

Шахермайр Ф. Александр Македонский. — М.: Наука, 1984. — 384 с.

Шишлина Н. И., Орфинская О. В., Голиков В. П. Текстиль эпохи бронзы Северного Кавказа: проблема происхождения // Степи Евразии в древности и средневековье. К 100-летию М. П. Грязнова. — СПб.: Гос. Эрмитаж, 2002. — Кн. I. — С. 253–260.

Шишло Б. П. Восточно-финские черты в культуре алтайских тюрков // Языки и топонимия. — Томск: Изд-во ТГПИ, 1976. — С. 151–155.

Шнякина Е. Н. Престижная функция меховой одежды в различных слоях русского общества // V конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. — М., 2003. — С. 235–236.

Элиаде М. Азиатская алхимия. — М., 1998.

Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. — М.: Ладомир, 1999.

Юнг К. Г. Подход к бессознательному // Человек и его символы. — СПб.: Б.С.К., 1996. — С. 16–144.

Ющенко А. А. Лепра (Lepra) // Кожные и венерические болезни. — М., 1995. — Т. 1. — С. 393–421.

Якунина Л. И. Фрагменты одежды и обуви // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. — М.–Л.: Изд-во Главсевморпути, 1951. — С. 179–186.

Янковская Н. Б. Клинописные тексты из Кюль-Тепе в собраниях СССР // Письма и документы торгового объединения в Малой Азии. — М.: Наука, 1968. — Вып. XIX. — С. 28.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат, 1991. — 527 с.

Яценко С. А. Костюм ираноязычных народов древности и методы его культурно-исторической реконструкции: Автореф. дис. д-ра ист. наук. — М., 2002. — 47 с.

Яценко Р. В., Амбарцумян А. А. О проблеме кармина с точки зрения энтомолога и филолога // Tethys entomological research. — Алматы: Tethys, 1999. — № 1. — С. 47–58.

7000 Years of Iranian Art. — Los Angeles–Washington, 1964–1965.

Barber E. J. W. Prehistoric Textiles: The Development of Cloth in the Neolithic and Bronze Age, with Special Reference to the Aegean. — Princeton: Princeton University Press, 1991. — 220 p.

Barber E. J. W. The Bronze Age Clothing of the Tarim Basin: the Kroran (Loulan) and Qumul (Hami) Evidence // The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia. — Washington: Institute of the Study of Man, 1998. — Vol. II. — P. 647–654.

Barber E. J. W. The mummies of Urumchi. — New-York; London: Norton & Co., 1999. — 240 p.

Bellinger Louisa. Textiles from Gordion. The Bulletin of the Needle and Bobbin Club. — 1962.

Bouhmer H., Thompson J. The Pazyryk Carpet: A Technical Discussion // Source. Notes in the History of Art. — New York, 1991. — Vol. X. — No. 4. — P. 30–36.

Bunker E. C. The Cemetery at Shanpula, Xinjiang, Simple Burials. Complex Textiles // Fabulous Creatures from the Desert Sands. — Riggisberg: Abegg Stiftung, 2001. — P. 15–47.

Cardon D. Analyse des colorants des textiles du Taklamakan // Keriya memoires d'un fleuve. Archeologie et civilization des oasis du Taklamakan. — Paris: Fondation EDF, 2001. — P. 215.

Cen Yunfei. Turfan Museum. — Xinjiang Fine Arts and Photo Publishing House, 1992. — 125 p.

Chirshman R. Perse, Proto-Iraniens, Medes, Achemenides. — Paris: Gallimard (L'Univers des formes), 1963. — Vol. 5.

Desrosiers S. Une culture textile raffinee // Keriya, memoires d'un fleuve. Archeologie et civilization des oasis du Taklamakan. — Paris: Fondation EDF, 2001. — P. 144–155.

Francfort A. P., Desrosiers S. Jambiere en feutre brun noir maintenue par une tresse terminée par des pompons // Keriya, memoires d'un fleuve. Archeologie et civilization des oasis du Taklamakan. — Paris: Fondation EDF, 2001. — P. 194.

Francfort A. P., Idriss A., Yuzhong Zhang. Pratiques funeraires // Keriya, memoires d'un fleuve. Archeologie et civilization des oasis du Taklamakan. — Paris: Fondation EDF, 2001. — P. 137–143.

Galanina L. L., Gratsch A. D. Scythian Art. The Legacy of the Scythian world mid-7th to 3rd century B.C. Aurora art Publishers. — Leningrad, 1986. — 182 p.

Hofenk de Graaff Judith H. A Simple Method for the Identification on Indigo // Studies in Conservation. — 1974. — Vol. 19. — P. 54–55.

Hofenk de Graafe Judith H., Maarten R. van Bommel. Dyestuff Analysis of the Central Asian Woolen Textiles. A Contribution of Dyestuff Analysis to the Study and Knowledge of the Textil Fragments // Fabulous Creatures from the Desert Sands. Central Asian Woolen Textiles from the Second Century BC to the Second Century AD. — Riggisberg: Abegg-Stiftung, 2001.

Houston Mary G. Ancient Egyptian, Mesopotamian and Persian Costume and Decoration. Second Edition. — Section II. — Ancient Mesopotamian costume. — London: Adam and Charles Black. — P. 106–160.

Leont'ev N. V., Kapel'ko V. F. Steinstelen der Okunev-Kultur. Archaeologie in Eurasien. — Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2002. — Band 13. — 109 S.

Mallory J. P., Mair V. H. The Tarim Mummies. — London: Thames & Hudson, 2000. — 352 p.

Marsadolov L. S., Marsak B. I. Early indial Mirrors and the Problem of the Pre-mauryan Figurative Art // South Asian Archaeology. — Roma, 2000. — Vol. III. — P. 1053–1063.

Merhav Rivka. Urartu Metalworking center in the 1st millennium BCE. — Jerusalem, 1991. — P. 184, 247, 274, 292, 303.

Reeves N., Taylor J. H. Howard Carter: before Tutankhamun / Published for the Trustees of the British Museum by British Museum Press. — London: British Museum Press, 1992. — P. 91.

Richard N. Fourrures et peaux // Keriya, memoires d'un fleuve. Archeologie et civilization des oasis du Taklamakan. — Paris: Fondation EDF, 2001. — P. 198–199.

Roaf Michael. Bildatlas der Weltkulturen Mesopotamien. — Augsburg, 1998.

Sadako Kato. The Research in the History of Clothes in Ancient Central Asia. — Tokyo: Tokyodo Press, 2002a.

Sadako Kato. The Research in the Ancient Clothes in Central Eurasia. — Tokyo: Genryusha Press, 2002b.

Sammet R. Salben, schminken und parfume im altertum // Antike Welt. — Mainz, 1990. — 64 p.

Sampula in Xinjiang of China // Xinjiang people's publishing house. — 2001. — 240 p.

Schorta R. A group of Central Asian woolen textiles in the Abegg-Stiftung Collection // Fabulous creatures from the desert sands. Central Asian Woolen Textiles from the Second Century BC to the Second Century AD. — Riggisberg: Abegg-Stiftung, 2001. — P. 79–115.

The Golden Arts of Silla. — 2001. — P. 172–187.

Tilia Ann Britt. Studies and Restorations at Persepolis and Other of Fars I. — Rome, 1972. — P. 190.

Tilia Ann Britt. Studies and Restorations at Persepolis and Other of Fars II. — Rome, 1978.

Wang B.-H. Excavation and preliminary studies of the ancient Mummies of Xinjiang in China // Human Studies. The Man in Ice. — Wien; New York, 1996. — Vol. 3. — P. 59–69.

Wang Bo, Xiao Xiayon. A General Introduction to the Ancient Tombs at Shampula, Xinjiang, China // Fabulous Creatures from the desert sands. Central Asian Woolen Textiles from the Second Century BC to the Second Century AD. — Riggisberg: Abegg-Stiftung, 2001. — P. 47–79.

Whiting A. C. A report on the Dyes of the Pazyryk Carpet // Oriental Carpet, Textile Studies. — London, 1985. — P. 18–22.

Список сокращений

ВЭО — Вольное экономическое общество (Россия, 1765 г.)

ГИМ — Государственный исторический музей

ГЭ — Государственный Эрмитаж

ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН

ИК (области, диапазон, спектр и пр.) — инфракрасные (области, диапазон, спектр и пр.)

ИК СО РАН — Институт катализа СО РАН

МА ИАЭТ СО РАН — Музей археологии Института археологии и этнографии СО РАН

НИОХ СО РАН — Новосибирский институт органической химии СО РАН

РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд

РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований

УФ (области, диапазон, спектр и пр.) — ультрафиолетовые (области, диапазон, спектр и пр.)

ЦНИТИ — Центральный научно-исследовательский текстильный институт

СИЕТА — Centre internationale pour L'Etude de Textiles anciennes (Lion, France)

ICN — Институт культурного наследия (Нидерланды)

Список иллюстраций

Рис. 1.	«Замерзшая» могила. Ак-Алаха-3, курган 1	7
Рис. 2.	Пазырыкские курганы Укока: Кутургунтас, Ак-Алаха-3, курган 1	9
Рис. 1.1.	Вид на непотревоженную колоду (Ак-Алаха-3)	13
Рис. 1.2.	Алтайцы в тайге. Алтайский государственный краеведческий музей	14
Рис. 1.3.	Группа казахов. Алтай. Озеро Маркаколь (местное название Марка-Куль). Алтайский государственный краеведческий музей	15
Рис. 1.4.	Алтайцы в селе Абай. Алтайский государственный краеведческий музей	16
Рис. 1.5.	Алтайский ткацкий станок в Чуйских белках (1897 г.). На снимке изображен процесс ткачества у алтайских казахов на примитивном узкодорожном ткацком станке. Алтайский государственный краеведческий музей	17
Рис. 1.6.	Свивание аркана из конского волоса алтайцами в Чуйских белках (1897 г.). Алтайский государственный краеведческий музей	18
Рис. 2.1.	Ближайшие предшественники и современники пазырыкцев: а — мидиец; б — персы	23
Рис. 2.2.	Современники пазырыкцев в изображениях на золотой торевтике (Государственный Эрмитаж, Золотая кладовая): а — изображение саков на поясной пряжке, Сибирская коллекция Петра I (№ 1727–161); б — изображение скифа на вазе из Куль-Оба (№ 11)	24
Рис. 2.3.	Фигурка всадника (Восточный Иран). Сибирская коллекция Петра I. Золотая кладовая, Эрмитаж, № 80	26
Рис. 2.4.	Фрагменты войлочного ковра: а — изображение конного воина; б — изображение богини. Пятый Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1687–95	28
Рис. 2.5.	Макросъемка волокон ткани (увеличение 100–200 ед.): а — мешочек, шелк одомашненного шелкопряда; б — блуза из дикого шелка. Курган 1, могильник Ак-Алаха-3. МА ИАЭТ СО РАН	31
Рис. 2.6.	Сопоставление волокон дикого шелка (I) и шелка одомашненного шелкопряда (II). Макросъемка волокон ткани (увеличение 500 ед.). На снимках видно, что волокна домашнего шелка круглые, а волокна дикого — плоские. Курган 1, могильник Ак-Алаха-3. МА ИАЭТ СО РАН	31
Рис. 2.7.	Макросъемка волокон шерстяной ткани (увеличение 100–200 ед.). Хорошо видно, что в составе ткани сочетаются пуховые (круглые) и остевые (цилиндрические) волокна грубой шерсти. Могильник Кутургунтас. МА ИАЭТ СО РАН	36
Рис. 2.8.	Образец шерстяной ткани из могильника Кутургунтас. МА ИАЭТ СО РАН	34
Рис. 2.9.	Шерстяные веревочки из пазырыкских погребений Укока	35
Рис. 2.10.	Микрофотография нитей ткани с примесью верблюжьей шерсти (из этой ткани были изготовлены мужские штаны). Курган 1, могильник Ак-Алаха-1. МА ИАЭТ СО РАН	36
Рис. 2.11.	Микрофотография шерсти верблюда-бактриана из Цюрихского зоопарка. Фото Розмари Хонеккер (Institute of Plant Biology, University of Zurich)	36
Рис. 2.12.	Микрофотография волокон ткани юбки. Курган 1, могильник Ак-Алаха-1. МА ИАЭТ СО РАН	37
Рис. 2.13.	Микрофотография волокон ткани головного убора до реставрации. На всех снимках представлено однородное сырье без примеси верблюжьей шерсти. Курган 1, могильник Ак-Алаха-3. МА ИАЭТ СО РАН	38
Рис. 2.14.	Два образца хлопковой ткани из второго Пазырыкского кургана. Фрагмент рубахи. Эрмитаж, № 1684–257	42
Рис. 2.15.	Реконструкция женского костюма из второго Пазырыкского кургана (выполнена Д. В. Поздняковым)	43

Рис. 2.16.	Рукав женской шубы. Второй Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1684–196	44
Рис. 2.17.	Реконструкция женского костюма из второго Пазырыкского кургана (выполнена Д. В. Поздняковым)	44
Рис. 2.18.	Фрагмент женской шубы. Второй Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1684-196	45
Рис. 2.19.	Фрагмент женской шубы. Второй Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1684-196	46
Рис. 2.20.	Фрагменты шуб из могильника Юстыд-12: а — курган 22; б — курган 25; в — курган 26. Раскопки В. Д. Кубарева	47
Рис. 2.21.	Фрагменты кожаных поясов. Курган 3, могильник Верх-Кальджин-2. МА ИАЭТ СО РАН. Раскопки В. И. Молодина	48
Рис. 2.22.	Фрагменты кожаных поясов пазырыкцев. Второй Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1684-227, 230, 233, 235, 241	49
Рис. 2.23.	Мужская шуба из овчины и меха сурка, вид спереди: а — общий вид; б — реконструкция пазырыка в шубе. Курган 1, могильник Верх-Кальджин-2. МА ИАЭТ СО РАН. Раскопки В. И. Молодина	50
Рис. 2.24.	Фрагмент отделки женской шубы, выполненной из меха черного жеребенка с пришитыми кожаными украшениями. Второй Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1684–206	52
Рис. 2.25.	Золотая фольга — покрытие кожаных аппликаций, украшавших шубу женщины. Курган 1, могильник Ак-Алаха-3. МА ИАЭТ СО РАН	52
Рис. 2.26.	Прорисовка костюма ассирийской царицы (рельеф, слоновая кость). Британский музей	53
Рис. 2.27.	Мужская соболья шуба, украшенная кожаными аппликациями в виде голов оленей: а — общий вид; б — детали аппликаций. Второй Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1684–202	55
Рис. 2.28.	Прорисовка изображений на оленных камнях Монголии, VII–VI вв. до н. э. (по Волкову, 2000)	55
Рис. 2.29.	Изображение согдийца. Персеполь, ападана, северный вход, лестница	56
Рис. 2.30.	Пазырыкская «хвостатая» шуба: а — фрагмент шубы; б — вид спереди; в — вид сзади; г — прорисовка края шубы и расположения меховой опушки. Курган 3, могильник Верх-Кальджин-2. МА ИАЭТ СО РАН	57
Рис. 2.31.	Катандинский «фрак» из меха соболя, крытый шелком: а — общий вид; б — прорисовка фрака. ГИМ	58
Рис. 2.32.	Наряд пазырыкского ребенка: детская шуба из кенотафа (могильник Уландрык-1, курган 2) (реконструкция выполнена Д. В. Поздняковым)	60
Рис. 2.33.	Лучники в «хвостатой» одежде (петроглифы Койбагара, Казахстан)	60
Рис. 2.34.	Катандинский кафтан (кандис) из меха горностая, выкрашенного в красный и зеленый (синий) цвета: а — общий вид; б — прорисовка края. ГИМ	61
Рис. 2.35.	Фрагмент юбки из второго Пазырыкского кургана. Эрмитаж, № 1684-244, 245	62
Рис. 2.36.	Шерстяная юбка: а — общий вид; б — увеличенный фрагмент полотнища юбки; в — прорисовка края с размерами. Курган 1, могильник Ак-Алаха-3. МА ИАЭТ СО РАН	63
Рис. 2.37.	Реконструкция женского костюма из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 (выполнена Д. В. Поздняковым)	64
Рис. 2.38.	Шерстяная юбка. Курган 1, могильник Ак-Алаха 3. МА ИАЭТ СО РАН	65
Рис. 2.39.	Женские украшения и аксессуары: а — войлочная сумочка для зеркала; б — мраморные бусы и кисточка из конского волоса; в — бронзовые подвески-котелки из женского погребения; г — стеклянные и пастовые бусы, бисер. Курган 1, могильник Ак-Алаха-3. МА ИАЭТ СО РАН	66
Рис. 2.40.	Шерстяной плетеный пояс-шнур из погребения женщины: а — общий вид; б — схема шнура: А–Б — 24 см; Б–В — 19,5 см; В–Г — 115 см; Г–Д — 16,5 см; Д–Е — 22 см. Курган 1, могильник Ак-Алаха-3. МА ИАЭТ СО РАН	68
Рис. 2.41.	Хлопчатобумажная рубаша: а — общий вид; б — прорисовка края с размерами. Второй Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1684–194	69

Рис. 2.42.	Шелковая женская рубашка: а — мумия, на которой обнаружена рубашка; б — общий вид рубашки; в — прорисовка с размерами; г — схема кроя рубашки из полотнища ткани (реконструировала Р. Шорта). Курган 1, могильник Ак-Алаха-3. МА ИАЭТ СО РАН	71
Рис. 2.43.	Реконструкция женского головного убора-парика из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 (выполнена Д.В. Поздняковым)	72
Рис. 2.44.	Женские украшения: 1 — деревянные наконечники: а — общий вид; б — прорисовка узора наконечника; 2 — деревянные птички; 3 — золотая серьга; 4 — деревянная фигурка оленя; 5 — гривна с пантерами. Курган 1, могильник Ак-Алаха-3. МА ИАЭТ СО РАН	73
Рис. 2.45.	Вязаные наконечники. Второй Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1684-242, 243	74
Рис. 2.46.	Женский головной убор-парик: а — общий вид; б — схема устройства: 1 — формообразующее вещество; 2 — волосы; 3 — войлок; 4 — шерстяные веревочки; в — прорисовка парика; г — реконструкция (а, б — выполнено Е.В. Шумаковой; в — выполнено Д.В. Поздняковым). Курган 1, могильник Ак-Алаха-3. МА ИАЭТ СО РАН	75
Рис. 2.47.	Женские войлочные колпаки: а — второй Пазырыкский курган (Эрмитаж, № 1684-220); б — курган 1, могильник Ак-Алаха-3 (МА ИАЭТ СО РАН); в — реконструкция войлочного колпака	76
Рис. 2.48.	Изображения на окуневских стелах (по: Leont'ev, Kapel'ko, 2002)	77
Рис. 2.49.	Окуневское изваяние поминальника у улуса Кызлас. Аскизский район (по: Leont'ev, Kapel'ko, 2002)	77
Рис. 2.50.	Женский деревянный головной убор: а — общий вид; б — прорисовка убора; в — прорисовка изображения с поясной пластины (по М.П. Грязнову). Пятый Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1687-77-76	78
Рис. 2.51.	Реконструкция комплекса одежды и снаряжения мужчины из кургана 3 могильника Верх-Кальджин-2. Раскопки В. И. Молодина (выполнена Д.В. Поздняковым)	80
Рис. 2.52.	Войлочный плащ-дождевик: а — вид спереди; б — вид сзади; в — прорисовка кроя с размерами. Третий Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1685—11	81
Рис. 2.53.	Мужские шерстяные штаны пазырыкцев: а — вид спереди; б — вид сзади; в — прорисовка кроя с размерами (выполнена Р. Шорта). Курган 1, могильник Ак-Алаха-1. МА ИАЭТ СО РАН	82
Рис. 2.54.	Мужские шерстяные штаны из кургана 1 могильника Верх-Кальджин-2: а — вид спереди; б, в — прорисовка передней и задней части штанов. МА ИАЭТ СО РАН	83
Рис. 2.55.	Мужские шерстяные штаны из кургана 3 могильника Верх-Кальджин-2: а — общий вид; б — прорисовка штанов; в — фрагменты штопки и заплат. МА ИАЭТ СО РАН	84
Рис. 2.56.	Обязательный атрибут воина-всадника — горит: а — войлочное налучье (курган 3); б — реконструкция горита из кургана 1. Могильник Верх-Кальджин-2. МА ИАЭТ СО РАН	86
Рис. 2.57.	Прорисовка изображения сакского воина на персепольских барельефах	87
Рис. 2.58.	Мужской войлочный шлем и его украшения. Курган 1, могильник Ак-Алаха-1. МА ИАЭТ СО РАН	87
Рис. 2.59.	Пазырыкские головные уборы: а — шапочка с «короной» (третий Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1695-16); б — войлочная шапочка (курган 1, могильник Верх-Кальджин-2. МА ИАЭТ СО РАН); в — прорисовка ахеменидского головного убора (Персеполь, Иран)	88
Рис. 2.60.	Мужские головные уборы: а — войлочный шлем из погребения мужчины в кургане 1 могильника Ак-Алаха-1; б — прорисовка бронзового шлема с наваршем в виде лошади и наподобным украшением в виде головки козла (Китай, эпоха Чжоу, IX в. до н. э.)	90
Рис. 2.61.	Прическа пазырыкского мужчины: а — мумия; б — реконструкция (выполнена Д.В. Поздняковым). Курган 3, могильник Верх-Кальджин-2. МА ИАЭТ СО РАН	91
Рис. 2.62.	Женские кожаные полусапожки из второго Пазырыкского кургана. Эрмитаж, № 1684—221, 222	92
Рис. 2.63.	Мужские войлочные сапоги-чулки: а — общий вид; б — прорисовка кроя; в — отделка кожей. Курган 3, могильник Верх-Кальджин-2. МА ИАЭТ СО РАН. Раскопки В.И. Молодина	93

<i>Рис. 2.64.</i>	Женские войлочные сапоги-чулки. Второй Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1684–221, 222	93
<i>Рис. 2.65.</i>	Мужские войлочные чулки: а — прорисовка кроя; б — общий вид; в — фрагмент. Курган 1, могильник Верх-Кальджин-2. МА ИАЭТ СО РАН. Раскопки В. И. Молодина	94
<i>Рис. 2.66.</i>	Пазырыкская женская обувь: а — войлочные чулки из погребения в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3; б — прорисовка кроя; в, г — детали отделки. МА ИАЭТ СО РАН	95
<i>Рис. 2.67.</i>	Женский кожаный сапог с голенищем из меха леопарда. Второй Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1684–216	96
<i>Рис. 2.68.</i>	Войлочные посочки. Второй Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1684–218, 219, 224	97
<i>Рис. 2.69.</i>	Реконструкция мужского костюма из погребения в кургане 1 могильника Верх-Кальджин-2 (выполнена Д. В. Поздняковым)	100
<i>Рис. 3.1.</i>	Фрагмент конской маски. Первый Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1295-458	106
<i>Рис. 3.2.</i>	Конский награвник с изображением птиц с большим гребнем: а — общий вид; б — рыжий конь № 2 (реконструкция по М. П. Грязнову). Первый Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1295-275	108
<i>Рис. 3.3.</i>	Седельная покрывка из кургана 1 могильника Верх-Кальджин-2. МА ИАЭТ СО РАН	109
<i>Рис. 3.4.</i>	Войлочные покрытия седла: а — из красного войлока (№ 1295-104); б — из желтого войлока (№ 1295-139). Первый Пазырыкский курган. Эрмитаж	110
<i>Рис. 3.5.</i>	Войлочное покрытие седла из красного войлока со сценой нападения орла-грифона на горного козла. Первый Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1295-150	112
<i>Рис. 3.6.</i>	Войлочное покрытие седла: а — из красного войлока со сценой терзания лося орлом-грифоном (первый Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1295-352); б — прорисовка детали аппликации (курган 1, могильник Ак-Алаха-3. МА ИАЭТ СО РАН); в — фрагмент покрывки (второй Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1684-326)	114
<i>Рис. 3.7.</i>	Идущий крылатый тигр (фрагмент кожаной аппликации покрывки седла). Первый Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1295–461	116
<i>Рис. 3.8.</i>	Фрагмент войлочной подвески к покрытию седла. Второй Башадарский курган. Эрмитаж, № 1793–809	116
<i>Рис. 3.9.</i>	Голова волка — войлочная подвеска к покрытию седла. Курган 1, могильник Ак-Алаха-1. МА ИАЭТ СО РАН	117
<i>Рис. 3.10.</i>	Фрагмент войлока красного цвета в виде головы рыбы. Второй Башадарский курган. Эрмитаж, № 1793-823	118
<i>Рис. 3.11.</i>	Войлочная рыба — подвеска к покрытию седла. Курган 1, могильник Ак-Алаха-1. МА ИАЭТ СО РАН	119
<i>Рис. 3.12.</i>	Фрагменты седельной покрывки: а — с грифоном (№ 1684-325); б — фигура лося обращена влево (№ 1684-327); в — та же фигура, обращена вправо. Второй Пазырыкский курган. Эрмитаж	120
<i>Рис. 3.13.</i>	Фрагменты войлочных покрытий с изображениями львиных грифонов: а — покрытие седла коня № 3; б — покрытие седла коня № 2. Курган 1, могильник Ак-Алаха-3. МА ИАЭТ СО РАН	121
<i>Рис. 3.14.</i>	Фрагмент войлочного покрытия седла. Курган 1, могильник Ак-Алаха-3. МА ИАЭТ СО РАН	122
<i>Рис. 3.15.</i>	Головка барана — войлочная подвеска к покрытию седла. Курган 1, могильник Ак-Алаха-5. МА ИАЭТ СО РАН	123
<i>Рис. 3.16.</i>	Реконструкция головы тигра с покрывки седла. Первый Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1295-403	123
<i>Рис. 3.17.</i>	Фрагменты седельных покрывок: а — с геометрическим орнаментом (второй Башадарский курган. Эрмитаж, № 1793-822); б — из разноцветных треугольников (курган 1, могильник Ак-Алаха-1. МА ИАЭТ СО РАН)	124
<i>Рис. 3.18.</i>	Украшения луки седла аппликацией с головой хищной птицы. Второй Башадарский курган. Эрмитаж, № 1793-820	125
<i>Рис. 3.19.</i>	Войлочные медальоны-украшения луки седла: а — вероятно, четвертого коня; б — первого коня; в — с грифоном одного из коней. Курган 1, могильник Ак-Алаха-1. МА ИАЭТ СО РАН	126

<i>Рис. 3.20.</i>	Украшения лук седел: а — аппликация с головами хищных птиц (№ 1793-820); б — аппликация с деревянными резными бляхами в виде головы барана (№ 1793-751). Второй Банадарский курган. Эрмитаж	127
<i>Рис. 3.21.</i>	Чепрак, покрытый шерстяной тканью из пятого Пазырыкского кургана. Эрмитаж, № 1687-100	128
<i>Рис. 3.22.</i>	Войлочный чепрак с «чешуйчатым» орнаментом. Пятый Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1687-99	129
<i>Рис. 3.23.</i>	Войлочный чепрак с узором из экзотических цветов. Пятый Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1687-97	130
<i>Рис. 3.24.</i>	Войлочный чепрак. Пятый Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1687-98	132
<i>Рис. 3.25.</i>	Фрагмент чепрака, покрытого шерстяной тканью. Пятый Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1687-100	134
<i>Рис. 3.26.</i>	Кисть чепрака, покрытого шерстяной тканью. Пятый Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1687-100	136
<i>Рис. 3.27.</i>	Вышитая шелковая ткань, покрывавшая чепрак. Пятый Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1687-101	137
<i>Рис. 4.1.</i>	Орнаментальная полоса. Второй Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1684-260, 261	140
<i>Рис. 4.2.</i>	Полоса войлока из трех фрагментов (а, б, в). Второй Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1684-262, 263, 585	141
<i>Рис. 4.3.</i>	Фрагменты изображений ковра с головками львов (а, б). Первый Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1295-52	144
<i>Рис. 4.4.</i>	Войлочный ковер из пятого Пазырыкского кургана, общий вид. Фото 1950 года. Эрмитаж, № 1687-95	145
<i>Рис. 4.5.</i>	Фрагменты ковра с головками львов (а, б). Первый Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1295-52	147
<i>Рис. 4.6.</i>	Войлочная фигурка лебедя. Пятый Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1687-(259-263)	149
<i>Рис. 4.7.</i>	Фрагмент ковра с изображением сфинкса. Пятый Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1687-1	150
<i>Рис. 4.8.</i>	Фрагменты ковра с изображением сфинкса (а, б). Пятый Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1687-2, 3	152
<i>Рис. 4.9.</i>	Фрагмент войлочного ковра с изображением феникса. Пятый Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1687-95	153
<i>Рис. 4.10.</i>	Фрагмент большого ворсового шерстяного ковра V–IV вв. до н. э. Пятый Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1687-93	157
<i>Рис. 4.11.</i>	Кусок петельчатой уточной ткани с неразрезанными петлями. Второй Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1684-3	159
<i>Рис. 4.12.</i>	Войлочные кольца-подставки под посуду. Могильник Верх-Кальджин-2. МА ИАЭТ СО РАН	160
<i>Рис. 4.13.</i>	Шелковый мешочек. Эрмитаж, № 1685-24	161
<i>Рис. 4.14.</i>	Предмет неизвестного назначения из тонкого белого войлока (демонстрирует сотрудник ГЭ Л.Л. Баркова). Третий Пазырыкский курган. Эрмитаж, № 1685-12	162

Abstract

Recent archaeological discoveries in Gorniy Altai have shed new light on the life and traditions of the Pazyryk culture dating from the fourth and third centuries B.C. In the famous “frozen” tombs were found amazingly preserved human mummies wearing pieces of clothing and buried with their grave gifts and horses. The archaeological artifacts have provided new insights into the clothing, meals, decorations, lifestyle, and appearance of the Pazyrykians. This book covers an entire spectrum of issues related to textiles found in Pazyryk mounds, including reconstruction of male, female, and child costumes, manufacturing and dyeing techniques, historical and ethnographic parallels, and possible production centers.

Ancient textiles must be examined using an array of analytical methods, such as physical, chemical, and historical analyses, to reveal the developmental history of these artifacts. The “frozen” tombs, which were first excavated two thousand years after the burial, preserved things with minimal signs of deterioration in sealed larch log-chambers. Ice served as an excellent preservative for ancient fabrics: it preserved the structure and color of ancient silk, cotton, and, most importantly, wool fibers. In addition to a technological analysis, the Pazyryk textiles were studied using physical and chemical methods for the first time. An integrated study of the Pazyrykian textile was carried out by the author in cooperation with researchers from the Boreskov Institute of Catalysis and the Novosibirsk Institute of Organic Chemistry. The study aimed to identify inorganic components in the Pazyryk textiles as well as natural dyes used to color the pieces of felt and fabrics. In the experiments a small number of ancient samples was used. The investigation resulted in important discoveries related to textile weaving and dyeing.

The first chapter of the book discusses important issues that must be taken into account when studying the ancient clothing of Eurasian nomads. The author refers to ethnographic material that illustrates the meaning of clothing in traditional cultures and ways of using clothes in communities with a lifestyle similar to that of the Pazyrykians. For example, it is known that Asian nomads never washed their clothes; they wiped their hands with the skirts of upper garments or used them as plates for food. Clothes were worn until they were completely unsuitable. In traditional cultures, people mended clothes many times, and even rags were used for as long as possible.

The attitude toward clothing among traditional peoples was based on a belief that the costume was a continuation of an individual, like a second skin, or, sometimes, the costume was a substitute for its owner. Clothing reflected the social and marital status of the wearer as well as his tribal affiliation.

The second chapter describes and analyzes the clothes of Gorniy Altai inhabitants from the fourth to the second century B.C. The author presents original reconstructions of female and male costumes discovered in the Great Pazyryk tombs (Second Pazyryk Barrow) and the Ukok mounds (Ak-Alakha 3, barrow 1, Ak-Alakha 5, barrow 1, Verkh-Kaldzhin 2, mounds 1 and 3 and others). Special attention is given to the main elements of the female costume, including woolen skirts, silk and cotton shirts, woolen belts, felt stockings, fur coats, wigs, headdresses, decorations, and tattoos. The male costume, consisting of woolen trousers, boot-stockings, felt helmets, and felt gorits (a sheath for a bow), was typical of the costume of Eurasian mounted warriors. The author emphasizes the important role of woven fabrics in the Pazyryk culture, which indicates that it was formed in a different geographic and cultural environment far from the Altai. Analogues to the Pazyryk costume are found in the Achaemenid artistic tradition, which incorporated features of many cultures. Pazyryk male garments are similar to those of the Saka, Parthian, Khivian (Khorezmian), Bactrian, and Sogdian envoys depicted on Persepolis bas-reliefs. Throughout the Eurasian steppes during the Scythian–Sarmatian period, the male warrior costumes were much alike. This striking similarity can be explained by the convenience of wearing this type of costume, which was designed to protect from a harsh climate and to meet the needs of nomads. There is a well-known event in the history of Central Asia, when the Chinese wanted to fight with the Xiongnu during the Wuling Wang reign: they replaced their loose upper garments with the “barbarian” trousers of mounted warriors. This is probably one of the most illustrative examples in history of how a fashion or, more precisely, a piece of costume overcame ethnic and cultural barriers.

The Pazyryk female costume more distinctly reflected cultural and confessional differences. It has no exact analogues known from depictions on ancient pieces of art. Nevertheless, some pieces of female clothing are identical to those found at the Xinjiang sites of Subashi, Shampula, Cherchen, Kariya

and others. The cut and style of long woolen skirts made of several wide bands of various colors, woven braids used to belt the skirts, white and red woolen and cotton shirts with long sleeves and round necks trimmed with red laces, and long felt stockings are analogous to those found in the mounds of the Pazyryk culture. Despite the similarity of separate pieces of clothing, the cattle-breeders of Xinjiang oases and the population of Gorniy Altai (Pazyrykians) had different upper garments (fur coats), hairstyles, decorations, and tattoos. This testifies to the common origin of woven clothes of the Xinjiang and Gorniy Altai communities, and makes a tie with Iranian peoples, who were related to the Saka world. Anthropologically, the inhabitants of Gorniy Altai and Xinjiang in the Early Iron Age were Caucasoid. The author also analyzes analogous clothes of ethnic minorities living in southeastern China.

The third and fourth chapters discuss felt accessories and carpets found in the “frozen” Pazyryk tombs. Results of technological and physical-chemical analyses of Pazyryk textiles from the Ukok sites are given in the appendix.

An important result of the study was identification of dyes in ancient fabrics from the Pazyryk tombs. The goal was to identify the composition of ancient colorants, reconstruct the dyestuff sources and processes, and determine the place of manufacturing. The dyes were identified using molecular spectroscopy and high-performance liquid chromatography. The substances identified include dibromoindigo, monobromoindigo, indigo, alizarin, purpurin, and carmine and kermes acids. These dyes were produced mainly from animal or plant sources,

including *Murex* and related mollusks (dibromoindigo), coccids, madder root (alizarin and purpurin), and indigo, which are not found anywhere in the Gorniy Altai or the environs. The most probable natural habitat for the sources of the colorants identified in the Pazyryk textiles is the eastern Mediterranean region. Note that one of the identified coccids (*Kermes vermilio*) can be found only on several species of oak near the Mediterranean and the *Murex* mollusk can be also found only in the Mediterranean region.

The textiles preserved in Pazyryk mounds were dyed and obviously manufactured at workshops far away from the Altai, at famous weaving and dyeing centers around the Mediterranean. The conclusion describes in detail the procedure for dyeing specific Pazyryk artifacts. It is determined that the dominating color in Pazyryk fabrics was red (79 %) and the most rare color was blue (5 %). Purple produced from Mediterranean mollusks was the most expensive, complex, and sacral of all the dyes used in antiquity. Although true purple was found in 3 % of Pazyryk fabrics, the purple color was sometimes imitated (13 %) using a combination of other dyes (red and blue) to produce a color similar to purple.

The determination of dyes and colorants brought the author to another important conclusion: none of the plant or mineral dyes readily available in the Gorniy Altai and environs were used to dye the textiles found in the Pazyryk mounds. This also indicates that the origin of these fabrics was outside of the Altai.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава 1. НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО ТЕКСТИЛЯ	11
Глава 2. КОСТЮМ ПАЗЫРЫКЦЕВ: РЕАЛИИ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ	21
<i>Ткани</i>	30
Шелк	30
Шерсть	32
Хлопок	42
<i>Женский костюм</i>	43
Шубы	43
Юбки	62
Пояса	68
Рубахи	69
Головные уборы пазырыкских женщин	72
<i>Мужской костюм</i>	80
Войлочная куртка-дождевик, штаны	80
Воинская атрибутика и татуировка	86
Головные уборы пазырыкских мужчин	87
<i>Обувь: войлочные сапоги-чулки</i>	92
<i>Происхождение костюма</i>	98
Глава 3. ПРЕДМЕТЫ КОНСКОГО УБРАНСТВА	105
<i>Конские маски, нагивники</i>	106
<i>Седельные покрывки</i>	109
Седельные покрывки со сценами борьбы животных	110
Седельные покрывки с изображением одиночной фигуры животного	116
Седельные покрывки с изображением головы зверя	123
Седельные покрывки с геометрическим орнаментом	124
<i>Украшения луки седла</i>	125
<i>Чепраки</i>	128
Глава 4. БЫТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ И КОВРЫ	139
<i>Узорные войлоки с растительным орнаментом</i>	140
<i>Войлочные ковры</i>	143
<i>Ворсовое ковроткачество</i>	154
<i>Бытовые предметы</i>	160
<i>Предметы, связанные с верованиями</i>	162
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	165

ПРИЛОЖЕНИЕ	176
<i>Приложение 1. Технологическая характеристика пазырыкского текстиля</i>	
с плато Укок	177
<i>Особенности технологии изготовления пазырыкского текстиля</i> <i>(попытка сравнительного анализа имеющихся материалов)</i>	187
Пряжа тканых изделий	188
Структура археологического текстиля	188
Ткацкие ошибки	191
Литература	193
<i>Приложение 2. Исследование красных и синних красителей</i>	
в образцах древнего текстиля	194
<i>Результаты хроматографического исследования красителей</i> <i>текстильных изделий пазырыкской культуры</i>	195
Литература	197
<i>Приложение 3. Неорганические компоненты в составе археологического текстиля</i>	
из «замерзших» могил Горного Алтая (IV—III вв. до н. э.)	198
<i>Методы определения химического состава древнего текстиля</i>	198
Элементный анализ	198
Фазовый (минеральный) анализ	198
<i>Химический состав древнего текстиля</i>	199
Элементный состав	199
Фазовый (минеральный) состав	199
Специфические компоненты	200
Состав порошкообразных «пигментов»	200
Тривиальные загрязнители	201
Литература	201
<i>Приложение 4. История изучения красильных растений в России</i>	202
Литература	205
<i>Приложение 5. «Живые» красители пазырыкского текстиля</i>	206
Красная окраска	206
Синяя окраска	207
Пурпурная окраска	207
Способ обработки красильного сырья	209
Литература	211
БИБЛИОГРАФИЯ	212
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	222
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	223
ABSTRACT	228

УДК 904 (571.15)
ББК 63.4 (2 Рос. Алт)
П525

Полосьмак Н. В., Баркова Л. Л.

П525 Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV—III вв. до н.э.). — Новосибирск: ИНФОЛНЮ, 2005. — 232 с.: ил.

ISBN 5-89590-051-8

В монографии рассматриваются костюм и текстиль (ткани и войлоки) из «замерзших» погребений пазырыкской культуры Горного Алтая (IV—III вв. до н.э.), хранящиеся в Институте археологии и этнографии СО РАН и Государственном Эрмитаже. Реальные предметы одежды, конского убранства, мягкая утварь, а также мумии людей, сохранившиеся благодаря уникальному стечению обстоятельств, позволили полностью реконструировать костюм населения, проживавшего более двух тысяч лет назад в горах Алтая. Прослеживается история костюма пазырыкцев, его дальнейшая судьба после исчезновения с исторической арены пазырыкской культуры — небольшого фрагмента огромного мира сакских культур Средней и Центральной Азии. Современные физико-химические методы анализа, проведенные в Институте катализа СО РАН и Новосибирском институте органической химии СО РАН, позволили определить неорганические компоненты в составе текстиля, а также красящие вещества.

Книга иллюстрирована цветными photographиями археологических находок, реконструкциями костюмов, выполненными на основе реального материала, обнаруженного в погребениях.

Монография представляет интерес для археологов, этнографов, искусствоведов, историков, а также всех интересующихся древней историей, искусством и историей костюма.

**УДК 904 (571.15)
ББК 63.4 (2 Рос. Алт)**

Научное издание

Директор *Л. М. Панфилова*
Редакторы *А. Г. Киселева, А. М. Панфилов, А. Е. Талалов*
Оформление *Р. Г. Камшия, С. М. Уфимцевой*
Художник *Д. В. Поздняков*
Корректор *Н. В. Свобода*
Аннотация на английском языке *И. В. Филипповой*

*Фото образцов из коллекций Государственного Эрмитажа В. С. Теребенина,
из археологического музея Института археологии и этнографии СО РАН
А. И. Соловьева, В. П. Мыльников.*
*Фото на титульном развороте Л. Л. Барковой выполнено В. С. Теребениным,
Н. В. Полосьмак — Charles O'Rear*

Подписано в печать 10.02.05. Формат 60х90 1/8
Печать офсетная. Бумага мелованная. Гарнитура Петербург
Усл. печ. л. 29. Уч.-изд. л. 23,7. Тираж 2 000 экз. Заказ № 14809

Издательство «ИНФОЛНЮ»
630090, Новосибирск, проспект Академика Коптюга, 4
Тел./факс: (3832) 33-26-98, 35-63-61
zakaz@info-press.ru, lidia@info-press.ru
http://www.info-press.ru
Отпечатано и переплетено в типографии ООО ИД «Вояж»
Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

ISBN 5-89590-051-8

9 785895 900512

Вруки археологов обычно попадают только «нетленные вещи». Огромная часть древней материальной культуры исчезает бесследно. Среди потерянного — то, что когда-то было «второй кожей» человека — его одежда. И когда находят чудом сохранившиеся костюмы, это становится настоящим открытием. Так случилось в «замерзших» могилах Горного Алтая, принадлежавших древней пазырыкской культуре. В них были обнаружены мумифицированные тела, облаченные в одеяния далекой скифской эпохи...

